

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ
XI—XV ВВ.

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1940

Издание Ленинградского Государственного Университета.

Отв. редактор *Н. Г. Редько.*

Техн. редактор *А. Н. Коварский.*

Корректор *В. И. Осипов.*

Сдано в набор 17/VII 1939 г. Подписано к печати 7/I 1940 г. Леноблгорлит № 391.
Тираж 2.000 экз. Печ. л. 11³/₄. Авт. л. 15,3. Уч.-авт. л. 15,7. Кол. печ. зн. в 1 печ. л.
56540. Формат бумаги 70×105 Камского бумкомбината. Заказ № 1168.

2-я тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печ. Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

*Студенчеству Исторического Факультета
Ленинградского Государственного Университета
посвящаю свой труд.
Автор*

17 июня 1939 г.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. В кратком курсе «Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» мы читаем (стр. 116): «Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов».

Нет никакого сомнения в том, что наши летописцы сводили историю именно к действиям князей и совершенно не касались истории трудящихся масс, истории народов. Ввиду этого наши летописи, как исторический источник, представляют собою для современного историка памятник, казалось бы, бедный содержанием, весьма узкий и однообразный. О чем повествуют летописцы? Военные столкновения князей между собою, походы на соседние народы, постройка городов (крепостей) и церквей, семейные дела князя, поставления и смерти высших церковников и т. п. Мало того, представляя собою придворное изложение «событий» того или иного феодального центра, летописи повествуют об этих «событиях» в придворных тонах, так что за их изложением можно иногда уловить лишь борьбу между собою феодальных центров или придворных партий того или другого центра, и только самые первые летописные своды Киева XI в. дают нам возможность глубже заглянуть чрез них в социальную жизнь, поскольку эти летописные своды отражали точку зрения управляемых, а не правителей.

Однако, ни эта бедность и однообразие содержания летописных текстов, ни их придворный характер и угодливое изложение своему князю — не препятствуют нашим летописям быть, правда, не основным источником, каким они, наряду с официальными актами, считались в дворянской историографии XVIII и половины XIX в., но все же источником необходимым и драгоценным для некоторых периодов нашего прошлого хотя бы потому, что только в этом источнике мы черпаем для этих периодов факты и последовательность событий.

Если в дворянской историографии XVIII — половины XIX вв. мы видим некоторые попытки изучения летописей, то попытки эти не представляют собою систематического и всестороннего изучения, поскольку данный источник, с одной стороны, предлагал этим историкам тот самый материал, который был им нужен (государя как делателя истории), а, с другой стороны, казался, как «сочиненный современными писателями тех времен», «великой вероятности достойным». Буржуазная историография второй половины XIX в., отводя летописям как источнику лишь второстепенное место, в существе продолжает ценить в них «великую вероятность», мало озабочиваясь войти в углубленное изучение этого сложного источника. И если в работах над летописными текстами А. А. Шахматова современное научное изучение летописей видит важные, пригодные и прочные результаты, то нельзя забывать того, что А. А. Шахматов подошел к изучению летописей не как историк, а как историк литературы к историко-литературному явлению, ставя при этом свою задачей только восстановление текста «Повести временных лет», как памятника литературы.

Новая разработка нашей древней истории, начавшаяся в трудах советских историков, опирается, как известно, на тщательное и глубокое изучение источников и, желая избежать ошибок прежней историографии в отношении летописей, ищет овладеть летописями в той же манере и в той же мере, как и другими историческими источниками, т. е. изучить их и использовать всесторонне.

Действительно, если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно, т. е. в его московской политической трактовке, чрез которую прошло огромное количество дошедших до нас летописных текстов.

Например, в Воскресенской летописи мы читаем под 6840 (1332) г. о том, что Иван Калита, вернувшись из Орды, «возврже гнев на Новгород, прося у них сребра Закаменское, и в том взя Грьжек и Бежецкии Врѣх». Никоновская дает то же чтение с некоторым только подновлением в языке (вместо «возврже» — «возложи» и др.). Московский великокняжеский летописец начала XV в., сохранный нам весьма полно в числе других источников Сименовскою летописью, ничего не сообщает об этом факте. Значит, известие это попало в общерусское летописание XV и XVI вв. из новгородского летописца. Открыв древнейший из сохранившихся до нас текстов новгородского летописания (так называемый Синодальный список Новгородской I, первой половины XIV в.), мы действительно там находим это известие в том чтении, которое приводит Воскресенская, но только после названий Торжка и Бежецкого Верха по выскобленному месту приписано «за новгородскую измену». Конечно, перед нами след московской обработки известия, потому что в Новгороде так записать не могли. Что же было записано в Новгороде и выскоблено московскою рукою? К счастью, в т. наз. Новгородской I младшей редакции уцелела первоначальная новгородская запись, в которой вместо слов о новгородской измене читаем «черес крестное целование». Итак, новгородское летописание обвиняло Ивана Калиту в нарушении присяги, данной Новгороду. Запальчивая московская рука, выскоблив это обвинение, перенесла обвинение на новгородцев. Митрополичье общерусское летописание начала XV в., желавшее избегать в своем изложении таких резких столкновений интересов и перекогов сильных тогда феодальных центров между собою, опустило слова о крестном преступлении Калиты, что усвоило и последующее московское летописание.

Наши летописи не были литературными произведениями в узком смысле этого слова, а политическими документами. Та правящая верхушка, которая в том или ином феодальном центре налаживала у себя дело летописания, в изложении событий, заносимых на страницы своего летописца, озабочивалась, конечно, не правдивостью передачи, а созданием такого повествования, которое в данном случае было бы выгоднее всего для этой местной политической власти. Иногда мы, к сожалению, не имеем данных, чтобы вскрыть за этим придворным изложением подлинную обстановку события, но часто эти данные можно найти в сопоставлении рассказов об одной и том же событии в летописях разных феодальных центров. Так, например, до открытия для научного изучения т. наз. Рогожского летописца мы в Никонов-

ской летописи под 6855 (1347) г. читали, после известия о третьем браке Семена московского, весьма загадочную фразу следующего содержания: «Того же лета пресвященный Феогност, митрополит киевский и всея Руси, посоветова нечто духовне с сыном своим великим князем Семеном Ивановичем, и тако послаша в Царьград к патриарху о благословении». Фраза эта не стала понятнее с тех пор, как мы стали располагать т. наз. Симеоновскую летописью, где, как уже сказано выше, весьма полно сохранился до нас Московский великокняжеский летописец начала XV в., так как в нем под тем же 6855 (1347) г., после известия о третьем браке Семена и следующего за тем известия о победе немцев над Литвою, читалось: «Того-же лета князь великий Семен и Феогност митрополит послаша в Царьгород о благословении». Рогожский летописец драгоценен тем, что в нем уцелели куски Тверского великокняжеского свода, не подвергшиеся московской редакции. Вот, что там рассказано о загадочном факте посольства в Царьград из Москвы: «А женился князь великий Семен утаився митрополита Феогноста. Митрополит же не благослови его и церкви затвори, но она посылали в Царьгород благословения просить». Перед нами эпизод аналогичный и хорошо известный из истории борьбы церкви с королевскою властью на Западе, когда церковь, избрав подобного рода факт личной жизни государя, давала открытый бой, втягивая в него вассалов и подданных против короля. Московская летописная традиция всегда затушевывала подобного рода события, что приводило некоторых исследователей к убеждению о яко бы неизменно-дружной работе церковной и княжеской власти в пору возвышения Московского княжества.

Сопоставлениями первоначальной летописной записи с последующею ее обработкою, как и сопоставлениями изложения летописца одного феодального центра с изложением о том же летописца другого феодального центра, конечно, не исчерпывается для историков возможность углубления наших знаний о прошлом. Изучение летописания одного и того же феодального центра в его последовательных редакциях не в меньшей мере может обогащать запас наших наблюдений и данных, поскольку редакторская работа над летописными текстами диктовалась соображениями не литературными, а политическими. Например, в Радзивиловском списке, который в основе является Владимирским сводом 1212 г., находим против Лаврентьевской, которая сохранила нам Владимирский же свод, но более ранней редакции, опущение некоторых записей: под 1193 г. опущено поучение по случаю пожара во Владимире; под 1194 г. опущены два известия о ремонте церквей во Владимире и Суздале, произведенном епископом Иваном, причем последнее из этих известий сопровождается рядом комплиментов этому Ивану. Владимирский свод 1212 г. составлялся после смерти Всеволода, передавшего великое княжение Владимирское второму своему сыну Юрию, тогда как старший сын Константин получил Ростов. Весь Ростово-Суздальский край в церковном отношении представлял тогда единую епископию, глава которой находился в Ростове. В завязавшейся борьбе Константина с Юрием ростовский епископ Иван занял враждебную Юрию позицию, и в 1214 г. «володимерци с князем своим Гюрьем изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяше». Отражая недовольство князя Юрия и владимирцев, сводчик 1212 г., очевидно, и опустил из текста предыдущего летописного свода те два известия под 1194 г., в которых восхвалялась строительная деятельность и личность Ивана. Отсюда весьма вероятно, что пропуск поучения под 1193 г. означает, что поучение это было сказано тем же Иваном.

Ведение летописных записей в том или другом феодальном центре в известные моменты осложнялось редакторскою работою, которая под-

вергала пересмотру накопленный материал и весьма часто вливала в него записи других местных летописцев.

Эти моменты летописной работы должны вызывать у историков особо-пристальное внимание, так как редакторская работа в этих случаях дает важный материал для суждения о политических планах и мечтаниях составителей и этим вводит нас в политическую жизнь тех периодов, от которых иногда у нас сохранилось весьма мало данных, чтобы понять существо этой политической жизни иным путем. Почему же составлялись в известные моменты и в известных центрах летописные своды?

Степь с ее беспокойным, многочисленным и воинственным населением, при географической незащищенности наших южных границ, на протяжении первых веков нашей истории всегда вызывала напряженное к себе внимание и непрерывные траты людей и средств. Когда, скинув хазарскую руку, молодое Киевское государство пытается через степь выйти на Черноморское побережье, а затем установить прямые сношения с Византией, последняя ищет союза с печенегами, чтобы чрез них держать в нужных для безопасности Византии границах новое «варварское» государство. Однако, покорение Византией Болгарии выводит северную границу Византии в ту же степь, что в корне меняет политический расклад и соотношения сил, а проникновение в степь половцев заставляет теперь и Киевское государство и Византию искать взаимного военного союза против этого грозного и могучего врага. Союз этот был оформлен в 1037 г., как союз христиан против «поганых», причем Киевское государство становится одною из митрополий Византийской империи, которая, при полной подчиненности в ней церкви власти императора, чрез своего постоянного агента, присылаемого из Греции, — киевского митрополита, — следит теперь за политическою жизнью Киевского государства, вмешивается в эту жизнь, направляя по возможности ее в нужном для Византии плане. Право непосредственных сношений с императором Византии имел киевский князь, в городе которого проживал митрополит, что при распаде Киевского государства и упадке Киева скоро вызывает желание сильнейших князей перенести митрополию в свой город или получить отдельную от Киева митрополию. Более слабые князья, озабоченные упрочением своей феодальной независимости, стремятся добиться устройства у себя отдельной епископии, требуя раздела первоначально весьма обширных русских епископий. Весь круг этих вопросов разрешался, конечно, в Константинополе, куда киевский митрополит отправлял соответствующие донесения и материалы. Византия, сохраняя традицию Римской империи, в своих международных отношениях всегда руководилась подробным изучением возникавших перед нею вопросов, и мы, например, в некоторых намеках послания патриарха Фотия, написанного в связи с нападением Руси на Царьград в 860 г., видим уже хорошее знакомство византийского правительства с этим новым тогда политическим образованием на далеком от Константинополя северо-востоке Европы и его политическими планами. Сочинение Константина Богрянородного «Об управлении Империей» с большою ясностью раскрывает нам эту тщательность изучения византийской дипломатией Киевского государства, как одного из партнеров Византии в международных отношениях, и можно думать, что в главе о русских делах Константин излагает донесение чиновника, ездившего в Киев и изучавшего военные силы и способ их оплаты киевским князем. Знание русских дел было так велико, что император может назвать в своем сочинении днепровские пороги и по-скандинавски, и по-славянски. Теперь, после водворения в Киеве постоянного греческого агента, подобного рода сведения и материалы шли, конечно, через него, и не будет поэтому произвольно думать, что при возникновении того или иного вопроса в области церковного переустройства

митрополит требовал от князя, подымавшего вопрос, исторических обоснований его претензий для доклада в Царьгород. Несмотря на упорное игнорирование византийской историографии русско-византийских отношений, все-же можно доказать, что в Константинополь действительно поступали такие исторические материалы о событиях в Киевском государстве. Так, у Никиты Хониата, византийского придворного историографа начала XIII в., писавшего «Историю со времени царствования Ивана Комнина» в пределах I книги и 4 глав II книги еще в самом Царьграде, а окончание этого труда уже в Никее при дворе первого никейского императора Федора Ласкариса, т. е. после 1206 г., мы находим в связи с рассказом о половецких разореньях коренных византийских областей упоминание о степных походах Романа Галицкого, «остановивших набеги коман¹ и (временно) прекративших те ужасные бедствия, которые терпели от них римляне».² Если бы мы предположили, что известие о походах Романа взято Н. Хониатом не из письменного источника, а получено им путем устной традиции, хотя в описании первого похода («напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее») звучит чрез византийскую обработку повествовательная манера русских летописей, то такое предположение совершенно отпадает, когда мы читаем, как продолжение рассказа о походах Романа, следующие прямо к делу неудачные строки: «Сверх того загорелись тогда распри между самими этими тавроскифами;³ именно, этот же самый Роман и правитель Киева Рюрик обогрибли мечи в крови своих единоплеменников. Из них Роман, как более крепкий силою и более славный искусством, одержал победу, причем также истребил множество коман, которые помогали в борьбе Рюрику, составляя сильнейшую и могущественнейшую часть его войска».⁴ Никита Хониат писал эту часть своей работы после 1206 г. и, если бы имел устный источник, конечно не оборвал бы здесь рассказа о русских делах на 1204 г., а сообщил бы о смерти Романа в 1205 г.

С начала XIV в. мы наблюдаем заботливое ведение летописцев великими князьями владимирскими. Изучение летописных текстов указывает нам, что смерть великого князя вызывает составление новой редакции великокняжеского летописца на материалах, заготовленных при жизни князя. Это наблюдение подкрепляется прямым указанием одного из московских великокняжеских летописателей, который под 1392 г., в великое княжение Василия Дмитриевича, обращаясь к читателю, восклицает по поводу розмирья Василия с новгородцами: «Кого от князь не прогневаша (новгородцы) или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?... и аще хочещи распытовати, раздри книгу Летописец великий русьский и прочти от великого Ярослава и до сего князя нынешняго». Значит, во время Василия Дмитриевича «Летописец великий русьский» заканчивался описанием смерти его отца, Дмитрия Донского.

Заботливость великих князей о ведении записей своего княжения и составление новых редакций «Летописца великого русского» после смерти каждого великого князя совпадают по времени с тою борьбою

¹ Так Н. Хониат называет половцев.

² Греки Византии называли себя римлянами.

³ Византийская историография под этим названием разумела русских.

⁴ Никиты Хониата «История» (Византийские историки), СПб., 1862, т. II, стр. 246. Обращаю внимание, что Роман называется Н. Хониатом галицким князем («igenon»), а Рюрик только правителем Киева («diepon»), что соответствует нашим летописным данным: «Русь» была в обладании галицкого князя, а в Киеве правил Рюрик. Отмечу одну типично-византийскую черту в сообщении Н. Хониата о том, что «народ русский и стоящие во главе его князья» помогли византийцам в их страданиях от половецких нападений. Перевод «hoi tupon arhikos proedreuontes» через: «стоящие во главе его князья», конечно, не точен. Правильнее будет: «народ русский и те, кто им правит начально» (т. е. на первой ступени), т. к., конечно, на высшей ступени этим народом правит император.

за великое княжение и за великокняжеский титул, которая разгорелась особенно сильно и длительно тянулась в XIV в. Это дает право предполагать, что летописание теперь служит историческим доказательством при спорах князей перед ханом о великом княжении и что летописцы сопутствуют князьям в их поездках в Орду. Такое предположение находит себе подтверждение в прямом указании летописей. Под 1432 г. в Симеоновской летописи можно прочитать подробное изложение хода борьбы за великое княжение в Орде между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем, причем: «царь же повеле своим князем судити князеи русских и многа пря бысть межи их; князь великий по отечеству и по дедству искаше стола своего, князь же Юрьи летописци старыми списками и духовною отца своего великого князя Дмитрия». Значит, в Орду не только возили наши летописные тексты, но и выбирали разные редакции этих текстов, конечно, старыми редакциями («старыми списками») опорочивая работу редакторов современных.

То обстоятельство, что летописные своды вывозятся, как исторические справки, во внешние распорядительные центры, где текст их подвергается страстным спорам и толкованиям, — налагало на летописное изложение этого времени печать точности в передаче старых текстов, полагало предел редакторским искажениям. Дело резко меняется с момента отпадения этой прикладной стороны летописания. Гибель Византии и свержение татарского ига резко сказываются на летописных текстах той поры, так как Москва начинает переработку летописных материалов в духе торжествующего московского единодержавия, предназначая уже теперь это чтение для политического воспитания подданных. Переработка эта, любопытная для характеристики политических взглядов и вкусов своего времени, но гибельная для точности передачи старых летописных текстов, захватывает не только московское великокняжеское летописание, но и летописание всех других феодальных центров. Нет никакого сомнения, что при поглощении Москвою того или иного княжества в числе прочих унижительных подробностей этого поглощения, как срытие крепостей, увоз в Москву исторических и культовых ценностей, было пресечение местного летописания, как признака самостоятельной политической жизни, и уничтожение официальных экземпляров этого летописания. Только так можно себе объяснить, что, несмотря на значительное число летописных центров древности, одна Москва теперь предстает пред нами в своем официальном летописании, а все прочие местные летописцы сохранились до нас или в составе московских сводов или в частных списках, причем только в исключительных случаях не прошедших московской обработки.

§ 2. Мы не имеем в виду излагать вопрос об изучении наших летописей в дворянской и буржуазной историографии. Библиографический обзор этого вопроса читатель найдет в капитальном труде академика В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (т. II, книги 1-я и 2-я). Неопубликованную, к сожалению, остается работа А. Е. Преснякова, посвященная подробно изложению специально этой темы. Надо надеяться, что профессор С. Н. Валк продолжит свою статью «Исторический источник в русской историографии XVIII в.», где дано впервые марксистское освещение этого вопроса,¹ охватив время XIX и начала XX вв.

В настоящем введении мы должны остановиться лишь на некоторых моментах этого минувшего изучения русских летописей, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения.

Нет ничего удивительного в том, что все историки XVIII — начала XX вв., работавшие над построением схемы русской истории, всегда

¹ С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII в. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 33—55.

останавливались на вопросе о том, когда зародилось на Руси летописание, и кто был первый наш летописец, — поскольку русская летопись для первых веков нашей истории считалась тогда едва ли не единственным источником. Над разрешением этого вопроса эти историки трудились без серьезных попыток выяснения и установления древнейшего летописного текста из огромного числа летописных сводов разных веков (от середины XIV до XVIII вв.), хотя академик Петербургской Академии Наук Ав. Шлецер, еще во второй половине XVIII в., указал на необходимость такого изучения летописного текста, предваряющего пользование летописями и их изучение как исторического источника. Представитель немецкой буржуазной науки, соединявший в своем лице историка и филолога, Шлецер оказался среди дворянской русской исторической науки XVIII в. явлением заносным и временным. Ознакомившись с русскими летописями и справедливо оценив их, как редкий и драгоценный исторический источник, какого в подобном виде, т. е. на национальном языке и простирающемся от глубокой древности до середины XVI в., не имеет ни один европейский народ, наконец, усматривая в начальных страницах нашего летописания драгоценный источник также и для истории Византии и Восточной Европы, Шлецер решил дать русским историкам образец должного научного изучения летописных текстов. Шлецер в изложении русских летописей заинтересовали, конечно, первые века нашей истории или, как он называл, «Нестор», т. е. предполагаемый труд первого нашего летописателя. Замечая, что «Нестор» разных летописных сводов представляет далеко не одинаковое изложение, Шлецер все расхождения текстов «Нестора» с большою неосмотрительностью отнес к ошибкам невежественных переписчиков. Поставив себе задачу восстановления подлинного текста «Нестора», «очищенного» от искажений переписки, Шлецер собрал около 13 летописных сводов и приступил к работе. Если теперь мы только с улыбкою читаем все самоуверенные и напыщенные рассуждения Шлецера, на основе которых с величайшим произволом он «очищал» первоначальный текст, то для того времени многим были неясны ошибки метода Шлецера и подавлял его европейский авторитет. Когда Шлецер начал печатание своего «Нестора», ученый аббат Добровский первый указал на произвольность восстановления Шлецером якобы несторовского текста, заключающуюся в том, что Шлецер не выяснил предварительно взаимоотношения тех трех редакций «Нестора», которые находились в привлеченных им к изучению текстах. А, конечно, только определив древнейшую из этих редакций, можно было, положив ее в основу, искать в ее разночтениях первоначальный текст.

Неудача работы Шлецера именно в ее филологической части, не без удовлетворения встреченная дворянскими русскими историками, не вызвав среди последних каких-либо серьезных попыток иначе разрешить этот вопрос, вновь как бы возродила традиционное изучение летописей в полном отрыве от установления текста. Так, «вопрос о Несторе», поставленный в науке еще до Шлецера, теперь продолжался разработкою в до-шлецеровской трактовке, а вопрос об изучении летописных текстов, как филологическая основа для правильного разрешения этого «вопроса о Несторе», как бы совсем оказывался забытым. Круг участников обсуждения этого «Несторова вопроса» за последующее время заметно вырастает. К историкам присоединяются историки русской письменности, и число последних со второй половины XIX в. настолько вырастает среди изучающих «Несторов вопрос», что можно смело сказать о превращении «Несторова вопроса» из исторического в историко-литературный.

Конечно, в этой все растущей литературе мы можем теперь найти целый ряд верных и ценных наблюдений, можем указать на весьма важные и прочные результаты по отдельным темам (например, о визан-

тийских источниках «Повести временных лет»), но нельзя здесь найти исканий метода установления первоначального текста «Повести временных лет» из множества списков и разночтений, из всех этих «полных», «кратких» и «сокращенных» Несторов или редакций. До сих пор, однако, не утратила своего значения работа И. И. Срезневского «Чтения о древне-русских летописях»,¹ во многом по-новому, правильно, но бегло, поставившая было целый ряд вопросов. Не без пользы может быть теперь прочитана работа К. Н. Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868 г.), имевшая когда-то весьма большой успех, но по существу не поставившая дела на плодотворный и правильный путь. Авторитетом этой работы двигалось во второй половине XIX в. изучение летописей, понимаемое как разложение текста на погодные записи и отдельные сказания, всегда произвольное и совершенно бесплодное.

Работы А. А. Шахматова, обогатившие науку правильным методом в деле изучения летописных текстов, вышли из обычного тогда уже в науке и вечно-нового «вопроса о Несторе», и если значение этих работ переросло «вопрос о Несторе» и дало возможность говорить об истории нашего летописания на всем его протяжении, то это был результат правильно-указанного метода и широко-поставленного изучения для не очень широкой, в существе, темы. Шахматов исходил из положения о правильности шлецеровской попытки установления текста «Нестора или «Повести временных лет» прежде изучения этого текста, как литературного или исторического памятника, и поставил себе ту же научную задачу, какую ставил когда-то Шлецер, т. е. задачу восстановления первоначального текста «Повести временных лет». Но к задаче восстановления первоначального текста «Повести временных лет» Шахматов приступил, правильно определяя все летописные тексты, в которых читается «Повесть временных лет», как своды, т. е. соединение нескольких летописных текстов. «Повесть вр. лет» сохранилась в этих разных летописных сводах, как начало, и необходимо было определить сначала в каждом отдельном случае, из каких летописных текстов сложился изучаемый свод, чтобы в них определить их тексты «Повести временных лет», давшие в изучаемом своде комбинированный текст «Повести». Такая задача при наличии огромного летописного материала, совершенно не тронутого в смысле разложения его на переплетающиеся летописные своды, требовала многолетнего труда и большой настойчивости. Шахматов, начав анализ случаев в науке летописных сводов, составлял в каждом отдельном случае небольшое исследование, где сначала давал анализ изучаемого свода, а затем — изучение текста «Повести временных лет» в данном своде. Затем Шахматов стал расширять круг вовлеченных в научный оборот летописных сводов, привлекая из рукописных собраний новые, до него неизвестные своды, только в редких и особенно ярких случаях публикуя о том отдельные статьи («Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.»; «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод» «О так наз. Ростовской летописи»). Так составилась большой труд, не предназначавшийся для печати, а служивший исследователю подготовительным фондом. Только в 1938 г. этот труд был напечатан под заглавием: «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (в издат. Акад. Наук СССР). На основе этого изучения Шахматов дал два больших труда по русскому летописанию, имевших обобщающий характер и служивших той же подготовкой автора к выполнению его основной задачи восстановления первоначального текста «Повести временных лет»: «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.» (в Ж. М. Н. П. за 1900 г. № 9 и 11 и за 1901 г. № 11) и «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»

¹ Приложение ко II т. «Записок Акад. Наук», 1862, стр. 1—48.

(1908 г.). Только в 1916 г., т. е. через 26 лет после решения Шахматова восстановить текст «Повести временных лет», появилась в свет его работа под названием: «Повесть временных лет, т. I: Вводная часть. Текст. Примечания». Смерть А. А. Шахматова (в 1920 г.) не дала возможности автору подготовить к печати II т. «Повести» (Источники «Повести»), который будет скоро опубликован в «Трудах Института древне-русской литературы» в том виде, какой он имел к моменту смерти автора.

Вовлекая в изучение все сохранившиеся летописные тексты, определяя в них сплетение в большинстве случаев прямо до нас не сохранившихся летописных сводов, А. А. Шахматову приходилось прибегать, так сказать, к методу больших скобок, какими пользуются при решении сложного алгебраического выражения, чтобы потом, позднее, приступить к раскрытию этих скобок, т. е. к уточнению анализа текста. Этот прием вносил некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко-читаемым текстом. Несомненно, что дальнейшее изучение внесет в добытые Шахматовым результаты немало поправок и уточнений, подобных тем, которые вносил сам исследователь, но это дальнейшее изучение непременно будет исходить из того метода изучения летописных текстов, который указал Шахматов.

Гипотеза имеет ценность в связи с тем, захватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов. Одною из самых поучительных сторон работ А. А. Шахматова в области летописания является именно вовлечение в изучение всех имеющихся летописных списков и построение гипотез, захватывающих в своем объяснении весь этот материал. Сверх того все построения А. А. Шахматова исходят из текста и изучения его истории, порывая со старою манерою в «Несторовом вопросе», где царило более или менее остроумное толкование какого-то неустановленного никем текста. Само собою, в критике построений А. А. Шахматова следует исходить из того же объема материала и от такого же изучения текста и его истории, т. к. иначе мы вернемся к тем позициям, которые даже в XVIII в. на взгляд Шлецера были пережитыми.¹

§ 3. Русское летописание дошло до нас в более чем двустах летописных текстах XIV—XVIII вв., хранящихся теперь в разных рукописных собраниях. Тексты эти подвергались ученым описаниям, систематизировались, изучались, частью издавались. На основе этого материала и его изучения (хотя далеко не всестороннего) в настоящее время мы делаем попытку изложения истории русского летописания, начавшегося с середины XI в.

В этом опыте истории русского летописания мы ограничиваемся рамками XI—XV вв., так как московские своды XVI в. своею переработкою древних текстов ставят несколько иные темы перед исследователем и требуют специального изложения.

Понимая под историей русского летописания изложение последовательных этапов в развитии основного ствола этого летописания — так называемые великокняжеские и митрополичьи своды, автор прежде всего дает читателю круг источников для восстановления того или иного летописного свода, чтобы по этим данным можно было легко найти первоначальную запись известия той или иной поры и проследить дальнейшую судьбу этой записи. Сверх того, желая вывести наши летописные своды из круга памятников литературы в круг памятников исто-

¹ Это относится в равной мере к тем двум работам, которые появились после смерти А. А. Шахматова: В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. Л. 1924, и Н. К. Никольский. «Повесть временных лет», как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л. 1930.

рических, автор пытается дать, когда это возможно, уже намеченным трудами А. А. Шахматова этапам нашего летописания их исторический облик, т. е. исторически объяснить происхождение этих памятников летописания, вскрыть политическую обстановку времени их появления, указать назначение их и преследуемую ими цель.

В предлагаемой работе внимательный читатель найдет немало попыток автора внести в спределенные А. А. Шахматовым этапы нашего летописания некоторые уточнения и поправки, что находится в связи главным образом с результатами, полученными автором в деле восстановления текста Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей в московские пожары 1812 г., с которой в таком восстановленном виде Шахматов не имел дела.¹

В последующем изложении мы будем постоянно и достаточно подробно говорить об издании наших летописей в известной коллекции под названием «Полное собрание русских летописей». Начатая в 30-х годах XIX в. б. Археографическою комиссиею коллекция эта за долгое время своего развертывания претерпевала разные изменения и в настоящее время требует решительного переустройства и в своем плане, и в своем типе. Думается, что те названия летописных сводов, которые усвоила им эта коллекция и которые без всякой пользы только запутывают исследователей (как, например, название летописного свода конца XIII в., представляющего собою Киевский великокняжеский свод 1200 г. и галицко-волынскую летопись от 1205 года до конца XIII в., Ипатьевскою летописью, по случайному обстоятельству находки первого списка этого текста в Костромском Ипатьевском монастыре, и др.) — также подлежат перемене, но предпринятой, конечно, не единоличным почином исследователя, а издательским коллективом авторитетного ученого учреждения.

Терминология в деле изучения летописания не может быть названа выработанною и общепризнанною. Можно различать разные типы летописной работы: летописные записи, ведущиеся за известный отрезок времени, чаще всего как приписки к известному законченному моменту летописной работы; летописцы, т. е. памятники местного летописания (княжеского или епископского), не соединявшие своих материалов с другими летописцами и сводами; наконец, летописные своды, в которых мы встречаем сплетение как летописных же сводов, так и местных летописцев и летописных записей и приписок.

От XI до конца XV вв., как уже говорилось, ни один летописный свод в своем подлинном виде не сохранился. Все они дошли до нас только в списках, а чаще в составе того или иного позднейшего свода, как его часть. Первый список южно-русского свода конца XIII в., как мы только что указали, назвали Ипатьевскою летописью. Теперь, когда мы имеем несколько списков этого текста, мы говорим об Ипатьевской летописи, как протографе этих списков, в числе которых имеется Ипатьевский список. Так теперь приходится различать и Радзивилловский список от Радзивилловской летописи. Но поскольку к тексту, переписанному в 1377 г. Лаврентием, мы не имеем никакого другого списка, мы продолжаем называть этот текст Лаврентьевскою летописью.

Изучение списков в их взаимном отношении далеко еще не закончено. Но и при современном изучении оказалось, что в «Полном Собрании Русских летописей» весьма часто при издании того или иного свода за списки (т. е. копии) были сочтены разные своды, т. е. разные моменты летописной обработки в основе близких текстов. Так, например, Синодальный список Новгородской I летописи, конечно, представляет собою более древний летописный свод, чем остальные списки

¹ Работа автора «Троицкая летопись начала XV в., сгоревшая в 1812 г.» находится в Ленингр. Отделении Института Истории Академии Наук СССР с 1938 г.

этой летописи. Или списки Карамзина и Оболенского Софийской I оказываются списками более раннего этапа этого летописного свода, чем все другие списки. В таких случаях принято говорить о редакциях этих летописей, хотя правильнее было бы, конечно, говорить о разных летописных сводах. Так, Синодальный список Новгородской I мы называем старшей редакцией Новгородской I, а списки Карамзина и Оболенского — редакцией К. О.

ГЛАВА I

НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

(Первые киевские своды и «Повесть временных лет»)

§ 1. ТРИ РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Летописи Лаврентьевская и Радзивилловская (в ее двух списках: Радзивилловском и Московском академическом) в своем начале имеют «Повесть временных лет», доведенную до 1110 г. с явно оборванным известием о появлении в Киеве огненного столба, после чего сразу же читается запись игумена Михайловского Выдубицкого монастыря (в Киеве) Сильвестра о том, что он в 1116 г. «написах книги си Летописець» во время княжения в Киеве Владимира Мономаха. Под 852 г. в тех же летописях приведен расчет годов русской истории, причем автор обещает довести изложение «Повести вр. лет» до 1113 г.: «тем же от смерти Святослава до смерти Ярославли лет 85, а от смерти Ярослава до смерти Святополчи лет 60».

Из сопоставления этих данных можно вывести два положения: 1) что в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях «Повесть вр. лет» представлена не в первоначальной редакции, которая должна была доходить до 1113 г. и под этим годом, конечно, сообщать известие о смерти Святополка, и 2) что Сильвестр, вероятно, был только редактором первоначальной редакции, и к руке его нужно отнести исключение из текста первоначальной редакции изложения 1111, 1112, 1113 годов.

Ряд наблюдений, о которых скажем ниже, как и древняя (XIII в.) литературная традиция — ведут нас к представлению о том, что автор этого произведения, т. е. первоначальной, недошедшей до нас, редакции «Повести вр. лет», был монах Киево-печерского монастыря Нестор. Значит, труд Нестора, который он закончил 1113 годом, был проредактирован начальником другого киевского монастыря в 1116 г. и только в этой редакции до нас сохранился. Вопрос о восстановлении первоначальной, Несторовой, редакции 1113 г., как и вопрос о степени и приемах переработки ее Сильвестром в 1116 г. — будут предметом нашего дальнейшего внимания. Сейчас же мы укажем, что Ипатьевская летопись (в ее двух основных списках: Ипатьевском и Хлебниковском) ведет нас к заключению, при сравнении ее текста «Повести вр. лет» с текстом «Повести вр. лет» Сильвестровской редакции, что, кроме редакции Сильвестра, в Киеве же, в 1118 г. была составлена еще другая редакция, которая значительно переработала редакцию Сильвестра и, кажется, располагала при этом первоначальной редакцией Нестора 1113 г.

В самом деле, в Ипатьевской летописи изложение 1110 года не знает того неоконченного известия об огненном столбе в Киеве, какое мы находим в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях; напротив, это известие в Ипатьевской летописи доведено до конца; во-вторых, в Ипатьевской летописи после 1110 г. идет изложение, по своему характеру и пространности вполне примыкающее к изложению до 1110 г., и только с 1118 г. начинается ряд кратких записей, дающих повод думать о том, что изложением 1117 г. окончился известный этап летописной работы в Киеве.

К этому можно привести и то наблюдение, что редактор этой новой редакции «Повести вр. лет» сам указал на 1118 г., как год своей работы. Дело в том, что в числе других отличий этой редакции 1118 г. от редакции Сильвестра 1116 г. нужно указать на пополнение первоначального текста «Повести вр. лет» сообщениями ладожских рассказов и преданий. Так, под 1114 г. летописатель к известию о закладке каменной стены в Ладоге сделал интересную приписку о каменном дожде, выпадающем близ Ладоги, и о северных странах, лежащих за Югрою и Самоядью. Приписку эту автор сделал в первом лице («пришедъшо ми в Ладогу, поведаша ми ладожане») и сослался в конце, как на «послухов», на Павла ладожского и всех ладожан. Под 1096 г. тот же летописатель сделал еще приписку о северных странах, где живет Югра и Самоядь, о загадочном народе, заключенном там в горах и ведущем с Югрою меновую торговлю, указав, что все это ему рассказал, со слов своего «отрока», Гюрята Рогович. В рассказе 1114 г. летописатель приводит ссылку из Хронографа, а в рассказе 1096 г. — из «Откровения Мефодия Патарского». Наконец, этот же летописатель в известном рассказе «Повести вр. лет» о призвании Рюрика с братьями внес поправку о том, что Рюрик сначала сел княжить в Ладоге и только после смерти братьев пересел в новый город — Новгород.

В рассказе под 1096 г. о заклепанном в горах народе летописатель обронил указание, что сведения об этом народе он получил от Гюряты Роговича за четыре года пред этим («преже сих четырех лет»). Если мы вспомним, что в Ладоге летописатель был в 1114 г., то этот год будет за четыремя годами от 1118 г., когда записал он рассказ в летопись.

Итак, когда в Киеве был составлен Нестором летописный свод под заглавием «Повесть временных лет», доводивший свое изложение до смерти киевского князя Святополка (1113 г.), то свод этот подвергся переработке Сильвестра в 1116 г., которая имела успех и заслонила от нас первоначальную, Несторову редакцию. Затем через два года в Киеве же появилась новая редакция «Повести вр. лет», продолженная до 1118 г.

§ 2. НАЛИЧИЕ НЕСКОЛЬКИХ СЛОЕВ В «ПОВЕСТИ ВР. ЛЕТ»

Произведения нашей древней письменности, с точки зрения текста, могут быть изучаемы и разлагаемы на свои источники благодаря особому приему литературной работы тех веков, когда автор, используя труд предшественника по теме, не устранял в своих заимствованиях ни личного элемента, внесенного этим предшественником в свой труд, ни явных противоречий, иногда получавшихся при таком заимствовании. Это же мы видим и в приемах нашего древнего летописания.

Так, под 1044 г. во всех, конечно, редакциях «Повести вр. лет» читалось сообщение, что в этом году были выкопаны из могил останки («кости») Ярополка и Олега Святославичей и «положены» в киевской церкви Богородицы, причем это известие оказывалось несогласованным с известием под 977 г., в котором, после описания гибели Олега Святославовича, было сказано, что этого князя похоронили у города Вручего и «есть могила его и до сего дне у Вручего».

Из этой несогласованности известий 1044 и 977 гг. мы имеем полное основание заключить, что тот летописатель, который излагал предание о смерти Олега Святославовича, работал до 1044 г., т. е. не знал еще того, что останки Олега были выкопаны. Итак, на основании этого наблюдения мы в тексте «Повести вр. лет» устанавливаем два слоя: первый был составлен до 1044 г., а второй после этого года. Разумеется такое деление на слои весьма грубо, но как ориентировочное оно пока для нас достаточно.

Под тем же 1044 г. летописатель, сообщая о вступлении на стол Полоцкого княжества Всеслава Брючиславича, пустился в объяснение

той черты этого нового полоцкого князя, которую назвал «немилостивостью на кровопролитие». Оказывается кровожадность Всеслава происходит оттого, что он на себе носит, по указанию волхвов, «язвено», с которым на голове родился. И носить «язвено» волхвы советовали до самой смерти («до живота своего»), почему Всеслав носит его до сего дне на себе». А под 1101 г. в той же «Повести вр. лет» читаем: «Преставися Всеслав, полоцкий князь, месяца априля в 14 день, в 9 час дне, в среду».

Значит, тот летописатель, который в сообщении 1044 г. еще не знал о смерти Всеслава, писал до 1101 г., и таким образом в «Повести вр. лет» мы обнаруживаем еще новый слой, третий. Если первый автор работал до 1044 г., то второй от 1044 до 1101 г., а третий от 1101 г. до конца.

К этому присоединим ряд наблюдений над текстом «Повести вр. лет», построенных на другом основании. Под 1106 г. летописатель отмечает смерть 90-летнего старца Яна, восхваляя его, как весьма добродетельного человека, и при этом сообщает, что от этого старика «и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах». Отсюда следует, что многими рассказами Яна («многа словеса») летописатель воспользовался для своего летописания, передавая их точно в своем изложении («от него же слышах»), причем эта манера внесения в повествование рассказов Яна была и у предшественников нашего летописателя, т. к. летописатель говорит: «от него же и аз многа словеса слышах». Разумеется, научной пытливости заявление летописателя под 1106 г. открывает любопытную задачу указать в материале «Повести вр. лет» этот источник, т. е. записи тех или иных событий со слов Яна. Мы сейчас не можем войти во все подробности такого исследования, а остановимся на тех местах «Повести вр. лет», где или упомянуто имя Яна, или излагается его рассказ с прямою на него ссылкой. Тема эта, кроме задачи изучения истории нашего раннейшего летописания, весьма драгоценна еще и потому, что дает нам биографию дружинника XI—XII вв. и тем вносит в скудный материал наших знаний о княжеской дружине Киевского государства весьма конкретные и яркие данные.

Ян был сыном в свое время знаменитого дружинника времени Ярослава Мудрого Вышаты, который в 1043 г. участвовал в последнем походе на Царьград и вместе с частью войск попал в греческий плен, в котором пробыл три года. Можно думать, что он был ослеплен греками вместе с другими участниками похода. Отмечу, как ошибку, попытку истолковать этого Вышату как сына Остромира, воеводы Новгородского, упомянутого в «Повести» под 1064 г., едва ли известного в Киеве. Вышата, отец Яна, был сверстником Остромира. Ян родился в 1016 г. и ему было уже 27 лет, когда состоялся поход на Царьград. В этом походе Ян не участвовал. Ранние годы его жизни и службы в составе княжеской дружины нам неизвестны. Под 1071 г. летописатель впервые приводит рассказ Яна о том, как он усмирал восстание волхвов в Белозерье. Туда Ян прибыл с юга со своею небольшою дружиною (12 отроков и поп) для сбора «полюдьа» от князя Святослава. Определить точно год этого факта трудно, т. к. летописатель, приводя под 1071 годом ряд известий о волхвах, дает умышленно неопределенные указания на время, подчеркивая тем, что эти известия не относятся прямо к этому году: так, для первого известия он употребил выражение «В си же времена», а для второго (рассказ Яна) еще более расплывчатое: «Однажды» («единою»). Вероятнее всего, впрочем, думать, что эта поездка Яна относится ко времени после 1067 г., когда трое Ярославичей, заманив и арестовав семью полоцких князей, поделили свои владения в связи с захватом в свое обладание Полоцкого княжества. Старый текст этого рассказа Яна, сохраненный нам Лаврентьев-

скою летописью, не оставляет сомнения, что в этом Белозерском крае, где только что установилась власть Святослава Ярославича, Ян получил от князя зимний прокорм для себя и своей дружины и сбор «полюдьа», почему Ян называет жителей Белозерья на языке Киева своими смердами и смердами его князя [«выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя»], но волхвы, как известно, не признавали себя смердами Яна и требовали над собою суда князя. В это время Ян был 50-летний дружинник, мало известный в Киеве, т. к. служил у черниговского князя. В Киев он попал, как надо думать, вместе с Святославом черниговским, когда последний, изгнав вместе со Всеволодом Изяслава, овладел Киевом. После смерти Святослава в Киеве Ян удерживается здесь и, после короткого княжения Изяслава, оказывается при Всеволоде киевским дружинником самых первых рангов: в 1089 г., как мы точно знаем, он занимает пост киевского тысяцкого («воеводство Киевския тысяща»). Этого зенита дружиннической службы Ян достиг к 70 годам жизни. Смерть Всеволода была концом служебной карьеры Яна, хотя еще и в последние годы жизни Всеволода, видимо, положение Яна пошатнулось. Указание летописи (несомненно со слов Яна), что Всеволод стал «любити смысл уных» дружинников и отодвигать «первых» (т. е. прежних), которые могли на это только негодовать, надо сопоставить с дальнейшим известием летописи (со слов того же Яна), что основным принципом построения киевской дружины нового князя Киева Святополка, севшего на стол после смерти Всеволода, был тот же набор и приближение юных и отстранение дружинников старых. Такое единомыслие в дружинном вопросе двух князей, представителей двух враждебных ветвей княжеского дома, представителей двух сменяющих друг друга поколений, нельзя, конечно, отнести к личному капризу их, как казалось это Яну, а проистекало из того, что условия жизни круто менялись и новые условия требовали новых исполнителей. Легко догадаться, сопоставляя этот факт с «Правдою» Ярославичей, что князья «Русской земли» переходили от сборов полюдьа и даней к феодальной эксплуатации, что, конечно, существенно меняло весь строй жизни и князей и дружинников, из которых «первые» не умели и не могли приспособиться к условиям новой жизни, упрекая князей в том, что они «вирами и продажами» разоряют население, забывая о былых покорениях чужих земель, как лучшим средстве содержания и себя, и дружины. Ян, как и все старики, срывал свой гнев на «юных» дружинниках тем, что в рассказе о заседаниях боярской думы Святополка (1093 г.) делил дружину (как смягчая выражения Яна записал летописец) на «смысленных» (т. е. стариков) и «несмысленных» (т. е. новых дружинников), но жизнь пошла своими путями, и Ян уходит в тень забвенья. В это время ему было под 80 лет, но он еще прожил до 1106 г. Смерть его прошла бы незамеченной, если бы не запись летописца, отметившего смерть его, как одного из своих сотрудников по летописанию. И тот факт, что летописатель напоминал о нем читателю только как о безобидном старике и участнике исторической работы, показывает, насколько ушла жизнь вперед и насколько забылась вся прежняя служба и деятельность Яна. Умер он в Киеве, видимо, по старому оставаясь только городским жителем, последним представителем времени «вассалитета без ленных отношений или ленов, составлявшихся из даней».

Легко заметить, читая изложение «Повести вр. лет», что летописатели, трудившиеся в разное время над составлением ее текста, в упоминаниях тех или других лиц из княжеской дружины прибегали к пояснениям их для читателей указанием на занимаемые этими лицами должности: «кормилец и воевода» Ярослава Буды (1018 г.); «конюх Святополчь» Сновида; «овчюх Святополчь» торчин Беренди (1097 г.); «воевода» Святополка Путята (1097 г.) и т. п. Но иногда таких пояснений нет,

что означает громкую известность данного лица в Киеве во время составления записи. Так, тот же Путята называется без указания на должность под 1100, 1104 гг., очевидно, как лицо слишком хорошо известное в Киеве. Так, в рассказе о мести Ольги за смерть мужа (945 г.), желая пояснить своим читателям, где был в то время «князь двор», летописатель указывает, что на этом месте «ныне» двор Воротислава и Чудина, а крепость того времени была там, где «ныне двор Гордятин и Никифоров», не поясняя этих лиц, так как «дворы» их были хорошо известны каждому киевлянину. Тем любопытнее тогда для нас те случаи, когда упоминаемое лицо, как малоизвестное, поясняется родством с лицом всем известным. Например, два раза упоминая дружинника Изяслава Туки (под 1068 и 1078 гг.), летописатель оба раза определяет его для читателя как брата «Чудина».

Принимая это в соображение, мы не удивимся, что Яна тот летописатель, который с его слов записал об усмирении им волхвов в Белозерье под 1071 г., рекомендовал читателю как «сына Вышати». Ян, как мы знаем, был не киевский, а черниговский дружинник, появившийся в Киеве только в 1073 г., где очевидно еще хорошо помнили отца Яна — воеводу Вышату. Также естественно, что тот летописатель, который вел записи за время воеводства в Киеве Яна, называл его без всяких пояснений (1091 г.), как и в первое время его заката (1093 г.). К моменту смерти Яна в 1106 г. его имя и прежняя роль были, как оказывается, столь прочно забыты, что тот летописатель, который отметил его смерть, счел нужным пояснить читателю, почему он упоминает об этой смерти: Ян был до известной степени участником летописания.

Если теперь мы прикинем полученный результат наших наблюдений к тем трем слоям «Повести вр. лет», которые мы определили выше, то у нас получится некоторое разногласие с предыдущим. Тот летописатель, который под 1071 г. назвал Яна сыном Вышаты, не знал о последующей известности Яна в Киеве в конце 80-х и начале 90-х годов, когда можно было назвать Яна без всяких пояснений. А последний летописатель, который записал о смерти Яна, работал в такое время, когда имя Яна было забыто. Отсюда непременно выходит, что в составе «Повести вр. лет» не три слоя, как мы сначала установили: до 1044 г.; от 1044 до 1101 г. и от 1101 г. до конца, а четыре: до 1044 г.; от 1044 г. до 80-х годов; от 80-х годов до 1101 г. и, наконец, от 1101 г. до конца.

Но тут сейчас же у нас возникает недоумение. Под 1043 г. в рассказе о последнем походе на Константинополь, летописатель назвал Вышату, воеводу Ярославова времени, определив его как отца Яна. Как это могло получиться? Ведь второй летописатель, работавший после 1044 г. до 80-х годов назвал Яна, как сына Вышаты, т. е. в это время хорошо помнили Вышату, а Яна знали еще мало. Как же могла получиться обратная запись, т. е. определение Вышаты как отца Яна, в первом пласте «Повести вр. лет»? Внимательное рассмотрение рассказа о последнем походе Руси на Царьград не оставляет сомнения в том, что первоначально здесь не было упоминания Вышаты и всего эпизода с уходившими посуху домой войсками. Рассказ сообщал лишь о морском походе и его почетной неудаче. Значит, весь эпизод с выброшенными на берег войсками и их последующим ослеплением вставлен одним из последующих летописателей. Указание этого последующего на Вышату как отца Яна, означает, что во время составления приписки в Киеве уже не знали имени Вышаты, но хорошо знали имя Яна, т. е. ведет нас к тому летописцу, который писал в 80-х и 90-х годах XI в., т. к. для летописца, работавшего до этих годов, как мы помним, Вышата был еще памятным лицом и им в рассказе о волхвах в Белозерье был определен тогда только что поселившийся в Киеве Ян.

§ 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЕКСТОВ ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ «ПОВЕСТЬЮ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Определение четырех слоев в составе «Повести вр. лет», естественно, ведет к вопросу: возможно ли восстановить облик и текст этих предшествующих «Повести» трех слоев как летописных памятников? С именем А. А. Шахматова связана попытка дать ответ на поставленный выше вопрос, причем ответ этот дался А. А. Шахматову не сразу, что отразилось в названиях, усвоенных им для восстановленных летописных текстов XI в.

В Новгородской I летописи младшей редакции, при сравнении ее с текстом «Повести вр. лет», находим вначале до 1016 г. и потом в пределах 1053—1074 гг. текст летописи более древней, чем «Повесть», но близкий к последней. Изучение младшей редакции Новгородской I, которое дано будет ниже, заставляет думать, что в числе источников, составивших в середине XV в. этот летописный свод, был использован Новгородский свод 1418 г., в котором и было впервые дано то слияние «Повести вр. лет» с более древнею летописью, которое теперь мы находим в младшей редакции Новгородской I. Конечно, Новгородский свод 1418 г. не мог повлиять на составление «Повести вр. лет», памятника начала XII в. Но и «Повесть вр. лет» не могла повлиять на составление начального изложения Новгородского свода 1418 г., потому что там мы не находим ни одной выписки из Амартола, ни одного договора Руси с греками, а так систематически сокращать текст «Повести», конечно, не смог бы ни один редактор древности. Заметим, например, что согласно повествованию Новгородской I летописи младшей редакции после Рюрика вступил на престол Игорь, сын его, у которого был воеводою Олег. В «Повести вр. лет», как известно, Игорь, после смерти Рюрика, оказывается малолетним и за него правит князь Олег. Что Олег был самостоятельный князь, а не воевода Игоря, составителю «Повести» стало ясно из договора 911 г., заключенного Олегом с греками. Следовательно, включая договоры с греками в состав своего труда, автор «Повести» вынужден был перестроить изложение своего предшественника. Если бы мы теперь предположили, что повествование Новгородской I младшей редакции здесь является только сокращением «Повести», то нам было бы совершенно непонятно, почему при сокращении этом Олег получил титул воеводы и был разжалован от княжеского титула и самостоятельного княжения в Киеве.

Итак, ни Новгородская I младшей редакции не могла получить своего изложения из «Повести вр. лет» путем сокращения, ни «Повесть», памятник начала XII в. — из Новгородской I, памятника XV в. Следовательно, и тот и другой тексты восходят к общему источнику, который А. А. Шахматов назвал Начальным Сводом.

Имея от этого Начального свода два куска: начало до 1016 г. и изложение 1053—1074 гг., надо поставить перед собою вопрос, где же этот Начальный свод кончался. Он предшествовал «Повести» и был автором «Повести» использован, следовательно определение его окончания должно совпасть с началом самостоятельной работы автора «Повести». А. А. Шахматов в определении окончания исходил из того любопытного предисловия, которым открывался «Начальный свод». В этом предисловии автор противопоставляет древних русских князей и их дружину современности: те князья и дружинники не были алчны, не измышляли разных способов чрез судебные штрафы разорять население и самим обогащаться, а думали только об обороне Русской земли и содержали свою дружину за счет завоеваний, как и дружина думала только о славе князя и Русской земли. И эти князья и дружинники «росплодили были землю Русскую». Вот за ненасытность современных князей и их дружинников бог и навел теперь на нас поганых, которые уже угнали скот наш, разорили села наши и имущество. Очевидно, что

автор писал свое предисловие под свежим впечатлением большого половецкого разорения. Это дает нам право сопоставить это предисловие с описанием в «Повести» половецкого разорения 1093 г. и полагать, что этим описанием кончался Начальный свод.

Что «Повесть вр. лет», как и Начальный свод 1093 г. и предшествующий Начальному своду летописный текст, о котором скажем ниже, все были составлены в Печерском монастыре в Киеве, — в этом не может быть ни малейшего сомнения: настолько часто все три автора говорят по всякому поводу об этом монастыре и настолько ни с чем не пропорционально-пространно о нем говорят. Сопоставляя поэтому с Начальным сводом рассказ Печерского Патерика (XIII в.) о резком осуждении только-что вступившего на киевский стол Святополка игуменом Печерского монастыря Иваном за корыстолюбие и насилие, мы в праве сделать предположение, что автором Начального свода 1093 г. был этот игумен Иван.

Итак, в основе «Повести вр. лет» Нестором был положен Начальный свод 1093 г. игумена Ивана, а, следовательно, часть «Повести» от 1093 г. до 1113 г. была самостоятельной работой Нестора.

Восстанавливая Начальный свод 1093 г. из обработки его Нестором, мы для изложения 1016—1052 гг. и 1074—1093 гг. можем это делать только путем приложения тех общих соображений о приемах этой обработки, которые мы получаем из изучения этих приемов в части до 1016 г. и между 1052—1074 гг., где перед нами и подлинный текст Начального свода (в Новгородской I младшей редакции) и подлинный текст «Повести вр. лет».

Углубляясь в изучение Начального свода 1093 г., нельзя не обратить внимания на весьма искусственное построение изложения в нем хода событий, приведших к крещению Владимира в конце X в. Под 986 г. сообщалось о приходе к Владимиру представителей разных вер, предлагавших князю принять их веру. Все представители эти говорят весьма краткие речи, и всем им Владимир также кратко указывает на причину, по которой он не может принять их веры. Затем выступает с речью греческий «философ», который говорит пространнейшую речь и в конце показывает Владимиру картину «страшного суда». Владимир говорит, что ему бы хотелось быть на этом суде с праведниками. Философ обещает это Владимиру, если он крестится. Если прикинуть соотношение речи «философа» с речами предыдущих по изложению представителей вер, то на всех этих представителей отведено (по печатному изданию) неполных две страницы текста, а на речь «философа» — 16 страниц. И этот объем речи «философа» и заключительный разговор с ним Владимира вызывает у читателя ожидания того, что Владимир на это предложение представителя греческой веры — ответит согласием. Но, к удивлению, Владимир не отвечает «философу» ни согласием, ни отказом, а оттягивает ответ, хотя в сердце своем уже и решил вопрос: «Володимир же положи на сердце своем, рек: пожду еще мало, хотя испытати о всех верах». И под следующим 987 г. в Начальном своде изложено это испытание вер. Избранные Владимиром мужи объезжают соответствующие страны и, вернувшись, заявляют, что греческий культ лучший из всех («есть служба их паче всех стран»). Мы не будем останавливаться над нелепостью этого рассказа, в котором основная тема повествования 986 г. (об истинности вер) подменена вопросом о том, чей культ лучше всех, а обратимся к его заключительной части. Казалось бы, если речь философа уже убедила Владимира, то доклад мужей о том, что греческий культ — лучший из всех, должен окончательно убедить Владимира, т. е. ожидаем в заключении рассказа описания крещения, но на деле Владимир лишь задает боярам вопрос о том, где же принять крещение. На этот странный вопрос бояре отвечают туманно: «где ти любо». Затем под 988 г. идет известный рассказ, как Владимир

взял Корсунь и потребовал у греков сестру императоров в жены. Так как согласие императоров было дано под условием окрещения Владимира, то он это и сделал.

Невольно возникает предположение, что в этих повествованиях Начального свода под 986, 987 и 988 гг. мы имеем дело с весьма искусственным построением, вызванным желанием крещение Владимира связать с походом на Корсунь и оттянуть это событие от действительного года его совершения — 986 г. — к году Корсунского похода — 988 г. А. А. Шахматов, предприняв для выяснения этого вопроса изучение всех «житий» Владимира, установил внелетописное существование рассказа о крещении Владимира в Корсунь, послужившего материалом для автора Начального свода. Он назвал этот внелетописный рассказ Корсунской легендой и сделал опыт его реконструкции, опираясь в основе на т. наз. «Житиѣ Владимира особого состава» (в Плигинском сборнике). Отсюда можно смело думать, что в том летописном тексте, который предшествовал Начальному своду, крещение Владимира было изложено после речи философа, а поход на Корсунь был описан под 988 г. как поход Владимира — христианина.

Именно такая конструкция этого древнего летописного памятника для указанных годов подтвердилась тем кратким извлечением из него, которое указал А. А. Шахматов в «Памяти и похвале князю рускому Володимеру, како крестися Володимер и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Ияковом мнихом». Памятник этот, сложный по составу, имеет в себе летописные заметки, входившие в состав древнего вида этого памятника, которые, как и сам памятник, умалчивают о крещении Владимира в Корсунь, т. е. еще не знают Корсунской легенды.

Если все летописные заметки «Памяти и похвалы» мниха Иакова мы расположим в хронологическом порядке, то получим краткое изложение из очевидно более обширного летописного повествования. Приведем эти заметки полностью: «И седе [Володимер] на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря. А Святослава кнѣзя Печенези убиша. А Яропѣлк сѣдаше Кыеве на месте отца своего Святослава. И Ольгу идущю с вой у Вѣруча града, мост ся обломи с вой, и удавиша Ольга в гребли. А Яропѣлка убиша Кыеве мужие Володимерови. И седе Кыеве кнѣзь Володимер в осмое лето по сѣмрти отца своего Святослава, месца июня в 11, в лето 6486. Крѣсти же ся кнѣзь Володимер в 10-е лето по убиении брата своего Яропѣлка. И каяшеся и плакашеся блаженный кнѣзь Володимер вьсего того, елико сѣтвори в поганьстве, не зная бога. По святем же крещении пожи блаженный кнѣзь Володимер 28 лет. На другое лето по крещении к порогом ходи. На третие Кѣрсунь город възя. На четвѣртое лето Переяславль заложил. В девятое лето десятину блаженный христоробивый кнѣзь Володимер вѣда цѣркѣви святей богородици и от имения своего. О томь бо и сам господь рече: идеже есть сѣкровище ваше, ту и сѣрдце ваше будеть. И усѣпе с миромь месца июля в 15 днь, в лето 6523 о христе Иисусе, госпode нашемь».

Несомненно то, что эта летопись, давшая приведенные заметки, существенно отличалась от Начального свода. Она сообщала факты, которых нет в Начальном сводѣ (ср. поход Владимира на второе лето после крещения к порогам) или которые были в последнем изложены иначе (поход на Корсунь указан без связи с крещением), и давала хронологические определения, расходящиеся с определениями Начального свода: крещение эта древняя летопись относила за 28 лет до смерти Владимира, т. е. к 986 г. (а Начальный свод к 988 г.); взятие Корсуни — на третье лето после крещения, т. е. к 989 г. (в Начальном сводѣ к 988 г.) и др.

Опираясь частью на эти летописные записи и изучая их соотношение к Начальному своду, извлекая из Начального свода все вставки и дополнения, которые осложняют и затемняют первоначальное изложение, мы путем этих приемов можем сделать попытку восстановить текст этого древнейшего нашего летописного свода, который А. А. Шахматов предложил называть Древнейшим сводом.

Где же искать окончание Древнейшего свода? Изучая ориентировочно пласты в составе «Повести вр. лет», мы определили первый слой как не доходящий до 1044 г. А. А. Шахматов, уточняя это наблюдение, предлагает считать последнюю статью Древнейшего свода обширную статью 1037 г., где сообщено о постройке Ярославом в Киеве новой крепости, более обширной, чем прежняя, и целого ряда каменных церквей во главе с «митрополией» — киевскою «Софьею», после чего помещена обширная похвала Ярославу, как распространителю христианства. Последующие краткие записи 1038—1043 гг. А. А. Шахматов считает приписками к этому Древнейшему своду.

Итак, мы знаем, что текст Начального свода 1093 г. и текст Древнейшего свода 1037 г. до известной степени могут быть восстановлены из текста «Повести вр. лет» с привлечением ряда других текстов (отрывки Начального свода в Новгородской I летописи младшей редакции, заметки из Древнейшего свода в «Памяти и похвале» и других). Но мы ориентировочно получили указание, что между Древнейшим сводом 1037 г. и Начальным сводом 1093 г. был еще один момент летописной работы в Киеве, второй слой, между 1044 г. и 80-ми годами XI в. Можно ли поставить вопрос об его выявлении из текста «Повести вр. лет»?

А. А. Шахматов обратил внимание, что с 1061 г. можно наблюдать в тексте Начального свода новый прием летописания: записи текущих событий, ведение летописца. В самом деле, до этого года мы не встречаем точных дат событий (т. е. указаний, кроме года, месяца и дня), которые бы относились к событиям нецерковным. Это означает, конечно, что составитель Древнейшего свода писал свой труд, частью основываясь на церковных письменных памятниках (откуда брал даты смерти Ольги, Владимира и др.), частью на припоминаниях (когда не сообщал точных дат), т. е. не имел в числе источников какого-либо своевременно составлявшегося летописца.

Под 1061 г. летописатель, сообщая о поражении Всеволода от половцев, указывает, что событие это произошло 2 февраля. Затем идут записи событий опять, как и раньше того, без точных хронологических дат (1063 г. смерть Судислава в Киеве; под 1064 г. бегство в Тмуторокань Ростислава; под 1065 г. поход Святослава на Ростислава в Тмуторокань, начало военных действий Всеслава полоцкого, появление кометы, извлечение рыбаками из Сетомли детища — уroda, солнечное затмение), но с явным указанием на их запись по припоминанию: «в си же времена», «пред сим же временем». Под 1066 г. сообщено о смерти Ростислава в Тмуторокани опять с точною датой (3 февраля); под 1067 г. — поход Ярославичей и битва их на Немиге с Всеславом, отмеченная 3 марта; захват Всеслава Ярославичами опять отмечен точною датой 10 июля. Под 1068 г. сообщено о страшном поражении Ярославичей от Половцев и о волнениях в Киеве, определенных днем 15 сентября.

Из этого обзора записей с точными датами, если возвести их к перу одного автора, инициатора этого приема своевременных записей с точными датами, выходит, что автор начал свои записывания в Киеве (1061 г.), потом вел их в Тмуторокани (1066 г.), затем опять вне Тмуторокани (1067), хотя может быть и в Киеве, где следили, конечно, за военными событиями в Полоцком княжестве, а в 1068 г. уже наверное в Киеве. Этот ряд наблюдений, — при общем наблюдении, что авторы

летописных сводов, работавшие после Древнейшего свода, были из состава Печерского монастыря в Киеве, — позволил А. А. Шахматову обратиться к выяснению того лица из числа монахов этого монастыря, которое могло бы в это время отлучиться из монастыря в Тмуторокань. В «Житии Феодосия», известном сочинении Нестора конца XI в., рассказано, что монах Никон, сотрудник Феодосия и Антония по созданию Печерского монастыря, вынужден был в начале февраля 1061 г. бежать от гнева князя Изяслава в Тмуторокань. Там Никон пробыл по крайней мере до февраля 1066 г. (почему мы имеем дату 3 февр., как день смерти Ростислава в Тмуторокани) и затем прибыл в Чернигов, чтобы просить у черниговского князя Святослава об отпуске сына его Глеба на стол Тмутороканя. Но Святослав был в походе против Всеслава. Поджидая его, Никон, вероятно, проживал в Киеве (отсюда точные даты битвы на Немиге и захвата Всеслава) и обещал монахам Печерского монастыря, что по водворении в Тмуторокани Глеба и по устройстве своих там дел, он вернется в Печерский монастырь. Это он и исполнил, почему киевские волнения 1068 г. он описал лично и снабдил точною датую.

Итак, мы можем говорить, что с 60-х годов Никон, монах Печерского монастыря, начинает накапливать материал для летописной работы, отмечая в них своевременно интересовавшие его события, происходившие там, где он был. Вернувшись в Киев в 1068 г. и здесь теперь проживая, он мог работать над задуманною летописною работою, и нам надлежит теперь решить вопрос, какое время охватывала его летописная работа, в основу которой был положен Древнейший свод 1037 г. с приписками до 1043 г. включительно.

В «Житии Феодосия» Нестор сообщает, что, когда Святослав и Всеволод изгнали Изяслава и в Киеве водворился Святослав, Печерский монастырь выступил против нового киевского князя, порицая борьбу между князьями, как нарушение заветов Ярослава. В результате столкновения монастыря со Святославом Никон должен был покинуть Киев и уехать вновь в Тмуторокань. Легко заметить, что известие о смерти Ярослава, изложенное под 1054 г., сопровождается якобы его предсмертным завещанием детям, в котором выражена именно эта мысль о братской любви между князьями и о покорении князей киевскому князю, в отца место. Отсюда можно думать, что работа Никона непременно охватывала 1054—1073 г., т. к. 22 марта этого последнего года Святослав вступил в Киев и Никону скоро пришлось уехать. Можно уверенно думать, что Никон уехал до 7 мая этого же 1073 г., т. к. в летописании осталось незаписанным известие о смерти одного из основателей Печерского монастыря и давнего сотрудника Никона — Антония, случившейся в этот день.

Просматривая известия 1043—1054 гг., легко усмотреть, что все они могли быть включены Никоном в свою работу, задуманную, как продолжение и пополнение Древнейшего свода, по припоминанию, а статья 1051 г. о начале Печерского монастыря взята даже из отдельно существовавшего литературного произведения.

Итак, работа Никона была продолжением Древнейшего свода 1037 г., доведенным до 1073 г., и, кроме того, пополнением его теми южными тмутороканскими сказаниями и песнями, которые вынес оттуда Никон. Но об этой стороне его работы, как и о политических моментах ее и общей политической установке мы будем говорить ниже.

Восстановление труда Никона в пределах 1044—1073 гг., как ясно из вышеказанного, возможно из состава Начального свода 1093 г. путем удаления тех вставок и переработок, которые в этот труд Никона мог внести игумен Иван, а в пределах до 1044 г. труд Никона представлял собою Древнейший свод с пополнениями Никона, отмеченными

общим, так сказать, географическим признаком: все они были взяты из сказаний и песен, которые Никон узнал в Тмуторокани.

Изложив, в самых общих чертах, те возможности, на основании которых восстанавливается текст Древнейшего свода 1037 г., свода 1073 г. Никона, Начального свода 1093 г., мы можем приступить к изложению начальной истории нашего летописания, отсылая читателей для детального ознакомления с вопросами реконструкции текста всех вышеперечисленных летописных памятников к двум трудам А. А. Шахматова: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908 г.) и «Повесть вр. лет», т. I (1916 г.). В первом из названных трудов А. А. Шахматов, кроме теоретических рассуждений, дает в итоге реконструированный текст Древнейшего свода в редакции 1073 г., т. е. текст Печерского свода Никона, с указанием типографским путем двух частей его, слитых вместе: текста Древнейшего свода и текста пополнений и продолжения его, восходящих к перу Никона. А во второй работе предложена реконструкция обеих редакций «Повести вр. лет» (т. е. Сильвестровской 1116 и Киевской 1118 г.), причем особо крупным шрифтом в их тексте выделен текст Начального свода 1093 г., с отнесением в «Приложение» тех кусков Начального свода, которые были Нестором исключены при его обработке.

Таким образом, мы в этих трудах А. А. Шахматова имеем восстановленные тексты всех тех летописных сводов, о которых говорилось выше, за исключением первой (Несторовой) редакции «Повести вр. лет».

§ 4. ДРЕВНЕЙШИЙ СВОД 1037 г.

Первый слой, лежащий в основе «Повести вр. лет», названный А. А. Шахматовым Древнейшим сводом, конечно, весьма затруднительно восстановить со всею бесспорностью из-под последующих наслоений и перередактированных и в 1073 г., и в 1093 г., и в 1113 г. Нет ничего удивительного поэтому в том, что А. А. Шахматов дал в реконструкции не текст этого Древнейшего свода, а последующий за ним момент летописной работы в Киеве — текст свода 1073 г., выделив особым шрифтом текст Древнейшего свода. Разлагая текст свода 1073 г. на Древнейший свод 1037 г. и обработку и вставки в него редактора 1073 г., А. А. Шахматов руководился или литературными соображениями или соображениями, извлеченными из биографии автора 1073 г. Мы к этим соображениям должны прибавить критерий политических суждений авторов и Древнейшего свода 1037 г. и свода 1073 г. и в связи с этим внести ряд поправок в группировку текста по этим двум сводам, считая такой критерий не только законным, но гораздо более вероятным. В чем будут заключаться наши поправки к выводам А. А. Шахматова о тексте Древнейшего свода, об этом скажем несколько ниже.

А. А. Шахматов выставил положение, что составление Древнейшего свода было предпринято при митрополичьей кафедре, основанной в 1037 г. в Киеве. Это совершенно верное положение нужно подкрепить тем указанием, что обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе. Несомненно, новому «русскому» митрополиту, прибывшему в Киев из Византии, и пришлось озаботиться составлением такого рода записки, которая, поскольку дело шло о новой митрополии Империи у народа, имевшего свой политический уклад и только вступившего в военный союз и «игемонию» Империи, — должна была превратиться в краткий исторический очерк исторических судеб этого молодого политического образования. Конечно, то лицо, которое составляло эту историческую записку, хорошо знало язык, народ и страну, но отражало в своем изложении точку зрения митрополии, т. е.

греческого учреждения, претендующего на руководство новою странюю.

Какими источниками располагал составитель для своего труда? Главным источником для него были песни и былины, своеобразно, но достаточно верно передававшие старину; для более позднего времени (после крещения Владимира) источником были рассказы и предания, полученные составителем от своих современников. Второстепенным источником автору служили письменные документы и повествования: какая-то болгарская летопись, церковные рассказы о жизни («жития») Ольги; варягов, убитых в Киеве при установлении там Владимиром человеческих жертв богам; самого Владимира и, наконец, записи о Борисе и Глебе, которые, вероятно, были составлены в Вышгороде при той церкви, где были сохраняемы их трупы.

Не задаваясь целью дать летопись, т. е. изложение, расположенное по годам, автор до года крещения Владимира дал лишь несколько дат, извлеченных из письменных источников, а от года смерти Владимира вел рассказ, считая годы от этого события.

Русскую историю Древнейший свод начинал изложением старой легенды о водворении среди днепровских полян местного княжеского рода, происходящего от Кия с братьями. Последними представителями этого княжеского рода были в Киеве Аскольд и Дир, у которых власть вырвал новгородский князь Олег. Новгородцы, т. е. «словене, кривичи и меря», еще до водворения там Олега были в варяжском подчинении. Взяв Киев, Олег перенес туда свою резиденцию и «оттоле прозвашася Русию». По народным песням автор рассказывал о походах Олега и о походе его на Царьгород, после чего Олег уходит через Новгород за море, на свою родину, где находит смерть от укуса змеи. Новая династия в Киеве пошла от Игоря, о происхождении которого и о водворении в Киеве автор Древнейшего свода ничего не сообщал. Игорь трудился главным образом над распространением пределов Киевского государства и над покорением древлян и угличей. Он погибает от древлянской расправы. За малолетство Святослава, сына Игоря, правит жена Игоря Ольга. Опираясь здесь впервые на письменный источник, автор Древнейшего свода весьма пространно излагал поездку Ольги в Царьград и ее там крещение, а несколько ниже, по этому же источнику, подробно описывал ее смерть и погребение, давая точные даты этих событий: 6463 и 6477 гг. По народным песням была дана и знаменитая характеристика Святослава, рассказ об его походах и гибели, причем проводилась весьма отчетливо мысль, что гибель от печенегов была послана Святославу за то, что он не слушал своей матери, настоятельно советовавшей ему принять христианство. Конечно, этот церковный мотив должен был закрыть от читателя соблазнительные мысли о том, кто мог направить печенежскую руку на Святослава. К греческой руке надо отнести еще и другой мотив — насмешки над завоевательными стремлениями Святослава: «Чужея земля ищещи и блюдеши, а своя охабив». Изложив междуусобие сыновей Святослава, закончившееся победою и единовластием того побочного сына Святослава, который владел Новгородом, автор давал точную дату вступления Владимира в Киев, взяв ее из письменного источника — сказания об убийстве одного варяга и его сына киевлянами, желавшими осуществить в Киеве культ человеческих жертвоприношений. Изложив успехи Владимира в деле покорения соседних племен и в походах на враждебных соседей (вятичи, ятвяги, радимичи, болгары), составитель Древнейшего свода весьма остроумно и осторожно вместо рассказа о действительном ходе дел, приведших к крещению Владимира и бояр, поместил свою, в литературном отношении хорошо выполненную, переделку болгарского сказания о крещении болгарского князя Бориса после убедившей его длинной речи греческого «философа» Кирилла. В следующем году шло изложение, теперь для нас уже невозстановимое, крещения всей «Русской

земли» и об истреблении идолов. После этого все повествование переходило в летописание, т. е. изложение событий по годам, которым счет велся от года крещения. Так, на второе лето по крещению Владимир ходил походом к порогам, на третье лето — на Корсунь. Точными датами из 28 лет жизни Владимира после крещения Древнейший свод отмечал лишь окончание постройки и освящение Десятинной церкви (6503 г.) и смерть князя. Нельзя сомневаться, что первая дата была извлечена из грамоты, данной Владимиром Десятинной церкви, а вторая из «жития» Владимира. По письменному источнику излагалась затем борьба сыновей Владимира, гибель от руки Святополка братьев Бориса и Глеба и победа Ярослава. Затем сообщалось о выступлении Мстислава из Тмуторокани, борьбе с ним Ярослава и киян и разделе «Русской земли» между ними по Днепру. События княжения Ярослава были собраны, конечно, по припоминанию, еще живому и стечливому ко времени составления свода, причем составитель, исходя из этого изложения, возвращался к прежнему для пополнений. Так, сообщая под 6539 г., что Ярослав и Мстислав походом на ляхов вернули («заяста опять») Червенские города, автор, узнав, что впервые они были завоеваны Владимиром, прикинул от 6539 г. 50 лет, и под 6489 г. записал, что в этот год Владимир ходил на ляхов, захватил Червенские города, «иже суть и до сего дне под Русью». Рассказав о смерти Мстислава и весьма туманно о том, что власть Мстислава всю взял Ярослав «и быть самовластее Русьстей земли», затем об отражении Ярославом с заморскими вспомогательными войсками напора печенегов, под 6545 (1037) г. автор сообщал о построении Ярославом в Киеве новых стен, церквей и монастырей, особо выделяя постройку «митрополии», т. е. сейчас еще существующей знаменитой своими фресками и мозаикою киевской «Софии», как начало действительного распространения на Руси истинной, с точки зрения составителя, греческой христианской веры и достойной в этом аспекте работы церковников. Похвалю Ярославу за канчивалась вся эта большая статья, к которой позднее были сделаны две приписки: под 1039 г. упомянуто об освящении этой киевской «Софии» (т. е. об окончании постройки), а под 1043 г. изложен поход на Константинополь новгородского Владимира, сына Ярослава, окончившийся, правда, неудачей из-за бури, но последняя не помешала, однако, Владимиру разбить высланный императором флот.

Можно отметить в этом первом очерке русской истории ряд существенных сторон, характерных для автора. Прежде всего он умышленно не пожелал рассказать о действительном ходе событий, приведшем к крещению Владимира; мало того, он не пожелал рассказать и о том, как же была устроена церковь в Киевском государстве после крещения и до устройства греческой митрополии в 1037 г.: Обходя все это молчанием, автор упорно настаивает на том, что христианская вера в «Русской земле» стала распространяться только с 1037 г. Такая явная тенденция свидетельствует, конечно, о том, что греческая церковная власть не желала останавливаться на том обидном для нее обстоятельстве, что, крестившись от греков, Владимир не устроил в Руси греческого церковного управления. Но кроме церковно-политической тенденции можно усмотреть и весьма пренебрежительное отношение грека к тому народу, историю которого он излагает, что вытекало из общих исторических воззрений византийцев, по которым только Империи второго Рима принадлежит во всем мире устроющая роль, а всем остальным народам нужно только подчиняться Империи. Обратим сейчас же внимание на два момента в конструкции русской истории у автора «Древнейшего свода», которые потом подвергнутся перетолкованьям. Во-первых, Аскольд и Дир — князья из рода Кия; а во-вторых, новгородцами названы: словене, кривичи и меря, т. е. не упомянуты те финские племена, которые, как можно думать, действительно входили в политиче-

ский союз с словенами, а названа меря как, вероятно, в этот союз не входившая. Это значит, что меря — Ростово-Суздальский край — несомненно входила уже в состав Киевского государства во время составления «Древнейшего свода», а южный автор плохо знал положение дел на севере, где Ростово-Суздальский край никогда не назывался «новгородцами».

Приписка к Древнейшему своду, сделанная под 1043 г., как мы уже знаем, сообщала о неудачном походе русских на Византию. Тон этой приписки совершенно противоречит Древнейшему своду, так как из явной русской неудачи автор приписки делает приемлемое для русского читателя изложение: буря разбила русский флот; император посылает свои военные корабли добить русских; Владимир принимает бой, побеждает греков и спокойно возвращается домой. Такое изложение приписки объясняется, конечно, тем, что войне предшествовал разрыв, митрополит-грек уехал из Киева и теперь митрополией ведали русские люди, перу которых и принадлежит приписка. Надо припомнить, что разрыв с греками продолжался в церковных отношениях довольно долго (мир был заключен в 1046 г.), и в 1051 г. Ярослав задумал поставить на митрополию русского человека Иллариона.

§ 5. ПЕРЕВОДЫ ГРЕЧЕСКИХ ХРОНИК

В связи с устройством в Киеве греческой митрополии в 1037 г. Ярослав, как сообщил Древнейший свод, «собра писце многы и прекладаше от Грек на Словенское писмо и списаша книги многы... положи в св. Софьи, юже созда сам». Трудно не думать, что в числе этих многих книг были и книги исторического содержания. Конечно, выбор книг к переводу в этом случае определялся не русской стороной, а соображениями руководства со стороны «русского митрополита», присланного из Царяграда. Интересы этой опеки для указания русским их политического положения в отношении к Империи, несомненно, требовали от митрополита ознакомить свою новую «паству» с историей человечества и Империи, поскольку эта историческая концепция Византии была самым тесным образом связана с церковным мировоззрением и делала византийские политические грёзы об едином мировом государстве частью их церковного учения. Такую византийскую историческую концепцию излагали наивно-отчетливо многочисленные византийские «хроники», т. е. исторические сочинения, написанные для широкого читателя. На них, естественно, и остановился выбор. Несомненно, что считалось малополезным, а для престижа Империи прямо недопустимым, делать переводы тех немалочисленных византийских исторических сочинений, которые составлялись особыми придворными историографами для верхушки феодального класса Империи — двора, высших светских и церковных феодалов. Там можно было прочитать о многих темных сторонах жизни и деятельности того или другого императора или патриарха, о пороках и недостатках высших лиц Империи и всего высшего общества, словом от чего естественно хотелось уберечь внимание новых читателей и тем предотвратить их вероятную злорадную оценку византийской государственной практики в ее расхождении с весьма возвышенной византийской теорией. И мы не знаем ни одного перевода подобных исторических сочинений за все долгое время греческой над нами «игемонии», хотя и имеем в одном типе построения летописца XIII в. форму, явно заимствованную от этих византийских исторических сочинений.

Хроники, на которых остановился выбор митрополита для перевода их на русский язык, излагали историю человечества от начала мира до своего времени составления с церковной точки зрения, т. е. сначала излагали историю человечества как приготовление к «пришествию Иисуса», а затем как создание единого христианского вселенского цар-

ства — «Рима», которому наследуют византийские греки, как второй Рим, в виду измены истинной вере со стороны первого Рима; «второму Риму» суждено вернуть человечеству утраченный единый политический облик. Эта византийская историческая концепция рассматривала историю человечества, выделяя из него лишь те народы, которые были призваны сначала подготовить, а потом и осуществить единое христианское государство, и обходя молчанием или ограничиваясь только упоминанием вскользь других народов, которые в прошлом не имели отношения к этому стволу всемирно-исторической панорамы и которым в настоящем оставалась скромная доля: или добровольно отдать себя под вселенскую руку императора, или ожидать неизбежного привода под эту императорскую руку.

Относительно двух византийских хроник — Георгия Синкелла и Георгия Амартола — мы имеем полное основание думать, что их перевод относится к переводческой деятельности Ярослава в 40-х годах XI в. в Киеве. Несомненный успех распространения, который имел у нас перевод хроники Г. Амартола и который сказался в отражениях этой хроники в других наших исторических компиляциях, свидетельствует о том, что митрополия всегда рекомендовала это чтение, вводящее читателей в должное понимание мировой концепции «второго Рима».

Георгий Грешник (Амартол) — хронист IX в. Он довел свой труд только до 864 г. В X в. труд Амартола был пополнен заимствованием из хроники Симеона Логофета, который свое изложение доводил уже до 948 г., т. е. кончал описанием царствования императора Романа. В таком дополненном виде, т. е. от начала мира до середины X в., хроника эта под именем хроники Георгия Амартола была переведена у нас при Ярославе.¹

Обширная по своему размеру, хроника Г. Амартола по содержанию распадалась на две части: одну составляли собственно-исторические повествования, а другую — по их поводу благочестивые и назидательные рассуждения составителя. Если принять в соображение, что перевод этих рассуждений составителя был сделан весьма близко к греческому подлиннику с прямым насилием над славянским синтаксисом, — что ставило русского читателя в позу почтительного недоумения, — то мы пойдем причину появления русской обработки этой хроники, которая опустила все эти рассуждения и даже сократила несколько исторические повествования.

Такая обработка хроники Г. Амартола прямо до нас не дошла, но может быть представлена по своим отражениям в исторических памятниках русской письменности. Называлась эта обработка «Хронографом по великому изложению» (где под «великим изложением» подразумевалась полная хроника Г. Амартола), и имела она ту — против полного Амартола — особенность, что вводила хронологические даты от начала мира, тогда как полный Амартол вел счет по индиктам. Оканчиваясь, так же как и полный Амартол, на царствовании императора Романа, «Хронограф по великому изложению» увеличивал, однако, количество исторических известий о Руси (т. е. известий о нападениях Руси на Царьград при императорах Михаиле и Романе).

§ 6. ОРИГИНАЛЬНЫЕ и ПЕРЕВОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ДО 1037 г.

Греческие церковники, водворившиеся на Руси с 1037 г., несомненно сознательно встали во враждебное отношение к предшествовавшему периоду русской христианской жизни от Владимира Святославича до

¹ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Том I: Текст. Пгр. 1920 г., Том II: а) Греческий текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование. Пгр. 1922 г.

Ярослава, охватывавшему почти полвека и, конечно, имевшему и своих церковников, и свою письменность. Этим объясняется то печальное обстоятельство, что только весьма неясно можно представить себе историю этого, раннейшего периода нашей письменности, от которого сохранились до нас лишь косвенные данные. Все же можно думать, что исторические сочинения как переводные, так и оригинальные, в тот период у нас уже были, уцелев лишь в компиляциях или отражениях в позднейших памятниках нашей письменности. Так, из анализа источников Древнейшего свода 1037 г. устанавливается наличие оригинальных исторических произведений житийного характера (о княгине Ольге, о варягах-мучениках и др.), восходящих к до-греческой поре нашего церковного устройства; так, из знакомства с историческою компиляциею, составленною у нас, вероятно, вскоре после перевода хроники Г. Амартола и теперь известною под названием Еллинского летописца первой редакции, можно предполагать о существовании у нас, до водворения греческой митрополии, переводной (в Болгарии) хроники Иоанна Малалы (ритора) Антиохийского. Малала излагал историю человечества от начала мира до 60-х годов VI века; его последняя, 19-я книга посвящена времени Юстиниана. Передавая простонародным языком груду разрозненных, но занимательных рассказов, в которых византийской истории отводилось даже сравнительно немного места, но где много стводилось места древне-греческой (языческой) истории и мифологии, Малала не столько стремился поучать читателя своим церковно-историческим построением, сколько увлечь и захватить обилием и пестротою светского языческого элемента. Как слишком соблазнительная и бесполезная, хроника И. Малалы, как нужно думать, была устранена у нас позднее из обращения греческою рукою и укрылась только в особой компилятивной обработке.¹

Компиляция эта, как только что было указано, называется обычно Еллинским летописцем первой редакции, хотя неизвестный составитель назвал свой труд Еллинским и Римским летописцем, где под Еллинским (языческим) летописцем разумел хроника И. Малалы, а под Римским — хроника Г. Амартола. В существе, действительно, этими двумя хрониками исчерпывается все содержание компиляции, только в начале привлекающей несколько заимствований из библейских книг и апокрифов.²

§ 7. СВОД 1073 г., НИКОНА

Второй и третий слои «Повести вр. лет», т. е. свод Никона 1073 г. и свод Ивана 1093 г. представляют собою совсем особый интерес и вызывают к себе наше внимание потому, что оба они не являются летописными работами того или иного правящего верха (митрополии, князя), а отражают точку зрения управляемых, весьма, как увидим, резко критикующих своих управителей.

Оба эти летописные свода вышли из стен киевского Печерского монастыря, который долгое время не был княжеским монастырем, хотя и умел получать от киевских князей щедрые подарки (Изяслав и Святослав, как киевские князья, дарили землю). Если собрать все наблюдения о политическом направлении, которое занял монастырь с первых же го-

¹ Хроника Малалы сохранилась в единственном греческом списке; остатки славянского перевода в русской письменности тем драгоценны, что перевод этот сделан с греческого текста, гораздо лучшего против единственно сохранившегося. Попытка собрать славянский текст Малалы сделана В. М. Истриным: I книга — в Зап. Ак. Наук, серия VIII, т. I, № 3 (1897 г.); книги II, IV, V и X — в Лет. Ист. Филол. Об-ва при Новоросс. Ун-те (т.т. X, XIII, XV, XVII); книги VI—VII, VIII—IX, XI—XIV и XV—XVIII в Сборн. Отд. р. яз. и сл. Ак. Наук, тт. 89, 90 и 91.

² Еллинский и Римский летописец еще ожидает издания, и ознакомиться с его составом можно только через «Обзор хронографов русской редакции» А. Н. Попова, вып. 1, Москва, 1866 г.

дов своего процветания, то можно полагать, что монастырь стоял на отрицательном толковании необходимости русско-византийского военного союза и власти над русскою церковью митрополита — грека, очевидно, считая возможным иные отношения с половецкою степью, и осуждал начавшуюся в это время перестройку княжеского и дружинного положения в стране, когда князья перестали «примучивать» окрестные племена, кормя тем дружину, и перешли к феодальной эксплуатации, первым письменным памятником которой для нас является «Правда» Ярославичей.

Такое поведение монастыря делало его центром оппозиции княжеской власти, оппозиции, к которой примыкали все недовольные князем в тот или иной момент, не исключая отдельных лиц из княжеской дружины. Но в основе этой критической позиции вовсе не лежало отрицание самой княжеской власти. Наоборот, монастырь в этой власти и ее носителях видел символ единства Киевского государства и горячо откликался на междукняжескую борьбу, требуя согласия и единодушия князей между собою. Не будучи, как сам монастырь хвалился этим, ни княжеским, ни боярским, Печерский монастырь отражал в себе точку зрения на текущее того городского верха, к которому по своему происхождению, вероятно, принадлежало большинство его монахов (Антоний, основатель, был «от града Любеча»; про одного монаха прямо упомянуто «бе купец родом Торопченин»; другой был «швец» и т. д.).¹

Никон всегда играл в монастыре руководящую политическую роль, что вынуждало его, как мы знаем, два раза убежать от княжеского гнева в Тмуторокань.

В своей работе над Древнейшим сводом Никон не ограничился заполнением рассказа от 1043 до 1073 г., но и внес ряд пополнений и поправок в текст Древнейшего свода. Начав свою работу, как можно думать, с 1061 г. в смысле накопления летописного материала, Никон завершил свой труд в 1073 г. под живым впечатлением борьбы Святослава с Изяславом, закончившейся изгнанием Изяслава из Киева и вдоворением там Святослава. Несмотря на то, что Святослав разделял точку зрения монастыря на ошибочность союза с греками, несмотря на то, что Святослав уже оказывал монастырю из Чернигова свою помощь в критические моменты (он увез к себе Антония, чтобы спасти его от кары за порицание митрополита, разрешившего Изяславу обманом взять в плен полоцкого Всеслава), монастырь и Никон решительно восстали против нового киевского князя, и если монастырь потом пошел на компромисс, то Никон предпочел бежать из Киева в Тмуторокань. Естественно, что в своей работе Никон весьма решительно и ярко отразил свое настроение и свои мечты о тех идеальных отношениях, которые должны бы быть между князьями. Рецепт против междукняжеских ссор, который предлагал Никон, был весьма отвлеченный и теоретический: Никон предлагал князьям в своих отношениях руководиться тем образцом, который им дает церковь в своей организации. Как епископы не преступают предела чужого и все, как сыновья, подчиняются своему отцу — митрополиту, так должны действовать князья в отношениях друг к другу и киевскому князю. Об этом Никон говорил не только в заключительном повествовании своей работы, когда под 1073 г. излагал победу Святослава над Изяславом, но внес эту тему («не преступати предела братьня, ни сгонити») в описание смерти Ярослава (в 1054 г.), вложив ее в уста умирающего князя. Под углом этой своей темы Никон освещает поступки тех князей, о деятельности которых он

¹ В некрологической статье об Изяславе (1078 г.) автор Начального свода делает такое замечание о 1068—69 гг.: «Колико бо ему створиша Кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не възда противу тому зла. Аще ли кто дѣеть вы: сѣвче исѣче, то не съ то створи, но сынъ его». Нельзя яснее назвать свою аудиторию.

лично или по преданьям узнал в Тмуторокани и которых упомянул в своей работе. Так, рассказывая под 1064 и 1065 гг. о Ростиславе, захватившем Тмуторокань у Глеба, сына черниговского Святослава, Никон выставляет ту подробность, что, когда Святослав пришел восстановить сына Глеба на Тмутороканский стол, Ростислав ушел из Тмуторокани не из страха перед Святославом, «но не хотя противу стрьеви своему оружию взяти», что не помешало Ростиславу, после ухода Святослава, вновь выгнать Глеба. Так, в весьма больших пополнениях, которые Никон сделал в тексте Древнейшего свода, там, где упоминалось имя тмутороканского Мстислава, боровшегося с Ярославом за Киев, а потом разделившего с Ярославом «Русскую землю» Днепром (все пополнения сделаны на основании песен о Мстиславе, с которыми Никон ознакомился в Тмуторокани), Никон опять выставляет Мстислава, как идеального князя, уважающего старейшинство брата: победивший Ярослава Мстислав будто бы предлагает все же Ярославу сесть в Киеве, «понеже ты еси старейшей брат». Наконец, Никон в рассказ Древнейшего свода об убийстве Бориса и Глеба включает все ту же свою тему, рисуя убитых идеальными князьями, не могущими подумать «взнять руки на брата своего старейшего». «Се, коль добро и коль красно, еже жити братома вкупе!»

Как в обработке текста Древнейшего свода, так и в своем к нему продолжении Никон проводит мысль о том, что «Русская земля» не нуждается ни в чьей опеке и имеет за собою немалую военную славу. В Тмуторокани Никон узнал козарское предание о том, что козаре когда-то брали дань с полян, но отказались от этой дани. Это предание Никон включил в летопись, не без удовольствия указав, что «владеють Козары Русьстии князи и до днешняго дъне» (вероятно, по Тмутороканю). Думаю, в этом расходясь с А. А. Шахматовым, что Никон, располагая тою же болгарскою летописью, что и составитель Древнейшего свода, извлек из нее драгоценные для русского человека, но весьма обидные для греков подробности похода Олега на Царьгород и героические подробности войны Святослава с болгарями и греками. Наконец, по своей церковной линии Никон сделал несколько выпадов против митрополита-грека, указывая, что без всякой помощи со стороны последнего Печерский монастырь в архивах Константинополя нашел забытый строгий монастырский устав, которым поднял жизнь монахов как у себя, так и в других русских монастырях. Также безо всякой помощи греческой церковной власти в «Русской земле» умеют бороться с волхвами, представителями старой веры. Этой последней теме Никон отвел 1071 г., куда собрал разные случаи борьбы с кудесниками-волхвами, происшедшие в разное время (почему здесь встречаем весьма неопределенные упоминания: «в си же времена», «единою», вместо обычных: «в се же лето»).

В описании восстания 1068 г. в Киеве и возвращения изгнанного Изяслава с польскою помощью в Киев в 1069 г. Никон весьма подробно рассказывает о переговорах через Святослава «кыян», после бегства Всеслава, с Изяславом, чем обнаруживает свою близость с этими «кыянами» и осведомленность об их поведении в это время, и ничего не сообщает о поведении князей в эту пору, за исключением того заседания боярской думы Изяслава, после которой он бежал из Киева. В этом последнем случае Никон указывает на то лицо, которое присутствовало на заседании и сообщило о нем Никону: это был дружинник Изяслава «Туки, брат Чюдинь». Что автор во всем этом сложном моменте не на стороне князя, а на стороне «кыян», лучше всего видно из резкого осуждения Никоном поведения Мстислава, сына Изяслава, который должен был до вступления в Киев Изяслава произвести расправу над виновниками изгнания отца: «а другыя слепища, другыя же без вины погуби, не испытав».

§ 8. СВОД 1093 г. ИВАНА («НАЧАЛЬНЫЙ СВОД»)

Летописное продолжение труда Никона в стенах того же монастыря, накопившееся теперь более или менее систематически, было подвергнуто значительной переработке и пополнению после смерти в Киеве Всеволода и вступления на престол Святополка. А. А. Шахматов в начале своих работ по летописанию определивший этот летописный труд, заканчивавший свое изложение 1093 г., как начальный момент русского летописания, и лишь позднее установив его предшественников, назвал его Начальным сводом. Это теперь неточное название уже закрепилось за сводом 1093 г. Автор этого «Начального свода» 1093 г., вероятно, начальник Печерского монастыря Иван, пожелал значительно переработать труд Никона на основании нескольких важных источников, сообщивших предшествующему построению большое количество новых фактов. Так, в числе этих источников на первом месте надо назвать Новгородский свод 1079 г., представлявший собою новгородскую обработку Древнейшего киевского свода 1037 г., выполненную в 1050 г. с продолжением местными новгородскими записями до 1079 г. Как восстанавливается эта начальная история новгородского летописания, удобнее будет изложить в главе, посвященной новгородскому летописанию. Затем автор Начального свода привлек известный уже нам «Хронограф по великому изложению» и два современных сочинения: «Житие Антония» и другое, теперь нами называемое «Корсунская легенда», оба вышедшие из грекофильского окружения митрополичьей кафедры, отстранить которые от своей работы игумен Иван, видимо, не имел возможности.

Пополняя новыми фактами предыдущее изложение свода 1073 г., автор Начального свода впервые предложил своеобразное построение прошлой истории Русской земли, и в построении этом он видел не удовлетворение исторической любознательности, а поучение современникам от прошлого. Под этими современниками автор совершенно недвусмысленно понимал князей и их дружинников и к ним обратил особого рода поучение, составляющее предисловие ко всему труду и являющееся совершенно исключительным по политической страстности документом. Автор оканчивал свой труд рассказом о страшном половецком нападении 1093 г., в котором были разорены города и села, а население и скот или истреблено или угнано в плен. Толкуя это несчастье, как наказание свыше, автор не усматривает в этом бессилия своей страны (напротив, никто из народов не вознесен и не прославлен так, как мы), но видит наказание стране за грехи князя и его дружины и призывает последних исправиться.

Если в своде Никона звучит в отношении к князьям укор за то, что они, забывая дело борьбы со степью, отдаются взаимной борьбе, то в своде Ивана упрек идет по линии социальной политики князей, которые, забыв практику старых князей окупать содержание дружины за счет покорения иных «стран», перекладывают этот расход на плечи «людей» Русской земли, разоряя население придуманными, неправыми вирами и продажами. Эта перемена социальной политики началась еще со Всеволода, со времени его болезней, с последних лет жизни. Упрек современной князя и его дружину в «несытьстве», автор просит их всмотреться в деятельность древних князей и мужей их, перестать насильничать, жить здесь «добре», чтобы заслужить вечную жизнь по смерти.

На ряду с этим, князья, т. е. правящая династия, в глазах автора имеют совершенно исключительное значение: это связь, которая оберегает внутреннее единство распадающегося Киевского государства, это сила, сплотившая прежде враждовавшие племена и охраняющая их от захватов пришельцев-насильников, это, наконец, своя, приглашенная династия, а не иностранные завоеватели. Сплетая новгородские пре-

данья с историей киевского юга, литературным путем вступая в борьбу с очевидным для его времени новгородским сепаратизмом, автор готов признать новгородское происхождение правящей династии, выдвигая тем Новгород как колыбель Киевского государства. В этом только аспекте можно понять заглавие, данное автором своему труду: «Временник, иже нарицается летописание Русьских князь и земля Русская, и како избра бог страну нашу на последнее время, и гради почаша бывати по местам, преже Новѣгородская волость и потомъ Киевская, и о статии Кыева, како вѣименовася Кыев».

Изложив коротко под 6362 (854 г.) легенду о Кые с братьями, автор извлекал из «Хронографа по великому изложению» первое упоминание греческих источников о падении Руси на Царьград при императоре Михаиле. Затем, согласно со сводом Никона, передавалось время козарской власти над южными племенами восточного славянства и рассказывалось о водворении в Кыеве Аскольда и Дира — двух варягов, — назвавшихся здесь князьями. Во времена этих киевских событий новгородские люди, к которым автор на основании Новгородского свода 1079 г. прибавил сверх словен, кривичей и мери еще и чудь, жили под варяжскою рукою, от которой они сумели освободиться общим восстанием. Варяги были изгнаны за море. Однако, освободившимся не стало жить легче: началась между ними рать велика и усобицы многи. Конец этим внутренним нестроениям пришел только тогда, когда новгородские люди пригласили к себе князей из-за моря. Их было три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. От этих приглашенных варяжских князей прозвалась Русь, Русская земля. После смерти братьев Рюрик правил один. По его смерти власть переходит к его сыну Игорю. Этот Игорь со своим замечательным воеводою Олегом стал расширять пределы своей власти на юг и через овладение Смоленском вышел на Днепр, где скоро захватил Киев, отняв его у Аскольда и Дира, самовольно называвших себя князьями. Так установилась и над югом законная княжеская власть, пусть варяжская, но имевшая свое происхождение не в насилии, а в приглашении.

Очевидно дорожа установить именно этот источник власти тогдашней княжашей на Руси династии «старого Игоря», предлагаемое построение опирается на новгородское предание о призвании трех братьев — князей и придумывает Игорю отца в лице Рюрика. Это, правда, вело к насилию над родным преданием, твердо помнящим о княжении в Кыеве вешего Олега, теперь, в предлагаемой конструкции, ставшего только воеводою Игоря, зато княжашая династия на Руси, названная теперь рюриковою, получала крепость законности в факте призвания, провозглашения народом, а не в голом факте захвата власти.

Нет сомнения, что грекофильская политика Всеволода, женатого на византийской царевне, ставила Печерский монастырь в рамки подчинения греческой митрополии в Кыеве, хотя и неискренного. Этим внешним давлением надо объяснить привлечение к труду Ивана двух произведений, вышедших из окружения митрополии, о которых мы упоминали выше.

Оба эти произведения прямо до нас не сохранились, но до известной степени восстанавливаются по своим отражениям в других памятниках древности. Теперь мы условно их называем: Корсунскою легендою и житием Антония Печерского.¹

Не входя в подробности, укажем, что Корсунская легенда извращала ход событий крещения Руси и весьма чернила образ Владимира; «Житие» же Антония так рассказывало историю Печерского монастыря, что все заслуги в этом деле русских людей переходили в заслуги греков,

¹ Шахматов, А. А. Житие Антония и Печерская летопись. Журнал М-ва Нар. Просв. 1898 г. март; Е го же. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник статей в честь В. И. Ламанского, т. II, стр. 1029—1153.

прибывших на Русь или в свите митрополита-грека, или по собственному почину. Не имея, вероятно, возможности обойти совершенно эти исторические сочинения, игумен Иван сделал из них позаимствования, в которых, однако, отстраняя обидные для русского читателя и иногда просто чрезмерные домыслы, постарался извлечь из них и закрепить некоторые позиции важные для дела борьбы с той же греческою гегемонией. Так, уступая версии Корсунской легенды, он перенес крещение Руси на время после взятия Корсуня, но зато подчеркнул непрерывность тогда получающегося нашего церковного общения с Империей от самого момента крещения, чем до известной степени снимал обычный упрек греков Владимиру за разрыв его с Империей после крещения. Уступая версии той же легенды, Иван нарисовал в своем своде Владимира как авантюриста и блудника, но отнес эту характеристику до его крещения, после которого нарисовал якобы резкую и глубокую перемену, происшедшую в нем.

Что касается заимствований из «Жития» Антония, то тут игумен Иван сделал ту уступку, что отнес возобновление строгого студийского устава не к заслугам самого Печерского монастыря, как это было в действительности, а к услуге, оказанной монастырю одним монахом из свиты митрополита; но зато игумен Иван весьма усиленно подчеркнул в своем труде, вероятно, случайно оброненную черту в «Житии», по которой основание Печерского монастыря относилось к мысли какого-то афонского игумена, повеление которого только выполнил в Киеве Антоний. Печерскому монастырю, мечтавшему встать под защиту киевского князя от власти киевского митрополита, было чрезвычайно важно и выгодно усвоить это афонское якобы начало, потому что на Афоне монастыри знали только власть императора, отстранявшую здесь власть константинопольского патриарха.

Столь резкий и прямой вызов, который звучал в предисловии «Начального свода», игумен Печерского монастыря Иван, был арестован Святополком и сослан в Туров, где Святополк княжил до перехода в Киев. Непопулярное в Киеве правление Всеволода, несомненно, закрыло возможность Мономаху, сесть, после смерти отца, на киевский стол, и Святополк считал себя крепким сочувствием киевлян. В выступлении Ивана Святополк, вероятнее всего, усмотрел руку Мономаха, а не голос тех самых киевлян, на которых он так понадеялся. Недоразумение это скоро выяснилось, и Святополк приложил все усилия к тому, чтобы обеспечить себе расположение и голос Печерского монастыря, на что монастырь пошел, как увидим, весьма охотно, хотя политика Святополка в своей основе не изменилась. Но монастырь не дешево продал свое перо.

§ 9. «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» НЕСТОРА

Примирение Святополка с Печерским монастырем перешло в самую тесную дружбу и, можно сказать, никогда до этого и тем более после этого времени монастырю не давалось жить так спокойно и уверенно, без страхов перед митрополичьей властью и вопреки последней получаю осуществление своих заветных планов. Несомненно, что по примеру Афона монастырь был изъят Святополком из ведения митрополита и сделан княжим монастырем. В связи с этим начальник монастыря получает новый титул, какого еще не имел ни один начальник монастыря в Руси (архимандрит). Несомненно, монастырь теперь получал необходимые средства из княжеских рук. По этой линии монастырь добился, вопреки митрополиту, торжественного объявления «святых» умершего в 1074 г. одного из первых игуменов монастыря — Феодосия, что не могло не отразиться самым счастливым образом на доходах монастыря.

В Византии существовал обычай, по которому император, озабочиваясь при своей жизни увековечением «славных» дел своего правления,

назначал известное своим литературным талантом лицо собирать материалы для исторического труда, обрабатывать эти материалы в повествование, которое в первых главах, вероятно, просматривалось самим заказчиком, а завершалось уже после его смерти. Можно думать, что монах Печерского монастыря Нестор был первым у нас подобного рода придворным историографом при князе Святополке, каких княжеских историографов у нас позднее было весьма значительное число. Содействие, которое получил Нестор от Святополка, видно, между прочим, из включения Нестором в свой труд текстов договоров с греками X в., которые могли быть сберегаемы, конечно, только в княжеской киевской казне. Едва ли нужно пояснять, какое направление в своей летописной работе притянул Нестор изложению событий времени княжения Святополка. Достаточно указать, что, угождая политическим поступкам и видам Святополка, Нестор, как выяснил А. А. Шахматов, исключил из текста Начального свода под 1054 г., в изложении завещания Ярослава детям, слова: «а Игорю Володимерь». Святополк, захватив этот Владимир, посадил на владимирский стол сына Ярослава, тогда как Игоревич Давыд, лишенный отцовского наследства, свои притязания на него основывал, конечно, на завещании Ярослава.

Труд Нестора до нас в подлинном своем виде, к сожалению, не дошел, так как в 1116 г. он был подвергнут переработке под пером игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра. В угоду Мономаху Сильвестр, игумен семейного монастыря Мономаха, переделал главным образом, конечно, изложение Нестором событий 1093—1113 гг., т. е. времени княжения Святополка. Однако, мы можем до известной степени представить себе эту недошедшую прямо до нас часть несторовой работы, привлекая для того литературный памятник XIII в., так называемый Печерский патерик, один из составителей которого — монах Поликарп — в первой половине XIII в., видимо, имел в руках подлинный труд Нестора и извлекал из него, как произведения случайно уцелевшего и малоизвестного, именно из той его части, где описывалось княжение Святополка, сюжеты для своих рассказов по истории Печерского монастыря.¹

Сверх этого, для той же реконструкции несторовой работы может быть привлечен последующий летописный труд, который был предпринят в Киеве в 1118 г. и несомненно вновь обращался для описания 1111—1113 гг., опущенных совсем Сильвестром, к труду Нестора в подлинном виде, т. е. тот летописный труд, который мы теперь называем 3-й редакцией «Повести вр. лет» и который лучше всего сохранился в Ипатьевской летописи.

Нестор был известным писателем того времени и человеком по тому времени ученым. Его два больших «житийных» произведения (о Борисе и Глебе; об игумене Феодосии), дошедшие до нас, свидетельствуют об его большом литературном таланте. Приступая к летописной работе, Нестор привлек для обработки труда своего предшественника большое количество памятников письменности, преимущественно переводных (в частности хронику Г. Амартола), но не пренебрегал и устною традицией (песни, поговорки, рассказы Яна и др.).

Кроме изложения (и прославления) деятельности князя Святополка, Нестор занялся переработкою Начального свода 1093 г., где, широко раздвигая прежние скромные исторические рамки повествования, молчаливо обходя всемирно-историческую концепцию византийской историографии, выдвигал русский народ, как ветвь славянства, в разряд

¹ Текст Печерского Патерика лучше всего издан Д. И. Абрамовичем: «Памятники слав. рус. письменности, т. II». Изд. Археографической Комиссии. СПб. 1911. См. также его же: Исследование о Киево-печерском Патерике. СПб. 1902; А. А. Шахматов. Киево-печерский Патерик и Печерская летопись. Извест. Отдел. рус. яз. и слов. 1897, т. II, кн. 3.

великих европейских народов, имеющих свою давнюю историю, свой язык и свое право на самостоятельное политическое существование.

Повидимому, труд Нестора носил такое заглавие: «Се повести временных лет, чьрноризьца Феодосиева монастыря Печерьского Нестора, отькуду есть пошла Руськая земля, кьто в Кыеве нача пьрвее княжити, и отькуду Руськая земля стала есть». В противоположность всем предшествующим летописным трудам, Нестор свое изложение начинает прямо от времен после «потопа», чем как бы вставляет русскую историю в рамки общемировой истории. Привлекая для этой части своего труда нам до сих пор не совсем ясные источники, Нестор русскую историю выводит затем из истории общеславянской.

Дав описание раздела земель после «потопа» между тремя сыновьями Ноя и определив территорию будущей Русской земли, как и будущее ее население в части или жребии Афета, Нестор далее излагает библейскую легенду о смешении языков, среди которых указывает и язык славянский. Славяне, после многих лет, осели на Дунае, откуда постепенно расселялись на новые, теперь ими занимаемые, места, получая при этом прозвания по месту своего нового жительства. Иною речью Нестор дает читателю карту современного ему славянского мира. Также и те славянские племена, которые потом сложились в единую Русскую землю, расселяясь с Дуная на восток и здесь оседая, получали прозвище от мест, кроме самого северного из них, сохранившего свое родовое прозвище — словене. Главное племя этого восточно-славянского мира — поляне — осело на Днепре, где шел путь из варяг в греки. Описанием этого пути Нестор дает читателю географию будущей Русской земли. Переходя к вопросу о происхождении Киева, Нестор отказывается последовать за теми, кто видел в эпониме этого города простого перевозчика, и сообщает какой-то легендарный рассказ о князе Кые, приходившем в Царьград и с великою честью принятый самим императором, имя которого, по признанию Нестора, ему установить не удалось. На возвратном пути на Днепр Кый задумал устроить город на Дунае, но этого ему не дали сделать «близь живущие», заставив его уйти на Днепр. На Дунае, однако, донныне, по Нестору, существует память об князе Кые, сохранившаяся в названии городища «Кыевць». После смерти князя Кый и его братьев у полян продолжала княжить его династия, тогда как у других соседних славянских племен были свои особые династии. Возвращаясь к пра-славянской истории, Нестор довольно коротко вспоминает те кочевые племена, с которыми приходилось славянам сталкиваться: болгар, белых угров, волохов, обров, печенегов и, наконец, черных угров, которые прошли мимо Киева уже во времена вещего Олега. Переходя затем к русской пра-исторической жизни, Нестор дает этнографические очерки племен русского славянства, выделяя «чистоту нравов» (культурность) полян против других племен, из которых вятичи даже и «ныне» (нач. XII в.) продолжают старый языческий образ жизни. Пра-историческая часть замыкается у Нестора уже нам знакомым рассказом предшествующих сводов о временах козарского господства над полянами.

Историческая часть открывается 6360 (852) г., т. е. годом царствования императора Михаила, при котором, согласно греческому летописанию, впервые на Царьград приходила Русь. «Темь же отьселе почьнем, и числа положим». Под положением чисел Нестор понимает приводимую им тотчас же ниже большую хронологическую выкладку от Адама, кончающуюся определением границ задуманного труда: «от смерти Ярослава (Мудрого) до смерти Святополчьей — лет 60». Охватывая в погодном изложении с 6360 г. до 6621 г. русскую историю, Нестор не просто следовал игумену Ивану, давая с 1093 г. по 1113 г. только продолжение его работе, но, с одной стороны, значительно перерабатывал его построение в древнейшей части, значительно, с другой

стороны, и пополнял. Переработка и пополнение были вызваны двумя соображениями: во-первых, желанием дать себе отчет, т. е. построить какое-нибудь вероятное объяснение вопросу, откуда произошло название Руси, которое приводили, но не поясняли предшествующие летописцы; а, во-вторых, необходимостью согласовать предложенное игуменом Иваном толкование Игоревой династии, как династии рюриковой, с новыми источниками по истории Киева X в. — знаменитыми договорами русских князей с Империей, — которыми теперь располагал Нестор.

Предшественники Нестора сообщали, как мы уже знаем, о варяжском происхождении князей и указывали, что от водворения княжеской власти произошло название Руси и Русской земли. Но никто из них не остановился на вопросе, почему бы от варягов могло произойти название Руси. Нестор, весьма вообще любивший точные этнографические и географические термины, входивший в вводной части своего труда всегда в рассмотрение их происхождения, не мог удовлетвориться здесь таким простым сопоставлением варягов — Руси и пройти его без объяснения. Вот почему первым нашим «норманистом» самого крайнего направления, т. е. строителем гипотезы о том, что Русь есть название одного из варяжских племен, — был Нестор. По его мысли, когда северные племена, во главе с новгородскими словенами, изгнав насильников-варягов за море, потом вынуждены были отправиться за море же, чтобы звать от варягов себе князей, они пришли именно к племени Русь. Вероятно, чтобы парализовать возражение, что такого племени варяжского за морем нет, Нестору пришлось сослаться на то обстоятельство, что приглашенный князь Рюрик с братьями якобы явился княжить к словенам, «попаяша по себе всю Русь».

Привлеченные к летописанию договоры русских князей с Империей X века установили пред Нестором со всею неизбежностью факт самостоятельного правления в Киеве князя Олега, что совпадало с преданиями и народными песнями, помнившими вещего Олега, как киевского князя, но что разрушало гипотезу игумена Ивана, так как разрывало последовательность княжений Рюрика — отца и Игоря — сына. Нестор вышел из затруднения тем, что постарался все же примирить новый факт с гипотезой, отказаться от которой во многих смыслах было жаль (обычный грех исследовательской слабости): Игорь был определен как малолетний наследник Рюрика, за которого правил до времени мужества его, по завещанию Рюрика, родственник — князь Олег.

Из других пополнений, впрочем весьма многочисленных, внесенных Нестором в труд предшественников, необходимо остановиться на 6406 (898) г., где сообщалось о происхождении славянской граммати, которою тогда пользовались на Руси и у других славян. Мефодий, брат Кирилла, в епископстве был «настольником» Андроника, одного из учеников апостола Павла, который, впрочем, и сам доходил с проповедью христианства до славян и, следовательно, вместе с Андроником может почитаться первоучителем славянских народов, т. е. в частности и Руси, которая так прозвалась уже позднее (в IX в.) от варягов, но всегда была славянской. Если вспомнить, что в другом своем произведении, более раннем, — в «Житии» Бориса и Глеба, — Нестор решительно утверждал, что никакой из апостолов на Русскую землю с проповедью христианства не приходил, то мы получаем право догадываться, что здесь, в «Повести вр. лет», Нестор вновь решил вернуться к этому вопросу в виду настойчивости какого-то другого утверждения. Действительно, такое утверждение было, и исходило оно из послания императора Михаила Дуки ко князю Всеволоду, разрешавшего считать на Руси проповедником христианства общего с греками — апостола Андрея, что было усвоено в доме Всеволода и, конечно, оберегалось Мономахом. Нестор, как и Печерский монастырь, возражали подобному утвержде-

нию, умея оценить его опасность в вопросе о пределах греческой «игемонии» над Русью, так как иначе бы выходило, что после проповеди апостола Андрея на Руси, через известное время, все же пришлось Империи вновь обращать Русь в христианство, как, очевидно, неспособную самой хранить у себя христианское ученье.

Почитание правящей династии, как единственно законной на Руси, уже отмеченное нами в труде Ивана, у Нестора, можно сказать, достигает своего апогея. Все имена, упоминаемые в труде Ивана, как и названия княжеских могил, Нестор желает приурочить к правящей династии, закрыть ею все историческое прошлое. Любопытно, например, что в Древнейшем своде 1037 г., как и в труде Никона 1073 г., Аскольд и Дир являются по ходу рассказа князьями Киева из потомства Кия. Игумен Иван в своей работе не признал их местными князьями, а назвал их варягами, а Нестор — просто боярами Рюрика, которые отпросились у Рюрика «к Цесарюграду с родомь своимь», по дороге «остага» в Киеве, собрали многих варягов, и в 866 г. совершили поход на Царьград. Или возьмем другой пример. Древнейший свод 1037 г. и Никонов 1073 г. сообщали, что веший Олег, после похода на Царьград, ушел за море, где умер от укуса змеи. Игумен Иван в своем своде 1093 г. высказал по этому поводу сомнение и указал, следуя своему новгородскому источнику, на смерть Олега в Ладогe, т. к. «до сего дни» там есть его могила. Нестор отверг все эти комбинации и похоронил Олега в Киеве: «есть же могила его и до сего дьне, словеть могила Ольгова». Действительно, летопись XII в. не однажды называет под Киевом могилу Олега, но никому до Нестора не приходило в голову связать ее с вешим Олегом, о котором, как надо думать, устная традиция, занесенная в Древнейший свод 1037 г., хорошо помнила, что он умер за морем. Но тогда выходит, что у полян когда-то, видимо, до Аскольда и Дира, был какой-то еще князь Олег, а Нестор не желал знать каких-либо князей кроме своей правящей династии. Знакомство Нестора с племенами, населяющими территорию Киевского государства, сказалось в одной поправке к тексту предшественников. Древнейший свод 1037 г. разумел под «новгородцами» три племени: словен, кривичей и мерю. Игумен Иван в своей работе 1093 г. добавил к этим трем племенам четвертое — чудь, так как эту поправку он нашел сделанною в тексте Древнейшего свода новгородским летописцем в той новгородской летописи 1079 г., которую Иван располагал в своей работе. Нестор, встретив указание, что Синеус сидел в Белоозере и зная, что это земля веси, прибавил к словенам, кривичам, меря и чуди еще и название племени весь.

Как у княжеского летописца, у Нестора, казалось бы, тщетно искать ноток протеста против правления современного ему князя или критики современного уклада жизни. Но, к удивлению, видим в труде Нестора весьма любопытные отклики на современность не в тон с изложением деятельности Святополка, правда, спрятанные Нестором в повествовании о древнейших временах. Из дополнений, которые Нестор внес в труд своего предшественника, обращают наше внимание два предания, взятые из устной традиции и приуроченные к 993 и 997 гг. В первом из них повествуется о молодом кожемяке, который поборол печенежина и тем вызвал бегство печенегов и победу русских. Предание это связывало название города Переяславля с именем этого победителя — кожемяки, которого князь, как и отца кожемяки, «великим мужемь сътвори». Город Переяславль упоминается еще в договоре 911 г., так что Нестор умышленно перенес это предание на 993 г., очевидно, чтобы связать этот удивительный поступок князя, не побрезговавшего включить в свой правящий верх двух ремесленников Киева, с популярным именем Владимира Святославича. Отсюда мы в праве думать, что Нестор указывал этим на замкнутость современного ему правящего окружения князя Святополка, проникнуть в которое было нельзя даже

за геройские подвиги перед странюю, а лишь по признаку происхождения. Отрыв князя с боярством от населения, на который указывал Нестор, как мы знаем, с великою силою почувствовался в Киеве в 1113 г., когда восстание скоро переросло рамки обычных восстаний против дурных князей и грозило потрясением самому укладу тогдашней жизни.

Предание, включенное Нестором под 997 г., никаким образом не связанное со Владимиром, рассказывало о том, как вече осажденного Белгорода решило сдаться печенегам, но один старик, на вече не бывший, уговорил белгородцев попытаться сначала обмануть печенегов, прежде чем сдаваться. Этот обман удался, и нужда в сдаче города миновала. Конечно, предание это понадобилось Нестору, чтобы показать неповоротливость, непригодность вечевого строя в критические моменты, когда ум одного выше веча, движимого голодом и неспособного к тонкой мысли. Вероятно, этим преданием Нестор в скрытой форме откликнулся на события в Киеве после смерти Святополка, когда, как весьма вероятно, в Киеве воскресла вечевая жизнь в связи с поднимающимся и нараставшим восстанием.

Неожиданное изгнание из Киева потомства Святополка и появление на киевском княжеском столе Мономаха, всю свою жизнь соперничавшего и боровшегося со Святополком, было началом бедствий для Печерского монастыря. Литературная работа там умирает надолго, летописание изъемлется и передается в руки враждебного Печерскому монастырю — монастырю Мономаха (Выдубицкому); наконец, из монахов Печерского монастыря княжеская власть не берет теперь кандидатов на епископии, как было до того.

Летописные работы конца XI — начала XII вв., имевшие место в стенах Киевского Печерского монастыря, в истории нашего летописания, как и в истории нашей письменности, сыграли весьма большую роль на пространстве не одного века. Сюда в полной мере можно отнести слова постановления Жюри Правительственной Комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР («Правда» от 22 августа 1937 г.) по поводу того, что авторы представленных учебников: «игнорируют прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси, как расадников письменности и колонизационных баз».

В самом деле, почином первых летописателей Печерского монастыря (Никона и Ивана) летописание было взято из рук митрополии и стало делом русских людей. Летописные своды 1073 и 1093 гг. привили в Киеве самую мысль и манеру последовательно-ведущего записывания фактов на смену простых припоминаний или заимствований из народного преданья, которым руководились и удовлетворялись до тех пор. Князь Киев, а затем и других политических центров, теперь усваивают эту заботу о своевременном записывании событий, и летописание становится одною из самых заметных форм литературной работы княжеских монастырей.

Как первые опыты нашей исследовательской исторической мысли эти работы монахов Печерского монастыря обнаруживают перед нами меньше привлечь для разыскания самый разнообразный исторический источник, начиная от народных песен и преданий, названий могил и урочищ, толкования этнографических и географических терминов, от припоминания и рассказов стариков и кончая письменными памятниками славянской и греческой истории, как и подлинными древними русскими актами, как договоры X в. или грамота Владимира Десятинной церкви. Авторы этих сводов были и первыми нашими историками, дав нам схему русской исторической жизни, одушевляясь, к сожалению, желанием закрыть подлинную жизнь древности в целях возвеличения правящей династии, в представителях которой видели тогда современники единственную связь распадающегося Киевского государства. Эта же схема придумала и варяжское происхождение этой династии и пыталась даже название

Руси вывести из варяжского корня. Конечно, не их вина, что последующая историография усваивала их схему без критики и возражений. Но схема эта имела за собою то великое значение, что в концепции Нестора она вырывала нашу историю из византийской церковно-политической схемы, по которой нашей политической самостоятельности не отводилось места, и смело оценивала славянство и русских как исторически призванных к самостоятельной жизни и культуре.

Ведь недаром же все наше последующее летописание из века в век открывало свои страницы «Повестью вр. лет», хотя и не подлинного несторова текста, но в редакциях ни в какой мере не искажавших эту, так сказать, всемирно-историческую установку Нестора.

§ 10. РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ ВР. ЛЕТ» 1116 г. и 1118 г.

Выполненная как летопись князя Святополка «Повесть вр. лет» оказалась враждебной в своем изложении годов княжения в Киеве Святополка новому киевскому князю Мономаху, давнему политическому врагу Святополка.

Мономах передал «Повесть вр. лет» на просмотр и переделку игумену своего семейного монастыря (Выдубицкого, построенного еще отцом Мономаха) Сильвестру, который закончил эту работу в 1116 г. (о чем сохранилась его запись в тексте, например, Лаврентьевской летописи). Как видим, главное внимание Сильвестра было направлено на переделку несторова изложения за 1093—1113 гг., т. е. за время княжения Святополка.

Привлекая для восстановления существа несторова изложения за эти годы работу Поликарпа во второй части Печерского патерика, построенную главным образом на сюжетах, взятых из этой части несторовой «Повести вр. лет», мы видим, что игумен Сильвестр главным образом просто опускал весьма любопытные рассказы Нестора в пределах этих годов, касавшиеся в большинстве случаев отношений Святополка к Печерскому монастырю. Но была Сильвестром применена и замена нестороваго изложения другим. Здесь на первом месте надо поставить теперь читающийся под 1096 г. известный и весьма пространный рассказ попа Василия, видимо духовника князя Василька, об ослеплении и пленении этого несчастного князя. Представлявшее, несомненно, некогда отдельное от летописного текста повествование, произведение попа Василия, написанное с редким художественным талантом, имело в виду представить ужасную расправу над Васильком как дело злости и неосновательной подозрительности князя Давыда, которому легко поддался киевский князь Святополк. Во всяком случае, как хочет то доказать поп Василий, князь Василько не состоял в тайном соглашении с Мономахом против Святополка и Давыда для овладения их столами. И согласно этой своей установке, весьма, видимо, расходящейся с подлинным ходом междукняжеской игры, поп Василий весьма выгодно и выигрышно рисует фигуру и поведение в этих событиях Мономаха. Поскольку Нестор должен был излагать этот случай иначе, выгораживая князя Святополка и поясняя неизбежность его поведения, постольку несторово изложение задевало, конечно, Мономаха и требовало теперь замены.

В тексте «Повести вр. лет» до 1093 г. игумен Сильвестр сделал одну лишь значительную вставку. Она представляет собою изложение легенды о хождении по водному пути из варяг в греки апостола Андрея, этим путем почему-то задумавшего пройти из Синопии в Рим. Вполне понятно, что сын Всеволода, начавшего после получения уже упомянутого выше императорского послания постройку на Руси церквей, носящих имя апостола Андрея, Владимир Мономах пожелал видеть эту легенду закрепленною в летописании, и игумен Сильвестр, довольно неуклюже в литературном отношении, разрывая последователь-

ность несторова рассказа, вставил эту легенду в текст «Повести вр. лет», сделав, однако, ту уступку возражающим против нее кругам (вероятно, не одного Печерского монастыря), что привел Андрея на безлюдные киевские горы, где Андрей ограничивается пророчеством перед своими спутниками об имеющей здесь возникнуть в будущем христианской державе.

Эта работа игумена Сильвестра над «Повестью вр. лет» теперь называется второй редакцией «Повести» (разумея под первую — труд Нестора). Очень скоро эта вторая редакция получила продолжение и подверглась переработке.

В 1117 г. Владимир Мономах по каким-то, нам неясным, соображениям решил вызвать на юг своего старшего сына и наследника по Киеву — Мстислава, занимавшего тогда новгородский стол. На смену Мстиславу Мономах послал в Новгород сына этого Мстислава, своего внука, а самого Мстислава удержал подле себя в Киеве до самой своей смерти. Вот с этим семейным событием Мономаха находится в связи появление новой обработки и продолжения «Повести вр. лет», теперь называемой третьей редакцией «Повести вр. лет».

Эта третья редакция «Повести вр. лет» лучше всего сохранилась в южной летописной традиции (т. е. в списках Ипатьевском и Хлебниковском), хотя и не в совершенно-исправном виде, т. к. редакция эта носит на себе следы влияния второй редакции «Повести».¹

Можно думать, что составитель третьей редакции не только воспользовался сильвестровскою переделкою, но и привлек основной текст несторовой «Повести». Привлечение это было вызвано, по всей вероятности, тем, что переделка Сильвестра не переходила в своем изложении 1111 г., и, задавшись целью пополнить и продолжить эту работу, составитель третьей редакции должен был искать основной текст несторовой «Повести», где изложение доходило, как мы знаем, до года смерти князя Святополка включительно. По припоминанию, видимо, были затем составителем третьей редакции записаны события 1113—1117 гг. Только из несторовой «Повести», как мне кажется, мог составитель третьей редакции внести в свой труд: под 6558 г. известие «родися Святопѣлк»; под 6620 г. — известие о поставлении игумена Печерского монастыря на кафедру Черниговской епископии с описанием радости по этому случаю черниговской княжеской семьи, равно как и известие о поставлении нового печерского игумена с отметкою, что князь Святополк «повеле митрополиту поставити его с радостью»; наконец, под 6621 г. — известие о небесном знамении, предвещавшем, как оказалось, смерть князя Святополка, равно как и самую форму записи о смерти этого князя.

Для работы составителя этой третьей редакции «Повести» характерно значительное количество приписок в тексте второй редакции, касающихся князя Всеволода и его семьи (под 6584, 6594, 6609, 6610, 6617 гг.), что, разумеется, говорит за принадлежность этой работы дому Мономаха; характерны также поправки ошибок второй редакции в названиях византийских императоров (6463 г.) и включение прямого указания на смерть императора Алексея и вступление на его стол сына его Ивана под 6625 г., что нужно поставить в связь с близким родством Мономахова дома с императорскими домами Византии. Если к вышеизложенному мы присоединим то наблюдение, что третья редакция «Повести» отнеслась с большим вниманием к описанию новгородской деятельности Мстислава Владимировича (6604, 6621, 6624 гг.), то получаем право говорить о том, что третья редакция есть произведение, вышед-

¹ Реконструкция текстов второй и третьей редакций «Повести вр. лет» дана А. А. Шахматовым в его «Повести временных лет, т. I», издание Археографической Комиссии, Птр. 1916 г. Предлагаемое ниже исследование несколько видоизменяет выводы А. А. Шахматова.

шее из кругов, близких к этому князю, с 1117 г. перешедшему жительством на юг.

Под 6604 г. в третьей редакции читается любопытная вставка разговора автора этой вставки с новгородцем Гюрятою Роговичем о народах, заклепанных в горах, причем автор, видимо, поразил (или хотел поразить) Гюряту своею начитанностью; под 6622 г. находим опять довольно неожиданно приписанное сообщение о разных диковинах, виденных автором приписки в Ладогѣ, и о слышанных им там же от ладожан причудливых рассказах о выпадении из туч в полунощных странах маленьких зверков, причем автор записи ссылается, как на послухов, на Павла ладожанина и всех ладожан.

Последняя вставка как будто не дает права думать, что ее (а следовательно, и вставку под 6604 г.) мог сделать сам составитель третьей редакции, т. е. заставляет думать, что она образовалась путем приписки к третьей редакции ремарок одного из ее читателей. Конечно, этим лицом не мог быть рядовой читатель, если ремарки его оказались потом включенными в текст, да и самый тон этих ремарок подтверждает это наблюдение: «сказа ми Гюрята». . . «мъне же рекъшю к Гюряте», особенно же во второй ремарке, которая так соотносится с предшествующим ей известием: «В се же лето заложена бысть Ладога камением на приспе Павлѣм посадьником при князи Мстиславе. Пришедъшю ми в Ладогу, поведаша ми ладожане. . .» Не без основания, поэтому, можно высказать мысль, что автором этих приписок, говорящим о себе в первом лице и весьма снисходительно о Гюряте и посаднике Павле, — был сам князь Мстислав, для которого была составлена эта третья редакция «Повести» 1118 г.

Прибыв на юг после многих лет, проведенных на севере, Мстислав вынес оттуда, конечно, немало удивительных для киевлян рассказов и легенд. Одной из них Мстислав почему-то придал столь большую историческую достоверность, что пожелал ее внести в известную нам конструкцию призывания князей «Повести вр. лет» и тем несколько видоизменить прежнее изложение. Легенда была ладожская. Ладожская память утверждала о большей древности Ладоги против Новгорода и о былом руководящем ее значении для всего озерного края. В третьей редакции «Повесть», согласно этому преданию, сообщалось о поселении Рюрика, прибывшего из-за моря по приглашению, прежде всего, в Ладогѣ, откуда он, уже после смерти своих братьев, перенес свое пребывание на Ильмень, где срубил город над Волховом, Новый город.

Ладожская версия третьей редакции «Повести» не нашла себе всеобщего признания в дальнейшем развитии нашей историографии, и, хотя, видимо, южная традиция ее держалась там довольно упорно, на северо-востоке, т. е. в Ростово-Суздальском крае, она не похоронила старой версии о примате Новгорода.

ГЛАВА II

ЮЖНО-РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XII и XIII вв.

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЮЖНО-РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XII и XIII вв.

Вопрос о дальнейших судьбах киевского летописания, после появления в 1118 г. третьей редакции «Повести вр. лет», равно как и более широкий вопрос о судьбах южного летописания за XII и XIII вв., — представляются вопросами плохо исследованными и изученными.

Главным источником наших сведений о южно-русском летописании XII—XIII вв. является общерусский свод южной редакции начала XIV в., который по одному из своих списков получил название Ипатьевской летописи. Текст Ипатьевской летописи плохо сохранился, не-

Для полного изучения текста Ипатьевской летописи необходимо, таким образом, восстановить сначала протограф Ипатьевского и Хлебниковского списков с привлечением к этому разночтений Хлебниковского с Ермолаевским. Полученный результат все же не приведет нас ко вполне исправному тексту, и помочь здесь может до известной степени, конечно, привлечение Воскресенской летописи и основной редакции Софийской первой.

Что между Воскресенской и Ипатьевской летописями существует взаимная связь, — давно уже было указано А. А. Шахматовым, пояснявшим близость текста и одинаковую комбинацию южных и северных известий обоих сводов тем предположением, что оба они пользовались общим источником — общерусским митрополичьим сводом начала XIV в., отразившимся также (в некоторых известиях XII в. и в последних десятилетиях XIII в.) в Лаврентьевской летописи. Такое объяснение теперь, после изучения Лаврентьевской летописи в связи с восстановленной мною Троицкою летописью 1408 г. (о чем — ниже), придется оставить и выводить зависимость указанной выше близости Воскресенской и Ипатьевской летописей от непосредственного пользования составителем Воскресенской летописи списком Ипатьевской летописи. Подобное предположение находит, как кажется, подкрепление в том прямом указании, которое читается в списках Софийской первой. В первой редакции Софийской первой летописи (списки Карамзина и Оболенского) против многих известий XI в. находится отметка: «а писано в Киевском», или: «ищи в Киевском». Хотя этих отметок мы уже не находим в списках второй редакции Софийской первой, но известия, взятые из этого «киевского» источника или летописца, там читаются. Следовательно, получаем право говорить, что основная редакция Софийской первой пользовалась, как источником, каким-то южно-русским летописным сводом. Попытка представить себе облик этого свода путем сличения Софийской первой с Новгородскою IV (оба эти памятника восходят к общему протографу — своду 1448 г.) привела А. А. Шахматова к выводу о близости этого южно-русского свода, отразившегося в Софийской первой только в пределах XI и XII вв., с Ипатьевскою летописью, дававшего, однако, лучшие чтения против протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков. В виду этого результата, наше предположение о возможности существования в Москве текста Ипатьевской летописи лучшей сохранности, чем известные нам теперь ее списки, необходимое для установления прямого пользования составителем Воскресенской летописи Ипатьевскою, — получает известное подкрепление.

Что же представляет собою этот общерусский свод южной редакции начала XIV в., исправный текст которого требует столь сложного изучения? К счастью, разложение Ипатьевской летописи на составные части не представляет таких затруднений, как приведенное выше изучение ее текста.

Самое поверхностное изучение Ипатьевской летописи указывает, что этот общерусский свод южной редакции начала XIV в. соединяет в себе три источника. Первым из них был киевский свод князя Рюрика Ростиславовича, доходивший до 1200 г., исполненный игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Вторым источником послужила какая-то особая галицко-волынская летопись или, лучше, историческое повество-

с начала; в вариантах к Ипатьевскому взяты Хлебниковский и Погодинский списки. В 1908 г. вышло второе (вновь) издание под редакцией А. А. Шахматова, а в 1915 г. третье издание под его же редакцией. Издания 1908 и 1915 гг. имеют в предисловии анализ и соотношения списков, предложенные А. А. Шахматовым. Взаимоотношения Ипатьевской и Воскресенской летописей в дальнейшем нашем изложении будут пониматься иначе, чем в предисловии А. Шахматова к изданию Ипатьевской, как и в его «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (изд. Акад. Наук СССР, 1938 г.).

вание о судьбах галицко-волынкой земли, которое доводило свое изложение до последних годов XIII в. и имело форму несвязанного годовую сетью изложения, что очевидно по Хлебниковскому списку и явно позднейшим, не всегда ловким, вставкам годов в Ипатьевском списке. Оба эти источника соединены так, что куски из начала галицко-волинского повествования влиты в киевский свод 1200 г., а после этого года идет, как продолжение, галицко-волынкая летопись. Сверх указанных двух источников составитель Ипатьевской летописи привлек еще и третий источник, содержащий в себе известия по истории северо-восточной Руси. По этому третьему источнику была пополнена главным образом первая часть нового свода, т. е. от «Повести вр. лет» до 1200 г., хотя несколько известий этого третьего источника встречаем и во второй части (т. е. от 1200 г. до конца свода). Последним известием этого третьего источника надо считать одну из частей описания нашествия Батя на северо-восточную Русь.

Состав и характер этого третьего источника Ипатьевской летописи представляет для нас немаловажный интерес, но рассмотрение этих вопросов удобнее отложить до того времени, когда мы сосредоточим свое внимание на истории летописания Ростова и Владимира Суздальского. Здесь же мы займемся изучением только двух первых источников Ипатьевской летописи.

§ 2. ПЕРВЫЙ КИЕВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1200 г. и ЕГО ИСТОЧНИКИ

Выше было указано, что в числе трех источников южно-русского летописного свода нач. XIV в. (т. е. Ипатьевской летописи) находится киевский свод 1200 г. князя Рюрика Ростиславовича. Получить текст этого свода из состава Ипатьевской летописи возможно, если мы удалим из текста Ипатьевской от «Повести вр. лет» до 1200 г. все известия, которые восходят к двум другим источникам, т. е. галицко-волинской летописи и северо-восточному своду XIII в. Сделать это не представляет больших затруднений, потому что галицко-волынкая летопись содержала в себе свои галицко-волынские известия, а северо-восточный свод XIII в., весьма, как увидим, близкий тексту Лаврентьевской летописи, при сопоставлении с Лаврентьевской обнаруживается безошибочно.

После удаления известий галицко-волинских и восходящих к северо-восточному своду XIII в. мы получим киевский летописный свод, о котором легко заключить, что он составлен в Выдубицком монастыре в 1200 г., и в последних годах своего повествования, с 1173 г., имел в виду прославить деятельность князя Рюрика Ростиславовича.

Обстоятельством, послужившим поводом для составления этого свода времени князя Рюрика и побудившим Выдубицкий монастырь так сочувственно отнестись к этому князю, было построение князем Рюриком каменной стены для Выдубицкого монастыря. Заложена она была, по вычислению составителя свода, на 112-м году от года постройки каменной церкви монастыря заботою князя Всеволода, о чем, действительно, упоминается в «Повести вр. лет» под 6596 (1088) г. Окончание работ по возведению стены и великое торжество, приуроченное монастырем к этому случаю, пало на 24 сентября 6708 (1199) года и описанием этого праздника заканчивается этот летописный свод. Замечательна приводимая здесь речь игумена Выдубицкого монастыря Моисея (произнесенная в благодарность князю и, видимо, полностью занесенная в летопись), как образец особого рода придворного красноречия того времени, почему-то совершенно упускаемая из виду историками древне-русской литературы. Но этот внешний повод составления свода не должен закрывать перед нами того факта, что перед нами первый великокняжеский свод, явно свидетельствующий нам, что князю Рюрику,

первому из киевских князей после 1037 г., удалось получить этот титул. Ранее этого титул великого князя, как мы узнаем, получил в 1185—1186 г. Всеволод Юрьевич, князь Владимира Суздальского.

Начиная с 1173 г. мы встречаем в нашем своде ряд известий, относящихся к князю Рюрику или его семье (1173, 74, 80, 83, 85, 87, 94, 97, 98, 99 гг.), всегда изложенных с явным расположением и даже пристрастием к этому князю. Мало того, легко усмотреть желание автора этой работы всю княжескую деятельность предшественника Рюрика по киевскому столу — князя Святослава Всеволодовича — изобразить, как совместное правление этого последнего с Рюриком (ср. 1183; 87 и 92 гг.), что достигается довольно нехитрым литературным приемом — простым приписыванием имени князя Рюрика к известиям о княжеской деятельности Святослава (особенно ясна эта манера в изложении 1184 г.). Отсюда мы получаем право думать, что в руках автора свода 1200 г., как главный источник, находился свод, в котором уже была изложена деятельность Святослава Всеволодовича.

Трудно сомневаться в том, что автором этой летописной работы 1200 г., первого киевского великокняжеского свода, был тот игумен Выдубицкого монастыря Моисей, приветственная речь которого князю Рюрику приведена под 6708 (1200) годом. В этом смысле высказывались многие историки и историки древне-русской литературы. К слову заметим, что наличие этой летописной работы, как и приветственной речи Моисея князю под 6708 г. — дает право Моисею на известное место среди писателей XII в. в обзоре древне-русской литературы.

Конечно, именно то обстоятельство, что автор работал над составлением великокняжеской летописи, вызвало мысль о привлечении к работе, кроме Киевского летописца, этого основного источника, и других летописцев «русских» князей. Вот почему киевская в своей основе летопись Моисея получила большое обособление в своем составе, где можно указать: 1) семейную хронику Ростиславичей, братьев великого князя Рюрика (ср. описание смерти и некрологи князей: Святослава под 1172 г.; Мстислава под 1178 г.; Романа под 1180 г. и Давида под 1198 г.), которая, как можно думать, составлялась в Киеве за время княжения там Рюрика и, всего вероятнее, тем же лицом, которое переработало киевскую летопись, кончавшуюся временем княжения в Киеве Святослава Всеволодовича и совместного правления с ним Рюрика и которое работало над составлением всего киевского свода 1200 г., т. е. игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем; 2) черниговскую летопись князя Игоря Святославича, героя похода 1185 г., ставшего с 1198 г. князем черниговским после смерти Ярослава Всеволодовича; и, наконец, 3) Переяславский летописец Владимира Глебовича, кончавшийся некрологом этому князю под 1187 г.

Проглядывая текст киевского свода 1200 г., мы невольно останавливаемся на частом применении к случаям упоминаний смерти того или иного князя приписки элегического тона, как напр.: «и приложися к отцам, отда обьщий долг, его же несть оубежати всякому роженому» (1172 г.) или «и приложися к отцєм своим и дѣдом своим, отдав обьщий долг, его же несть оубежати всякому роженому» (1179 г.). Такие же приписки идут и дальше: под 1180 и под 1198 гг. Поскольку все эти приписки связаны с упоминанием смертей братьев Рюрика (под 1172 г. — Святослава; под 1179 г. Мстислава; под 1180 г. Романа; под 1198 г. Давыда), т. е. относятся к семейной хронике Ростиславовичей, они могут свидетельствовать только о том едином авторе, который писал эту хронику и которого мы определили как составителя всей летописной сводной работы 1200 г., т. е. Моисея.

Конечно, нам сейчас совершенно безразлично, выражали ли эти элегические приписки тогдашнюю литературную моду или отражали личное настроение Моисея, и на этих приписках не стоило бы и останавливаться,

если бы не то обстоятельство, что под 1196 г. мы неожиданно находим ту же самую приписку и опять в тех же словах, как и прежние, на этот раз приложенную к известию о смерти в Чернигове князя Всеволода Святославовича (буй-тур «Слова о полу Игоре»), определенно в известии, как «брат Игорь». Значит, приписки элегического тона восходят к руке Моисея не только как составителя хроники Ростиславовичей, но и как составителю летописного свода 1200 г., вставившего эту же приписку и в текст вливаемого в свод черниговского летописца.

Оставляя пока без рассмотрения основной источник свода 1200 г., т. е. киевский летописец, который кончал изложение описанием княжения и смерти Святослава Всеволодовича, и к которому Моисей придал изложение дел Рюрика княжения от 1173 до 1200 г., обратим наше внимание на вспомогательные источники.

О семейной хронике Ростиславовичей можно сказать уверенно, что она не представляла contemporaneous записей об этих князьях, занимавших разные столы Киевского государства (Смоленск, Новгород и др.), а составлялась, как коллекция некрологов, написанных в Киеве в связи с получением князем Рюриком известий о смерти того или другого брата. Некрологи ничего не сообщают о фактической стороне биографии умершего князя, о местных делах и отношениях, а главным образом рисуют похвальные (всегда шаблонные) черты этих князей, как и полагается в некрологах.

О летописце Переяславля южного, князя Владимира Глебовича, составлявшего также вспомогательный источник свода 1200 г., подробнее нам будет удобнее поговорить в главе по истории летописания Ростовского края XII в., т. к. в летописании этом весьма существенную роль играли вообще летописцы Переяславля южного разных редакций, в числе которых был и этот летописец — князя Владимира Глебовича. Сейчас, впрочем, отметим, что заканчивался этот летописец описанием смерти князя Владимира (под 1187 г.) и по содержанию своему был повествованием о военных подвигах этого князя в борьбе с половцами. Поэтому выделить из состава свода 1200 г. известия этого переяславского источника весьма легко, т. к. все они упоминают своего князя Владимира и описывают его подвиги. При анализе Лаврентьевской летописи, в составе которой в известиях XII в. мы также найдем извлечения из этого летописца Владимира Глебовича, мы дадим общую характеристику и состав этого источника.

Третьим вспомогательным источником киевского великокняжеского свода 1200 г. был черниговский летописец князя Игоря Святославовича.

Источник этот использован сводчиком 1200 г. в обильных и значительных по размеру выписках, не говоря уже о кратких сообщениях. Последнее известие этого черниговского летописца — под 1198 г. о смерти черниговского князя Ярослава Всеволодовича и о вступлении на черниговский стол Игоря Святославовича, названного при этом «благочестивым князем».

Мы уже не однажды называли этот черниговский летописец — летописцем Игоря и называли так не только, конечно, потому что этот летописец оканчивался известием о вступлении Игоря на черниговский стол. Проглядывая состав известий этого летописца, как он отразился в киевском своде 1200 г., видим особый интерес, проявляемый составителем черниговских известий к личности Игоря. Так составитель отмечает, не в отношении к другим черниговским князьям, подробности семейных дел Игоря: рождение самого Игоря (1151); рождение его сыновей — Владимира (1173), Олега (1176) и Святослава (1179); браки его детей (1188 и 1190); летописец определяет в своем повествовании других князей по их родственным отношениям к Игорю: так Всеволод Святославович (буй-тур «Слова») два раз поясняется читателю как «брат Игоря» (1184 и 1198 гг.), так Владимир Галицкий назван «шюрином» Игоря.

Как увидим далее, летописатель этот продолжал при Игоре Летописец отца и брата этого князя и не всегда удерживался от внесения в летописный текст своих предшественников по летописанию тех или иных известий, связанных с князем Игорем, или же старался то или иное известие в работе своих предшественников связать с именем князя Игоря, иногда проделывая это весьма наивно: так в изложении известия 1159 г. он вставил имя Игоря, которое ранее здесь не читалось, что ясно как из конструкции фразы, так и потому, что Игорю было тогда 8 лет: «И сняшася в Лутаве Изяслав и Святослав Олговичь и сын его Олег, Игорь, и Всеволодовичь Святослав и бысть любовь велика». Не могу не отметить весьма близкого личного знакомства составителя этого летописца с князем Игорем, засвидетельствованного передачей личных переживаний Игоря по тому или другому поводу. Кто может усомниться в этом, читая теперь рассказ о походе 1185 г. в изложении нашего составителя, сохраненный нам Ипатьевскою летописью, где автор смело вкладывает в уста князя Игоря покаянный счет княжеских его преступлений и где, при описании бегства Игоря, даются такие житейские и психологические детали, которые могли быть известны только самому князю. И таких мест в этом летописце можно привести несколько.

Итак, черниговский летописец князя Игоря, использованный киевским сводчиком 1200 г., как источник вспомогательный, был работою лица, близкого князю, многое, несомненно, узнавшего лично от князя. Но не весь этот Летописец составлен данным автором, т. к. из обзора ранних известий этого Летописца очевидна современная и точная запись событий от середины XII в., заставляющая предполагать предшественников в работе нашего автора.

Просматривая состав черниговских известий в киевском своде 1200 г. исследователь только в некоторых случаях затрудняется отнесением того или иного известия к черниговскому Летописцу, колеблясь между этим источником и киевским летописанием, так как за время княжения в Киеве князей черниговского дома киевское летописание отмечало, конечно, и некоторые черниговские события того времени, имеющие отношение к сидящему на киевском столе представителю черниговского дома. Громадное же большинство черниговских известий легко выделяется из состава киевского свода 1200 г. и явно относится к черниговскому Летописцу по тому признаку, что Летописец этот представлял собою Летописец князя Святослава Ольговича (отца Игоря), продолженный позднее Олегом Святославовичем (братом Игоря) и затем уже законченный, как Летописец князя Игоря. Другими словами, перед нами семейный Летописец Святослава Ольговича и его сыновей.

Нет никакого сомненья, что заложенный при Святославе Ольговиче Летописец этот вел последовательный рассказ о событиях, жизни и деятельности этого князя (ср. точные семейные даты 1148, 1149, 1151, 1165 и др.), только к концу жизни севшего на черниговский стол, и что сын Святослава Олег, продолжавший отцовский Летописец, вел его, как личный, как Летописец князя Новгорода Северского, потому что Олег после смерти отца ушел из Чернигова в Новгород Северский, князем которого и умер. Игорь, продолжая Летописец брата, ведет его, как князь того же Новгорода Северского, т. к. черниговским князем он стал лишь в 1198 г. после смерти Ярослава Всеволодовича. Так как никакой другой летописи среди князей черниговского дома не велось, то отсюда и получается то печальное обстоятельство, что о многих черниговских князьях мы имеем лишь косвенные данные: или в тех случаях, когда они садились на киевский стол и деятельность их запечатлевалась в киевском летописании, как деятельность киевского князя; или же в тех случаях, когда известия о них попадают нам в Летописце Игоря или в летописцах других князей того же времени. Например, не безразлично отметить, что про Святослава Всеволодовича мы знаем только как

про киевского князя по летописцу киевскому, ведшемуся за его время, а про Ярослава Всеволодовича — по упоминаниям о нем в Летописце Игоря и киевском летописании, т. к. сами Святослав и Ярослав Всеволодовичи, как князья черниговские, летописания не вели.

Возникший в 40-х годах XII в. семейный Летописец князя Святослава Ольговича сосредоточивал свое внимание, как мы уже и говорили, на личности и походах Святослава. Однако чтение и анализ изложения Ипатьевской летописи об убийстве киевлянами проживающего в одном из киевских монастырей, принявшего «мнишеский чин» Игоря Ольговича — дают возможность установить, что в этом тексте Ипатьевской сплетены два источника, повествовавшие по-разному об этом событии: подробный, но деловой рассказ, восходящий к основному киевскому летописанию того времени князя Изяслава Мстиславовича, и многоречивый и условно-литературный рассказ, восходящий к черниговскому княжескому летописанию. Разложив это повествование Ипатьевской на два его источника и сосредоточив свое внимание на источнике черниговском, видим, что перед нами типичное по литературным приемам того времени многоречивое «житие» князя Игоря Ольговича. Как могло оно попасть в Ипатьевскую летопись? Если все черниговские известия Ипатьевской летописи до 1200 г. включительно мы имеем возможность связать в единый Летописец князя Святослава Ольговича и его сыновей, то имело ли место это «житие» в составе этого Летописца? Или же оно было привлечено составителем свода 1200 г., как самостоятельное литературное произведение? Поскольку в работе сводчика 1200 г. мы нигде не вынуждены предполагать привлечения внелетописных источников, в данном случае особенно странного для летописания, посвященного не-черниговскому князю, и поскольку под 1180 г. имеем в своде 1200 г. указание на перенесение «мошей» убитого киевлянами Игоря в Чернигов заботою брата его Святослава Ольговича, — постольку имеем право думать, что «житие» Игоря Ольговича входило в состав Летописца Святослава и его сыновей и чрез этот Летописец попало в повествование киевского свода 1200 г.

Это наводит на мысль, что Летописец Святослава Ольговича, может быть, в пору его княжения в Чернигове, делал попытки выходить из рамок личного Летописца этого князя, превращаться в черниговское летописание. Действительно, начиная с 1120 г. (1120, 1123, 1140, 1142, 1143 и др.) встречаем ряд известий, касающихся черниговских князей и епископов, упоминания о которых не могли входить в задачу Летописца Святослава Ольговича, как семейного или личного Летописца этого князя. Тогда нельзя не принять в соображение, что эти черниговские известия, выходящие за рамки Летописца Святослава Ольговича, кратки и приведены без точных дат, как позднейшие припоминания, т. е. подтверждают наше предположение о том, что Летописец Святослава Ольговича во время княжения его в Чернигове пытался до известной меры превратиться в черниговское летописание. Тогда возникает далеко не безразличный сейчас для нас вопрос: как же и чем начинался Летописец Святослава Ольговича после попытки перестроить его в черниговское летописание?

Что летописного дела не было в Чернигове в XI в. и начале XII в. в той форме непрерывного повествования, как это видим в Киеве, — в этом нет никакого сомнения. Отдельные упоминания «Повестью вр. лет» черниговских событий вовсе не ведут к непременно представлению о наличии в руках составителя «Повести» (или редактора) черниговского источника или об отражении в «Повести» в какой-нибудь другой форме непрерывного черниговского летописания, т. к. все эти черниговские известия «Повести» находят себе удовлетворительное объяснение из киевских дел и отношений. Фигура знаменитого Олега Гореславовича, отца Святослава Ольговича, нарисована нам в «Повести» не рукою чер-

ниговского летописателя, а рукою враждебных ему киевских летописателей и упоминание о смерти его занесено в третью (1118 г.) редакцию «Повести вр. лет» также не рукою черниговца. Совершенно ясно поэтому, что за время Олега никакого черниговского летописания не было.

Если Летописец Святослава Ольговича, заложенный в 40-х годах XII в., по припоминаниям, как мы видели, подымался все же до 1120 г., то естественно предположить, что он не ограничивался этим и, конечно, в какой-то форме сообщал и о ранних годах Чернигова, касаясь, конечно, и времени отца Святослава — Олега. Однако, отсутствие в киевском своде 1200 г. в пределах «Повести вр. лет» каких-либо дополнительных черниговских известий против обычных для этого памятника, известного и по другим источникам, дает право сделать два предположения о том, как начинался Летописец Святослава Ольговича: или Летописец этот не имел никакого начала до 1120 г.; или известия, читавшиеся в начале этого Летописца, совпадали с известиями «Повести вр. лет», м. б. их сокращая, но не пополняя. Что вероятнее это второе предположение, вытекает из изучения объема этих сведений до 1120 г. у автора «Слова о полку Игореве».

Автор «Слова о полку Игореве» представляется нам лицом для своего времени достаточно просвещенным, начитанным. В его языке мы найдем не мало книжных выражений, заимствований. Трудно не думать, что автор был знаком с Летописцем своего князя, т. е. Игоря Святославовича. Если просмотреть сведения о событиях XI—начала XII вв., т. е. времени Олега Гореславовича, какими оперирует автор «Слова» в своем произведении, то увидим, что сведения эти (если они не позаимствованы из песенного репертуара) не превышают количества сведений об Олеге Гореславовиче и более ранних временах в «Повести вр. лет», иногда совпадая с «Повестью» даже во фразеологии («зареза Редедю»).

Но объем этих сведений у автора «Слова» значительно менее объема их в «Повести». Обычно считают возможным известные слова автора «Слова о полку Игореве» о смерти Изяслава: «С тоя же Каялы Святоплък полелея отца своего между угорскими иноходцы ко святей Софии к Киеву» — относить к смерти и погребению Тугорхана Святополком, толкуя «отца своего» в смысле «своего тестя». Так считают возможным толковать потому, что Тугорхана Святополк хоронил, а Изяслава хоронил, по «Повести вр. лет», не Святополк, а Ярополк. Кроме того, труп Изяслава везли в лодке, а не на угорских иноходцах. Не говоря уже о том, что угорские иноходцы в Киеве стали известны (и на них пошла мода) только с 1150 г. («тогда же Угре на фарех и на скоках играхуть на Ярославли дворе многое множество, кияне же дивляхуться Угром множеству и кметьства их и комоном их»), все недоразумение разъяснится нам, если мы допустим, что автор «Слова» знал рассказ о сражении 1078 г., в котором погиб Изяслав, как и всю «Повесть вр. лет» в сокращении, где подробности погребения Изяслава, например, были опущены и изложены в «Слове» автором в своем собственном толковании на черниговский лад: все князья Чернигова хоронились в главной церкви Чернигова, и отца хоронил старший сын; поэтому он заставляет Святополка погребать Изяслава в Софии, главной церкви Киева, не зная, что в Киеве не всех князей хоронили в главной церкви.

Итак, можно предположить, что Летописец Святослава Ольговича, ставший потом Летописцем Игоря, в своем начале (т. е. до 1120 г.) имел извлечения из «Повести вр. лет», касавшиеся главным образом черниговского княжества и Тмуторокани, как Черниговской волости.

§ 3. ЮЖНО-РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XII и XIII вв.

Если извлечь из великокняжеского свода Рюрика 1200 г. все известия, могущие восходить к хронике Ростиславовичей, черниговскому

летописцу Игоря или летописцу Переяславля южного, то в остатке мы получаем непрерывное киевское летописание от «Повести вр. лет» до 1200 г. включительно. Этот любопытнейший материал еще ждет своих исследователей и кроет для них не мало трудностей в виду отсутствия более или менее надежных и достаточных остатков параллельного текста, т. к. изложение киевских событий XI и XII вв. в Лаврентьевской ведет нас не к киевскому, а к переяславскому (южному) летописанию.

Поскольку на этом, в должной мере еще не изученном, материале нужно представить себе историю киевского летописания XII в., постольку наши суждения, конечно, не могут быть достаточно обоснованными. Прежде всего обращаем внимание на непрерывность летописного дела в Киеве за весь XII в. с одной стороны, разнообразность летописной манеры изложения отдельных княжений, с другой. Отсюда можно вывести то заключение, что в Киеве была прочно усвоена традиция, созданная печерскими сводами конца XI — начала XII вв. в деле составления летописцев в связи с переменами на киевском столе, и очевидно каждый киевский князь по-своему и своими средствами стремился поддержать эту традицию, озабочиваясь своевременным записыванием текущих дел и событий.

Впрочем время Мономаха выделяется в этом ряде нарастающих княжеских летописцев скромностью наличия своих известий, явно написанных по более позднему припоминанию, что ведет как будто к предположению, не думал ли сам Мономах быть своим летописцем? Как известно, в Лаврентьевской летописи сохранилось (в случайном месте текста) «поучение» Мономаха. Это «поучение», при ближайшем рассмотрении оказывается собранием сочинений Мономаха, где на первом месте читается «Поучение», с утратою конца, затем письмо Мономаха к князю Олегу (с утратою начала) и, наконец, культовый текст, вероятно, сочиненный Мономахом. В «Поучении» Мономах приводит детям в пример труд своей жизни и дает перечень своих походов, явно записанных своевременно, а не по припоминанию, почему исследователи называют эту часть «Поучения» дневником. Отметим здесь одно весьма важное для нас обстоятельство. Дневник Мономаха в сопоставлении с текстом «Повести вр. лет» довольно легко распадается для конца XI в. на две части: походы, упомянутые в «Повести», и походы, о которых «Повесть» ничего не сообщает. Отсюда нам нужно постоянно помнить, изучая летописи, что составители летописцев и летописных сводов вовсе не задавались целью сообщить все факты современности, а руководились в их выборе, очевидно, какими-нибудь политическими соображениями и оценками. Вглядываясь во все количественно разрастающееся изложение летописных годов последующего киевского летописания, можно думать, что летописание входит во вкусы общества, привлекает к себе внимание и заботу князей, умеющих найти для этого дела и незаурядные литературные дарования. Например, весьма выделяется талантом изложения, живостью и жизнерадостностью описание времени князя Изяслава Мстиславовича, составленное весьма близким к князю лицом, едва ли не дружинником князя.

Но уходя все дальше и дальше от довольно скромных по своим размерам описаний летописных годов печерских сводов, киевское княжеское летописание, выигрывая, так сказать, в пространности, литературной наторелости и многоречивости, решительно упадает в широте того общерусского горизонта, с которого вглядывались и оценивали текущие события печерские летописатели XI—XII вв. Даже возродившееся во второй половине XII в. летописание того же печерского монастыря при князе Ростиславе Мстиславовиче, рукою игумена Поликарпа составившее киевский княжеский летописец времени этого князя, не вернуло летописанию киевскому его былых горизонтов и не смогло вывести

летописную работу из того состояния почти замкнутого трактования только своих событий и деятельности только своего князя. Начало этому можно увидеть в летописании времени Мономаха и Мстислава Владимировича, сразу же после «Повести вр. лет» превратившемся в фамильное летописание с нарочитым восхвалением личности князя и даже приурочением к его моральным заслугам успехов его деятельности на киевском столе.

Итак, мы знаем, во-первых, что в Киеве в XII в. ведется непрерывное летописание киевских князей. Дошедший до нас материал этого летописания не переходит 1200 г., и мы не можем сказать, сохранилась ли эта манера непрерывного княжеского летописания и в XIII в., так как имеем указание лишь на то, что какое-то летописание в Киеве велось еще и в 1238 г.

Черниговское летописание, историю которого мы только что выясняли, в своем отражении в своде 1200 г. не дает нам также материала для суждения о том, сохранялось ли оно в Чернигове после Игоря Святославовича.

Зато в Переяславском (южном) летописании мы имеем сведения и за XIII в. Возникшее в начале XII в., вероятно, с назначением на переяславскую епископию Сильвестра, редактора 1116 г. летописной работы Нестора, Переяславское летописание до 1175 г. ведется как епископский Летописец, на смену которому возникает уже упоминавшийся нами Переяславский княжеский летописец Владимира Глебовича, кончавшийся описанием смерти этого князя в 1187 г., а затем имевший непрерывное продолжение, частично отражавшееся в разных моментах великокняжеского летописания Владимира Суздальского. Последняя редакция этого Переяславского летописца, отразившаяся во владимирском летописании, кончалась 1228 г. Впрочем, обо всем этом переяславском летописании XII и начала XIII в. подробная речь будет еще впереди.

Кроме Киева, Чернигова и Переяславля видим наличие летописной работы в Галицко-волынском крае.

Весь XIII в. в Ипатьевской летописи, как мы уже знаем из § 1, занят летописным рассказом о судьбах Галицко-волынских земель. Начинаясь в полном своем тексте после великокняжеского киевского свода 1200 г. этот галицко-волынский рассказ не дошел до нас в таком же виде и для своего начала, слитый в пределах до 1200 г. с только что названным киевским сводом 1200 г. В самом деле, под 1145 г. в Ипатьевской летописи читается рассказ о наказании, которому подвергся от Владимира Ляцкого его «муж» по имени Петрок, причем летописатель, заметив, что в этом случае над Петроком сбылось «слово» о той мере, по которой возмерится каждому, продолжает так: «Ты (т. е. Петрок) ем Руского князя лостью, Володаря, и умоучивы и имение его усхыти все, его же бог по некоилице дней не презре, о нем же бе в задних летех писано». В этом замечании кроется, конечно, указание на событие 1122 г., о котором в Ипатьевской летописи читаем только: «и Володаря яша Ляхове лостью, Василкова брата». Так как в Лаврентьевской летописи читаются буквально те же слова о плене Василька, что и в Ипатьевской, и так как свод южного Переяславля, через который эти слова попали в Лаврентьевскую, не знал галицко-волынского летописца XIII в., то, конечно, ясно, что составитель южно-русского сборника XIV в. (Ипатьевской лет.) оставил здесь, под 1122 г., изложение киевского своего источника (великокняжеского свода 1200 г.), т. е. опустил возможность заменить здесь киевское изложение этого эпизода изложением по галицко-волынскому летописцу XIII в., где, как это ясно нам из известия 1145 г., должно было читаться не столь короткое сообщение, а должен был быть упомянут и Петрок как действующее лицо, и обиды, причиненные Петроком князю Володарю при захвате последнего ляхами.

Итак, по известию 1145 г. мы имеем основание думать, что галицко-волынский рассказ XIII в. в свое время имел начало, на которое, как на «задние лета» для 1145 г. ссылается под этим годом рассказчик. Самое выражение его о «задних летах» говорит за то, что для XII в. это было погодное летописание как и за время XIII в., судя по точности дат и мелочам описаний, которых нельзя было передать припоминанием, и на этом материале когда-то в конце XIII в. был сложен целостный рассказ, не разбитый по годам и даже, как вероятно, без всякой хронологической сети.

Не ограничивая себя рамками изложения по годам, автор ведет живой и непрерывный рассказ, любопытный по тому жизнерадостному, далекому от церкви и церковных книг, тону, который дает нам право думать, что перед нами не церковник, а дружинник князя. Самая манера построения исторического повествования без летописной сети годов весьма напоминает нам обычную в Византии форму исторических повествований императорских историков, из трудов которых, хотя и немало-численных за время русского подчинения Византии, ни один не был переведен на русский язык.

Думаю, что непрерывность общения Галиции с Византией, проистекавшая от соприкосновения границ по Дунаю и не нарушавшаяся степью, вообще давала возможность Галиции больше усваивать старую культуру Империи против других областей Киевского государства, что, между прочим, сказалось и на типе и на тоне галицко-волынского повествования конца XIII в., сохраненного нам в Ипатьевской летописи.

Из других остатков южно-русского летописания XII—XIII вв. нужно припомнить тот летописный свод, который был привлечен в Новгороде в начале XV в. в состав новгородского летописания и доводил свое изложение до 1204 г. В начале этого свода был заложен «Начальный свод» 1093 г., а не «Повесть вр. лет».

Синодальный список Новгородской I летописи дает нам указание, что последним письменным источником южного летописания для летописания новгородского был какой-то киевский летописец, доводивший свое изложение только до 1237 г. включительно (последнее известие этого года о прибытии в Киев нового митрополита гречина из Никеи), почему взятие татарами Киева в 1240 г. в новгородском летописании XIV в. осталось неотмеченным.

Мы упоминали выше, что в числе источников московского летописания XV в. был «Киевский», который представлял собою текст, весьма близкий к первой части Ипатьевской летописи, т. е. к Киевскому своду 1200 г., не переходя его хронологической грани, но сообщая более исправный текст.

Наконец, надо принять в соображение, что составитель общерусского свода южной редакции начала XIV в., т. е. Ипатьевской летописи, желая в начале XIV в. привлечь летописные источники и юга, и севера, имел в руках из южно-русского летописания только два источника: киевский свод 1200 г. и Галицко-волынское повествование конца XIII в.

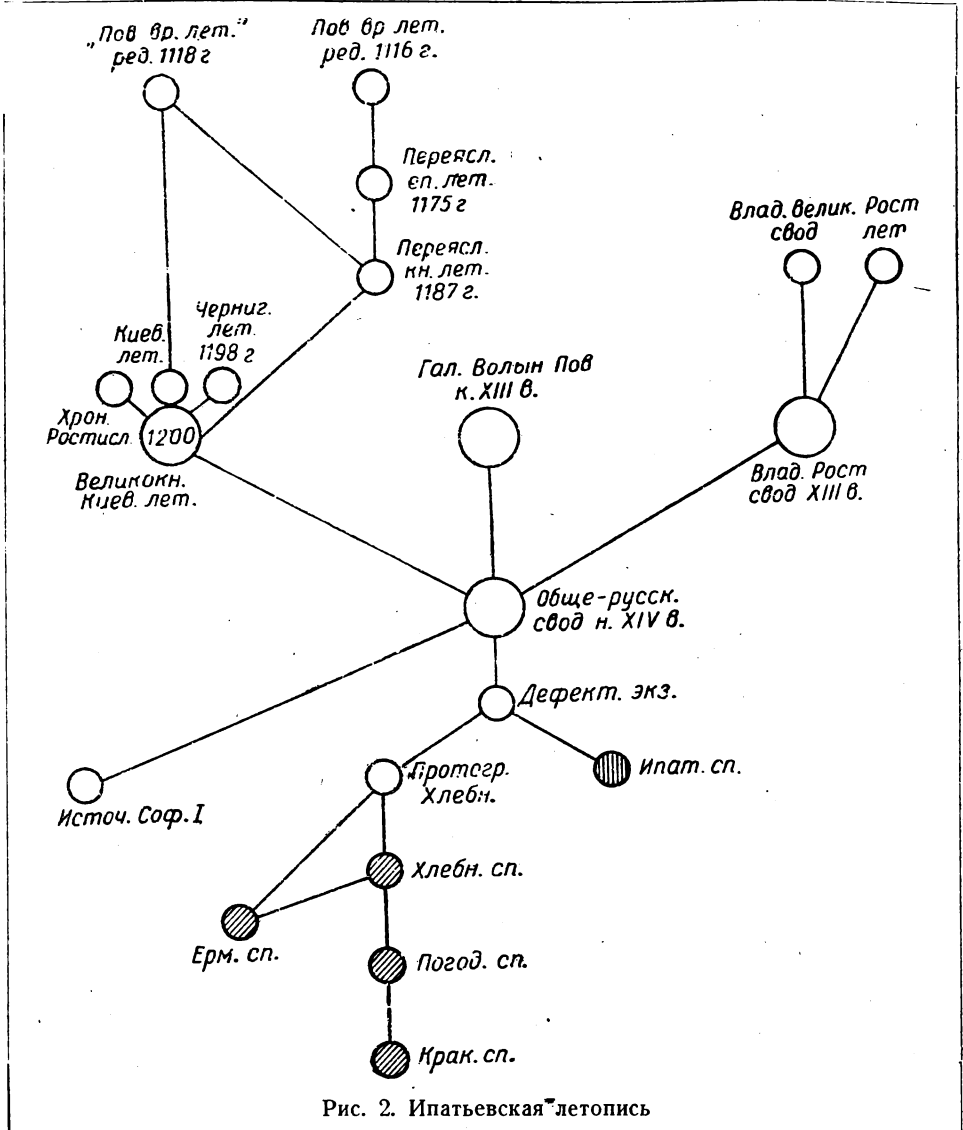
§ 4. ОБЩЕРУССКИЙ СВОД ЮЖНОЙ РЕДАКЦИИ НАЧАЛА XIV в. (ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА)

Мы изучили источники Ипатьевской летописи и можем теперь попытаться понять ту политическую установку, которою одушевлялся сводчик, работавший над конструкцией этого свода.

Привлечение великокняжеского свода 1200 г. давало возможность сводчику изложить ход русской истории от «Повести вр. лет.» до 1200 г. с точки зрения главного распорядительного центра Киевского государства X—XII вв. Для XIII в. совершенно очевидно сводчик считал необходимым выдвинуть на место Киева другой центр, жизненно-

переросший опустевшее Киевское княжество и державший Киев теперь в своем обладании. Привлечение Владимиро-ростовского свода XII в. имело, конечно, целью придать изложению общерусский характер, поскольку Киев всегда был распорядительным центром всего Киевского государства.

Мы узнаем из истории Ростово-Суздальского летописания XII в., что во Владимире очень рано, еще в 70-х годах XII в. сложилась историче-

ская летописная концепция, доказывавшая, что после 1169 г., т. е. взятия Киева войсками Андрея Боголюбского, значение главного распорядительного центра Киевского государства перешло на Владимир. Великие князья владимирские, исходя из этой мысли домогались перенесения митрополии из Киева во Владимир и, не получая этого, непрерывно стремятся к захвату Киева, в чем встречают отпор со стороны галицких князей, желавших усвоить за собою Киев и с тем вместе значение преемников киевских князей.

Борьба за Киев, начавшаяся с середины XII в., идет для владимирских князей весьма неудачно, хотя для этой цели они прибегают ко все-

возможным мерам, вплоть до исхлопотания Ярославом у Батыя признания за владимирским великим князем «старейшинства всем князем в Русском языке» в 1243 г., а 1249 г. совместной поездкой в Монголию Андрей и Александр Ярославичи добились для Александра «Киева и всей Русской земли», понимая, очевидно, под последней Киевское, Черниговское и Переяславское княжества, т. к. Андрей в это же время получает титул великого князя Владимирского. Но более счастливого против северо-востока Галицко-волынское княжество все время кладет предел этим домоганиям Ярославова гнезда на Киев и Киевщину. Мы мало знаем о ходе этой борьбы, но, несомненно, Даниил Галицкий сделал призрачным даже «повеление» великого хана Александру и, мало того, добивается у Никеи назначения на митрополичью кафедру Киева своего русского кандидата, т. е. одного из своих ближайших сотрудников, назвавшегося теперь митрополитом Кириллом.

Однако, между Кириллом и Даниилом вскоре происходит разрыв; Кирилл уезжает на север и проживает, числясь киевским митрополитом, во Владимирском княжестве, сотрудничая с Александром Невским и позднее с его сыном Дмитрием. Смерть Кирилла в 1281 г. в Переяславле Залесском возбуждает надежду у владимирского князя получить в Константинополе угодного ему кандидата и добиться формального перенесения митрополии во Владимир. Это домогание, как увидим ниже, обосновывается летописным сводом, в котором излагалась вновь та конструкция русской истории, что после 1169 г. Владимир становится преемником Киева.

Мне думается, что в завязавшейся после смерти Кирилла борьбе Владимира и Галича Юрию Львовичу потребовалось также историческое обоснование своих прав на замещение кафедры Киева и сохранения здесь пребывания митрополита. Таким обоснованием от истории и мог быть тот общерусский летописный свод южной редакции начала XIV в., который мы теперь называем Ипатьевскою летописью.

ГЛАВА III

НАЧАЛО ЛЕТОПИСАНИЯ В РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОМ КРАЕ (XII — НАЧАЛО XIII вв.)

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Знаменитый Радзивилловский список (конец XV в.), наш военный трофей из г. Кенигсберга времени Семилетней войны, представляет собою летописный текст, иллюстрированный на всем своем протяжении: от начала «Повести вр. лет» до 1206 г. Излагая первоначально события южно-русские до середины XII в., он с этой поры начинает передавать известия, касающиеся северо-восточной Руси, преимущественно владимирские, не оставляя сомнения в том, что перед нами в основе один из владимирских сводов.

Радзивилловский список, как это уже давно выяснено, на всем своем протяжении весьма сходствует со списком Московским академическим (XV в.), который, однако, не оканчивается на 1206 г., а имеет продолжение, взятое, как это установил А. А. Шахматов, на пространстве 1206—1238 гг. из Софийской 1-й летописи, а с 1239 г. по 1419 г. (на котором кончается) из Ростовского свода, представляющего собою сокращение и ростовскую обработку общерусского свода 1418 г.

Ближайшее изучение текста Радзивилловского списка в его отношении к тексту Московского академического списка привело А. А. Шахматова к убеждению, что ни Радзивилловский список не мог служить протографом Московского академического, ни этот последний — первому. Отсюда вытекает, что оба эти списка являются копиями общего им протографа, который мы будем условно называть, вслед за А. А. Шахмато-

вым, Радзивилловскою летописью. Различия в тексте этих списков, снятых с общего текста, сводятся в существе своем к тому, что текст Московского академического списка правлен, против Радзивилловского, по тексту тех других источников, которые продолжают его текст с 1206 г. по 1419 г.

Радзивилловская летопись, когда с нее снимались названные копии, была не в полном порядке как рукописная книга. Видимо, она утратила последние листы, а уцелевшие предпоследние, как оторвавшиеся от корешка книги, были вложены внутрь, так что события 1205—1206 гг. оказались ранее событий 1203—1205 гг. Этот дефект в равной степени усвоили от Радзивилловской летописи оба ее списка.

Радзивилловская летопись, как теперь Радзивилловский список, была летописью «с картинками», т. е. была иллюстрирована. Это оформление перешло в Радзивилловский список, а Московский академический список этих «картинок» не сохранил, хотя и оставил след, что «картинки» были в его протографе. Действительно, в изложении событий 1024 г. в Московском академическом списке находим пропуск текста от слов: «И по сем наступи Мстислав со дружиною» и до слов: «а Якун иде за море». В Радзивилловском списке этот кусок текста (6 строк) находится (об. 84 л.) между двумя «картинками». Отсюда непременно следует, что и в протографе Московского академического списка этот кусок текста помещался также между двумя картинками, что и привело писца к указанному промаху.¹

В 1851 г. М. Оболенский опубликовал летописный текст, извлеченный из одного сборника XV в. быв. Архива Иностранных дел в Москве и названный издателем «Летописцем Переяславля Суздальского, составленным в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.)».² Не касаясь здесь сложного состава этого летописного текста, заметим, что с 1138 г. он начинает весьма сходствовать с Радзивилловскою летописью, не имея, однако, ее путаницы в изложении 1203—1206 гг. и, кроме того, давая продолжение за 1206 г. (на котором Радзивилловская обрывается) и доводя это продолжение до 1214 г. Вполне справедливо отсюда вытекает то положение, которое впервые выставил А. А. Шахматов, что и Радзивилловская летопись когда-то, до снятия с нее двух дошедших до нас копий, имела то же окончание, но листы ее, содержавшие изложение 1206—1214 гг., были утрачены.

Итак, три названные нами летописных текста — Летописец Переяславля Суздальского и списки Радзивилловский и Московский академический — дают нам возможность восстановить не сохранившийся вполне ни в одном из них летописный текст, начинающийся «Повестью вр. лет» и кончающийся изложением событий 1214 г.³

¹ Радзивилловский список был впервые издан Академиею Наук в 1767 г. («Библиотека российская историческая... ч. 1: Летопись Нестора с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года»). Издание это выполнено весьма неудовлетворительно, т. к. издатели произвольно заменяли куски текста Радзивилловской летописью из других летописных сводов и Татищева, часто не оговаривая этих замен. В «Полном Собр. Рус. летописей» Радзивилловский список привлечался только для вариантов (совместно с Моск. академическим) к тексту Лаврентьевской летописи, т. е. в I т. По этому изданию нельзя представить себе путаницы в изложении последних годов Радзивилловской и для этого необходимо пользоваться фотомеханическим воспроизведением Радзивилловского списка в издании Об-ва любителей древней письменности (1902 г.). Во второй части этого издания помещено исследование А. А. Шахматова о Радзивилловской летописи.

Моск. академический список издан в «Полном Собр. Рус. Летописей» в т. I так, что от начала до 1206 г. он привлечен для вариантов к тексту Лаврентьевской летописи, а с 1205 г. — до конца (т. е. до 1419 г.) в дополнительной части этого I тома. В первом издании I т. список этот назван Троицкою I.

² Текст этого «Летописца Переяславля Суздальского» более не переиздавался и до сих пор не вошел в «Полное Собрание Русских Летописей».

³ Последние слова этой статьи 1214 г.: «Се же бысть лето високостное» надо считать припискою 1216 г.

Если мы теперь, положив в основу изучения текст Летописца Переяславля Суздальского и дополнив и сверяя его с Радзивилловской летописью, начнем анализ этого летописного текста, то непременно придем к выводу, что в этом тексте мы имеем в существе Владимирский великокняжеский свод 1212 г., кончавшийся описанием смерти Всеволода Юрьевича и изложением его завещания сыновьям. Владимирский и княжеский характер этого свода 1212 г. настолько очевиден, что нам нет надобности приводить тому доказательства. Но этот Владимирский великокняжеский свод 1212 г. подвергнут здесь некоторой переработке, желавшей придать ему переяславский характер. Сверх того этот опереяславленный свод продолжен изложением до 1214 г. включительно. Судя по содержанию этого продолжения за 1213—1214 гг., оно сделано в Переяславле, не выпускавшем в это время из виду событий владимирских и ростовских. Из приемов переработки текста Владимирского свода 1212 г. для его опереяславления, переработки, впрочем, не весьма чувствительной, укажем, вслед за А. А. Шахматовым, прибавку слов «в Переяславли новем» к известию 1157 г. о построении Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса. Известие это, как ясно, писано ростовцем, который говорил о построении церкви этого названия в городе Ростове, прямо этого города не назвав. Может быть, предания начала XIII в. в Переяславле связывали каменную церковь своего города с Андреем Боголюбским, чем и была вызвана прибавка слов «в Переяславли новем», но мы располагаем древней письменной традицией, которая утверждала, что эта церковь Спаса в Переяславле была выстроена еще Юрием Долгоруким.¹ Затем, под 1175 г. в молитвенном обращении летописца к памяти убитого Андрея Боголюбского вместо слов Владимирского свода 1212 г.: «Молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему победу на противныя и многа лета с княгынею и с благородными детми» — в переяславской обработке этого свода находим: «молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца (т. е. племянника) и дай же ему победу на противныя и многа лета с княгынею и прижитие детей благородных». Ярослав Всеволодович в эти годы был, как известно, князем Переяславля Суздальского. Наконец, в длинных повествованиях под 1176 и 1177 гг. о борьбе за открывшееся наследство Андрея Боголюбского к многочисленным упоминаниям о владимирцах в Летописце Переяславля Суздальского мы находим приписанными слова «и переяславци».

Итак, третий сын Всеволода, Ярослав, княживший в Переяславле, решил положить в основу своего переяславского летописания Владимирский свод 1212 г. То ли обстоятельство, что у Ярослава минул возникший было интерес к ведению своего летописца, или то, что в Переяславле не достало литературных сил, но это переяславское суздальское летописание, только использовавшее Владимирский свод 1212 г. и продолжившее его изложением двух последующих лет, далее этого не пошло. Когда в 1239 г., как будет сказано ниже, составлялся великокняжеский свод во Владимире при этом Ярославе, тогда уже владимирском великом князе, то сводчик не нашел переяславского Летописца для пополнения своих материалов, так что прекращение переяславского Летописца князя Ярослава на 1214 г. имело действительно место, а не является только случайностью уцелевших до нас летописных текстов.

Если у Ярослава нехватило забот более, чем на доведение своего Летописца от 1212 по 1214 гг., то, вероятно, надо отнести не к его затее те многочисленные иллюстрации, которыми так был богат этот Летописец, передавший их нам через Радзивилловский список, а к

¹ Типографская летопись под 1152 г. (П. С. Р. Л. т. XXIV). Об этом источнике Типографской скажем ниже.

Владимирскому своду 1212 г., текст которого взят был в основу Летописца.

В дальнейшем мы не будем иметь случая вернуться к летописанию Переяславля Суздальского начала XIII в., как к историческому источнику и памятнику письменности, и потому остановимся несколько подробнее на текстах, его отражающих.

Лучше всего текст Летописца Переяславля Суздальского 1216 г. отражает Летописец Переяславля Суздальского, изданный Оболенским. Но там этот Летописец сохранил нам свой текст только с 1138 г. Текст же до 1138 г. в таком же удовлетворительном виде до нас не сохранился, потому что Радзивилловская летопись (т. е. совокупные указания списков Радзивилловского и Московского академического) когда-то сблизила свой текст, довольно, впрочем, несистематически, и поправила по тексту Лаврентьевской летописи. Это с большою тщательностью доказано А. А. Шахматовым путем сличения текстов Радзивилловского и Московского академического списков с одной стороны, с текстом Летописца Переяславля Суздальского, с другой стороны, на пространстве 1138—1206 гг. Оказывается, в ряде случаев первые заменили переяславские чтения своих известий более древними чтениями, ведущими нас к тексту Лаврентьевской летописи: например, известное уже нам молитвенное обращение летописца к памяти Андрея Боголюбского (под 1175 г.) о защите князя Ярослава оказывается в Радзивилловском и Московском академическом списках устраненным в пользу прежнего чтения владимирских сводов конца XII и начала XIII вв. о князе Всеволоде, и др.¹

Это наблюдение заставляет думать, что текст переяславского Летописца 1216 г. от своего начала до 1138 г. в совершенно надежном виде мы иметь не можем, потому что у нас нет критерия для выправки чтений Радзивилловской летописи, т. е. для устранения в ней следов сближения с текстом Лаврентьевской летописи на протяжении от «Повести вр. лет» и до 1138 г. Впрочем, как это будет показано дальше, едва ли сближения эти были столь многочисленны, чтобы этому придавать значительный и тревожный смысл.

А. А. Шахматов, установив зависимость текста Радзивилловской летописи от текста Лаврентьевской, в своем определении времени обработки текста переяславского Летописца 1216 г. по Лаврентьевскому тексту высказался за начало XIV в.: «Тесно примыкает к Лаврентьевской летописи свод, возникший, по видимому, в XIV веке и известный по двум спискам, восходящим к смоленскому оригиналу — Радзивилловскому или Кенигсбергскому Академии Наук и списку б. Московской духовной академии: свод этот представляет список с дефектного (утрачен конец) экземпляра Переяславского (суздальского) Летописца, исправленного по Лаврентьевской летописи».² Это заключение вытекает, несомненно, из следующей цепи заключений А. А. Шахматова. Лаврентьевская летопись в числе своих источников имела Полихрон начала XIV в., чтения которого можно указать не только к 1240 г., но и на древнейшей части Лаврентьевского текста. Следовательно, окончательное формирование текста нынешней Лаврентьевской летописи надо отнести

¹ Предположение, что Радзивилловская летопись представляет собою текст Владимирского свода 1212 г., а Летописец Переяславля Суздальского — его переяславскую обработку, — затрудняется тем, что в Радзивилловской мы имеем иеустраненные следы переяславской обработки (как, под 1157 г. прибавка слов «в Переяслави новем», а под 1177 г. прибавка «и переяславци» в фразе: «а мене был с братом бог привел и Володимерцы и Переяславци», которых нет в Лаврентьевской) и ряд сокращений, которых не знает Летописец Переяславля Суздальского. Тогда нужно бы допустить, что Радзивилловская была позднее сблизена с Летописцем Переяславля Суздальского, а этот последний — с Лаврентьевской.

² Шахматов, А. А. Обзорение рус. лет. сводов XIV—XVI вв., стр. 365.

(в смысле чтений) к началу того же XIV в. Если Радзивилловская летопись испытала на себе влияние текста Лаврентьевской, заимствуя отсюда ряд чтений, то это могло случиться только в начале XIV в., т. е. после появления Полихрона и его использования текстом Лаврентьевской летописи.

В последующем изложении мы будем обосновывать то положение, что Полихрона начала XIV в., как первой попытки митрополичьего общерусского свода, не было; что текст Лаврентьевской летописи сложился до появления общерусских сводов и в своих древнейших частях никакой переработки от руки редактора начала XIV в. не испытал. В связи с этим мы считаем временем сближения текста Радзивилловской летописи с текстом одного из предшествующих этапов образования текста нынешней Лаврентьевской (которая сложилась окончательно только в начале XIV в.) середину XIII в. Мы в дальнейшем увидим, что Лаврентьевская летопись хранит в себе момент слияния текстов ростовского летописания с владимирским, относимый к середине XIII в., а Ипатьевская (конец XIII в.) воспользовалась для пополнения своих южных известий северными таким Ростово-суздальским сводом, где слияние текстов ростовского и владимирского летописаний было выполнено хотя и близко к Лаврентьевскому тексту, но иначе. Таким образом, обработка переяславского Летописца 1216 г. по более древнему тексту, теперь читаемому в Лаврентьевской, т. е. образование текста нынешней Радзивилловской летописи (в ее обоих списках), для середины XIII в. не была одиноким явлением летописной манеры той поры.

В дальнейшем суждено было сохраниться лишь дефектному экземпляру этого летописного памятника середины XIII в., который в этом своем виде когда-то во второй половине того же XIII в. оказал влияние на текст нынешней Лаврентьевской летописи, вероятно, в один из моментов, предшествующих окончательному формированию этого текста, и который позднее нам сберегла смоленская литературная традиция.

Конечно, восстановить вполне безукоризненно весь текст этого переяславского Летописца 1216 г., сближенного с текстом одного из моментов образования текста Лаврентьевской летописи, мы не можем. Утраченный конец этого памятника (1206—1214 гг.) мог также испытать на себе те или иные влияния чтений Лаврентьевского текста и потому не быть тождественным тексту Летописца Переяславля Суздальского за эти 1206—1214 гг. Однако, судя по исправке текста до 1206 г. (т. е. по Радзивилловской летописи), это влияние Лаврентьевских чтений на пространство 1206—1214 гг. едва ли было значительно.

Переяславо-суздальский Летописец, восстанавливаемый нами на основании Летописца Переяславля Суздальского и Радзивилловской летописи (двух ее списков), сохранил нам Владимиро-суздальский свод 1212 г. На вопрос, сейчас же приходящий в голову: был ли этот Владимирский свод 1212 г. первым летописным владимирским предприятием или же ему предшествовали другие летописные здесь работы? — мы найдем ответ в изучении Лаврентьевской летописи, в сопоставлении ее текста с текстом этого Владимирского свода 1212 г. (т. е. со списками Радзивилловским и Московским академическим для «Повести вр. лет» и последующего изложения до 1138 г. и с Летописцем Переяславля Суздальского от 1138 г. до начала XIII в.).

Лаврентьевская летопись была куплена в 1792 г. известным собирателем древности Мусиным-Пушкиным вместе с целым возом старых книг из библиотеки комиссара времен Петра I, Крекшина, отправленным на продажу наследниками. Эта драгоценная рукописная книга, написанная в 1377 г. монахом Лаврентием по заказу Суздальского и Нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, представляет собою копию с «ветхой» книги, кончавшей свое изложение на 1305 г. Как эта «ветхая книга», по словам Лаврентия в его приписке, была в 1377 г.

в неудовлетворительном состоянии, так и копия, снятая Лаврентием, теперь является перед нами с большими утратами текста. Так, в Лаврентьевской рукописи нет изложения для окончания повествования о 898 годе и следующих годах до 922 г.; от середины жизнеописания Александра Невского (под 1263 г.) до середины повествования о 1283 г.; наконец, от названия 1288 г. до середины повествования с 1294 г. Это обстоятельство, при отсутствии текста, близкого к Лаврентьевскому на пространстве XIII и начала XIV вв., весьма затрудняло изучение истории текста Лаврентьевской летописи. В дальнейшем мы подробно укажем те возможности преодолеть это затруднение, какие открылись со времени привлечения А. А. Шахматовым в научный оборот в 1900 г. Симеоновской летописи из рукописного отделения Академии Наук СССР.¹

Достаточно внимательно просмотреть обычное издание текста Лаврентьевской летописи бывшею Археографической Комиссией, где текст Лаврентьевской от начала «Повести вр. лет» до 1206 г. дан в сопоставлении (в вариантах) с Радзивилловским и Московским академическим списками, чтобы убедиться, что каждая страница издания имеет десятки разночтений с буквами Р. А. (т. е. Радзивилловский и Моск. академический списки). Конечно, это не варианты единого текста, как благодушно думали издатели, а следы упорной редакторской работы, предпринятой в 1212 г. во Владимире над более древним текстом. Приемы и тенденции работы этого редактора сейчас не займут нашего внимания и здесь мы заметим только, что исправляя, иногда сокращая, иногда подновляя в языке этот древний текст, но ничем его не пополняя, редактор работал над текстом, совпадающим с текстом Лаврентьевской летописи, т. е. в основу своего свода 1212 г. он брал предшествующий, более ранний свод. Возможно ли выяснить, когда же был составлен этот более ранний и тоже владимирский летописный свод?

Мне думается, что ориентировочно к определению времени составления этого более раннего свода можно прийти двумя исследователь-

¹ Первое издание Лаврентьевской летописи было предпринято в 1804 г. Обществом Истории и Древностей при Московском университете (редакторы — Чеботарев и Черепанов). В основу полагался текст Лаврентьевской с вариантами по Радзивилловскому списку и Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей потом в 1812 г. Издание это велось очень медленно и было приостановлено Обществом в 1810 г. Листы, отпечатанные за это время (от начала «Повести вр. лет» до договора 907 г.), представляют библиографическую редкость. В 3-м издании Лаврентьевской летописи б. Археографической Комиссией в 1897 г., в приложении, эти листы перепечатаны. — В том же 1810 г. Общество Истории и Древностей поручило проф. Тимковскому изданию Лаврентьевской летописи по новому плану. Текст Лаврентьевской воспроизводился со всею точностью, а редактор только исправлял некоторые испорченные чтения по летописным текстам, для того собранным (в их числе была Троицкая начала XV в., о которой было сказано выше). Издание Тимковского оборвалось событием 1812 г., причем сгорели все собранные им для издания рукописи. В 1824 г. Общество выпустило в виде книги те листы этого издания, которые до 1812 г. были отпечатаны Тимковским (от начала «Повести вр. лет» до 1020 г.). Только в 1846 г. вышел в свет I т. «Полного Собрания Русских Летописей», отведенной Лаврентьевской летописи. Редактор (Березников) рассматривал начало Лаврентьевской, как «древнего или полного Нестора» и потому для этой части текста привлек кроме Радзивилловского и Московского академического списков также отатки текста Троицкой (сгоревшей в 1812 г.), Ипатьевскую и Хлебниковскую летописи. От «Повести вр. лет» до 1206 г. текст Лаврентьевской дается с вариантами из Радзивилловского и Московского академического списков, а после 1206 г. — один Лаврентьевский текст без всяких к нему вариантов. Второе издание I т. «П. С. Р. Л.» (1872) исправило первое издание, отказавшись от мысли рассматривать текст «Повести», как якобы редакцию «полного» Нестора, т. е. исключив из вариантов Ипатьевскую и Хлебниковскую. Третье издание (1897 г.) — перепечатка 2-го издания. Четвертое издание (1926 г.) опять повторило план 2-го и 3-го изданий, для чего-то воспроизведя текст кириллицею, а числа славянскими цифрами. Редактор (акад. Карский), видимо, в 1926 г. не знал трудов А. А. Шахматова 1900 г. и след. годов, в которых был указан текст, пригодный для вариантов к Лаврентьевской на пространстве 1177—1305 гг. (т. е. Симеоновской летописи) и изданный в составе того же «П. С. Р. Л.» в качестве XVIII т. в 1913 г.

скими приемами. Первый будет заключаться в том, что, сличая тексты Лаврентьевской и Владимирского свода 1212 г., мы отметим те случаи значительных сокращений в последнем древнего текста, в которых можно бы было уловить редакторский замысел. Значительных сокращений текста во Владимирском своде 1212 г. против Лаврентьевского текста мы можем как будто насчитать не мало: под 1097, 1151, 1155 и 1169 гг. Но все эти случаи, при ближайшем рассмотрении, оказываются простыми дефектами текста Радзивилловской (в ее двух списках), т. е. пропуски эти делают текст неудобопонятным, что, конечно, не могло входить в редакторский замысел, да и три последних пропуска не подтверждаются Летописцем Переяславля Суздальского. Но вот под 1193 г. мы находим опущенным поучение по случаю пожара г. Владимира, хотя самое известие о пожаре сохранено. Такое сокращение мы вполне уверенно можем отнести к редакторской руке 1212 г., тем более что этого поучения нет также и в Летописце Переяславля Суздальского. Под следующим 1194 г. оказываются опущенными два известия о ремонте («обновлении») церковей во Владимире и Суздале, причем их нет во всех трех наших источниках для восстановления Владимирского свода 1212 г.: и в обоих списках Радзивилловской летописи и в Летописце Переяславля Суздальского. Под следующим, 1195 годом опять (и опять во всех трех наших источниках) мы находим опущенным известие об обновлении Всеволодом Юрьевичем «своей отчины», т. е. о постройке крепости в Городце на Востри.¹

Приведенного достаточно, чтобы заключить, что с 1193 г. между составом известий Лаврентьевской летописи и Владимирского свода 1212 г. обнаруживается значительная разница, которая, как будет показано дальше, может быть объяснена известными политическими мотивами редактора 1212 г. Это именно обстоятельство дает нам право выставить то предположение, что предшествующий Владимирскому своду 1212 г. этап владимирского летописания кончился на 1193 г.

К подобного же рода ориентировочному выводу мы можем прийти еще другим исследовательским приемом. Просматривая состав известий Лаврентьевской или Радзивилловской летописей на протяжении от самого начала их повествования и до начала XIII в., мы обнаруживаем, что вслед за «Повестью вр. лет» здесь читаются известия какого-то южно-русского летописца, и нить этих известий идет сначала непрерывно, затем сплетается с известиями, касающимися северо-восточной Руси, затем почти прерывается, уступая с 1157 г. непрерывной уже нити северо-восточных известий и совершенно обрывается на 1175 г. Затем, после перерыва в 10 лет, мы находим три южно-русских известия, из которых первое (под 1185 г.) излагает большой поход южно-русских князей на половцев, явно приписанное к законченному изложению этого года, в котором после описания пожара во Владимире и значительного по размерам по этому поводу поучения поставлено «аминь»; второе южно-русское известие (под 1186 г.), приписанное после сообщения о рождении у Всеволода Юрьевича сына Константина, излагает поход Игоря на половцев, известное по «Слову о полку Игореве»; наконец, третье известие (под 1188 г.) сообщало кратко о смерти Владимира Глебовича, князя Переяславля южного. После этого мы находим вновь значительный перерыв в южно-русских известиях (до 1199 и 1200 гг.). Правда,

¹ Под 1196 г. опущенное Радзивилловскою летописью известие о рождении у Всеволода сына Гаврилы находим в Летописце Переяславля Суздальского. Значит, оно было во Владимирском своде 1212 г. и пропуск его в Радзивилловской (в ее обоих списках) случаен. Под тем же 1196 г. в Летописце Переяславля Суздальского читаем известие о женитьбе сына Всеволода Константина, которого нет в Радзивилловской, очевидно, также случайно, а его отсутствие в Лаврентьевском находится в связи с порчею здесь текста: кроме этого известия там оказывается пропущенным название следующего года и начало рассказа этого (1197) года.

между 1188 и 1199 гг. имеются известия о южно-русских делах, но все они, как это ясно из содержания, записаны в г. Владимире и имели непосредственную связь с политическими планами и делами Всеволода Владимировского.

Если мы теперь предположим, что владимирские летописатели, желая пополнить свои северо-восточные записи известиями южно-русскими, обращались для того к южно-русским летописным источникам, то перерывы в этих южно-русских известиях, сначала на протяжении 10 лет, а потом 11 лет, могут дать нам повод думать, что привлечение южно-русских материалов происходило не в один прием: первый южно-русский источник был использован до 1175 г., второй дал всего три записи — 1185, 1186 и 1188 гг., и, наконец, третий пополнил своими известиями изложение самого конца XII и начала XIII вв. Мы не будем сейчас останавливаться на характере использования всех этих южно-русских источников в руках владимирских летописателей, который своим разнообразием также ведет к заключению о трех моментах работы над южно-русскими материалами, а пока обратим внимание, что в тексте Лаврентьевской летописи, как и в тексте Владимирского свода 1212 г., усвоившего этот древнейший текст, мы встречаем дублировку южно-русских известий, как след пользования по крайней мере двумя источниками, излагавшими в общем один и тот же состав известий. Так под 1110 и 1111 годами сообщается об одном и том же походе союзных князей на половцев; под 1115 и 1116 гг. сообщается об одной и той же смерти Олега Святославовича; под 1138 г. Ярополк два раза мирится со Всеволодом Ольговичем; под 1152 г. Владимирко Галицкий два раза убегает в Перемышль от венгров и два раза просит о заключении мира; под 1168 г. (в конце) и 1169 г. (в начале) два раза сообщено, что Мстислав Андреевич посадил в Киеве дядю Глеба; наконец, под 1169 и 1171 гг. по-разному рассказано об одном и том же походе Михалки на половцев.

Оказывается, что метод извлечения южно-русских известий из состава летописного текста как Владимирского свода 1212 г., так и предшествующего ему свода, сохраненного Лаврентьевскою летописью не только подтверждает существование свода, предшествующего Владимирскому своду 1212 г., но и указывает, что этот предшествующий свод — был вторым этапом владимирского летописания. Судя по составу южно-русских известий первый этап должен быть определен как один из ближайших годов к 1175 г., т. к. на 1175 г. первый раз обрывается нить южно-русских известий; второй этап нужно отнести к одному из ближайших годов к 1188 г.

Итак, определив, пока ориентировочно, три момента летописной работы г. Владимира (около 1175 г., около 1188 г. и Владимирский свод 1212 г.), нам следует временно отвлечься от двух последних, чтобы заняться изучением состава и точным определением времени появления первого летописного свода г. Владимира, после чего мы вернемся к их изучению.

§ 2. ПЕРВЫЙ ВЛАДИМИРСКИЙ СВОД 1177 г. ЕГО КОНСТРУКЦИЯ „РУССКОЙ ИСТОРИИ“. ЕГО ИСТОЧНИКИ

Чтобы вполне отчетливо выяснить время и место составления первого летописного свода Ростово-Суздальского края и вскрыть заложенную в подборе и расположении известий его политическую установку, нам нужно теперь выделить из южно-русских известий Лаврентьевского текста известия северо-восточные, начиная от 1111 г. (после «Повести вр. лет») и до 1175 г. Эти северо-восточные известия начинаются с 1120 г. (поход Юрия Долгорукого на болгар) и первоначально весьма немногочисленны (1135, 1138 и нек. другие). Они тонут в основном повествовании, излагающем из года в год события южной Руси. Но уже под 1149 г. (и не однажды), затем под 1150, 1151 и 1152 гг. мы встре-

чаем в изложении событий южно-русских вставные эпизоды, связанные с князем Андреем Боголюбским и имеющие целью выставить его военные доблести. Вплетение этих припоминаний о подвигах Андрея на юге в ткань южно-русского повествования сделано с большим литературным умением, если не талантом. С 1157 г. мы находим как бы начальное известие открывающее собою длинный ряд их, касающихся деятельности Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальском крае. Манера записей, их систематичность и подробность дают нам право думать, что с 1158 г. во Владимире на Клязьме начинают вести непрерывные записи, давшие материал для нашего летописного свода.

То обстоятельство, что владимирский сводчик, пожелавший свои ростово-суздальские летописные записи (т. е. записи времени Юрия и Владимирской летописец, начинавший с 1158 г.) вставить в общую историю Русской земли, привлек для этого южный источник, кончавший свое изложение на 1175 г., — дает нам право думать, что и составление первого Владимирского свода было задумано едва ли не в том же 1175 г. Конечно, смерть Андрея и разыгравшаяся затем борьба за его наследство задержали окончание работы по составлению летописного свода, так что появление его нужно отнести к 1177 г., когда Всеволод крепко взял в свои руки и все наследство Андрея и все его политические планы. Обращаясь к материалу текста Лаврентьевской летописи видим подтверждение такому предположению. Сводчик, закончив под 1175 г. использование своего южно-русского источника, под тем же годом дал особую повесть об убийстве Андрея (с особым заглавием), а под 1176 и 1177 гг. поместил большой и весьма подробный рассказ, разбив его на два года о борьбе Ростиславичей с Юрьевичами за наследство Андрея. Что все эти три части (рассказ об убийстве Андрея и повествование о событиях 1176 и 1177 гг.) написаны одновременно и не ранее 1177 г., видим из того, что в рассказе 1175 г. об убийстве Андрея, в молитвенном обращении к нему, автор рассказа просит молиться о «князе нашем и господине Всеволоде», брате убитого Андрея. Князем и господином для летописца Всеволод сделался в 1177 году.

Находим еще одно подтверждение тому, что первый Владимирский свод оканчивал свое изложение 1177 годом. Лаврентьевская летопись сохранила нам этот первый Владимирский свод в составе последующего Владимирского свода, появившегося раньше 1212 г. В изложении событий 1177 г. в Лаврентьевской летописи конец изложения опущен. Как известно, изложение 1177 г. заканчивается описанием торжества Всеволода над соперниками за Андреево наследство, сопровождавшегося арестом их всех и приведением во Владимир. Здесь граждане стали требовать у Всеволода или казни или ослепления этих пленных князей, предлагая это сделать с их, граждан, участием. Когда Всеволод ограничился заключением пленных князей в «поруб» в расчете, «абы утишился мятежь», владимирцы пришли на княжий двор с оружием в руках и якобы против разрешения Всеволода ослепили пленных. Последующий владимирский сводчик, как это ясно из текста Лаврентьевской летописи, не считал нужным воспроизвести сцену ослепления и оборвал рассказ на том моменте, когда толпа врывается на княжий двор и заявляет требование об ослеплении: «Князю же Всеволоду печалну бывшую, не могшую удержати людий множества их ради клнча...» Любопытно, что последующий сводчик, работавший после 1212 г., т. е. после смерти Всеволода, пользуясь, конечно, тем, что к этому времени подробности печальных событий 1177 г. были давно забыты, и желая снять с памяти Всеволода это тягостное его преступление, пошел в обработке текста и дальше и смелее: теперь владимирцы врываются с оружием в руках на княжий двор, но восклицают только: «чего их додержати!» После этих слов сводчик прибавил только: «и пустиша ея из земли».

Итак, думаем, что Андрей Боголюбский в последние годы своей жизни задумал составить летописный свод, но смерть остановила это предприятие. Однако, не надолго. Когда Всеволод овладел и прочно укрепился на владимирском столе, как единый обладатель всего Ростово-Суздальского края, он возобновил эту работу. Значит, была какая-то причина того, что первый Владимирский летописный свод так упорно искал своего осуществления.

Думаю, что мы можем уловить эту причину, если войдем в рассмотрение состава этого свода и той политической мысли, которая легко видна в этом составе.

Чтобы лучше войти в рассмотрение состава летописного свода 1177 г., нам надлежит предварительно выяснить себе, что это за южно-русский источник, кончавший свое изложение на 1177 г., который был положен сводчиком в основу своего построения. А. А. Шахматов давно уже указал, что из дублировки южно-русских известий, получившейся в тексте Лаврентьевской летописи, можно думать, что южно-русский источник привлекался как сводчиком 1177 г., так и последующим сводчиком, работу которого мы пока условно определим 1193 г. Оба эти южно-русские источника, в известной части весьма близкие друг к другу по составу своих известий, были Летописцами Переяславля Русского или Южного. Это вытекает из анализа рассказа о походе Михалки на половцев, который теперь читается, в разном изложении, под 1169 и 1171 годами. Под 1169 г., где описание дано более обстоятельное, сказано, что Михалка отправился в поход «и с ним перяславцев 100, а берендеев полторы тысячи», а затем не однажды об участниках этого похода говорится «наши» («Наши же слышавше думаша»; «наши же... крепляхуся»; и др.), причем один раз, как бы для того, чтобы у нас не оставалось никакого сомнения в том, кто это «наши», читаем: «перяславци же дерзи суще, поехаша наперед». И в рассказе под 1171 г., где действуют, конечно, те же участники, опять читаем: «наши... инех избиша, а другыя извязаша».

Дальнейшее изучение этих двух изложений похода Михалки на половцев не оставляет сомнения в том, что один из этих Переяславских Летописцев был летописец епископский; а другой — княжеский: в самом деле, под 1169 г. победа Михалки приписана церкви Десятинной богородицы и истолкована, как чудо; а под 1171 г. победа объяснена молитвой за Михалку его отца и деда, как и мужеству участников. Можно уверенно говорить, что Владимирский сводчик 1177 г. привлёк к своей работе Летописец Переяславля Русского епископский, потому что не однажды в повествованиях об южно-русских делах в составе свода 1177 г. находим подчеркивание участия в этих делах переяславского епископа, хотя бы подчеркивание это ничего не приносило существенного в изложение хода событий. Владимирский сводчик 1193 г. по своему южно-русскому источнику, т. е. по княжескому Летописцу Переяславля Русского, только перепроверил работу сводчика 1177 г. и пополнил ее тем, что повторил, как мы теперь видим, известия, уже имевшиеся в своде 1177 г. из епископского Летописца, но читавшиеся там под другими годами. Думаю, что это именно и вводило сводчика 1193 г. в ошибки, т. е. в княжеском Летописце Переяславля Русского хронологическая сеть событий почему-то не совпала с хронологической сетью епископского переяславского Летописца. В самом деле, поход князей на половцев записан теперь в Лаврентьевской летописи и под 1110 и под 1111 годом; смерть Олега Святославича и под 1115 и под 1116 годами; посажение Глеба в Киеве Мстиславом на стол и под 1168 и под 1169 гг.; поход Михалки на половцев, как мы только-что говорили, и под 1169 и под 1171 гг. Что ошибался в датировке не епископский летописец, а княжеский — видно из того, что поход Михалки на половцев был в действительности в 1169 г., т. е. сразу после всту-

пленя Глеба на Киевский стол, а под 1169 г. рассказ о походе Михалки взят явно из епископского летописца Переяславля Русского.

В этом нас еще более подкрепляет то, что все три южно-русские известия, взятые сводчиком 1193 г. в дополнительную к своду 1177 г. часть своего труда, все эти три известия также ошибочно датированы: поход союзных князей на половцев, бывший в действительности в 1184 г., отнесен к 1185 г.; Игорев поход, воспетый в «Слове о полку Игореве», бывший в 1185 г., оказывается под 1186 г.; смерть переяславского Владимира Глебовича, случившаяся в 1187 г., помещена под 1188 г.

Что владимирский сводчик 1193 г. брал свои южно-русские известия из Летописца Переяславля Русского княжеского, а не епископского, — можно доказать вполне убедительно. Летописец княжеский Переяславля Русского был взят в качестве одного из дополнительных источников при составлении того Киевского свода 1200 г., который теперь составляет первую часть Ипатьевской летописи. Извлекая отсюда заимствования из этого княжеского переяславского Летописца и сопоставляя их с отражением этого же княжеского переяславского Летописца в своде 1193 г. (т. е. в тексте Лаврентьевской летописи), мы получаем довольно отчетливое представление об этом летописном памятнике, прямо до нас не сохранившемся. Выделить из состава Киевского свода 1200 г. (Ипатьевской летописи) заимствования его из княжеского Летописца Переяславля Русского помогает, как надежный критерий, та особая черта этого Летописца, которая, несомненно, отражала в себе личность самого князя Владимира, бывшего, как видно, не только редактором, но и информатором своего летописного предприятия. Князь этот вступил на стол Переяславля Русского в 1169 г. мальчиком 12-ти лет. Временно он, как можно догадываться, находился под опекой дяди своего Михаила. С удалением Михаила на север в 1176 г., где Михаил борется за наследство Андрея и скоро умирает, Владимир Глебович правит в Переяславле уже самостоятельно до самой своей смерти в 1187 г. Рано потеряв отца, сидя в Переяславле без всякой поддержки со стороны киевского князя, находясь в постоянной вражде с черниговскими князьями, наконец, будучи князем в то время уже сильно разоренного половецкими набегами и немногочисленного княжества, Владимир Глебович за всю свою недолгую самостоятельную жизнь опирался на крепкую руку своего дяди, владими́ро-суздальского Всеволода, который считал Владимира представителем и охранителем своих интересов на юге. Как князь пограничного со степью княжества, Владимир Глебович думал и заботился только о защите своей земли от половцев, об обороне южной своей границы. Его Летописец, использованный и киевским сводчиком 1200 г. и владимирским сводчиком 1193 г., главным своим содержанием имел изложение военных действий против степи, в которых личным подвигам самого князя Владимира отводилось весьма большое (и преувеличенное) место. Упоминания подвигов Владимира Глебовича в военных предприятиях против степи — это и есть тот критерий, по которому мы определяем заимствования из Летописца Переяславля Русского как в составе Киевского свода 1200 г., так и в составе Владимирского свода 1193 г. Как можно уверенно думать, Летописец Владимира Глебовича оканчивался описанием его смерти: это — последнее известие из южно-русского источника Владимирского свода 1193 г., приведенное в виде краткой записи, и это же известие — последнее, взятое из Летописца Переяславля Русского в Киевский свод 1200 г., и приведенное здесь в полной записи.

Если, собрав все наши наблюдения над епископским Летописцем Переяславля Русского, весьма обильно использованным владимирским сводчиком 1177 г. от начала «Повести вр. лет» до 1157 г. и менее внимательно от 1157 г. до 1175 г., мы сравним этот памятник летописания с княжеским Летописцем того же Переяславля, в общем весьма

скромно использованным владимирским сводчиком 1193 г., но хорошо представленным в Киевском своде 1200 г., то оказалось бы, что оба эти памятника весьма значительно разнились между собою в своем начале и в окончании, но в составе своих известий после текста «Повести вр. лет» и до 1169 г., т. е. серединою своего повествования, они были друг другу близки, причем здесь княжеский Летописец едва ли не следовал за епископским, его сокращая, почему владимирский сводчик 1193 г. при сличении изложения епископского Летописца (в составе свода 1177 г.) с изложением княжеского Летописца, бывшим вспомогательным источником в руках сводчика 1193 г., — не нашел ничего прибавить из этого своего источника, а ошибаясь, т. е. дублируя известия, передавал их почти как тождественные известия епископского летописца.

Чем же различались эти два переяславских Летописца в своем начале? В начале княжеского Летописца читалась «Повесть вр. лет» в так назыв. редакции 1118 г., тогда как епископский Летописец давал «Повесть вр. лет» в редакции Сильвестра 1116 г. Сильвестр, как мы уже говорили, в 1119 г. был назначен епископом в Переяславль Русский, где он, как можно бы было доказать, и создал епископский Летописец этого княжества, положив в его начало свою редакцию «Повести вр. лет». Работу летописания позднее в Переяславле продолжали преемники Сильвестра, сохраняя, конечно, сильвестровскую основу, по крайней мере до 1175 г.

Что же касается разницы изложения этих двух Летописцев Переяславля в пределах от 1169 г. и до 1175 г. (этим годом кончался епископский Летописец Переяславля, использованный в своде 1177 г.), то по различию повествования их об одном и том же походе Михалки на половцев, теперь читаемому в Лаврентьевской летописи под 1169 и 1171 гг., можно думать, что княжеский Летописец уже независимо и оригинально излагал события этих 1169—1175 годов, т. е. время первых лет деятельности Владимира Глебовича.

Но как же могло случиться, что при такой конструкции княжеского Летописца Переяславля Русского и при такой его близости к составу епископского летописца, которому он следовал в изложении от начала XII в. и до вступления на престол Переяславля Владимира Глебовича, хронологическая сеть этого княжеского Летописца не совпадала с хронологическою сетью епископского Летописца? Высказываюсь в том смысле, что княжеский Летописец Русского Переяславля не давал читателю той формы погодного изложения событий, какую давал епископский Летописец и которая была обычным, но все же не непременно приемом летописания. Думаю, что датируя только некоторые события, княжеский Летописец от них вел далее счет годов до следующего датированного события, что и приводило читателя к ошибочным подсчетам: сначала на один год, затем уже на два года (1169—1171), а в конце опять на один год (смерть князя 1187—1188 гг.).

Почему же при Андрее Боголюбском, а позднее при Всеволоде владимирское летописание, желая в той или иной мере пополнить свои записи известиями по истории «Русской земли», обращалось за подобного рода источниками в Русский Переяславль? Объяснение этому лежит в том отношении владимирских князей к Рускому Переяславлю, которое установилось с момента подчинения в 1169 г. Киева воле Андрея владими́ро-суздальского. По его прямому приказу в Переяславль южный был посажен Владимир Глебович, после смерти которого (с 1187 г.) делами Переяславля, как своими владимирскими, продолжает распоряжаться Всеволод, посылая, например, туда в 1198 г. какого-то Павла на епископство, так что князь Ярослав Мстиславович, сидевший в Переяславле после Владимира Глебовича, видимо безусловно подчиняется Всеволоду. После смерти Ярослава Мстиславовича Всеволод уже держит Переяславль Русский своим сыном Ярославом, посланным на

юг из Переяславля Суздальского в 1201 г., и женит этого сына в 1206 г. на половчанке Юрьевне Кончаковича, желая тем, конечно, обезопасить Переяславль южный, как пограничье, от половецких нападений. Однако, Ярославу удалось прокняжить в Переяславле Русском только 7 лет, т. к. он был прогнан из «Русской земли» на север враждебной Всеволоду коалицией южных князей во главе с киевским Всеволодом Черным, и уже после смерти Всеволода владими́ро-суздальского его сыну Юрию в 1213 г. удается послать на стол Переяславля южного брата Владимира, который женится на Глебовне Черниговской, как знак забвения пережитым осложнениям владими́ро-суздальских князей с Черниговским домом из-за обладания Переяславлем. В 1215 г. этот Владимир Всеволодович после поражения попадает в половецкий плен, откуда возвращается только в 1218 г. За эти годы Переяславль Русский уходит, правда, из рук князя Юрия владими́ро-суздальского, но в 1227 г. Юрий уже вновь посылает туда на княжение своего племянника Всеволода Костантиновича, сменив его в 1228 г. своим братом Святославом. На этом наши сведения об отношениях владими́рских князей к Русскому Переяславлю обрываются, но имеем основания думать, что связь эта не оборвалась. Так, в 1230 г. (по Лаврентьевской), когда в Киев ездил для поставления на ростовскую кафедру Кирилл, бывший до того игуменом Рождественского монастыря во Владимире, то он, конечно, выполняя какое-то дипломатическое поручение владими́рского великого князя Юрия, был со своими спутниками, сверх Киева, еще и в Русском Переяславле.

Конечно, эти отношения владими́ро-суздальских князей к Русскому Переяславлю только часть более обширного поля борьбы этих князей за господство на киевском юге и за первенство среди всех русских княжеств. Но указанного нам сейчас достаточно, чтобы понять, почему именно из Русского Переяславля привлекались летописные материалы по истории киевского юга владими́ро-суздальским летописанием. Рассматривая Русский Переяславль, как свою отчину, свою долю в «Русской земле», владими́ро-суздальские князья проще и, скорее всего, прямым распоряжением могли оттуда получить нужные им летописные источники. Если в 1175 г. таким источником оказался епископский Летописец, а в 1193 г. — княжеский, то, думается, это объясняется тем, что в 1175 г. в Переяславле Русском княжеского Летописца еще не было, как после этого года, видимо, прекращается летописание при епископской кафедре.

Но не только тем, что владими́ро-суздальские князья легче всего могли из Русского Переяславля получать потребные им летописцы, было обусловлено привлечение владими́рским летописанием в состав своих сводов Летописцев Русского Переяславля. Княжество это было в своей истории вследствие особых данных весьма тесно связано с историей Киевского княжества. Начиная со Мстислава, сына Мономаха, киевские князья этой ветви русского княжеского дома стараются держать свою основную наследственную власть — Русский Переяславль тем членом семьи, которому по смерти киевского князя (старшего в этой ветви) переходил бы Киевский стол. Позднее, в начале XIII в., эту же линию в отношении Переяславля, как преддверия Киева, проводят черниговские Ольговичи, хотя, как известно, Переяславское княжество никогда не было их наследственной землей. Объяснение всему этому мы найдем в рассмотрении той второй, внешне-политической связи, которая была издавна у Киева с Переяславлем Русским.

Княжества Киевское и Переяславское выходили своею южною границею в степь. Забота об обороне степной географически неукрепленной границы, а следовательно и забота о половецких отношениях — не могла не связывать руководителей этих княжеств. Старинные, идущие еще от времен Ярославичей, традиции выдвигали киевского князя, как внешне-политического главу всех русских княжеств и в сношениях

с Византией, и в сношениях со степняками. Можно из летописей привести ряд неопровержимых данных, что половцы всегда считали киевского князя ответственным руководителем внешней политики «Русской земли» и только с ним заключали договоры о взаимных отношениях Русской и Половецкой земли. Между тем киевский князь давно уже фактически утратил такую власть. Он мог руководить военной обороной только своих, киевских границ, а в делах общего фронта против степи (и в смысле обороны, и в смысле наступления) всегда должен был искать связи и единства действий у других князей, и прежде всего у князя Русского Переяславля, княжество которого составляло главный оплот против степи по левобережью.

Совокупность этих двух основных линий в истории Русского Переяславля, связывавших его историю самым тесным и деловым образом с историей Киевского княжества, не могла не отразиться в летописании Русского Переяславля. Действительно, летописание это, особенно поры епископского Летописца, в своем историческом охвате вовсе не было замкнутым летописцем своей волости, а по ходу дел и событий Летописцем киево-переяславским, т. е. излагавшим сверх своих киевских дел также и главные факты истории «Русской земли».

Андрей Боголюбский, овладев в 1169 г. Киевом и распоряжаясь затем судьбами Русского Переяславля, не только мог взять из Киева нужные ему летописные материалы, но, несомненно, многие из них взял, т. к. овладение Киевом в 1169 г. сопровождалось увозом на север не только драгоценностей, но и книг. И не случайно, что позднее, начиная с XIII в., на севере отыскиваются такие древние памятники киевской литературы XI — начала XII вв., как «Житие Антония», «Повесть вр. лет» Нестора, а позже и все главные памятники южной Руси мы получаем чрез Ростовскую традицию (Русская Правда, Ипатьевская летопись и др.). Но киевское летописание ни в коей мере не могло удолетворить владимирских сводчиков конца XII — начала XIII вв., как источник для пополнения владимирских летописных материалов. Это киевское летописание в своей основе, как мы уже знаем, дошло до нас в первой части Ипатьевской летописи и характер этого памятника в отношении владими́ро-суздальских деятелей совершенно ясен. Домогания Юрия Долгорукого на Киев, а затем политика Андрея Юрьевича на киевском юге — не вызвали в своем изложении под пером киевских летописателей симпатий или сочувствия у читателя киевских летописей, не говоря уже о более ранних эпизодах борьбы за Киев, в которых весьма часто можно видеть открыто-враждебное отношение летописателя к тому или иному представителю дома Мономаха. Если мы начнем сравнивать изложение киевских событий Ипатьевской летописи, где в основе, как уже было сказано, лежит последовательно ведшийся киевский княжеский Летописец, с изложением тех же событий в Лаврентьевской летописи где, в основе, как мы теперь знаем, лежит епископский Летописец Переяславля Русского, то по целому ряду эпизодов и характеристик оба эти памятника весьма решительно разойдутся между собою. И удивительно, что многие историки Киевского государства, не углубляясь в изучение летописных текстов, полагали, что Лаврентьевская летопись дает нам лишь сокращение Ипатьевского повествования. Таким утверждением, вовсе не подтверждаемым текстами, они, конечно, только обессиливали себя в количестве возможных для их изысканий источников по истории Киевского государства. Приведем лишь один пример, но вполне достаточный для иллюстрации той нашей мысли, что Летописец Русского Переяславля в своем изложении южно-русских событий был вполне приемлем для владимирского летописания в противоположность киевскому Летописцу, поскольку в Переяславле уже давно чувствовали руку владимирских князей. Теперь в Лаврентьевской летописи

под 1157 г. читаем: «Того же лета преставися благоверный князь Гюрьи Володимировичь в Кыеве, месяца мая в 15 день; и положиша и в церкви у Спаса святаго на Берестоземь». Так, значит, излагал смерть и погребение Юрия епископский Летописец Переяславля Русского. Об этой же смерти и погребении гораздо словоохотливее повествует Киевский летописец (т. е. теперь Ипатьевская летопись), но, во-первых, подробности этих фактов, как мы сейчас увидим, были едва ли приятны владими́ро-суздальским читателям, а, во-вторых, известие о смерти Юрия не было в Киевском летописце предметом специальной летописной статьи или записи, а об ней сообщалось мимоходом, как о счастливом эпизоде в развертывании военных замыслов Изяслава Давыдовича по овладению Киевом: «Изяславу же хотящю поити ко Киеву и в ть день приехаша к Изяславу Кияне, рекуче: поеди, княже, Киеву: Гюрги ти оумерл». Мы не станем приводить здесь слез радости Изяслава по этому поводу, а перейдем к описанию смерти Юрия и последовавших за нею событий, на которых киевлянин-летописатель остановился с особою любовью: «пив бо Гюрги в осменика оу Петрила, в ть день на ночь разболеся, и бысть болести его пять дний, и преставися... мая в 15 в среду, на ночь, а заоутра в четверг положиша оу монастыри святаго Спаса. И много зла створися в ть день: разграбиша двор его Красный, и другий двор его за Днепром разьграбиша, его же звашеть сам раем, и Васильков двор, сына его, разграбиша в городе: избивахуть суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче». Нарисованная картина поминок киевлян по Юрию лучше всего другого разъясняет нам лаконичность записи епископского Летописца Переяславля Русского, который, очевидно, ничего хорошего об отношении киевлян к умершему Юрию сказать не имел, а худого сказать не мог, а может быть и не хотел.

Изложенное позволяет нам отчетливо представить себе, что владимирское летописание, привлекая для составления свода 1177 г. епископский Летописец Переяславля Русского, получало в нем летописное изложение, вполне отвечающее интересам владимирского князя, как в смысле благожелательного отношения повествования к дому Мономаха и князьям Ростово-Суздальского края, так и в смысле его достаточной широты по охвату южно-русских событий для той особой политической задачи, которая ставилась для первого летописного свода города Владимира.

Теперь после рассмотрения тех двух южно-русских источников, которые привлекались для владимирских сводов в 1177 и 1193 гг., мы можем вернуться к тому вопросу, который уже у нас возникал выше: какая политическая мысль была заложена во Владимирском своде 1177 г., и что именно побуждало Андрея Боголюбского, а после его смерти — его преемника Всеволода предпринять составление этого свода, первого свода не только города Владимира, но и всего Ростово-Суздальского края?

Рассмотрим, прежде всего, состав этого свода. Источники его нам теперь известны: это были летописные записи времени Юрия Долгорукого по истории Ростово-Суздальского края; затем — владимирский Летописец времени Андрея Юрьевича, начинавшийся с 1158 г.; наконец, два заключительных повествования, из которых одно (об убийстве Андрея) изложено под 1175 г. с особым заголовком, а второе разбито под рубриками 1176—1177 гг. Перу автора этих заключительных произведений, судя, конечно, только по литературной манере изложения, мы относим и те припоминания о военных подвигах Андрея Юрьевича на юге при жизни еще Юрия, которые вплетены под 1149, 1150, 1151 и 1152 гг. в повествование о южно-русских делах и событиях этих годов. К этим ростово-суздальским и владимирским материалам составитель свода 1177 г. привлек еще епископский Летописец Переяславля Рус-

ского, доведивший свое изложение южно-русских событий до 1175 г. включительно.

В основу, так сказать, первой части своего труда владимирский сводчик 1177 г. положил свой южный источник: из него он дал едва ли не весь в основе текст от начала «Повести вр. лет» до 1158 г., начав изложение «Поучением» Мономаха, затем текстом «Повести вр. лет» силвестровской редакции и, наконец, текстом собственно епископского Летописца Переяславля Русского. В эту часть своего труда сводчик 1177 г. включил из других своих материалов: записи ростово-суздальские времени Юрия Долгорукого и припоминания о военных подвигах Андрея Юрьевича на юге.

Окончив под 1157 г. изложение основного своего повествования из епископского Летописца Переяславля Русского, т. е. выписав под этим годом уже известное нам краткое сообщение о смерти и погребении Юрия в Киеве, сводчик под этим же годом дал последнюю из ростово-суздальских записей времени Юрия, сообщавшую о вступлении в управление Ростово-Суздальским краем Андрея, а затем перешел, как уже к основному теперь материалу своего повествования, к тексту владимирского Летописца времени Андрея Боголюбского, как бы резко перенеся внимание читателя от южных событий к событиям северо-восточным.

В этой, так сказать, второй части своего труда владимирский сводчик 1177 г. не совершенно упустил из внимания свой южный источник, но ограничивается лишь самыми краткими сообщениями, извлекаемыми из его текста, чаще всего, конечно, о княжеской борьбе за Киев, и ставит теперь эти сообщения на втором плане, т. е. вписывает их в свой труд после изложения известий своего владимирского Летописца, как бы ни были эти последние известия иногда незначительны по своему содержанию. Иногда владимирский сводчик просто опускает теперь нить рассказа о киевских событиях, которые, очевидно, на его взгляд представляют иногда столь ничтожный интерес с его общей точки зрения на ход исторической жизни Русской земли, и тогда он, вместо погодных, хотя бы и кратких, записей о междукняжеских делах юга, делает такое, например, сообщение: (под 1176 г.) «Преставися благоверный князь Ростислав, сын Мстиславль, ида и Смолинська Киеву, княжи в Киеве девять лет, месяца марта в 21 день. И везоша и к Киеву». Так владимирский сводчик давал понять читателю, что этому последнему нет необходимости знать какие-либо подробности княжения в Киеве Ростислава. Когда же сводчик 1177 г. изложил под 1168 г. поход союзных князей, посланных Андреем Боголюбским взять Киев, то после этого о дальнейших киевских делах он начинает говорить, как о делах, подлежащих ведению и власти владимирско-суздальского князя Андрея: так, в 1169 г. Мстислав Андреевич, стоявший по распоряжению отца во главе похода на Киев, посадил на стол Киева своего дядю Глеба; после смерти этого Глеба (1172) Андрей посылает в Киев княжить Романа Ростиславовича. Теперь борьбу князей за Киев владимирский сводчик 1177 г. спешит изложить как непокорение этих князей владимиро-суздальскому князю, как нежелание их «ходить в воли его» (1174 г.). Даже, в изложении нашего сводчика, наиболее благоразумные южные князья, как бы отказываясь от борьбы за Киев, посылают теперь к Андрею во Владимир, «просяще Роману Ростиславичю Киева княжить» (1175 г.).

Итак, политический центр жизни русских княжеств, руководящая роль, принадлежавшая от времен вещего Олега Киеву и киевскому князю, — теперь переходит во Владимир на Клязьме, в руки владимирского князя. В этом и есть главная политическая установка Владимирского свода 1177 г.

Любопытная участь выпала на долю этой политической конструкции владимирского сводчика 1177 г. в последующие времена. Ее, конечно,

безоговорочно усваивает владимирское и ростовское летописания XII и XIII веков; она, после гибели Киева и переезда митрополии из Киева на север, ложится в основу общерусского летописания митрополичьей кафедры XV в.; она конечно, перешла и в общерусское великокняжеское летописание Москвы XV и XVI веков. С удивлением видим, что схема эта была принята, как основа ученого построения хода русской истории, в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX веков, слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX веков. Ключевский, как известно, формулировал эту политическую мысль владимирского сводчика 1177 г., как будто итог своих научных размышлений, в положении, что Андрей Боголюбский оторвал великокняжеское достоинство от золотого стола Киевского и перенес его во Владимир на Клязьме. Однако, как для времени своего появления, так и для последующих времен, построение владимирского политика и летописателя грешило самым решительным искажением фактов, понятным и простибельным для сводчика 1177 г., закрывавшего глаза, в виду страстной борьбы за эту идею, на многие факты, его идее противоречащие, но совершенно непонятным и непростибельным для историков, без изучения фактов прошлого, без критики летописных текстов пошедших за этим построением конца XII в.

Кроме этой основной политической установки, затрагивавшей больной тогда вопрос о правах на первенство среди феодальных русских княжеств второй половины XII в., больной потому, что слабость Киева была очевидна, владимирский сводчик 1177 г. проводил в своей рабстве еще свою местную политическую мысль, касающуюся отношений городов между собою в Ростово-Суздальском крае, выдвигая права города Владимира на первенство во всем Ростово-Суздальском крае, на значение его, как столицы единого княжества. Сводчик 1177 г., конечно, владимирец, лицо весьма близко разделяющее все политические планы Андрея Боголюбского и его преемника Всеволода, в событиях борьбы за наследство Андрея (где победителем оказался кандидат на владимирский стол, выдвинутый владимирцами, против кандидатов, выставившихся городом Ростовым и всем боярством края) видел обоснование прав Владимира на окончательное уже теперь укрепление за ним значения столицы всего Ростово-Суздальского княжества. Конечно, Ростов и Суздаль — города «давние» против молодого Владимира, но напрасно на этом только основании они «творяется старейшими»: теперь победили «новии людье», «мезинии володимерьский», за которыми — воля князя. Автора особенно возмущает попытка Ростова вернуть себе, в пору откровенной борьбы за наследство Андрея, право распоряжаться судьбами всего края, т. е. самым грубым образом порвать со временами Андрея, перенесшего значение столицы края на Владимир. В связи с этим настроением сводчика 1177 г. надо толковать, конечно, описание «ограбления» в начале 1176 г. главной владимирской церкви, когда вече Ростова и Суздаля, как и все бояре края говорят: «Како нам любо, тако же створим: Володимерь есть пригород наш!»

Несомненно, что спор городов за первенство в Ростово-Суздальском крае, так глубоко отразившийся на повествовании сводчика 1177 г., повел за собою и явное нежелание последнего использовать в полной мере все те исторические записки, которыми он располагал по истории Ростово-Суздальского края времени до объявления Владимира новой столицей края. Сводчик 1177 г., как мы говорили, имел в числе своих источников летописные записки по истории Ростово-Суздальского края времени Юрия Долгорукого. Из этого источника он привлек столь незначительное число известий (под 1120, 1135, м. б. 1138 и др. годами), что на основании их нам трудно сказать, что это был за источник. Был ли это Летописец города Ростова и князя Юрия или же это были

разрозненные и случайные записи, собранные нашим сводчиком? Но теперь, при внимательном изучении истории нашего летописания и уяснения взаимоотношений наших летописных сводов и их источников, мы можем решительно утверждать, что в Ростове при князе Юрии велся местный Летописец, следивший, за историей всего Ростово-Суздальского края. Этим Летописцем в полной мере мог располагать владимирский сводчик 1177 г., но он, как владимирец, воспользовался им лишь в незначительной части, не желая увековечивать память о Ростове, как былой столице всего края. Это можно утверждать потому, что этот ростовский Летописец времен Юрия не пропал после работы владимирского сводчика 1177 г. бесследно, а был позднее использован в прямо до нас недошедших владимирских сводах, влияние которых на наше летописание начинает сказываться чрез те ростовские обработки общерусских митрополичьих и великокняжеских сводов XV в., которые выяснил нам А. А. Шахматов, что является замечательным результатом точности его анализов сводов XV в. Приведем здесь два примера записей ростовского Летописца времен Юрия, которые находим в ростовской обработке Московского свода 1479 г. (т. е. в Типографской летописи). Они подтверждают нам верность того положения, что ростовский Летописец времени Юрия действительно существовал, но что владимирский сводчик 1177 г. не пожелал использовать этот свой источник в полной мере, т. к. будучи почитателем владимирской политики Андрея Боголюбского, он не желал вводить читателей в подробности политического строя Ростово-Суздальского края времени Юрия. Под 1152 г. читаем в Типографской летописи запись, в такой форме нигде не излагающую деятельность князя Юрия как строителя церквей и городов: «Тогда же Георгий князь в Соуждале бе и отверзл емоу бог разумней очи на церковное здание, и многи церкви поставиша по Соуждальской стране: и церковь постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и святого Спаса в Соуждале, и святого Георгия в Володимери камену же, и Перяславль град перевод от Клещина, и заложи велик град, и церковь камену в нем доспе святого Спаса, и исполни ю книгами и мощи святых дивно, и Георгев град заложи, и в нем церковь доспе камену святого мученика Георгия». Вслед за нею, под тем же 1152 г. читаем сообщение, которое вводит нас в порядок политического управления Ростово-Суздальским краем за это время: «Того же лета приидоша болгаре по Волзе к Ярославлю, без вести, и остоупиша градок в лодях: бе бо мал градок. И изнемогаху людие в граде голодом и жажею, и не бе лзе никому же изити из града и дасть весть ростовцем. Един же оуноша от людеи ярославских ноцию пришед из града, перебред рекою, вборзе доеха Ростова и сказа им болгары пришедша. Ростовци же пришедша, победиша болгары».

Несомненно, что одною из ближайших задач по изучению нашего летописания должна явиться попытка восстановить, если не все известия этого ростовского Летописца времени Юрия, то хотя бы все остатки его, сохраненные нам помимо и вопреки владимирского сводчика 1177 г. Но такая задача задерживается, к сожалению, тем, что до сих пор еще не опубликован Московский свод 1479 г., хотя он уже давно вовлечен А. А. Шахматовым в научный оборот, т. к. только располагая изданным текстом этого свода мы можем легко следить в других летописных сводах его обработку ростовскими древними летописными источниками.

Полагаю, что последним известием этого Юрьева Летописца было известие, которое теперь мы читаем в Лаврентьевской летописи под 1157 г.: «Того же лета Ростовци и Суздальци здумавше вси, пояша Андрея, сына его старейшаго и посадиша и в Ростове на отни столе и Суздали («месяца июня в 4» — добавляю из Летописца Переяславля Суздальского), занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имеяше прежде к богу и ко всем сущим под ним: тем же и по

смерти отца своего велику память створи: церкви украси и монастыри постави и церковь сконча, юже бе заложи преже отець его свягата Спаса камену». Об этой любви ростовцев и суздальцев к Андрею, ничего общего, конечно, не имевшей с его добродетелью, поговорим ниже. Запись сделана в первый год княжения Андрея и носит еще безоблачный ростовский характер.

Нам остается теперь коснуться вопроса о том, что собою представляли летописные записи владимирские или владимирский Летописец времени князя Андрея, видимо полностью включенный владимирским сведчиком 1177 г. в свой труд. Изучение этого источника даст нам несколько наблюдений над политической жизнью Ростово-Суздальского края времени Андрея Боголюбского.

Если мы в части текста Лаврентьевской летописи от 1158 г. до 1175 г. станем отбирать известия, которые без колебания можно отнести к составу этого владимирского Летописца времени Андрея, то у нас получится подбор известий, далеко не отражающий ни княжеской деятельности, ни личности Андрея Боголюбского. Прежде всего очевидно, что Летописец велся при главной церкви города Владимира: не только большинство известий связано с этою церковью (постройка, роспись, похороны в ней членов княжеского дома), но главной иконе этой церкви приписываются победы Андрея и его сына Мстислава (1164 и 1172 гг.), как и изгнание из Владимира Феодорца. Подобного рода средневековой прием церковников связывать те или иные популярные события со своею церковью можно проследить не только на русском или византийском, но и западно-европейском материале. Невольно, затем, бросается в глаза незначительное количество записей, при несомненно последовательно ведущемся записывании, причем почти совершенно отсутствуют записи о личных или семейных делах князя, как известно весьма часто составляющие главную тему под пером других летописателей. Вот почему мы так мало знаем о сложных семейных отношениях в доме Юрия Долгорукого с тех пор, как во главу этого дома вступил старший сын его Андрей. Из случайной обмолвки владимирского свода 1177 г. в повествовании под 1175 г. мы неожиданно узнаем, что вступление Андрея на Ростово-Суздальское княжение произошло против воли отца, что ростовцы и суздальцы присягали Юрию «на меньших детех, на Михалце и на брате и, преступивше хрестное целованье, посадиша Андреа». Следовательно, та премногая добродетель Андрея, о которой говорит последняя запись ростовского Летописца времени Юрия (Лавр. лет. под 1157 г.), за которую «любили» ростовцы и суздальцы Андрея, заключалась в том, что Андрей согласился пойти против распоряжения отца и оставил без внимания нарушение присяги отцу со стороны ростовцев и суздальцев. Но эта обмолвка владимирского сведчика 1177 г. допущена почти чрез два года после смерти Андрея и неизвестно, решился ли бы сведчик сказать об этом при жизни князя. Южно-русское летописание сохранило нам указание, что у Андрея с братьями и главными сотрудниками покойного Юрия были весьма серьезные отношения, выразившиеся уже в 1162 г. в том, что Андрей «братью свою погна: Мстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, и мужи отца своего переднии». В эту семейную распрю сейчас же вошла византийская дипломатия: император пригласил в том же 1162 г. Мстислава и Василька с их матерью к себе, в Империю, причем Василько получил от императора 4 города на Дунае, а Мстислав — волость Отскалана. Братья, направляясь в Византию на житье, взяли с собою еще «молодого» своего брата Всеволода, будущего первого великого князя Владимирского. Но все эти столкновения Андрея с братьями, мачехой и передними мужами отца, даже семейные дела самого Андрея и судьбы его детей — не составляют материала записей владимирского летописания и даже косвенно в этих записях не отра-

жены. Летописатель, церковник главной церкви города Владимира, очевидно далек от княжеского двора и явно избегает вдаваться в описание деятельности и личной жизни своего князя. Через записи этого владимирского Летописца мы совершенно не знаем: когда и как была перенесена столица княжества во Владимир, где проживал сам князь, что делал сам, посылая в ответственные походы на Киев, Новгород и болгар своих сыновей, и др. Итак, при Андрее Боголюбском не было летописания в смысле княжеской заботы о нем, а тем более руководства по его составлению. А это приводит к тому, что мы об Андрее с его смелыми и широкими планами, проводимыми решительно и круто, знаем лишь по косвенным отражениям его деятельности в летописании современного ему юга и Новгорода, а конкретной обстановки его борьбы, достижений его жизни — мы не имеем, хотя летописание за это время во Владимире ведется систематически из года в год. А ведь в лице этого князя мы несомненно имеем опережающего свое время и современников смелого и крутого деятеля, весьма рано оценившего и упадочность «Русской земли» и растущую мощь Ростово-Суздальского края и решившего, порывая все традиции своего рода и всех русских феодальных княжеств, по-новому поставить соотношение сил и внутри Ростово-Суздальского края, и внутри русских княжеств, как и внешне-политические связи Русской земли.

Если наше предположение о том, что рассказы об убийстве Андрея и о борьбе за его наследство нужно отнести к перу сводчика 1177 г. верно, то сводчик 1177 г. без колебаний может быть определен как церковник той же главной церкви города Владимира, как и летописатель. Повествования 1175, 1176 и 1177 гг. без всякой меры пересыпаны благочестивыми рассуждениями о том, что во всех перипетиях борьбы за наследство Андрея икона главной Владимирской церкви оказывает свою чудесную помощь, благодаря которой в конце концов побеждает Михалка и Всеволод.

В рассказе об убийстве Андрея мы находим упоминание в числе лиц, участвующих в похоронах князя, игумена этой главной Владимирской церкви Феодула. Полагаю, что под его руководством велись как записи, составившие материал владимирского Летописца времени Андрея, так и составление Владимирского свода 1177 г.

Те политические тенденции, которые провел в своем труде владимирский сводчик 1177 г., совершенно соответствуют тем политическим планам, над осуществлением которых трудился всю свою жизнь Андрей Боголюбский. Для Ростово-Суздальского края на смену Ростова выдвигался примат Владимира, свободного от старых традиций и от влияния местного боярства; для всей системы русских феодальных княжеств на смену Киева выдвигался примат того же Владимира, как политического распорядительного центра. Такая перемена политической конструкции как внутри Ростово-Суздальского края, так и внутри феодальной системы русских княжеств не лежала в возможностях только сильной княжеской власти, потому что подобного рода перемещения политических центров края или всей страны не могли совершаться без согласия на то императорской власти Византии, которая как главная власть Русской церкви одна могла разрешить или не разрешить открытие новой епископии во вновь избранной князем столице и перемещать или не перемещать митрополию из Киева. Быстрый рост Ростово-Суздальского края в богатейшее и сильнейшее княжество на ряду с упадком бывшего могущества и расцвета княжеств юга, «Русской земли», не мог вызвать особого сочувствия Византии или желания с ее стороны помочь владимирскому князю в осуществлении его планов. В деятельности Андрея Боголюбского Империя могла опасаться его пренебрежения интересами Киева, вопросами обороны южной границы, тогда как главная забота Византии заключалась в возможности вовлечения южно-русских кня-

жеств в борьбу со степенью для помощи и защиты византийских степных пограничій. Перемещение митрополии из Киева на север, конечно, совершенно разрушало в этом смысле все виды Византии, поскольку митрополит в Кіеве являлся не только постоянным советчиком Империи по русским делам, но и весьма деятельным центром по созданию в нужной для Империи момент военной помощи русских княжеств. Византийский придворный историк начала XIII века Никита Хониат, рассказывая о союзных походах русских князей в конце XIII в. на половцев в помощь Империи, прямо называет киевского митрополита, как организатора этих походов: русские князья показали свою готовность помочь Империи «частью по собственному побуждению, частью уступая мольбам своего архипастыря». Вот почему все домогания Андрея о перемещении или разделе митрополии, как ослабляющие позицию киевского митрополита, были отклонены императором. Выдвигая галицкого князя, как соперника князю владими́ро-суздальскому в вопросе обладания Киевом, Империя только в дроблении сил нового сильнейшего Ростово-Суздальского княжества в это время и в ближайшие годы видела свою основную задачу. Вот почему Империя следит и вмешивается в борьбу Андрея с братьями, приглашает последних к себе и не признает Владимир новую столицей княжества, т. е. не назначает туда епископа, считая по старому весь Ростово-Суздальский край под управлением города Ростова, где и находится единый епископ всего княжества.

Неудачи Андрея в сношениях с Византией не остановили подобного рода домоганий со стороны Всеволода, и составление Владимирского свода 1177 г., этого исторического доказательства прав Владимира на звание столицы Ростово-Суздальского княжества и всех русских княжеств, является тому одним из свидетельств.

Все дипломатические сношения русских княжеств с Империей проходили чрез киевского митрополита. Несомненно, что и Владимирский свод 1177 г. подвергся той же участи. Вот почему в его составе теперь можно указать два места, которые ведут нас к руке киевского митрополита. В повествовании о якобы чудесном изгнании из Владимира «лжяго владыки Феодорца» (под 1169 г.) еще С. М. Соловьев усматривал необычное для летописных текстов содержание. Действительно, оно скорее напоминает изложение следственного дела политического преступника, заслужившего от императора обычную в Византии, но необычную у нас, страшную физическую казнь, установленную и широко практиковавшуюся в Империи в отношении политических преступников. В записях владимирского Летописца времени Андрея, откуда мог быть взят этот рассказ о Феодорце владимирским сводчиком 1177 г., при известной нам сдержанности Летописца в изложении политических событий могло читаться только сообщение об изгнании Феодорца из Владимира, причем давалась точная дата этого события (8 мая). Дальнейшее же повествование о действиях над Феодорцем киевского митрополита в Кіеве («повеле ему язык урезати, яко злодею и еретику, и руку правую утяти, и очи ему вынати»), как и формулировка всех преступлений Феодорца — добавлены, как думается, по требованию митрополита, причем дано и пояснение: «Се же списахом, да не наскакоут неции на святительский сан, но его же позоветь бог». Под «богом» разумеется согласие на назначение Феодорца епископом во Владимир со стороны киевского митрополита. Казнь Феодорца имела особо жестокою, устрашающею форму и, конечно, было необходимо с точки зрения агента византийской власти надолго об этой казни заставить помнить русских политических деятелей.

Думаю, что к митрополичьему же участию в просмотре материала Владимирского свода 1177 г. можно отнести приписку в повествовании под 1164 г. о «ереси леонтианьской», где сообщалось, как эта ересь была

изобличена за пределами Ростово-Суздальского княжества — в далекой Империи, пред лицом самого императора.

Если вероятно наше предположение о том, что составление Владимирского свода 1177 г. было предпринято с целью приведения исторического доказательства прав Владимира на звание столицы Ростово-Суздальского края и всех русских княжеств, то как говорят факты политической жизни Руси последующих годов, домогания владимиросуздальского князя и на этот раз остались безуспешны.

§ 3. ВЛАДИМИРСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1193 г.

Последующий этап владимирского летописания, после свода 1177 г., как мы уже говорили выше, был летописный свод 1193 г. Несомненно, сводчик 1193 г. в основу своего труда положил Владимирский свод 1177 г., продолжил его повествование до 1193 г. и привлек княжеский Летописец Переяславля Русского для пополнения своих северных известий на пространстве 1177—1193 гг. известиями южно-рускими. Однако, ближайшее изучение работы сводчика 1193 г. обнаруживает перед нами, что эта работа протекала более углубленно, чем мы это сейчас установили, почему нам нужно задержаться над рассмотрением этого вопроса.

Прежде всего мы постараемся изучить в своде 1193 г. изложение известий 1178—1193 гг. за вычетом из них тех трех южно-руских повествований княжеского Летописца Переяславля Русского, которые сводчик 1193 г., как мы уже указывали, занес в свой свод под 1185, 1186 и 1188 гг.

Просматривая записи 1178—1193 гг. мы непременно обратим внимание на обилие среди них известий, имеющих точную датировку, кроме простого приурочения к определенному году. Эти датированные известия количественно превышают известия недатированные (19 и 15), причем датировка тянется на пространстве всех указанных лет без значительных перерывов.¹ Отсюда мы без колебаний выводим, что владимирское летописание за 1178—1193 гг. велось без перерывов.

Просматривая манеру и состав записей за 1178—1193 гг. вновь видим, что владимирское летописание ведется церковниками главной владимирской церкви: известий, связанных с церковными делами и этой церковью, весьма много среди записей 1178—1193 гг. и они почти все датированы. Но этого мало; весьма многочисленны известия, связанные между собою, так сказать, единым литературным приемом, который состоит в том, что после изложения того или иного факта автор переходит в роль церковного проповедника, снабжая изложение поучениями. С литературной точки зрения все эти поучения, всегда весьма отвлеченного содержания, не дающие поэтому историку точек опоры для уловления за этими поучениями каких-либо фактов или обстоятельств действительной жизни, — можно смело отнести к перу одного и того же писателя: настолько однообразны содержание, стиль и даже фразеология этих-поучений.

Итак, имеем основания полагать, что после составления летописного свода 1177 г. летописание во Владимире продолжает оставаться в руках церковников главной владимирской церкви, ведется непрерывно и на протяжении 1178—1193 гг. выполняется едва ли не одним и тем же лицом.

Отмечаем близость летописания этой поры, в противоположность летописанию 1158—1175 гг., ко двору князя Всеволода. Она усматри-

¹ 1178 г. — 1 дат. известие; 1179 г. — 1 дат. и 1 недатир.; под 1181 и 1182 гг. по 1 недатир.; 1183 г. — 1 дат.; 1184 г. — 1 недатир.; 1185 г. — оба датированы; 1186 г. — 1 дат. и 2 недат.; 1187 г. — 2 дат. и 4 недат.; 1188 г. — 2 недатир. и 1 дат.; 1189 г. — 4 дат. и 2 недатир.; 1190 г. — оба датированы; 1192 г. — 2 дат. и 1 недат.; 1193 г. — 1 дат.

вается не только в обилии и точной датировке семейных событий князя (рождение детей, их постриги и всажение на коня, их смерти, смерти членов княжеского дома), но и в некоторых подробностях повествования о междукняжеских отношениях, в которых участвует князь Всеволод и по поводу которых раскрывались замыслы Всеволода, а также в решительном тоне изложения некоторых щекотливых случаев, как, например, в случае обвинения черниговского епископа, выполнявшего дипломатическое поручение рязанских князей ко Всеволоду, во лжи и перевете с указанием даже на желание Всеволода арестовать было этого оборотливого дипломата, и др. Близость летописателя ко Всеволоду позволяет считать летописание княжеским, хотя летописатель и выполнял свою работу при главной церкви Владимира.

В 1193 г. по какой-то, нам сейчас ближе неопределимой, причине было предпринято составление нового владимирского летописного свода, т. е. был просмотрен весь материал и предшествующего свода 1177 г. и накопленного владимирского Летописца за 1178—1193 гг., и материал этот был пополнен привлечением нового южно-русского источника — княжеского Летописца Переяславля Русского, кончавшегося известием о смерти переяславского князя Владимира Глебовича. Постараемся теперь установить отношение сводчика 1193 г. к своим источникам.

Мы уже говорили, что в основу своей работы сводчик 1193 г. положил предшествующий свод 1177 г. К сожалению, у нас мало данных для суждения о том, что сокращал или опускал он из материала текста свода 1177 г. Но то уже нам известное наблюдение, что в повествовании о жестоком ослеплении пленных Ростиславичей во Владимире в 1177 г. сводчик 1193 г. опустил последние строки, в которых излагался самый акт ослепления, показывает, что сводчик 1193 г. не совершенно безразлично относился к работе редактирования текста свода 1177 г. и, видимо, уже не разделял той жестокой радости владимирца над гибелью незадачливых кандидатов на Ростово-Суздальское княжение, выдвинутых городом Ростовом, которою был проникнут сводчик 1177 г.

Привлекая новый южно-русский источник, против свода 1177 г., для пополнения южно-русскими известиями владимирских материалов за 1178—1193 гг., сводчик 1193 г. не ограничил использование этого южно-русского источника извлечением трех известий (1185, 1186 и 1188 гг.), но просмотрел весь текст свода 1177 г. от начала и до конца с целью пополнить его содержание новыми южно-русскими известиями, каких могло там не быть или по отсутствию их в епископском Летописце Переяславля Русского, которым пользовался сводчик 1177 г., или в связи с пропуском их по тем или иным соображениям сводчика 1177 г. Результатом такого просмотра материала свода 1177 г. в его южно-русских известиях и сверки этих известий с новым южно-русским источником, бывшим теперь в руках сводчика 1193 г., получился значительный след руки сводчика 1193 г. на тексте свода 1177 г. Не говоря уже о дублировке некоторых южно-русских известий, о которой мы упоминали выше, остановимся на том, что сводчик 1193 г., имея в начале своего южно-русского источника, т. е. княжеского Летописца Переяславля Русского «Повесть вр. лет» редакции 1118 г. и находя некоторые расхождения между этою редакцией и той, которая читалась в своде 1177 г., взятая из епископского Летописца Переяславля Русского, т. е. силвестровской редакцией 1116 г., — попытался сблизить эти две редакции, не заменяя, к счастью, прежнего изложения новым. О получившемся в результате этого сближения тексте «Повести вр. лет» весьма подробно говорит А. А. Шахматов в «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (з конце главы I), и нужно настоятельно рекомендовать ознакомление с этим анализом текста, хотя А. А. Шахматов несколько по иному объясняет момент сближения

этих двух редакций. Мы остановимся здесь только на одном месте работы в указанном смысле сводчика 1193 г., поскольку это необходимо нам для последующих выводов. Мы знаем, что силвестровская редакция 1116 г. под 862 г. сообщала о призвании князей, повторяя версию несторовской редакции о том, что призванные Рюрик, Синеус и Трувор сели: первый в Новгороде, второй на Белоозере, а третий в Изборске. Редакция «Повести вр. лет» 1118 г., как уже было указано выше, отличалась от силвестровской, в числе других известий и здесь, внося в несторовскую версию о призвании ладожское сказание о том, что Рюрик сел первоначально в Ладоге и перешел в Новгород позднее, после смерти братьев. Увидев разноречие этих двух редакций «Повести вр. лет» и не решаясь следовать ни за одною из них, сводчик 1193 г. в фразе свода 1177 г.: «Старейшии Рюрик седе Новегороде, а другии Синеус на Белоозере, а третии Изборьсте Трувор» — опустил слова: «седе Новегороде», вероятно оставив незаполненной часть строки, чтобы читатель знал, что здесь сознательное опущение. Если позднейшая переписка слила текст в сплошную строку, то она его не переименовала, так что фраза эта до сих пор читается без слов «седе в Новгороде» в Лаврентьевской летописи и так же читалась в Троицкой (начала XV в.). По свидетельству Карамзина чьею-то позднейшею, (против текста) рукою в Троицкой летописи сверху «над именем Рюрика» было прописано: «Новг.».

Два приведенных факта изменения текста свода 1177 г. редакционной рукою сводчика 1193 г., думается мне, дают право говорить, что в общем сводчик 1193 г. осторожно и внимательно отнесся к труду своего предшественника: он не позволил себе заменить неудобного места в изложении 1177 г., а ограничился его опущением, он не устранил древней версии рассказа 862 г., а лишь дал читателю сигнал об ее спорности.

Пополнение текста свода 1177 г. южными известиями сводчик 1193 г. делал без нарушения той основной конструкции свода 1177 г., согласно которой после 1157 г. южно-русские известия привлекались весьма сдержанно и ставились на второй план. Обратим внимание, что все дублировки южно-русских известий в своде 1193 г. падают на время от «Повести вр. лет» до 1157 г., т. е. именно в этой части редактор 1193 г. имел в виду увеличить количество южно-русских известий, против чего едва ли бы возражал и сводчик 1177 г. Исключением здесь является дублировка рассказа о походе на половцев Михалки; в своде 1177 г. он читался под 1169 г., а сводчик 1193 г. повторил под 1171 г. Но не надо забывать, что герой этого рассказа является и героем города Владимира, добывшим победу Владимиру над Ростовом. Увеличение количества известий о подвигах Михалки на юге не имело в виду увеличения южно-русских известий, как таковых.

Итак, не нарушая основ конструкции свода 1177 г. в распределении известий южно-русских, сводчик 1193 г., можно сказать, продолжил и углубил эту конструкцию для 1178—1193 годов, потому что из всего княжеского Летописца Переяславля Русского он в свою работу, в пределах 1178—1193 гг., внес только три известия. Уже на основании столь скупого отбора можно догадываться, что все события, изложенные в этих известиях, были тесно связаны с политикою владимирского великого князя Всеволода на юге. Действительно, смерть переяславского князя Владимира Глебовича, отмеченная в своде 1193 г. под 1188 г., конечно, была не безразличным фактом южно-русских дел для владими́ро-суздальского князя, потому что, как говорилось выше, Владимир Глебович на юге являлся исполнителем задач и планов Всеволода; поход Игоря на половцев, отмеченный сводчиком 1193 г. под 1186 г., был предпринят Игорем если не по поручению Всеволода, то при его поддержке, на что прямо указывает автор «Слова о полку Игореве»,

только в отношении одного Всеволода высказывая упрек, что он не участвовал лично в походе, а только мыслью издалека охраняет свой отчий стол, т. е. Переяславль Русский; наконец, союзный поход князей на половцев, отмеченный в своде 1193 г. под 1185 г., был предпринят при поддержке Всеволода, что ясно из участия в этом походе переяславского князя Владимира, представителя Всеволода на юге.

В этой связи не лишено интереса то наблюдение, что рассказ об Игоревои походе, взятый из княжеского Летописца Русского Переяславля, передан сводчиком 1193 г. не полно: он оборвал его после сообщения о бегстве Игоря из плена. К этому оборванному рассказу сводчик 1193 г. присоединил поучение, совершенно в том же стиле и в той же фразеологии, какие мы встречаем и под другими годами этого свода. Княжеский Летописец Русского Переяславля о походе Игоря говорил саркастически и без всякого сожаления к печальному исходу этого похода, а о бегстве Игоря из плена — без сочувствия и одобрения («И по малых днех ускочи Игорь князь у половець»). Вот почему лирическое поучение сводчика 1193 г. о праведности Игоря и о неудаче его похода, как наказания за наши грехи, приписанное к изложению похода Игоря, звучит диссонансом и выглядит плохо пришитым куском.

То наблюдение, что поучение здесь пришито к тексту, взятому из южно-русского источника, говорит нам, что автор владимирского Летописца за 1178—1193 гг. и составитель свода 1193 г. было одно и то же лицо, т. к. все такого же рода поучения были, как мы знаем, литературную манеру владимирского летописателя за 1178—1193 гг. Если это положение мы попробовали бы спровергнуть тем предположением, что все поучения в известиях 1178—1193 г. (как и поучение, вставленное в рассказе об Игоревои походе) являются обработкою владимирского Летописца за 1178—1193 гг. рукою сводчика 1193 г. и, таким образом, составитель свода 1193 г. и составитель владимирского Летописца за 1178—1193 гг. могут быть разными лицами (хотя оба церковники и оба из числа церковников главной владимирской церкви), то это не нашло бы подтверждения в анализе записей владимирского Летописца за 1178—1193 гг., где поучения вовсе не составляют только дополнительных моментов к изложению фактов, но и вплетены в самое изложение фактов, которое часто пересыпано поучительными цитатами, роднящими перо их автора с пером автора поучений (ср. в этом смысле характеристику Луки под 1185 г.; описание чувств автора в связи с буйными помыслами рязанских Глебовичей под 1186 г.; описание лжи и переветничества Порфирия под 1187 г., и др.).

Итак, в 1193 г. во Владимире была по какому-то поводу прервана обычная работа по записыванию из года в год известий, ведшаяся при главной церкви Владимира, и было предпринято составление нового летописного свода, выполненное, как можно думать, тем же лицом, которое вело ежегодные записи. Что такое предприятие было рассчитано не на местного читателя, едва ли подлежит сомнению. Но разгадать ближе причину составления свода 1193 г. трудно.

Из записей владимирского Летописца за 1178—1193 гг. при внимательном чтении вытекает, что в 1185—1186 г. Всеволод получил титул великого князя: с 1186 г. он называется уже этим титулом.¹ Заметим, что до этого ни один еще русский князь не носил такого титула со времени установления на Руси в 1037 г. императорской власти. Киевский князь, который во внешних сношениях с Империей и половцами считался главою русских князей, носил тот же титул, как и все другие русские князья; объясняя особое положение киевского князя по пре-

¹ Шахматов, А. А. Обзорение рус. лет. сводов XIV—XVI вв. Л. 1938, стр. 12.

быванию в его городе агента Империи (митрополита), один греческий источник конца XI в. называет его первостольником (protothronos), а не великим князем. Что мог означать для владими́ро-суздальского князя этот новый титул? Кроме подчеркнутого выдвижения из среды других князей, как сильнейшего, титул этот, если опираться на позднейшую (XIV века) практику русско-византийских отношений, когда особенно широко Византия производила раздачу великокняжеских титулов русским князьям, — мог означать для получившего этот титул князя право непосредственных сношений с Империей. При наличии митрополита в Киеве, а не во Владимире, Всеволод теперь в сущности получал право сноситься с киевским митрополитом, минуя киевского князя. Действительно, в 1185 г. Всеволод просит киевского князя и митрополита о поставлении себе епископом Луку, а в 1190 г. просто посылает кандидата на епископскую кафедру Ростово-Суздальского края в Киев для поставления.

Примечательно, что, — несмотря на значительное изменение позиции Империи к 1193 г. в связи с обессилением Византии от болгарского восстания, протекавшего многие годы при половецкой поддержке, против чего Империя не умела и не могла принять мер действительной защиты для своих коренных и богатейших областей, т. е. Византия теперь казалось бы готова была идти на многие уступки, нуждаясь в военной поддержке русских княжеств, — Всеволод, получив титул великого князя, не смог получить признания за Владимиром значения столицы Ростово-Суздальского княжества: поставленный в 1190 г. новый епископ едет сначала «на свой стол» в Ростов, затем в Суздаль и только после этого приезжает во Владимир. Конечно, епископ числится только по Ростову, проживая там, где находится князь. (Ср. в 1192 г. князь и епископ в Суздале, в 1193 г. оба во Владимире).

Как сильнейший и богатейший князь из среды многочисленных русских князей, Всеволод легче других мог пойти на помощь Империи в деле организации степных походов для отвлечения половцев от вторжений в пределы Империи. Нет сомнения, что Всеволод и оказывал эту помощь. Союзный поход русских князей в 1184 г., отнесенный сводчиком 1193 г. к 1185 г., как и поход Игоря новгородсеверского — были предприняты не без содействия Всеволода средствами и людьми. Конечно, только поэтому владимирский сводчик 1193 г. внес сообщения об этих походах в свою работу. Но положение Империи после этих походов 1184 г. и 1185 г. не изменилось к лучшему. Нужда в русской помощи, как об этом говорит византийский придворный историограф того времени Н. Хониат, была постоянной, а русские помогали плохо. Заметим, что ко Всеволоду обращались тогда не только византийцы с просьбой о помощи. К нему обращались болгары, очевидно, желая добиться его нейтралитета в их борьбе с Византией. Об этом можно заключить по тому, что в 1197 г. Всеволод получает церковные подарки из Солуня, который в эти годы был в болгарском обладании. Однако, в 1199 г. Всеволод все же предпринял поход из Ростово-Суздальского края в степь. Можно думать, что в техническом смысле это был трудный поход. Он закончился удачно: Всеволод прошел в «зимовища» половцев, «възле Дон». Но Н. Хониат отмечает в своей истории более поздний поход на половцев Романа Галицкого (1202 г.), и ни словом не упоминает о походе Всеволода.

§ 4. ВЛАДИМИРСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1212 г.

О Владимирском своде 1212 г. мы уже говорили выше. Этот свод был положен в основу начатого было летописания Переяславля Суздальского при Ярославе Всеволодовиче и дошел до нас только в переяславской обработке. О восстановлении текста этого Владимирского свода 1212 г. из Радзивилловской летописи (в двух ее списках) и Лето-

писца Переяславля Суздальского, как задаче осуществимой, говорить можно потому, что переяславская обработка его была весьма незначительна. (Летописец Переяславля Суздальского), как и незначительно было исправление текста этой переяславской обработки по тексту одного из этапов образования текста Лаврентьевской летописи (оба списка Радзивилловской летописи).

Что мы можем сказать о материалах, которыми располагал для своей работы владимирский сводчик 1212 г., и о характере его работы над этими материалами, как и над всем сводом?

Несомненно, владимирский сводчик 1212 г. в основу своей работы положил предшествовавший свод 1193 г. Отсюда всем известная близость текстов Лаврентьевской летописи (свод 1193 г.) с текстом Радзивилловской (свод 1212 г.). Несомненно и то, что Владимирский свод 1193 г. имел ко времени составления свода 1212 г. нарощие за 1193—1212 гг. ежегодные летописные приписки, которыми, конечно, воспользовался для своей работы сводчик 1212 г. Наконец, несомненно и то, что для пополнения владимирских записей 1193—1212 гг. был привлечен сводчиком 1212 г. южно-русский источник, о чем красноречиво говорит большое количество южно-русских известий в этой части работы сводчика 1212 г.

Характер и темы ежегодных записей владимирских за 1194—1212 гг., составлявших приписки к своду 1193 г., дают нам право думать, что ведение летописания во Владимире после составления свода 1193 г. остается предметом забот церковников той же главной Владимирской церкви. Однако, сводчик 1212 г. не все эти записи за 1193—1212 гг. включил в свою работу. Из сличения текстов Лаврентьевской летописи с Радзивилловской мы видим на пространстве 1193—1197 гг., что часть известий, имеющихся в Лаврентьевской, где сохранился Владимирский свод 1193 г. с этими дальнейшими владимирскими летописными записями, в Радзивилловской (т. е. в своде 1212 г.) — опущена. Чем же руководствовался сводчик 1212 г., опуская из этих записей те или иные известия?

Обращает на себя внимание, что во владимирских записях 1193—1212 гг., читаемых в своде 1212 г. (т. е. в Радзивилловской летописи), мы не находим того назойливо поучительного тона, который, как мы знаем, характерен во владимирских записях, читаемых в составе сводов 1177 и 1193 гг. Нельзя ли на этом основании заподозрить, что владимирское летописание, с 1158 г. ведшееся при главной церкви Владимира, в момент составления свода 1212 г. было изъято из рук церковников? Такое предположение переходит в уверенность при рассмотрении главных случаев сокращений сводчиком 1212 г. владимирских записей на пространстве 1193—1197 гг.

Под 1194 г. сводчик 1212 г. опустил 2 известия об обновлении церкви во Владимире и Суздале. Последнее из этих известий сопровождалось похвалой епископу Ивану, средствами и стараниями которого обе церкви были отремонтированы. Сопоставим это с известием о том, что после смерти Всеволода у владимирского великого князя Юрия с этим Иваном, епископом «всей земли Ростовской», сложились недобрые отношения, т. к. Иван, как епископ Ростова, не сумел занять надлежащей, с точки зрения великого князя, позиции в борьбе братьев — Константина и Юрия — за наследство Всеволода. В ростовской записи (теперь сохраняющейся в Лаврентьевской летописи), записи, конечно, благожелательной этому Ивану, сообщается под 1214 г., что последний «отписался» от епископства всей Ростовской земли и ушел на покой. Переяславский же Летописец князя Ярослава, дружественный Юрию и враждебный Константину, под тем же 1214 г. записал, что владимирцы «с князем своим Гюръемь изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяше». Не имеем ли мы теперь право думать, что

сводчик 1212 г., отражая неудовольствие князя Юрия и владимирцев, выкинул из записей 1193—1212 гг. то, что было связано с именем епископа Ивана в благоприятном для последнего смысле? Тогда отнесем сюда же и опущение сводчиком 1212 г. поучения по случаю пожара во Владимире, читавшегося в своде 1193 г. в самом конце описания этого последнего года. Можно думать, что поучение было сказано епископом Иваном, и сводчик 1212 г. нашел нужным это поучение также вычеркнуть.

Итак, Владимирский свод 1212 г. был составлен лицом, близким к князю Юрию и разделявшим его недовольство политической позицией епископа Ивана. Сверх того мы отметим, что лицо это не считало непременно насыщение летописных записей потоком цитат из церковных книг и поучений. Этим, как мы увидим ниже, реформаторская сторона редактора свода 1212 г. в деле обработки летописных текстов далеко не исчерпывалась.

Для пополнения южно-русскими известиями своих владимирских записей на пространстве 1193—1212 гг. владимирский сводчик 1212 г., как мы уже говорили, привлек южно-русский источник. И на этот раз источником был княжеский Летописец Переяславля Русского, как то было у сводчика 1193 г. В доказательство достаточно привести несколько записей этого южного источника в составе известий Владимирского свода 1212 г. (т. е. в Радзивилловской летописи и Летописце Переяславля Суздальского). Под 1199 г. сказано: «Того же лета преставися князь Ярослав Мстиславичь в Русском Переяславли»; под 1203 г. подробно сообщено о радости в Русском Переяславле по случаю посылки туда Всеволодом сына Ярослава; под 1205 г. в описании борьбы Романа Галицкого с Рюриком Киевским отмечено, что на княжеский съезд в Треполье приехал сын Рюрика, «быв у шюрина своего у Переяславли»; под тем же годом в известии о походе союзных князей на половцев — Ярослав, князь Русского Переяславля, назван сразу же за киевским Рюриком, т. е. раньше Романа Галицкого, что возможно было только в тексте Переяславского Летописца, т. к. Роман в то время был сильнейшим князем на юге, соперник владими́ро-суздальскому Всеволоду по Киеву, а Ярослав был 15-лётним мальчиком и сидел на беднейшем стеле из числа южных княжеств. Последним известием этого княжеского Летописца Переяславля Русского, включенным в свод 1212 г., является известие 1209 г. (о смерти Олега в Белгороде).¹

Полагая в основу своей летописной работы Владимирский свод 1193 г., владимирский сводчик 1212 г. явно старался ни в чем не нарушить переданной сводом 1193 г. конструкции русской истории, впервые предложенной сводчиком 1177 г. Использование своего южно-русского источника сводчик 1212 г. вел поэтому в том же смысле, как и сводчик 1193 г. И если количество выписок у сводчика 1212 г. оказалось больше, чем те три выписки, которые сделал для своей работы сводчик 1193 г., то это объяснялось тем, что ко времени составления свода 1212 г. дела на юге стали предметом более пристального внимания владими́ро-суздальского князя и настолько тесно теперь переплетались с планами и ходами его политики, что без сообщения об южных событиях многое из дел владими́ро-суздальских было бы просто непонятно. Не забудем хотя бы того факта, что в эти именно годы Всеволод Владимиро-суздальский семь лет держит Русский Переяславль в своем обладании чрез сына своего Ярослава.

Считаю, что это освоение Всеволодом на юге Переяславского стола вызвало в своде 1212 г. еще и другое отражение. Редактор выпустил из материала владимирских записей 1193—1212 гг. известие, стоявшее

¹ Оно читается в Летописце Переяславля Суздальского. Радзивилловская летопись (в обоих списках) обрывается на 1206 г.

там под 1195 г. (оно сохранилось в Лаврентьевской летописи): «Посла благоверный и христоробивый князь Всеволод Гюргевиич тивуна своего Гюрю с людьми в Русь. И созда град на Городци на Вьстри, обнови свою отчину». Теперь, в пору освоения на юге всего Переяславского княжества было, конечно, политически ошибочно и смешно умиляться над обладанием небольшого Юрьева куска в «Русской земле».

Но если владимирский сводчик 1212 г. в своей общей политической установке оставался на позиции сводов 1177— и 1193 гг., то это не означало того, что он оставил неприкосновенным материал текста этих сводов. Напротив, он подверг этот материал значительной обработке, о которой необходимо сказать подробнее, как о весьма любопытном явлении в истории нашего летописания.

Имеем все основания думать, что княжеский Летописец Переяславля Русского, использованный сводчиком 1212 г., был простым повторением княжеского Летописца Переяславля Русского редакции 1188 г. (использованной сводчиком 1193 г.) с продолжением или приписками, которые охватывали время от 1188 г. по крайней мере до 1209 г. Обладая этим источником, сводчик 1212 г. имел возможность вновь сличить, подобно сводчику 1193 г., «Повесть вр. лет» силвестровской редакции (через свод 1177 г.) с «Повестью вр. лет» редакции 1118 г. (в княжеском Летописце Переяславля Русского). Сличение это сказалось в том, что сводчик 1212 г. в рассказе под 862 г. о призвании князей отверг компромиссное изложение сводчика 1193 г. (т. е. опущение указания места первоначального поселения Рюрика) и включил ладожскую версию редакции 1118 г. Однако, гораздо любопытнее те поправки в тексте свода 1177 г., которые счел возможными внести сводчик 1212 г. Он работал после смерти Всеволода, когда многое из первых лет его 35-летнего княжения было уже забыто, а многие деятели и очевидцы этих лет сошли с политической и жизненной сцены. Это, повидимому, и дало сводчику 1212 г. возможность внести две поправки в повествование 1176—1177 г. о борьбе князей за наследство Андрея Боголюбского. Обе поправки имели целью обелить и возвеличить память Всеволода, что и исполнено в своде, посвященном его памяти, т. е. оконченом после смерти Всеволода. Первая поправка заключалась в том, что в текст рассказа, где излагалась борьба и победа Михалки и владимирцев, сводчик 1212 г. систематически приписал к имени Михалки имя Всеволода, сделав последнего этим приемом для читателей не только наследником, но и соучастником подвигов Михалки. Вторая поправка была сделана в конце повествования 1177 г. Вспомним, что сводчик 1193 г. не решил повторить заключительных строк свода 1177 г. об ослеплении пленных Ростиславичей от руки владимирцев. Сводчик 1212 г. только приписал к этому оборванному повествованию сводчика 1193 г. фразу: «и пустиша ею из земли», чем совершенно изменил развязку дела: владимирцы не ослепили пленников, а потребовали только у Всеволода изгнания их из пределов Ростово-Суздальской земли. Этим сводчик 1212 г. снимал с памяти Всеволода одно из самых темных политических его пятен.

Сводчик 1212 г. проработал, можно смело сказать, весь текст свода 1193 г. Он работал, как настойчивый и внимательный редактор. Если просмотреть любое издание Лаврентьевской летописи в I т. Полного Собрания Русских Летописей, где текст начиная от «Повести вр. лет» и до 1206 г. дан в разночтениях с Радзивилловскою летописью (в ее обоих списках), т. е. где перед нами отмечена в «вариантах» вся редакторская работа сводчика 1212 г. над текстом свода 1193 г., то нельзя не вынести того впечатления, что в этой редакторской работе сводчик 1212 г. одушевлялся некоторыми общими соображениями. Прежде всего, он довольно последовательно опустил на всем протяжении текста свода 1193 г. известия малоинтересные, с его точки зрения: о смертях и

поставлениях некоторых епископов (в Чернигове, в Переяславле Русском и некоторых других южных княжествах), о смертях и погребениях княгинь и княжен. Он желал придать записям большую краткость в части датировок, опуская для того всю церковную сторону этих датировок, т. е. обычные указания на церковные праздники и на названия святых. Вместо, скажем, выражения свода 1193 г.: «месяца мая в 2 день на перенесенье святою мученику Бориса и Глеба» в своде 1212 г. читаем: «мая 2» (см. под 1187 г.). Наконец, сводчик 1212 г. стремился обновить язык изложения, отменил старинные слова, к его времени ставшие непонятными, обновил также фразеологию.

Летописные наши тексты в истории литературного языка занимают свое особое место. В своей истории язык летописного повествования не однажды испытывал на себе попытки сближения с языком других родов литературы и даже языком разговорным, потому что устойчивость языка летописных текстов с течением времени начинала грозить затруднением для читателя в понимании смысла изложения. Сводчик 1212 г., несомненно, принадлежал к числу реформаторов языка летописания. Он ставил своею целью дать читателю, вместо древнего и уже невразумительного своею лексикою и фразеологиею текста, текст современный и удобопонятный. Его подновления для нас любопытны, потому что своею ошибочностью показывают нам, что подновляемые слова давно уже ушли из современного сводчику 1212 г. литературного и разговорного языка. Так, например, слово «креста» (гроб) он заменил в одном случае словом рака (под 1015 г.), т. к. для него из контекста было ясно, что разумелось вместилище для трупа, а в другом случае (под 1093 г.) — словом «крест», т. к. рассказ не давал ему возможности точно понять из изложения смысл этого слова. Так, сводчику 1212 г. было непонятно слово «товар» в значении — обоз, лагерь; так что в рассказе о том, что князь послал глашатаев «по товаром», он заменил слово «по товаром» словом «по товарыши», что для данного места в общем не исказило смысла повествования. Но его подновления для нас любопытны и в тех случаях, когда сводчик 1212 г. знает еще значение старого слова. Заменяя современным словом такое устаревшее, но еще понятное слово, он дает нам историю слов. Так слово «ложница» (в 1175 г.) он заменяет словом «постельница»; «прабошни черевы» — «боты» (1074 г.); «протоптаныи» — «утлыи» (1074 г.); «набдя» — «кормя» (1093 г.); «доспел» — «готов» (992 г.); «уста» — «преста» (1026 г.); «детеск» — «мал»; «детишь» — «отроча»; «исполнить» — «исправить»; «крьнетъ» — «купить»; «ключитсѧ» — «прилучитсѧ»; «полк» — «вои»; «комони» — «кони»; «ратитсѧ» — «сразитсѧ»; «развращен» — «розно»; «ядъ» — «снедь»; «уверни» — «възвороти»; «похоронить» — «погрести»; «двое чади» — «двое детей» и др.

Думаю, что мы ошиблись бы, признав составление свода 1212 г. актом заботы Юрия Всеволодовича о памяти отца и ее прославлении. Конечно, эта сторона дела, как мы уже видели, забыта не была.

Владимирский свод 1212 г. оканчивался описанием смерти Всеволода и изложением его завещания сыновьям. По условиям литературной обработки того времени, завещание было изложено в форме предсмертной беседы завещателя с детьми. Как известно, завещание Всеволода было необычно: отец передавал великокняжеский титул и стол второму сыну Юрию, а старшему — Константину — Ростов. Поскольку завещание это было выгодно Юрию, последний и озаботился закрепить его в летописном изложении. Заметим, что сохранный нам Лаврентьевскою летописью рассказ о той же смерти Всеволода, восходящий к ростовскому Летописцу Константина, ни слова не упоминает о завещании Всеволода. Это — понятно: Константин с этим завещанием отца не был согласен. Тут нужно припомнить, в какое неудобное положение, в связи с этим завещанием, попал новый великий князь Владимира Суздальского:

весь церковный аппарат, столь нужный правителю тех веков нашей древности, оказался в руках его обделенного и считавшего себя обиженным старшего брата, т. к. Ростово-Суздальский край в церковном отношении был все еще стянут под руку одного епископа города Ростова, и Всеволоду не удалось добиться согласия Византии на признание Владимира столицей Ростово-Суздальского княжества, т. е. на перенесение епископии из Ростова во Владимир.

Когда Юрий после 1212 г. обратился к Империи с просьбой об отдельном епископе для Владимира (свод 1212 г. мог служить исторической справкой, подкрепляющей эту просьбу), Никейская империя охотно пошла навстречу этой просьбе, так как углубление распада Ростово-Суздальского княжества и вспыхнувшая здесь борьба сыновей Всеволода лучше всего гарантировали византийским политикам продолжение их влияния и власти над сильнейшими уже теперь русскими княжествами. Борьба Константина и Юрия за Владимир этим выводилась из рамок события Ростово-Суздальского края и становилась предметом международного обсуждения. Это можно подкрепить тем, обычно забываемым, наблюдением, что Константин, обиженный теперь и со стороны Никеи, а не только отца, ищет иных международных связей, о чем свидетельствует присылка к нему в 1218 г., в пору его великого княжения во Владимире, церковных подарков из Константинополя: Константинополь в эти годы был столицей Латинской империи.

§ 5. РОСТОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ КОНСТАНТИНА ВСЕВОЛОДОВИЧА И ЕГО СЫНОВЕЙ. ВЛАДИМИРСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ЮРИЯ И ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧЕЙ

Лаврентьевская летопись на пространстве от 1193 г. и до 1239 г. — едва ли не труднейшая для анализа часть этой летописи. Руководящую нить здесь опять дает А. А. Шахматов, обращая внимание исследователей на то, что начиная с 1206 г. (первым известием которого оказывается описание отправки Всеволодом на стол Великого Новгорода старшего сына Константина, изложенное в приподнятых тонах с утомительными цитатами из церковных книг, т. е. как событие необычайного значения, которое, однако, иначе было истолковано новгородцами, в следующем году изгнавшими от себя Константина) — идет ряд летописных записей, связанных с личностью и судьбою Константина Всеволодовича (Ср. 1206, 1207, 1209, 1210 [рождение сына], 1211, 1212, 1213, 1214 [рождение сына], 1215, 1216, 1217, 1218 гг.), а после его смерти в 1218 г. продолжающихся, как летописание его сыновей с частыми упоминаниями в первые (после 1218 г.) годы покойного Константина. (Ср. 1220 г. смерть жены Константина; 1221 г. — в Ярославском пожаре уцелел двор князя молитвою Константина; 1224 г. — освящение в Ярославле церкви, заложенной Константином; 1227 г. во Владимирском пожаре сгорел двор Константина и церковь им украшенная).

Этот константинов Летописец, потом становящийся Летописцем ростовским, идет в составе известий этой части Лаврентьевской летописи, как непрерывная и сильнейшая струя. Весьма простой и отчетливый по характеру своих записей и их содержанию, этот ростовский Летописец легко выделяется из материала текста Лаврентьевской летописи за эти годы. Главную заботу составителя записей первых годов этого Летописца, лично, безусловно, близкого и преданного Константину, является, сверх неустанных похвал князю по всякому поводу, забота отметить все случаи церковных построек, пожары их, поставление епископов и т. п. Собственно политические события составитель записей излагает весьма скромно и нарочито кратко. Это особенно бросается в глаза, когда мы читаем изложение борьбы, разыгравшейся после смерти Всеволода за великокняжеский стол Владимира между Константином и Юрием Всеволодовичами. Приведу примеры этого изложе-

ния. Под 1212 г. читаем: «Приходи Юрги князь с Ярославом к Ростову и умиришася с Костянтином и разидошася каждо всвояси»; под 1213 г.: «Во второе приходи Юрги с Ярославом к Ростову и створиша поряд с Костянтином и идоста от Ростова к Москве». Несколькo, правда, пространнее изложен рассказ 1217 г., но он туманно говорит о дьяволе, который возбудил «злу котору» между Константином, Юрием и Ярославом, а фактическая часть в нем еще скромнее предыдущих годов: «и бишася у Юрьева и одоле Константин».

Установить на материале этой струи ростовских записей сменяющиеся этапы летописной работы — невозможно, из-за простоты этого материала и отсутствия в нем следов известных моментов сводческой или редакторской работы. Однако, все же замечаем, что будучи летописанием Константина за все время его княжения, т. е. будучи связанным не с тем или иным княжеством, а с личностью князя, летописание это легко переходит со своим героем из Великого Новгорода в Ростов, а из Ростова во Владимир. После смерти Константина этот Летописец имеет продолжение, как Летописец ростовских князей, сыновей Константина, хотя и ведется при епископской кафедре города Ростова.

Другая струя в материале текста Лаврентьевской летописи от 1206 до 1239 гг. должна быть отнесена к великокняжескому владимирскому своду Юрия Всеволодовича. Она отчетливо выступает для нас сразу же после описания смерти Всеволода (под 1212 г.), тянется до описания смерти Юрия Всеволодовича в 1237 г. и оканчивается некрологом Юрию, помещаемым теперь под 1239 г. и связываемым с описанием перенесения тела Юрия из Ростова во Владимир.

К сожалению этот великокняжеский владимирский Летописец князя Юрия использован для материала текста Лаврентьевской летописи 1206—1239 гг. далеко не с той полнотою, как Ростовский летописец Константина и его сыновей, а с явными сокращениями изложения, в виде выборок, всегда уступая в случаях столкновения в руках сводчика двух версий в описании одного и того же события — версии этого великокняжеского Юрьева Летописца и версии Летописца ростовского Константина — последней версии. В виду этого мы теперь по составу сплетенных перед нами двух источников можем отчетливо представить ростовское изложение особенно могущих нас интересовать фактов (например, борьба братьев Константина и Юрия за владимирский стол, тянувшаяся с 1212 до 1217 г.) и ничего не имеем для суждения о том, как эти факты были изложены в великокняжеском Летописце Юрия. Это обстоятельство весьма печально, между прочим, потому, что великокняжеский владимирский Летописец Юрия, в противоположность Ростовскому летописцу Константину и его сыновей был веден с тем же охватом южно-русских событий, как и известные нам Владимирские летописные своды 1117, 1193 и 1212 гг., т. е. был также летописным сводом. Приглядываясь ближе к выборкам из этого Владимирского свода Юрия в составе текста Лаврентьевской летописи 1206—1239 гг., видим, что привлечение южно-русского источника в этом своде обрывается на 1228 г. («Того же лета преставися Мстислав Мстиславичь, в черньчих и в скиме»), что должно нас вести к предположению, что в ближайшие к этому 1228 году во Владимире при великом князе Юрии был составлен новый великокняжеский свод, который затем был продолжен лишь местными владимирскими записями до 1237 г. включительно.

К сожалению, краткость выборок и незначительность их по количеству, какие мы имеем в тексте Лаврентьевской летописи из этого Юрьева великокняжеского свода 1228 г. с владимирским к нему продолжением до 1237 г., — не дают нам возможности глубже войти в рассмотрение истории владимирского летописания при великом князе Юрии.

А. А. Шахматов доказал, что текст Лаврентьевской летописи когда-то был дополнен и сближен с текстом Радзивилловской летописи (т. е. протографа списков Радзивилловского и Московского академического), причем в руках редактора была Радзивилловская летопись не исправного состояния, а с тем самым дефектом в последних листах, о котором мы уже говорили и который сводился к тому, что события 1203—1205 гг. были изложены там после событий 1205—1206 гг. Редактор сблизил текст своего основного источника с Радзивилловскою до середины рассказа 1203 г. и, заметив путаницу событий, изложенных далее, опустил дальнейшее заимствование, т. к. не имел возможности эту путаницу в изложении Радзивилловской летописи преодолеть. Однако, при этом у него одно событие 1205 г. (смерть дочери Всеволода Елены) попало в запись событий 1203 г., что только могло получиться из дефектного текста Радзивилловской летописи.

Это верное наблюдение А. А. Шахматова весьма, конечно, затрудняет попытку анализа текста нынешней Лаврентьевской летописи на пространстве 1193—1206 гг., хотя мы ниже все же к этому вернемся. Сейчас же заметим, что с 1206 г., на котором обрывается Радзивилловская летопись, и до 1212 г. мы имеем в Лаврентьевской летописи текст, насыщенный изложением южно-русских событий, причем это изложение отличается от изложения этих годов в Летописце Переяславля Суздальского, в котором, как мы помним, здесь был использован Владимирский свод 1212 г. Этот Владимирский свод 1212 г. не мог дать текста Лаврентьевской летописи на пространстве 1206—1212 гг. в отношении изложения южно-русских событий, а так как ростовский Летописец Константина и его сыновей за пополнением своих известий к южно-русским источникам не обращался, то мы непременно приходим к выводу, что здесь перед нами извлечение из великокняжеского свода князя Юрия, составляющее один из двух источников Лаврентьевской летописи на пространстве 1206—1237 гг. Этот владимирский Юрьев свод 1228 г. с продолжением к нему владимирских записей до 1237 г., хотя и опирался на великокняжеский Юрьев же свод 1212 г., но и перерабатывал его. По этому значительному куску великокняжеского свода Юрия 1228 г. мы можем судить, между прочим, что и для этой летописной работы во Владимире был привлечен в качестве источника южно-русских известий опять же Летописец Переяславля Русского. Это легко доказать указанием на такие его известия в составе нынешнего текста Лаврентьевской летописи. Под 1210 г.: «Тое же весны приходиша половци к Переяславу и повоеваша много села, возвратишася с полопом многим всвою, и многа зла створше безбожнии иноплеменници». Под 1215 г.: «Того же лета Володимер,* сын Всеволож, слышав, аже идути половци к Переяславу, изиде противу им вскоре и усретеся с ними на реце, и бишася крепко, и мнози от обох падоша и божьим иопущеньем, за умноженье грех наших, одолеша половци, и мнози от Руси избени быша, а инех изимаша и самого князя Володимера яша и ведоша и в веже свои», и др.

Итак, в 1228 г. во Владимире при составлении великокняжеского свода был привлечен Летописец Переяславля Русского. Это было уже четвертое обращение владимирского летописания к помощи Летописцев Русского Переяславля. В 1177 г. был использован епископский Летописец Русского Переяславля, кончавший свое изложение на 1175 г. В 1193 г. был привлечен княжеский Летописец Русского Переяславля, кончавшийся 1188 г. В 1212 г. был вновь привлечен княжеский Летописец Русского Переяславля, доведивший свое изложение до 1209 г. Наконец, около 1228 г. был использован опять же княжеский Летописец Русского Переяславля, доведивший свое повествование до 1228 г. Можно вполне уверенно полагать, что княжеские летописцы Русского Переяславля редакции 1209 и 1228 гг. являлись простыми продолже-

ниями княжеского Летописца 1188 г., так что ничего нет удивительного в том, что они не дали в текст владимирских сводов ничего нового против княжеского Летописца 1188 г. на пространстве до 1188 г. включительно.

При установленной нами переплетенности текстов Ростовского летописца Константина и его сыновей (его первое известие относится к 1206 г.) и владимирского свода Юрия (его следы мы установили также с 1206 г.) нам необходимо решить вопрос, к которому из этих слагаемых нужно отнести начало текста Лаврентьевской летописи, т. е. владимирский свод Всеволода 1193 г. После 1193 г. владимирское летописание пережило, как мы знаем, составление нового свода 1212 г. и, конечно, как наперед можно думать, великокняжеский свод Юрия 1228 г., как последующий этап, положил его в свою основу; между тем текст свода 1193 г., как более архаический против свода 1212 г. (т. е. Лаврентьевский текст против Радзивилловского) скорее всего мог бы составлять начало Ростовского летописца Константина. А. А. Шахматов, предположив это, обратился к изучению текста Лаврентьевской до 1185 г., чтобы в нем найти следы ростовской обработки, что естественно было бы для этого текста, как части Ростовского летописца. В описании битвы Мстислава Владимировича с Олегом Святославичем под 1096 г. в тексте Лаврентьевской летописи мы находим указание, что Мстислав шел против Олега с новгородцами и ростовцами. Но об участии в этой битве ростовцев ничего не говорит ни Ипатьевская летопись (т. е. редакция 1118 г. «Повести вр. лет»), ни Радзивилловская (т. е. Владимирский свод 1212 г.). Следовательно, у нас нет препятствий видеть здесь, вслед за Шахматовым, руку ростовского редактора, включившего слово «ростовци» при обработке своего Летописца.

Другое еще соображение подкрепляет у А. А. Шахматова это наблюдение. Сводчик, сливавший тексты Ростовского летописца Константина и владимирского Юрьева свода, с 1206 г. излагает Ростовский летописец полно и предпочтительно перед сводом Юрия. Если бы этот Ростовский летописец имел другое начало, то оно должно было бы при этих условиях отразиться в работе сводчика. Наконец, если Ярослав в Переяславле Суздальском, задумав составить свой Переяславский летописец, положил в его основу Владимирский свод 1212 г., то неужели Летописец Константина, начинающий свое ростовское повествование с 1206 г., не имел никакого до 1206 г. начала, к которому бы он примыкал?

Мне представляется правильным сделать то предположение, что Константин, задумав в связи со своим первым самостоятельным политическим шагом, т. е. с назначением на Новгородский стол, завести свой княжой Летописец, обратился к отцовскому владимирскому летописанию, чтобы им возглавить свое летописание. К 1206 г. во Владимире был, как мы знаем, как последний момент редакторской работы, свод 1193 г. Если мы теперь допустим, что свод 1193 г. имел ежегодные приписки (а это можно доказать на материале текста свода 1212 г., имеющем в пределах 1193—1206 гг. точные, т. е. своевременно сделанные, записи), то надо полагать, что Константин взял для своего княжого Летописца Владимирский свод 1193 г. с нарощими к нему приписками владимирского летописания 1194—1206 гг. Вот этим обстоятельством я и объясняю себе ту разницу (от 1193 г.) между текстами Лаврентьевской и Радзивилловской летописей, которая ведет нас к редакторской работе сводчика 1212 г. (Радзивилловская). По соображениям, о которых мы уже говорили, он часть этих приписок откинул (начиная с получения по случаю пожара во Владимире в 1193 г.), а часть переработал. По тому факту, что один из последующих редакторов текста Лаврентьевской летописи, привлекая для пополнения ее текста текст Радзивилловской, более всего выписывал из этой последней для 1197 и

последующих годов, — по этому факту мы имеем право полагать, что первоначальный состав ежегодных приписок к своду 1193 г. был в этой части своей беднее текста свода 1212 г., что, впрочем, и естественно, т. к. свод 1212 г. располагал в составе своих материалов, как мы знаем, текстом южно-русского источника, доведившего свое изложение до 1209 г.

Итак, получаем право так представлять себе историю ростовского летописания после 1157 г., на котором оборвался Ростовский летописец времени Юрия Долгорукого. В 1206 г. Константин Всеволодович, желая завести свой княжой Летописец, обращается к владимирскому летописанию отца и получает Владимирский свод 1193 г. с приписками к нему от 1194 до 1206 гг. Первая самостоятельная запись этого константинова Летописца читалась под 1206 г. о посылке его отцом на княжение в Новгород.

Этот личный константинов Летописец становится ростовским, т. к. с 1207 г. отец сажает Константина княжить в Ростов. Однако, за время 1217—1218 гг. Летописец этот ведется как владимирский, потому что Константин в эти годы занимает великокняжеский владимирский стол. После смерти Константина (1218 г.) Летописец его становится Летописцем его сыновей, ростовских князей. Теперь ростовский княжеский Летописец ведется непрерывно и своевременно силами ростовской епископской кафедры.

Познакомившись с двумя слагаемыми текста Лаврентьевской летописи на просторстве от «Повести вр. лет» до 1239 г., нам надлежит перейти к вопросу о том, когда и где произошло слияние этих двух источников или составление нового свода.

Думаю, что ответ мы найдем в изложении 1239 года. Оно начинается с описания перевезения тела Юрия из Ростова, где оно было первоначально погребено по распоряжению ростовского епископа, во Владимир; затем находим некролог Юрия, после чего летописатель в лирическом тоне выражает свой восторг по поводу того, что не все князья Ростово-Суздальского края погибли от руки татар, и перечисляет уцелевших князей Всеволодова дома, ставя на первое место Ярослава Всеволодовича. На этом весьма необычном лирическом перечислении уцелевших от татар князей, я полагаю, и оканчивался свод 1293 г., слившийся ростовское и владимирское летописания. Необычность окончания, видимо, позднее вызвала затруднение у продолжателя, который, чтобы перейти к деловому повествованию, счел необходимым дать переходную фразу: «Но мы на предреченая взидем», т. е. перейдем от лирики к делу.

В своей работе сводчик 1239 г. как бы подводил итог прошлому, окончившемуся страшным татарским нашествием, и открывал новую страницу в истории своего народа — тяжелый период татарской неволи.

Работа эта была составлена в Ростове. В этом не может быть ни малейшего сомнения. В основу своей работы сводчик кладет Ростовский летописец Константина и его сыновей, кончавшийся описанием смерти от руки татар ростовского князя Василька (в 1237 г.), и только весьма ограниченно использует Владимирский свод Юрия, кончавшийся описанием гибели Юрия на р. Сити. Изложение 1238 и 1239 годов надо отнести к руке сводчика 1239 г. Здесь в описании 1239 г. он воспользовался некрологом Юрия, конечно, читавшимся во Владимирском своде под 1237 г., после рассказа о гибели Юрия на р. Сити, перенеся этот некролог в 1239 г., где было дано описание перевезения тела Юрия во Владимир по распоряжению Ярослава. Вспомним, что рассказ о гибели от татар ростовского князя Василька в ростовском Летописце заканчивался его некрологом под тем же 1237 г. Что некролог Юрия взят из Владимирского свода, а не принадлежит перу ростовского сводчика 1239 г., видно из того, что в некрологе имеется цифра 24, как счет годов великого княжения Юрия во Владимире. Эта цифра дей-

сгвительности не соответствует, потому что в 1217 и 1218 гг. стол Владимира находился в обладании Константина, и не считать этого мог только Юрьев Летописец. Конечно, ростовская запись не забыла бы вычесть эти два года из цифры лет великого княжения Юрия.

Наше утверждение, что летописный свод 1239 г. был составлен в Ростове и ростовцем, сделанное на основании изучения использования сводчиком своих материалов, может быть подкреплено тем, что в одном месте своей работы автор дал указание на себя лично, определив себя, как ростовца. Под 1227 г. мы читаем явное извлечение из Владимирского свода Юрия (о поставлении епископа во Владимир). К этому владимирскому сообщению автор свода сделал такую приписку: «приключися и мне, грешному, ту быти и видети дивна и преславна и прославиша всемилостиваго бога и великаго князя Гюрга». На этом церковном торжестве во Владимире был (в числе четырех), конечно, и ростовский епископ. Очевидно, среди лиц, сопровождавших ростовского епископа в этой поездке во Владимир, находился и будущий автор свода 1239 г., который, занося в свод владимирское известие об этой церковной церемонии, вспомнил о своей поездке тогда во Владимир и о гостеприимстве князя Юрия.

Выше указывалось, что во всех случаях, когда сводчику 1239 г. нужно было выбрать ростовским изложением и изложением владимирским, он без колебаний и компромиссов передавал ростовскую версию. Но в одном случае сводчик 1239 г. отступил от этого приема и дал слитный рассказ по обоим источникам; это в описании Батыева нашествия под 1237 г., которое читалось в обоих источниках свода 1239 г., как последнее известие.

Что читаемый теперь в Лаврентьевской летописи рассказ 1237 г. слит из двух источников, ясно уже из таких переходных фраз этого рассказа: «но то оставим»; «но ныне на предреченая взидем»; «но мы на передняя взидем». Фразы эти чаще всего означают, что составитель, прекращая выписку из одного источника, переходит к выписке из другого источника. В данном случае эти тщательные указания сводчика 1239 г. при условии двух его источников помогают исследователю сразу же получить в изучаемом тексте бесспорные куски того и другого изложения — и ростовского Летописца и Владимирского свода — о горестном переживании 1237 г. Сверх того, при внимательном чтении текста Лаврентьевской летописи под этим годом, мы видим еще одно обстоятельство, лишающее нас права отнести изложение 1237 г. к перу одного автора: герои этого рассказа умирают на глазах читателя по два раза, и это на пространстве нескольких строк. Так, при описании гибели епископа и женской половины княжеского дома Юрия автор сообщает, что все эти лица затворились от татар в главной церкви Владимира, где были «запалены огнем», и это не мешает епископу «помолиться» (приводится якобы его молитва) и снова читаем: «такоскончашася». Еще поразительнее эта дублировка в описании смерти князя Юрия: сказав однажды «и ту уьен бысть князь Юрий», составитель рассказа чрез две-три строчки вновь отмечает (без видимой нужды): «и ту уьен бысть князь великий Юрь». Конечно, это ростовский источник называет его князем, а владимирский источник — великим князем.

Задача разделения слитого из двух источников рассказа Лаврентьевской летописи под 1237 г. на два его слагаемых необычайно, конечно, облегчается тем, что литературная манера этих двух источников весьма между собою различна и легко улавливается. Ростовский повествователь ведет свое изложение в известной по вне-летописным литературным памятникам «агиографической» манере: все герои такого рода повествований любят произносить весьма длинные молитвенные речи, часто по несколько раз подряд («и пакы второе помолися», и др.), и все

повествование должно быть проникнуто поучительным тоном. Наоборот, владимирский повествователь, как бы продолжая уже отмеченную нами манеру сводчика 1212 г. избегать излишней церковщины, ведет свой рассказ коротко, сухо, но деловито.

Сливая в одно два повествования о походе Батыея, наш ростовский сводчик, как, впрочем, и везде в основу положил ростовское изложение, делая из владимирского только вставки. Но в одном месте ясно, что и ростовское изложение передано не полностью. Думаю, что это произошло не по вине ростовского сводчика, а относится к дефекту последующей переписки этого текста свода 1239 г. Обратим внимание на последовательность описания взятия Владимира татарами и гибели его защитников и обитателей. Вот описатель дошел до того момента, когда татары ворвались и взяли город, а князя Всеволод и Мстислав, сыновья уехавшего Юрия, и все люди вбежали в Печерный город. Здесь, неожиданно оборвав рассказ, автор переходит к описанию гибели епископа и женской половины княжеского дома в главной церкви Владимира. Но, ведь, главная церковь Владимира, конечно, находилась в кремле города, который в описании называется Печерным. Значит, прежде чем «запалить огнем» эту церковь татарам надо было взять Печерный город. А об этом-то не сказано ни слова. Странно и то, что рассказ забывает об участии молодых князей, защитников Владимира. Однако, значительно ниже, мы читаем, что к Юрию на р. Сить пришла весть о гибели его столицы, семьи и населения в таких выражениях: «Володимерь взят и церкы зборъная и епископ и княгини з детми и со снохами и со внучаты огнем скончашася, а старейшая сына Всеволод с братом вне града убита, люди избиты, а к тебе идут!» Значит, в рассказе выше этого места было же сообщено об окончательном взятии Владимира, т. е. взятии Печерного города, как и о том, что Всеволод и Мстислав погибли при этом как-то «вне града», т. е. отдельно от других защитников.

К счастью, имеем возможность пополнить этот пробел рассказа Лаврентьевской летописи и тем доказать, что пробел этот является случайностью, т. е. дефектом переписки. Мы уже говорили, что в конце XIII в. в Галиции при составлении того летописного свода, который мы теперь зовем Ипатьевскою летописью, был использован какой-то северный летописный текст. Последним заимствованием из него в тексте Ипатьевской летописи можно считать вставку в рассказе о нашествии Батыея. Основной рассказ в Ипатьевской летописи о нашествии Батыея на северо-восточную Русь, как мне думается, галицкий: он краток, неточен, как записанный позже по рассказам, как будто, ироническим в отношении владимирцев. Но в этом галицком рассказе есть явная вставка, подчеркивающая один эпизод: епископ Владимира произносит речь к защитникам города, совершенно в духе тех речей, которые произносят герои ростовского повествования о гибели Владимира, а после этой речи идет изложение момента окончательной гибели Владимира и описание смерти старшего княжича Всеволода, который выходил-было с дарами просить у татар мира, но был ими убит вне стен кремля.

Свод 1239 г. был выполнен в Ростове и ростовцем, но для великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича. В этом легко убедиться из повествования под 1238 и 1239 годами, которое не могло составлять окончания ни ростовского, ни владимирского летописания, как источников свода 1239 г. Статья 1238 г. довольно неожиданно и в напыщенном тоне сообщает о вступлении Ярослава на стол города Владимира, как главное событие этого года; а в статье 1239 г., после описания погребения Юрия во Владимире по приказанию Ярослава и после некролога Юрия мы читаем тот подсчет уцелевших от татар князей, во главе с «благочестивым и правоверным» Ярославом и его семьей, о котором мы уже говорили выше. Сверх этого, сводчик

1239 г. (а не источники его работы) старательно пополнил текст своей работы указаниями на деятельность Ярослава, как переяславского князя: так, под 1219 г. сообщено о рождении у него сына Федора (без точной даты, по припоминанию); под 1225 г. — об его походе на Литву; под 1226 г. — о его походе на Емь, «где же ни один от князь русских не возможе бевати, и всю землю их плени»; под 1227 г. — о крещении им «множества корел, мало не все люди». Придворный тон этих описаний перекликается с тем придворно-льстивым рассказом о вступлении Ярослава на владимирский стол в 1238 г., о котором мы только-что говорили.

На вопрос, почему владимирский великокняжеский свод Ярослава, составленный в 1239 г., был делом ростовца, а не владимирца и почему при составлении Переяславского летописца Ярослава в 1216 г. в основу работы был положен Владимирский свод 1212 г., а в основу владимирского великокняжеского свода Ярослава теперь в 1239 г. положенным оказался Ростовский летописец Константина и его сыновей, — на этот вопрос можно ответить указанием, что после татарского нашествия из главных городов Ростово-Суздальского края, благодаря осторожной политике ростовских князей, уцелел лишь город Ростов, где теперь, как в былые времена, находится епископская кафедра, управляющая всем Ростово-Суздальским краем. Когда князю Ярославу потребовался летописный рассказ, доводящий изложение событий до вступления Ярослава на владимирский стол, то Ярослав, очевидно, мог обратиться только в Ростов, где уцелели вместе с городом и литературные средства и литературные силы, способные выполнить такое княжеское поручение.

К сожалению, уяснить себе причину, побудившую Ярослава принять составление свода, излагающего на ростовском и владимирском материале историю всего Ростово-Суздальского края, мы не имеем данных. Время первых лет после Батыева нашествия, как известно, так бедно дошедшими до нас фактами, летописание этих лет так сдержанно и кратко, что у исследователя нет возможности хотя бы в кратких чертах изложить княжение Ярослава, не говоря уже о приурочении свода 1239 г. к каким-либо его политическим шагам и планам.

Великокняжеский Владимирский свод Юрия 1228 г. с продолжением его владимирским Летописцем до 1237 г. включительно, столь слабо использованный сводчиком 1239 г., прямо до нас не сохранился. Но восстановление его представляет собою задачу исполнимую и важную, т. к. он иначе бы рассказал нам многие события и факты из истории Ростово-Суздальского края от 1212 до 1237 года. Материал для восстановления этого Юрьева свода, после данных, извлекаемых из свода 1239 г., главным образом, находится в последующем нашем летописании XV в. Тот состав известий, который дает нам Лаврентьевская летопись на пространстве первых десятилетий XIII в., лег в основу последующего летописания Ростово-Суздальского края XIII и XIV вв., а в XV в. перешел в общерусские летописные своды, составляемые при митрополичьей кафедре. Текст этих общерусских сводов в интересующем нас изложении начинает испытывать заметное давление от сближения его с текстом великокняжеского Юрьева свода, который в некоторых случаях вытесняет изложение ростовское, как основу свода 1239 г. Это сближение текстов является результатом обработок текста общерусских сводов XV в. в Ростове при епископской кафедре на основе старых владимирских сводов, в числе которых был и свод Юрия с приписками к нему до 1237 г.

Но владимирский великокняжеский свод Юрия может быть восстановлен не только на основании Лаврентьевской летописи и ростовских обработок общерусских сводов XV в., но и на основании Ипатьевской летописи.

Мы уже говорили в главе об Ипатьевской летописи, что две части этой летописи (Киевский великокняжеский свод 1200 г. и Галицко-волинский Летописец XIII в.) были пополнены третьим источником, из которого взяты известия по Ростово-Суздальскому краю. Влияние этого третьего источника на текст Ипатьевской летописи видно главным образом в пределах Киевского свода 1200 г., и мне удалось обнаружить это влияние в составе Галицко-волинского Летописца только в рассказе о нашествии Батыея, о чем было сказано в этой главе.

Давно замечено, что текст этого третьего источника Ипатьевской летописи близок то к тексту Лаврентьевской летописи, то к тексту Радзивилловской, то дает чтения, отличные от обеих этих летописей. А. А. Шахматов определил близость текста этого источника к тексту Лаврентьевской летописи тем, что в Ипатьевской летописи использован Полихрон, т. е. общерусский свод начала XIV в., которым воспользовалась и Лаврентьевская летопись не только в пределах 1240—1305 гг., но и в начальных моментах своего текста. Но позволительно задаться вопросом: какие у нас данные, чтобы считать этот третий источник Ипатьевской летописи памятником начала XIV в.? Он использован в Ипатьевской летописи, главным образом, до 1200 г. и после этого дал лишь одну вставку, относящуюся к повествованию 1237 г. Никаких дальнейших заимствований из него мы не обнаруживаем. Уже это одно заставляет заподозрить верность его датировки началом XIV в. Затем можем выдвинуть то положение, что в составе Киевского свода 1200 г. есть немало самостоятельных, независимых от этого третьего источника изложений событий, касающихся времени князя Андрея Боголюбского (ср. рассказ об убийстве Андрея, об ереси Леона, и др.), которые сводчик Ипатьевского текста охотно пополнял известиями об этих же событиях из своего третьего источника. Почему в Киевском своде 1200 г. могли оказаться описания некоторых событий Ростово-Суздальского края, независимые от какого-либо северного письменного источника, видно из состава и характера этих записей, всегда связывающих эти ростовские и владимирские события с черниговскими делами и лицами, в частности с черниговским князем Святославом Ольговичем, близким к Юрию Долгорукому в пору борьбы последнего за Киев. Иною речью в Киевский свод 1200 г. описание некоторых ростовских и владимирских событий попало через Черниговский летописец Святослава Ольговича и его потомков.

Если теперь мы извлечем из Ипатьевского текста известия и их чтения, принадлежащие действительно только искомому третьему источнику, то мы получим текст, который в основу свою клал Лаврентьевский текст, но сближал его с другими памятниками Ростово-Суздальского летописания. Немало случаев разночтений текста этого третьего источника Ипатьевской летописи с Лаврентьевским текстом вполне удовлетворительно объясняются из чтений Радзивилловской и Летописца Переяславля Суздальского, т. е. ведут нас к Владимирскому своду 1212 г. Но есть и такие разночтения с Лаврентьевским текстом, которые расходятся и со чтениями Владимирского свода 1212 г. Однако все эти разночтения вполне удовлетворительно объясняются тем предположением, что в этих случаях перед нами текст великокняжеского Владимирского свода Юрия 1228 г. с приписками до 1237 г., который, как мы уже видели выше, не просто полагал в основу своего изложения свод 1212 г., но и подвергал его переработке.

Отсюда мы делаем тот вывод, что третьим источником Ипатьевской летописи был не Полихрон начала XIV в., а свод первой половины XIII в., который соединял в себе те же слагаемые, что и Владимирский свод 1239 г.: Ростовский летописец Константина и его сыновей и Владимирский свод Юрия 1228 г. с приписками к нему до 1237 г. Но комбинация этих двух слагаемых здесь была иная, чем в своде 1239 г. Она

дала значительно больше чтений Юрьева свода 1228 г., чем дал их сводчик 1239 г. за эти же годы в своем труде.

ГЛАВА IV .

ВРЕМЯ УПАДКА ВЛАДИМИРСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

§ 1. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1263 г., СОСТАВЛЕННЫЙ В РОСТОВЕ

Просматривая по Лаврентьевской летописи состав известий после 1239 г., исследователь не может не высказать прежде всего сожаления о том, что та форма записи этих известий, которая теперь начинает решительно преобладать, лишает возможности уверенно и с успехом анализировать летописный текст за эти годы. Форма эта — обидная краткость известий и отсутствие в них точной датировки.

Первые, после 1239 г., годы по составу известий все же дают нам право предполагать, что пред нами простые приписки к своду 1239 г., сделанные в том же плане, какой мы наблюдали в своде 1239 г. Свод этот, как мы знаем, имел задачей подвести читателя к событию вступления Ярослава Всеволодовича на владимирский великокняжеский стол, как старейшего во всем племени князей Ростово-Суздальского края. Записи последующих годов дают нам сообщения о событиях, связанных с деятельностью Ярослава, как великого князя владимирского, с его обширными по размаху и смелыми планами добиться старейшинства во всей Русской земле.

Мы знаем, что составление свода 1239 г. было делом ростовца, из числа ростовских епископских служащих. Поэтому мы не будем удивляться, что продолжатель свода 1239 г., конечно, также ростовец, следя за деятельностью Ярослава на юге, в Смоленске, в Орде и Монголии, не упускает из виду в своих записях также ростовских дел и событий (ср. под 1244 г. сообщение о поездке ростовских князей в Орду). Записью 1246 г. о смерти великого князя (с точною датой: 30 сентября) видимо, и заканчивался этот ростовский этап великокняжеского владимирского летописания. Что этот этап был связан с епископскою кафедрою Ростова, доказательство этому вижу в записи событий 1239 г., где, излагая татарское завоевание Мордовской земли, Мурома и земель по Клязьме, летописатель не упустил из виду, что «и град святая богородица Гороховець пожгоша».

Последующие годы, т. е. начиная с 1247 г., своим изложением наводят на предположение, что великокняжеское летописание, веденное до сих пор в Ростове, со смертью Ярослава прекращается, как великокняжеское, но продолжается, как и прежде, силами епископской кафедры, но только как летописание местное, ростовское, как ростовский Летописец. Все записи этого Летописца касаются или ростовских княжеских (главным образом семейных) дел или связаны с епископом Кириллом, по деятельности которого во всем Ростово-Суздальском крае записываются события и внеростовские (в 1248 г. он хоронит во Владимире Михаила Ярославича; в 1249 г. везет в Углич из Владимира тело Владимира Константиновича; в том же году хоронит в Ярославле Василия Всеволодовича; в 1250 г. венчает во Владимире Андрея Ярославовича; в 1251 г. участвует в поездке в Новгород).

Тогда откуда же взяты все известия, не касающиеся ростовских дел и не связанные с деятельностью ростовского епископа Кирилла? Конечно, кое-что из не-ростовских дел могло быть отмечено в ростовском Летописце, но не к нему, а к летописцу митрополичьему нужно отнести, конечно, ряд записей, связанных с деятельностью митрополита, теперь, с 1250 г., переехавшего «на Суздальскую землю» и проживавшего, видимо, во Владимире. Характер, например, записи 1251 г. о поездке ми-

трополита в Новгород не оставляет сомнения в таком митрополичьем записывании событий: «Поеха митрополит в Новъгород Великыи ко Александру с епископом Кирилом. И умолен бысть новгородци, поставиша блаженаго Далмата епископомъ, месяца мая в 25, на память обретенъе главы святаго Иоана предтечи». В этом митрополичьем Летописце, конечно, могли быть записаны также дела, в которых митрополит принимал участие, но которые, в существе, касались важных политических событий края, как, например, под 1252 г. запись о вступлении Александра Невского на великокняжеский стол Владимира.

Итак, как можно думать, с 1247 г. перед нами уже сплетаются два источника: ростовский епископский Летописец и Летописец митрополита, начинающийся с 1250 г. Эти два источника, как ни скудные своим содержанием их записи, все же иногда встречались в своем изложении, что приводило или к компромиссному изложению или к дублировке. Под первым мы разумеем те случаи, как в записи о венчании митрополитом князя Андрея или в записи о поездке митрополита в Новгород, когда к известию, взятому явно из митрополичьего Летописца, находим прибавку сообщения об участии ростовского епископа. Это могло означать, что в ростовском епископском Летописце было сообщение о том же событии по участию в нем ростовского епископа. Что же касается дублировки событий, то она могла получиться у сводчика от некоторой неловкости изложения в одном источнике, при сведениях этого источника с известиями другого источника. Так, под 1257 г. сказано, как можно полагать из владимирского митрополичьего Летописца, что ростовский князь Глеб приехал от цесаря «и оженился в ворде»; а под 1258 г., как можно полагать из ростовского Летописца, приведено сообщение о приезде Глеба в Ростов с женою и о радости в Ростове по случаю его женитьбы. Ясное дело, что один и тот же летописатель сумел бы это изложить последовательнее. Второй случай дублировки относится к возвращению Александра Невского из поездки в Новгород. Под 1258 г. читаем (как думаем, из митрополичьего Летописца), что после проведения в Новгороде числа новгородцы удержали у себя Александра в Новгороде, и он, дав им «ряд», поехал в свою отчину. Под 1259 г. (как думаем, из ростовского Летописца) приведено сообщение, что Александр Невский приехал из Новгорода в Ростов, благодарил там епископа за какую-то помощь, и оттуда уже поехал во Владимир. Конечно, здесь в обоих случаях говорится об одной и той же поездке и об одном и том же возвращении Невского из Новгорода. Но первый источник, сообщив о поездке, возвращает Невского прямо «в свою отчину», не упоминая об его заезде в Ростов, а второй источник знает, что ранее возвращения во Владимир Александр был в Ростове у епископа.

Когда же произошло слияние этих двух источников, т. е. когда же после 1239 г. был составлен новый летописный свод?

Просмотр известий, начиная с 1247 г., думается, дает право сказать, что главною заботою сводчика было дать из изложения своих источников хотя бы видимость великокняжеского Летописца времени Александра Невского. Самым ярким для этой мысли примером может служить начало повествования 1247 г., где сообщено, что Невский, узнав о смерти отца (о ней сказано под 1246 г.), приехал из Новгорода во Владимир и здесь «плакася по отце своемъ» с дядею и «братъею своею». Только желанием по какому-нибудь поводу создать запись об Александре Невском можно объяснить эту статью. Конечно, такой приезд Александра очень вероятен, но о нем не могло быть записи в ростовском Летописце (а митрополичий Летописец начинается только с 1250 г.), потому что после смерти Ярослава Всеволодовича великим князем становится Святослав Всеволодович, и Александр Ярославич Невский еще не скоро сделается главным деятелем Ростово-Суздаль-

ского края (в 1252 г.). Вот почему, я думаю, что смерть Александра Невского в 1263 г. вызвала попытку создать как бы продолжение того великокняжеского Летописца, который был создан в 1239 г. Ярославом Всеволодовичем и велся во все время его княжения на столе Владимира силами ростовской кафедры.

Для подобного рода работы был положен в основу свод Ярослава с приписками к нему, кончавшимися 1246 г., известием об его смерти. К этой основе был придан свод известий ростовского епископского Летописца и Летописца митрополичьего, начавшегося с 1250 г. То обстоятельство, что под 1263 г. сообщается о рождении сына у ростовского князя Глеба, а затем приводится «житие» Александра Невского, можно объяснить тем, что ростовский источник свода 1263 г. доходил до 1263 г., а общий состав известий за время великого княжения Александра Невского был так беден, что у составителя свода 1263 г. явилось желание не только пополнить свои источники самостоятельно придуманною статьею, как известие о приезде Александра из Новгорода для оплакивания смерти отца, но и дать особое приложение, в котором сотрудник и очевидец жизни покойного Александра, вскоре после смерти этого князя, рассказывал об его подвигах и деятельности.

Это жизнеописание Александра Невского можно считать третьим источником свода 1263 г. Но был еще и четвертый источник, о котором надо сказать несколько слов.

Составитель свода 1263 г. был ростовец и горячий почитатель ростовского епископа Кирилла, умершего в 1262 г. В своей работе сводчик не только с теплым чувством упомянул о смерти этого Кирилла, но и решил ознакомить читателя с жизнеописанием Кирилла («житием»), существовавшим как особое литературное произведение. Сводчик отнес включение этого «жития» под 1231 г., т. е. в материал предыдущего свода 1239 г., так как там под 1231 г. сообщалось о поставлении Кирилла на ростовскую кафедру. К сожалению, текст Лаврентьевской летописи под этим годом спутан и сбит, и у нас нет материала и критерия, чтобы разъяснить себе получившуюся сбитость текста. Объяснение этому пороку текста Лаврентьевской летописи под 1231 г. я вижу в пороке каких-то внешних данных одной из ранних стадий жизни этого текста в XIII в. И все же ясно, что похвала Кириллу, здесь помещенная, как часть его «жития», написана после смерти Кирилла, т. е. после 1262 г., и что автор этого произведения обращается, как того требовала тогдашняя литературная манера, к умершему Кириллу с просьбою помочь в его литературном предприятии.

Впрочем, сводчик 1263 г. не ограничился включением «жития» (или только части его) в текст свода 1239 г.; он еще под 1239 г. нашел нужным вспомнить опять об этом покойном Кирилле. Теперь мы читаем под 1239 г., что ростовский епископ Кирилл боялся, «абы не оскудела правоверная вера хрестьянская», что было естественно в первые годы татарского завоевания, когда еще не была ясна политика татар в отношении церкви. К этим словам о страхе Кирилла сводчик 1263 г. прибавил: «еже и бысть». Конечно, так написать было возможно только после 1257 г., когда «численици» — «толико не чтоша игуменов, черньцов, шовов, крилшан, кто зреть на святую Богородицю и на владыку», т. е. когда церковь получила ярлык, которым церковники были изъяты из татарского обложения и могли уверенно говорить, что христианская вера не оскудела.

Свод 1263 г. был составлен вскоре после смерти Александра Невского, — это ясно из включения в последний год этого свода «жития» Александра, написанного еще под свежим впечатлением смерти великого князя его очевидцем и участником его походов. К этому же ведет нас и «житие» Кирилла, включенное сводчиком под 1231 г. В словах этого «жития»: «много бо попеченье створи о церкви святой богоро-

лица, еже преже сказахом, еже есть и до сего дне, день от дне начиная и преходя от дела в дело» — видим указание, хотя и неясное, на близость записи к смерти епископа. Такое впечатление переходит уже в уверенность, когда мы читаем дальше: «ако же не бысть у прежбывших епископех, а по нем бог ве ли будеть». Само собою, что так хвалить покойного епископа можно было только в самое первое время после его смерти для поощрения его преемника.

Итак, летописание после нашествия Батыея существует в Ростово-Суздальском крае, как непрерывное, только в Ростове, а во Владимире, несмотря на проживание там с 1250 г. митрополита, кроме скромных записей митрополичьего Летописца, никакой летописной работы не видим. И когда, после смерти великого князя Александра Невского, составляется продолжение великокняжеского летописного свода 1239 г. с его ростовским великокняжеским изложением до 1246 г., то эту работу, в существе по ростовским записям 1247—1263 гг., выполняют вновь в Ростове силами епископской ростовской кафедры. Вот почему жизнь и деятельность одного из выдающихся государственных людей — Александра Невского — так бедно и только косвенно отражаются в наших летописных источниках, не быв предметом современного самостоятельного летописного повествования.

С другой стороны, свод 1263 г. дает нам видеть еще живое чувство великокняжеского авторитета: для увековечения в памяти потомства времени жизни и деятельности одного из носителей этого титула ростовские литературные силы епископской кафедры отдают свой труд и свои летописные материалы.

Но нельзя не обратить внимания на сужение былого общерусского горизонта, известного нам по владимирским сводам до-татарской поры, заботливо привлекавшим в свое изложение известия южно-русских Переяславских летописцев. Ставим это в связь не с упадком общерусских планов Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, так как, к счастью, знаем о том обратное, т. е. что и Ярослав, и Александр не выпускали из поля своего зрения Киев и киевский юг; но ставим в связь с прекращением летописного дела во многих бывших летописных центрах юга.

Если к этому мы припомним то, на что указано в начале этой главы, т. е. что литературная форма летописания заметно упадает в своем качестве: известия становятся, конечно, умышленно кратки и лаконичны, лишенные точной датировки, то все вместе взятое дает нам право полагать, что летописание первых десятилетий после батыева нашествия в значительной мере отрывается от действительности, перестает слушать нам в уяснении этой действительности даже в ту условную меру, какую выполняло до того летописание и «Русской земли» и Ростово-Суздальского края. Можно смело сказать, что такое состояние летописного дела продолжается едва ли не целое столетие: только во второй половине XIV в. наблюдаем оживление летописного повествования, улучшение качества и точности записей, расширение политического охвата.

§ 2. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1281 г., СОСТАВЛЕННЫЙ В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ

Как мы уже говорили выше, в Лаврентьевской летописи на 1263 г. падает начало первого из двух крупных дефектов текста в изложении событий второй половины XIII в. Дефект этот охватывает время от 1263 г. (т. ч. окончания жизнеописания Александра Невского мы не имеем) до середины повествования 1283 г., т. е. на протяжении 20 лет. Второй дефект начинается с 1287 г. и идет до середины повествования 1294 г. Все палеографические описания Лаврентьевской летописи утверждают, что оба эти дефекта произошли от утраты листов за долгое время жизни этой рукописной книги. Палеографическое изучение Ла-

врентьевской летописи не может войти в изложение настоящей работы, но выполненное в другом месте оно дает нам право сказать, что второй дефект (1287—1294 гг.) не является следствием утраты листа или нескольких листов Лаврентьевским манускриптом, а восходит к утрате трех листов тою ветхою книгою, с которой копировал свой текст Лаврентий. Как мы сейчас увидим, теперь имеется полная возможность устранить оба указанные дефекта, и при этом количество текста второго дефекта оказывается неуложимым на формат Лаврентьевской летописи в смысле четного числа страниц: количество текста, восполняющего этот дефект, можно считать в 3000 букв, а лист Лаврентьевской рукописи вмещает (в этой части) только 2688 букв.

Карамзин, опиравшийся в своей работе, главным образом в пределах первых пяти томов, на Лаврентьевскую и Троицкую летописи, как характерные, в тех главах своей «Истории», в которых излагались события 1263—1294 гг., в виду дефектов Лаврентьевской летописи, перешел на текст одной Троицкой летописи, дав поэтому в своих примечаниях к этим главам весьма много выписок из Троицкой. Так как Троицкая летопись, хотя и продолжавшая изложение далее Лаврентьевской почти на 100 лет, на всем протяжении Лаврентьевской летописи была, как видел Карамзин, ей весьма близка, то, конечно, Карамзин поступил вполне правильно, опираясь на текст Троицкой летописи там, где в Лаврентьевской наблюдались утраты текста. Мы оказываемся в худшем положении против Карамзина, так как Троицкая летопись сгорела в пожарах Москвы в 1812 г. Но находка А. А. Шахматова Симеоновской летописи в 1900 г. несколько поправила дело.

А. А. Шахматов нашел Симеоновскую летопись среди т. наз. дефектов Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР и дал ей название по имени бывшего ее владельца XVII в. Эта летопись начинает свое повествование с 1177 г., т. е. в ней утрачено начало летописного текста. Изучая состав этого летописного памятника, А. А. Шахматов определил, что в начале его до 1390 г. перед нами текст Троицкой летописи начала XV в., сгоревшей в 1812 г. Действительно, все выписки Карамзина в его примечаниях, отмеченные, как взятые из Троицкой, нашли себе место в тексте Симеоновской. Однако, под 1235—1237 гг., под 1239—1247 гг. и под 1361—1364 гг. Симеоновская отстает от текста Троицкой и передает текст Московского свода 1479 г., который является главным источником Симеоновской после 1412 г. Находка Н. П. Лихачевым в 1922 г. Рогожского летописца вносит некоторые изменения в анализ А. А. Шахматова текста Симеоновской летописи, о чем будет сказано ниже, но не колеблет вывода о том, что с 1177 г. и до 1390 г. в Симеоновской сохранился текст Троицкой летописи начала XV в. с теми отступлениями, которые перечислены выше. Установление близости текста Симеоновской к тексту Троицкой летописи открыло возможность, во-первых, поставить задачу восстановления текста Троицкой летописи и, во-вторых, пополнить дефекты Лаврентьевского текста на пространстве второй половины XIII в. (т. е. 1263—1283 гг. и 1287—1294 гг.), что в свою очередь открывает для нас возможность приступить к анализу текста Лаврентьевской летописи в этой ее части.

Мы не будем сейчас входить в подробности вопроса, как возможно, опираясь на Симеоновскую и Рогожскую летописи и на первые пять томов «Истории» Карамзина, привлекая и некоторые другие источники, — восстановить текст утраченной Троицкой летописи. Скажу только, что эта попытка предложена мною и в 1938 г. сдана в Институт истории Академии Наук СССР, где принята для напечатания. Издание Симеоновской летописи в XVIII т. Полного собрания русских летописей (1913 г.) сделано, к сожалению, с привлечением далеко не всех остатков Троицкой летописи и из примечаний Карамзина взяты лишь те

выписки из Троицкой летописи, при которых находятся на то прямые указания Карамзина.

Если мы возьмем текст Симеоновской летописи на протяжении нашего первого дефекта Лаврентьевской летописи, т. е. с 1264 по 1282 гг., то количество выписок Карамзина из Троицкой летописи почти полностью покрывает текст Симеоновской за следующими ничтожными исключениями: под 1264 г. останутся без подтверждения цитатами Карамзина два известия (о вступлении Ярослава Ярославича на стол Новгорода и о хвостатой комете); под 1268 — опять два известия (о рождении ростовского князя Василия и о походе Дмитрия на «немцы»); под 1270 г. — одно известие (поход Ярослава на Новгород); под 1272 г. — два (посаждение на владимирский стол Василия и его поход на Новгород); под 1275 г. — одно (поездка великого князя к «царевин»); под 1276 г. — два (великий князь приехал из татар и Климент поставлен в Новгород епископом); под 1277 г. — одно (поход ростовского Глеба и других князей с царем Менгутемиром); под 1279 г. — одно (лунное знамение); под 1280 г. — два (приезд к великому князю новгородского епископа и поход великого князя на Новгород); под 1272 г. — два (брак дочери тверского Ярослава и отъезд великого князя к Ногаю).

Такое незначительное количество неподтвержденных карамзинскими выписками известий Симеоновской летописи не может, конечно, вызывать подозрений против отнесения их к тексту Троицкой летописи, как и подтвержденных выписками Карамзина, так как более или менее ясно, почему Карамзин оставил эти известия неиспользованными (главным образом как второстепенные).

Конечно, текст Симеоновской летописи в пределах 1264—1283 гг., принимаемый нами за текст Троицкой, еще не есть текст, утраченный в этих пределах Лаврентьевской, поскольку можно доказать изучением тех кусков Троицкой (Симеоновской) летописи, которые имеют параллельный текст с Лаврентьевской, что тексты этих двух летописных памятников, будучи близки между собою, не были тождественными. Но то же изучение текста Троицкой летописи в ее отношении к тексту Лаврентьевской дает нам знать, что разница текстов, несмотря на различие возрастов этих текстов (Лаврентьевский текст скопирован в 1377 г. с текста начала XIV в., а текст Троицкой летописи был текстом начала XV в.) и на лежащую между ними, вероятно, не одну попытку редакторской правки, сводилась к столь незначительной переработке Лаврентьевского текста в смысле чтений или сокращений известий, что можно с относительной уверенностью считать для наших целей текст Троицкой (Симеоновской) тождественным с недостающими кусками Лаврентьевской летописи.

Обратим внимание, что в Симеоновской летописи записано под 1274 г., что Серапион был поставлен епископом «Ростову, Владимиру и Новгороду». Это сомнительное чтение (т. к. в Ростове в это время был Игнатий, а Новгород никогда не причислялся к епископии другого города) оказывается не порчею текста в Симеоновской, но восходит к тексту Троицкой, так как выписка Карамзина (в IV т., пр. 153) прямо указывает на это. Заметим, что под 1276 г. в Симеоновской, как и в Троицкой летописях сказано, что после смерти Серапиона новый епископ ставится на Владимир и Суздаль. Как могло такое сомнительное чтение под 1274 г. получиться в тексте Троицкой летописи, сказать трудно и еще труднее решить вопрос, является ли это чтение оригинальностью Троицкого текста, или же оно восходит к утраченному Лаврентьевскому.

Поскольку количество неподтвержденных выписками Карамзина из Троицкой летописи известий Симеоновской на пространстве второго дефекта Лаврентьевского текста, т. е. 1287—1293 гг. еще незначительнее, чем в первом дефекте, постольку и этот кусок текста Симеонов-

ской летописи будем полагать тождественным с текстом Троицкой и оперировать им в том же смысле, как и куском текста 1264—1282 гг.

Итак, считая с большою долею уверенности, что текст Лаврентьевской летописи на всем протяжении от 1264 и до 1294 гг. нами выполнен, мы можем теперь углубиться в изучение текста и постараться выяснить историю его образования.

Казалось бы определить последующий за сводом 1263 г. этап летописания на материале текста Лаврентьевской летописи после 1263 г. может помочь нам весьма простое и важное наблюдение. Та ростовская основа, которая тянулась перед нами с начала XIII века за время изучения Лаврентьевского текста, переплетаясь с другими, всегда для нее второстепенными источниками, и которая совершенно очевидна и для изложения последующих за 1263 г. годов, неожиданно обрывается на повествовании 1281 г. с тем, чтобы к ней затем на пространстве всего последующего текста Лаврентьевской рукописи уже более не возвращаться. Обрыв этой ростовской нити приходится на незначительное ростовское событие: ссору двух ростовских князей и их примирение великим князем и ростовским епископом. Конечно, это обстоятельство ничего не дает нам для суждения о том, почему именно здесь прекращается ростовское летописание в нашем памятнике.

За этим ростовским известием в Лаврентьевской летописи изложено в довольно пространной форме описание похода на великого князя брата его Андрея, приведшего татарские войска и разорившего многие земли. В следующем году (1282) упомянута «другая рать» этого же Андрея, опять с татарскими войсками, на великого князя; наконец, под 1283 г. рассказано о примирении братьев.

И сейчас же за этим рассказом о примирении начинается длиннейшее повествование о событиях в Курском княжении, которое растянуто на 2 года (1283—1284) и решительно ничем не связано как с предыдущим, так и с последующим изложением.

Где же при этих данных искать нам окончание последующего за сводом 1263 г. этапа летописной работы?

Пока условно будем считать, что известием о примирении великого князя с братом Андреем замыкалось известное изложение, так как уверенно этого говорить мы не можем в виду того, что ростовская нить почему-то оборвалась не на изложении этого года, а двумя годами раньше, не давая притом нам знать, что летописание в Ростове почему-либо в этом году окончилось.

Изучая состав известий Лаврентьевского текста на пространстве 1264—1281 гг., мы видим, что ростовский Летописец здесь, как и прежде, лежит в основе и что ростовское летописание есть продолжение уже известного нам ростовского епископского Летописца, который велся прежде, до 1262 г., при ростовском епископе Кирилле, а теперь продолжается при его преемнике Игнатии. Под каждым почти годом мы читаем изложение ростовских событий, часто связанных с упоминанием этого Игнатия и весьма часто точно датированных. Но так же, как и ранее 1264 г., на ряду с этими безусловно-ростовскими известиями мы находим значительное все же количество известий не-ростовских.

Допустим, что в ростовском епископском Летописце могли быть записаны известия не-ростовские, но живо касавшиеся ростовских дел церковных и княжеских: например, известия о положении дел в Орде, известия о деятельности митрополита и др. Тогда к ростовскому епископскому Летописцу мы отнесем: под 1265 г. известие о смерти хана Берке; под 1269 г. — о перемене лиц на епископии в Сарае; под 1274 г. — о поставлении Серапиона епископом на Суздаль и Владимир; под 1275 г. — о смерти этого Серапиона, о татарских грабежах и о громе, который поразил диакона в главной церкви Владимира (хотя это сразу

же кажется сомнительным для ростовского Летописца); под 1276 г. — о поставлении Федора на место Серапиона (поставление же Климента епископом в Новгород, конечно, не-ростовской записи); под 1279 г. — о дипломатической поездке сарайского епископа в Империю; под 1280 г. — о погребении митрополита.

Остающийся фонд не-ростовских известий, даже при этом широком отнесении известий к ростовскому Летописцу, оказывается все же весьма значителен и требует отнесения к какому-то дополнительному источнику.

Можно смело выдвинуть в качестве такого источника Летописец новгородский. Сводчик, сличавший ростовский Летописец с дополнительными источниками, имел ясно выраженную цель: он хотел на этих материалах построить рассказ о великом княжении во Владимире Ярослава, Василия и Дмитрия, т. е. развернуть свои материалы в великокняжеское летописание. Новгородский Летописец лучше всякого иного источника мог помочь в этой затее сводчику, потому что в Новгороде достаточно внимательно следили за судьбами великокняжеского владимирского стола.

Этот источник и дал в наш свод такие известия, как вступление на стол Новгорода Ярослава Ярославича, его брак на новгородке (1264 г.); поход Дмитрия на «немцы», причем Ярослав «посла полк свой» (1268 г.); поход Ярослава на Новгород и примирение (1270 г.); поездка Ярослава, Василия и Дмитрия в татары, смерть великого князя Ярослава на возвратном пути и его погребение в Твери. Обратим внимание, что об Ярославе Ярославиче, как великом князе, мы знаем только то, что связывается с Новгородом; и это проведено так решительно, что только из сообщения об его погребении выясняется для читателя, что Ярослав — тверской князь.

Если мы теперь возьмем состав известий, связанных с великим князем Василием, то опять получим тот же результат наблюдения: известия эти говорят об отношениях этого великого князя с Новгородом, т. е. взяты из новгородского Летописца. Правда, описание смерти Василия ведет нас к ростовскому епископскому Летописцу.

Итак, дополнительным источником в руках сводчика 1281 г., к его основному источнику — ростовскому епископскому Летописцу, был новгородский Летописец, помогший сводчику дать из своих материалов некоторое подобие великокняжеского летописания за 1264—1281 гг. Определить точнее этот новгородский Летописец при сохранившихся до нас материалах новгородского летописания и их изученности — дело весьма сложное.

Однако, и за вычетом известий, взятых из новгородского Летописца, у нас остаются на пространстве 1264—1281 гг. текста некоторые известия, которых нельзя отнести ни к ростовскому, ни к новгородскому источнику. Так, под 1264 г. имеем известие о смерти суздальского князя Андрея, а под 1279 г. — о смерти его сына (с датой «месяца марта»). Это нас должно навести на мысль, что мы слишком уже щедро отнесли к ростовским записям известия, связанные с «Суздальско-Владимирскою» епископией. Очевидно, поставление во Владимир и Суздаль Серапиона в 1274 г. открывает собою начало епископскому Летописцу суздальско-владимирскому, к которому мы теперь отнесем: 1274 г. — поставление Серапиона; 1275 г. — его смерть; гром, ударивший в диакона главной владимирской церкви; 1276 г. — поставление нового епископа Федора. Очевидно, что суздальское известие о смерти князя Андрея (1264 г.) было приписано в этом Летописце по припоминанию.

Указанный состав известий Летописца суздальско-владимирского дает нам право говорить о весьма скромных его размерах и о бедности его содержания: он охватывал время на протяжении немногих лишь лет и не выходил из пределов весьма кратких отметок без вся-

кого пояснительного текста. Наличие этого бедного источника во Владимире и Суздале лучше всего другого подтверждает наше основное наблюдение, что после батыева нашествия во Владимире не было постоянного летописания ни великокняжеского, ни церковного.

Политические обстоятельства, вызвавшие составление великокняжеских сводов 1239 и 1263 гг., нам остаются неясны. Если мы предположим, что свод 1263 г. был составлен с целью увековечить память об Александре Невском, то, как ни спорно такое определение задач летописных работ нашей древности, до конца XV в. имевших не литературное, а политическое значение, то и такое основание мы не можем подыскать к изучаемому нами своду 1281 г. Кого он желал увековечить? На ростовской основе с привлечением новгородского и суздальско-владимирского Летописцев он строил изложение великого княжения Ярослава, Василия и начало великого княжения Дмитрия, причем, как оказывается, забыл указать вступление последнего на великое княжение. Очевидно, что ни о каком увековечении памяти великого князя при таком отрезе истории великого княжения владимирского говорить не приходится.

Но вот ряд других соображений. В 1280 г. умер в Переяславле, где проживал и великий князь Дмитрий, митрополит Кирилл. Кирилл был киевский митрополит, ставленник галицкого князя Даниила из числа его ближайших сотрудников, бывший «печатник» Даниила. Этим поставлением Даниил доказал свои права на Киев перед князьями владимиросуздальскими. Однако, Кирилл с 1250 г. уехал в Ростово-Суздальский край, где с небольшими перерывами прожил до своей смерти в 1280 г. Этот отъезд на север Кирилла был далеко не случаен, как не случайно было и почти тридцатилетнее его проживание на севере, вероятнее всего там, где проживал великий князь владимирский. Все это было необходимым следствием глубоких перемен в международном положении Европы, вызванных татарскими завоеваниями в Восточной Европе. Успехи татарского оружия над русскими феодальными разъединенными княжествами и угроза дальнейшего татарского завоевания, нависшая над Никейской империей, конечно, не произвели в Западной Европе никакого иного впечатления, кроме желания захватить то, что еще оставалось татарами не завоевано. Рим организует шведский поход Биргера, затем направляет на восток экспансию немецких рыцарей, — и то и другое остановленное военным талантом Александра Невского. Никейская империя считает единственным выходом поднять вопрос о подчинении Риму и себя, и русских княжеств с тем, чтобы Рим вызвал крестовные силы Западной Европы на борьбу с татарами и сбросил татар в Азию. Ожидание этой помощи от Запада охватывает русские княжества, которые вступают между собою в союз дружбы, забывая все старинные счеты. В 1250 г. митрополит приезжает во Владимир с дочерью галицкого князя и венчает с ней владимиросуздальского князя Андрея. Но папские обещания оказываются пустыми словами: европейские войска не двигаются на помощь Восточной Европе, несмотря на папские буллы. Это вызывает резкий перелом императорской политики: император разрывает свои отношения с Римом, вступает в непосредственные переговоры с Ордой и договаривается с последнею не только о своих отношениях, но и об отношениях татар с русскими княжествами, поскольку татары признали власть никейского императора над русскою церковью, как ее главы. Такая перемена фронта среди русских князей не была встречена всеобщим сочувствием; владимирский великий князь Андрей, галицкий Даниил, тверской Ярослав, видимо, зашли так далеко, что перестроиться на новый лад в отношении к татарам не смогли или не пожелали. Андрей в 1252 г. эмигрирует в Европу, Даниил предпочитает разрыв с Никейской империей при сохранении контакта с Римом, очевидно, все еще надеясь на папскую помощь

Во Владимире на Клязьме после бегства великого князя Андрея новую политику длительной покорности татарам берет на себя правитель Александр Невский. Митрополит Кирилл примкнул к этой работе, порвав со своим галицким князем Даниилом. Несомненно, что в числе условий, взятых на себя русскою стороною, было подведение Великого Новгорода под татарскую руку, — что было выполнено Александром Невским в 1258 г. Несомненно и то, что хан, признав главою русской церкви никейского императора, пожелал иметь контроль над их сношениями, для чего в Сарае в 1261 г. была организована русская епископия, чрез которую митрополит русский сносится теперь с никейскою Империей, как, впрочем, это ясно сказано в летописи под 1279 г.¹ Смерть Кирилла, проводившего вместе с великим князем Александром Невским все эти новые формы зависимости русских княжеств от татар и всю организацию нового положения в стране русской церкви (ярлыки) и ее связей вовне (сарайская епископия), — конечно поставила перед владими́ро-суздальским князем вновь вопрос о том, чтобы митрополит русский проживал во Владимире на Клязьме не только фактически, но чтобы переезд этот был оформлен юридически. Вот почему великому князю Дмитрию после 1280 г., т. е. после смерти Кирилла, потребовалось составление нового летописного свода, который бы должен был служить историческим доказательством проживания и деятельности митрополита в Ростово-Суздальском крае.

Ряд неопровержимых данных говорит нам за то, что свод 1281 г. был составлен не-ростовцем, и ростовские деятели при этом стояли в стороне. В самом деле, под 1280 г. в своде был изложен рассказ о том, как митрополит хотел было покарать ростовского епископа, но, по просьбе местного князя, ограничился выговором, содержание которого тут же и приведено. Этого вполне достаточно, чтобы утверждать, что свод 1281 г. составлен не ростовскими силами, а лицом, близким к митрополиту. Митрополит умер в Переяславле, где жил великий князь владимирский Дмитрий. Предположим, что свод 1281 г. был составлен в этом же Переяславле, куда были собраны известные нам летописные материалы, подвергнутые не только слиянию, но в некоторых случаях и обработке (как включение в ростовское изложение 1280 г. дополнения о выговоре митрополита ростовскому епископу). Думаю, что свод 1281 г. оканчивался известием о ссоре ростовских князей и их примирении.

В 1281 же году вспыхнула у великого князя борьба с братом Андреем. Борьба эта затянулась до 1283 г. Она послужила предметом особого повествования, приписанного к своду 1281 г. в 1283 г. Что повествование это было написано в Переяславле, совершенно ясно из описания 1281 г., где после сообщения о разорении русских земель татарскими войсками: «около Ростова и около Твери пусто сътвориша и до Торжку», — сказано, что все это зло случилось 19 декабря, когда был взят и разорен Переяславль.

Позволительно думать, что составление свода 1281 г. в Переяславле и последующее описание борьбы великого князя с братом Андреем восходят к работе одного лица, а не связаны только местом происхождения и соседством.

Мы не будем здесь входить в рассмотрение вопроса об успехе или неуспехе великокняжеского свода 1281 г., как исторического доказательства прав Владимира перед Галичем на первенство среди союзных феодальных русских княжеств. Но мы должны указать, что составление галицкого свода конца XIII в. (т. е. Ипатьевскую летопись) нужно рассматривать как попытку галицкого князя привести и собрать доказательства от истории в свою пользу, как обладателя старого Киева, на право первенства среди русских княжеств.

¹ П. С. Р. Л. т. XVIII. Симеоновская летопись. Это же известие указано для Троицкой летописи нач. XV в. Карамзиным (т. IV, пр. 181).

Итак, вызванное соперничеством двух княжеств за первенство среди русских княжеств составление великокняжеского свода 1281 г. в Переяславле имело последствием некоторого рода опыт ведения подлинного и своевременного-заготовляемого великокняжеского летописания, захвативший два последующих года. Но продолжения этому не последовало. И мы уже не в первый раз видим, что составление великокняжеских сводов является следствием не правильно веденного великокняжеского летописания, в известные моменты подвергающегося редакторской обработке, а судорожных попыток создать изложение якобы великокняжеского летописания за известный период времени на материале провинциальных летописцев.

§ 3. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1305 г., СОСТАВЛЕННЫЙ В ТВЕРИ

Просмотр известий Лаврентьевской летописи от 1284 г. до конца этого манускрипта, при пополнении дефекта текста на пространстве 1287—1294 гг. из текста Симеоновской (Троицкой), дает нам сразу же нить, необходимую для уяснения всего этого последнего этапа истории текста Лаврентьевской летописи.

Ростовских известий в этом последнем куске текста Лаврентьевской летописи мы уже не встречаем. На смену им, составлявшим всегда основу текста в течение всего XIII века, находим теперь нить тверских известий, которые решительно преобладают над всеми остальными известиями, выделяясь от них относительно пространностью изложения и весьма часто будучи отмечены точною датировкою.

Если мы выберем из всех известий 1284—1305 гг., безусловно относящихся к тверской записи, те, которые содержат в себе точные датировки (кроме простого приурочения к году), то цепь их наведет нас на некоторого рода выводы. Первое датированное известие—3 февраля 1288 г.—смерть тверского епископа; затем—8 ноября 1290 г.—окончание постройки каменной церкви в Твери; потом—10 февраля 1291 г.—пострижение в монастырь дочери Ярослава тверского; в 1296 г.—в субботу на 6-й неделе по «велице дни»—пожар в Твери; в 1298 г.—в субботу по пасхе—пожар в Твери; в 1299 г., 15 сентября, в понедельник, «по вечерни» (старый счет дня)—рождение у тверского Михаила Ярославича сына; в 1300 г.—11 февраля—рождение у него же дочери; в 1301 г.—7 октября—рождение у него же сына; в 1302 г.—8 ноября—«постриги» его старшего сына. Откуда могли быть взяты такие записи? Если мы отбросим две первые даты, которые, конечно, были записаны в церкви Твери для церковных надобностей, то все остальные дают нам представление о весьма узком, семейном летописании князя Михаила Ярославича. Весьма вероятно, что эти записи велись самим князем (о его грамотности есть известия) в той или иной чтовой книге; таких семейных записей много можно встретить на переплетах старых книг. К этому семейному Летописцу князя позднее, по припоминанию, собран был ряд тверских известий, которые теперь в составе свода 1305 г. читаются без точных дат. Обращаем внимание, что, сообщая о смерти епископа Твери, летописный свод 1305 г. ни слова не говорит о времени его поставления; а между тем это был первый епископ Твери. Явное дело, что во время поставления этого епископа своевременного записывания в Твери не было.¹

¹ А. Н. Насонов в ценной работе о тверском летописании (Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. «Известия Академии Наук СССР», 1930 г.) не признал убедительным это мое определение начала тверского летописания, выставив положение, что «с 1285 г. начинается нить летописных записей о событиях Тверского княжества, предпринятых, можно думать, в связи с построением каменной соборной церкви в Твери и по инициативе епископа Симеона». Но как-раз известие о заложении каменной церкви без точной даты, т. е. записано позже по при-

Итак, положив в основу своего труда семейный княжеский Летописец, распространив его затем записями о других тверских событиях, собранных припоминанием, сводчик 1305 г. привлек к своей работе ряд вспомогательных источников.

Прежде всего надлежит назвать в числе этих вспомогательных источников Новгородский Летописец. Его нельзя не признать источником свода 1305 г. в виду точных записей под 1301 г. («месяца иуля в 3, на недели в пяток по Пасце, погоре Торжек. Того же лета в Новегороде Великим поставлен бысть Фектист епископомъ, месяца иуня 29, на память святаго апостола Петру и Павла, митрополитом Максимом, Андрей епископ Тферьский, Семен епископ Ростовьский, при великом князи Андрее. И бысть причетник святое Софьи Новгородьские»). К этому источнику отнесем едва ли не все упоминания о деятельности великого князя и о делах татарских: под 1293 г. указано путешествие великого князя в Новгород; под 1294 г. сообщено о победе Тохты над Нагоем и о приходе великого князя в Торжок; под 1295 г. (предположительно) о борьбе великого князя с братом Андреем; под 1296 г. — о смерти великого князя близ Волока; под 1300 г. — о пожаре Новгорода, о смерти новгородского епископа и о буре у Торжка; под 1301 г. — о пожаре Торжка и о поставлении нового епископа в Новгород; под 1302 г. — поход великого князя на немцев с новгородцами (в конце явно-тверская приписка); под 1303 г. — поездка великого князя в татары. Стоит посмотреть изложение старых новгородских летописных текстов (как, например, Синодальный список Новгородской I летописи), чтобы признать такой состав этого новгородского вспомогательного источника свода 1305 г. вероятным.

Вторым вспомогательным источником в руках сводчика 1305 г. назовем рязанский Летописец. К нему относим: под 1293 г. известие о смерти рязанского князя Федора; под 1295 г. — о смерти рязанского епископа; под 1299 г. — о смерти пронского князя Ярославля; под 1301 г. — о походе на Рязань московского князя Данилы. Рязанское летописание никогда не знало пространного и последовательного повествования, ограничиваясь краткими и сухими записями, поскольку мы можем судить по отражениям этих рязанских Летописцев в наших летописных сводах. Таким характером и отличался этот рязанский вспомогательный источник свода 1305 г. Впрочем, нам еще придется вернуться к этому Летописцу несколько ниже.

Третьим вспомогательным источником свода 1305 г. нужно назвать Летописец князя Федора Черного, князя «Ярославьского и Смоленского». Это был личный Летописец названного князя. К нему мы относим: под 1285 г. известие о борьбе за Смоленск; под 1293 г. — о водворении Федора Черного в Переяславле; под 1295 г. — о сожжении им Переяславля; под 1296 г. о его походе на Смоленск; под 1300 г. — о смоленских делах и смерти Федора.

Что касается известий переяславских, читаемых в своде 1305 г., то для них нет основания предполагать особый источник в руках сводчика 1305 г., так как переяславские дела за все эти годы занимали внимание Тверского князя, и в своде 1305 г. могли быть записаны тверскою рукою. Нельзя, конечно, предполагать также московского письмен-

помянутому, как и другое известие этого года о победе над Литвою, весьма туманное, хотя и с указанием на канун Спасова дня. Несомненно, церковь дала летописи две точных даты: смерть епископа и свершение церкви, но даты эти не предполагают исторических записей, а были в записях культовых (епископа ежегодно еще поминали в этот день, а свершение церкви торжественно праздновали). Отмечу явное недоразумение. А. Н. Насонов отнес к тверским записям известие 1288 г., читаемое теперь в Рогожском Летописце и Тверском Сборнике, тогда как это — торжествующая запись москвича над посрамлением тверского князя, а запись тверского князя (в Симеоновской) благообразно покрыла весь эпизод кратким упоминанием, безобидным для достоинства тверского князя.

ного источника для одной записи о смерти московского князя Данилы или костромского письменного источника для двух костромских известий (в 1303 г. — смерть князя Бориса и в 1305 г. пожар церкви от июньской грозы).

Лаврентьевская летопись, как рукопись, имеет внутри текста не однажды пропуски, умышленно оставляемые Лаврентием в тех случаях, когда он не мог, по состоянию текста в своем оригинале, скопировать, т. е. прочитать тех или иных строк или части строки. Так, в «Поучении» Мономаха, в начальных строках этого памятника, Лаврентий оставил, как мы уже знаем, 4½ незаполненных строки. Так, в конце своей работы, перед своим послесловием, он оставил 3½ строки пробела. Эти факты, как и ряд других наблюдений, ведут нас к признанию верности указания самого Лаврентия (в послесловии), что оригинал, с которого он копировал, был «ветхой» книгой. Для нас в настоящее время не лишено интереса, каким же известием заканчивался свод 1305 г. Полагаем, что в той книге, с которой снимал копию Лаврентий, оно занимало те 3½ строки текста, какие на-глаз оставил незаполненными Лаврентий. Определение этого известия требует от нас некоторого разыскания.

Троицкая летопись начала XV в. (а теперь Симеоновская), при сравнении ее текста с текстом последних записей в Лаврентьевской летописи, не оставляет сомнений в том, что здесь, в Троицкой, текст не тождественный Лаврентьевской летописи, а текст Лаврентьевской, испытавший на себе опыты переработки и дополнений, восходящие к последующим, после уже 1305 г., этапам нарастания и редакторской выправки текста. Так, например, известие 1303 г. о смерти переяславского князя Ивана сильно распространено в Троицкой летописи против Лаврентьевского текста, и ясно, что в этом — след московской редакторской руки. Известие Лаврентьевского текста о поездке великого князя в Орду, стоящее под тем же 1303 г. в Троицкой, оказывается почему-то опущенным. Известие этого же года Лаврентьевской летописи о том, что в Переяславле сел московский князь Данило, в Троицкой слито с известием о смерти переяславского князя Ивана. Известие Лаврентьевской летописи под 1304 г. о смерти московского князя Данилы оказывается в Троицкой распространено и к нему прибавлены некоторые сведения о московском князе Юрии, что ведет нас опять к руке московского редактора. Читаемое под тем же 1304 г. в Троицкой летописи известие о буре в Ростове открывает собою новую цепь ростовских известий, вливаю в материал последующего летописания, и сейчас для нас не интересно. Данное под тем же годом описание переяславского съезда обличает москвича и сторонника московского Юрия, т. е. примыкает также к последующим московским записям. Следующий, 1305 г. в Троицкой летописи открывается известием о смерти великого князя Андрея, чего нет в Лаврентьевской летописи. Затем, под тем же годом, идет известие о поездке тверского князя Михаила в орду со ссылкой на события последующего года, т. е. записано оно после 1305 г. Наконец, идет костромское известие о пожаре церкви в июньскую грозу, которое нам знакомо по Лаврентьевской летописи, где оно одиноко в описании 1305 г. Затем в Троицкой летописи под тем же 1305 г. идут: московское, костромское и ростовские известия, которые, смыкаясь с последующими нитями московских, костромских и ростовских известий, для определения окончания свода 1305 г. никакого интереса не представляют.

Итак, из состава известий 1305 г. в Троицкой летописи, если мы отбросим тверское известие, как связанное с известием 1306 г. и не могшее потому быть в первоначальном изложении 1305 г.; московское, костромское и ростовские, также связанные непрерывностью с последующими годами Троицкой летописи, то у нас останется лишним про-

тив Лаврентьевского описания 1305 г. одно лишь известие о смерти великого князя Андрея на Городце. Это известие мы и должны считать тем непрочитанным Лаврентием известием 1305 г. древнего текста, для которого он оставил в своей копии 3½ строчки пробела. Известие это по своему размеру вполне могло бы уместиться на этих 3½ строчках.

На последнее замечание, что естественнее отнести к своду 1305 г., как его последнее известие, не упоминание о смерти великого князя Андрея, а костромское известие, сверх того костромского (о пожаре церкви от грозы), которое теперь читается в тексте Лаврентия, — можно ответить указанием, что это второе под 1305 г. в Троицкой летописи костромское известие вовсе не примыкает к первому по политическому смыслу, так как оно говорит о московской политике Юрия Даниловича в Костроме и ведет нас к московскому редактору, работавшему уже после 1305 г.

Свод 1305 г. несомненно составлен тверичем и главным образом на тверском материале. Любопытно, что сводчик 1305 г. иногда забывает указать имя князя в известии, говоря о своем тверском князе. Так, под 1298 г. читаем: «Тое же весны болеть князю силна», а выше, правда, сказав, что в Твери пожар был, повествователь говорит о князе, случайно избегшем пожара, называя его только «князь», «сам князь».

Свод 1305 г. говорит нам самым красноречивым образом о том, что новый (с 1306 г.) великий князь владимирский Михаил Ярославич, в противоположность своим предшественникам, желал вести свое великокняжеское летописание и сводом 1305 г. закладывал начало этому своему великокняжескому Летописцу, стараясь довести изложение великокняжеского свода 1281 г. до смерти своего предшественника по великокняжескому столу. Это обстоятельство нельзя не подчеркнуть потому, что после смерти Ярослава Всеволодовича, как мы знаем, великокняжеского непрерывно ведущегося летописания мы не имели (1247—1305 гг.).

Сводчик 1305 г. положил в основу своей работы текст свода 1281 г. с известными уже нам переяславскими приписками за 1281—1283 гг. К этому своду был присоединен материал 1285—1305 гг., собранный из вышеназванных нами источников. Кроме того, между 1283 и 1285 гг. сводчик 1305 г. поместил большое повествование о событиях в Курском княжении, которое выделяется из текста, как связанное повествование, разбитое на два года. Оно вовсе не ведет нас к какому-либо заимствованию из письменного южно-русского источника, а вполне удовлетворительно объясняется устной традицией, что вытекает из содержания этого повествования. Там сказано, что баскак Ахмат, производя массовые казни бояр, приказал отпустить домой случайно попавших в его плен паломников или гостей. Ахмат дал даже этим людям платье казненных бояр и при этом сказал: «Вы есте гости — а паломници, ходите по землям, тако молвите: хто иметь держати спор с своим баскаком, тако ему будет!» Этот своеобразный агитационный прием Ахмата, как мы видим из летописного текста, имел свое действие. Со слов этих купцов был записан рассказ где-нибудь в Ростово-Суздальском или Новгородском крае и внесен в великокняжеское летописание. Думаю, что внесен в летописание великокняжеское этот рассказ тверским сводчиком 1305 г., а не переяславским сводчиком 1281 г., потому что, растянутый искусственно на два года, рассказ смыкал переяславские приписки 1281—1283 гг. с тверскою основой свода 1305 г., которая начинается с 1285 г. Своим содержанием, манерою изложения и пространностью рассказ о событиях в Курском княжении не связан в равной мере ни со сводом 1281 г., ни со сводом 1305 г.

Тверский сводчик 1305 г., составив материал текста за 1285—1305 гг., не ограничился простым его прибавлением к тексту предшествующего

великокняжеского свода 1281 г. Он дал себе труд просмотреть работу своего предшественника и оставил след обработки.

Так, располагая, как мы знаем, рязанским летописцем, который начинал свое изложение ранее пределов самостоятельной работы сводчика 1305 г., последний сделал из него пополнения в текст предшествующего свода 1281 г. Под 1258 г. сводчик 1305 г. вносит из своего рязанского источника запись о смерти князя рязанского Олега (с точною датой); под 1270 г. — запись об убийстве сына этого Олега (Романа) в Орде с лирическим обращением рязанского летописателя ко всем русским князьям по этому поводу. Это необычное отступление рязанского летописания от сухих и кратких записей, столь обычных и типичных для этого летописания, свидетельствует о степени впечатления, произведенного этим фактом в Рязани. Но то обстоятельство, что тверской сводчик 1305 г., включая известия рязанского своего источника, эту лирическую приписку удержал, говорит нам за то, что тверское великокняжеское летописание велось в ту пору в уклоне безусловного подчинения татарской воле, о чем уже нам известно и по факту включения в великокняжеское летописание рассказа о курских казнях, сделанного по указанию Ахмата.

Особенно должно было привлечь внимание тверяка — сводчика 1305 г. изложение в предшествующем своде времени великого княжения отца его тверского князя и в то же время великого князя Владимирского Михаила. Просматривая эти годы великого княжения Ярослава, мы видим, прежде всего, что у сводчика 1305 г. не было в руках никакого письменного источника для пополнения тех скромных известий об Ярославе, которые сводчик 1281 г., как мы полагаем, извлек из Новгородского Летописца. Конечно, к руке тверского сводчика 1305 г. мы отнесем распространение известия о смерти Ярослава указанием на его погребение в Твери в главной церкви этого города, получившей, как оказывается, позднее другое название; прибавку к этому же году сообщения (по припоминанию) что «того же лета родися сын его Михаил»; наконец, сообщение о браке дочери Ярослава с Юрием волынским. Но почему-то так и остались без упоминания и приурочения к годам такие важные в жизни Тверского княжества события, как вступление на престол Твери Ярослава, устройство там епископии и т. п. К руке этого же тверяка-сводчика 1305 г. отношу, наконец, те приписки к имени Ярослава, которые мы теперь читаем под 1254 и 1258 гг., имевшие целью выдвинуть имя Ярослава из ряда имен других русских князей в случаях их перечислений. Оба раза к имени Ярослава читаем приписанное «тферьский», т. е. название по земле, что необычно для изложения этих годов.

§ 4. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ СВОДЫ 1318 и 1327 гг., СОСТАВЛЕННЫЕ В ТВЕРИ

То, чем мы располагаем в нашем летописном материале от большой, оживленной тверской летописной работы, с 80-х годов XIII в. и до конца XV в. пережившей разнообразные этапы оформления и политических установок, — лучше всего может показать нам, как беспощадна была московская ревизия летописаний тех феодальных центров, которые боролись с Москвою до времени установления единого национального государства. Все тверское летописание XIII — XV вв. дошло до нас или в московских сводах, использовавших его по-московски, или в отдельных уцелевших небольших кусках, вероятно, не без умысла спрятанных в московском окружении.

Попытку разобраться в этом трудном и запутанном вопросе сделал А. Н. Насонов, который в работах по летописанию правильно сосредоточил свое внимание на тех летописных памятниках, которые, как вообще к общему стволу истории русского летописания, не были подробно выяснены и проанализированы А. А. Шахматовым в его обшир-

ных работах по изучению истории текста «Повести вр. лет». Конечно, построение А. Н. Насонова не может не вызывать в известных своих частях сомнений или возражений, но многое добытое им, несомненно,

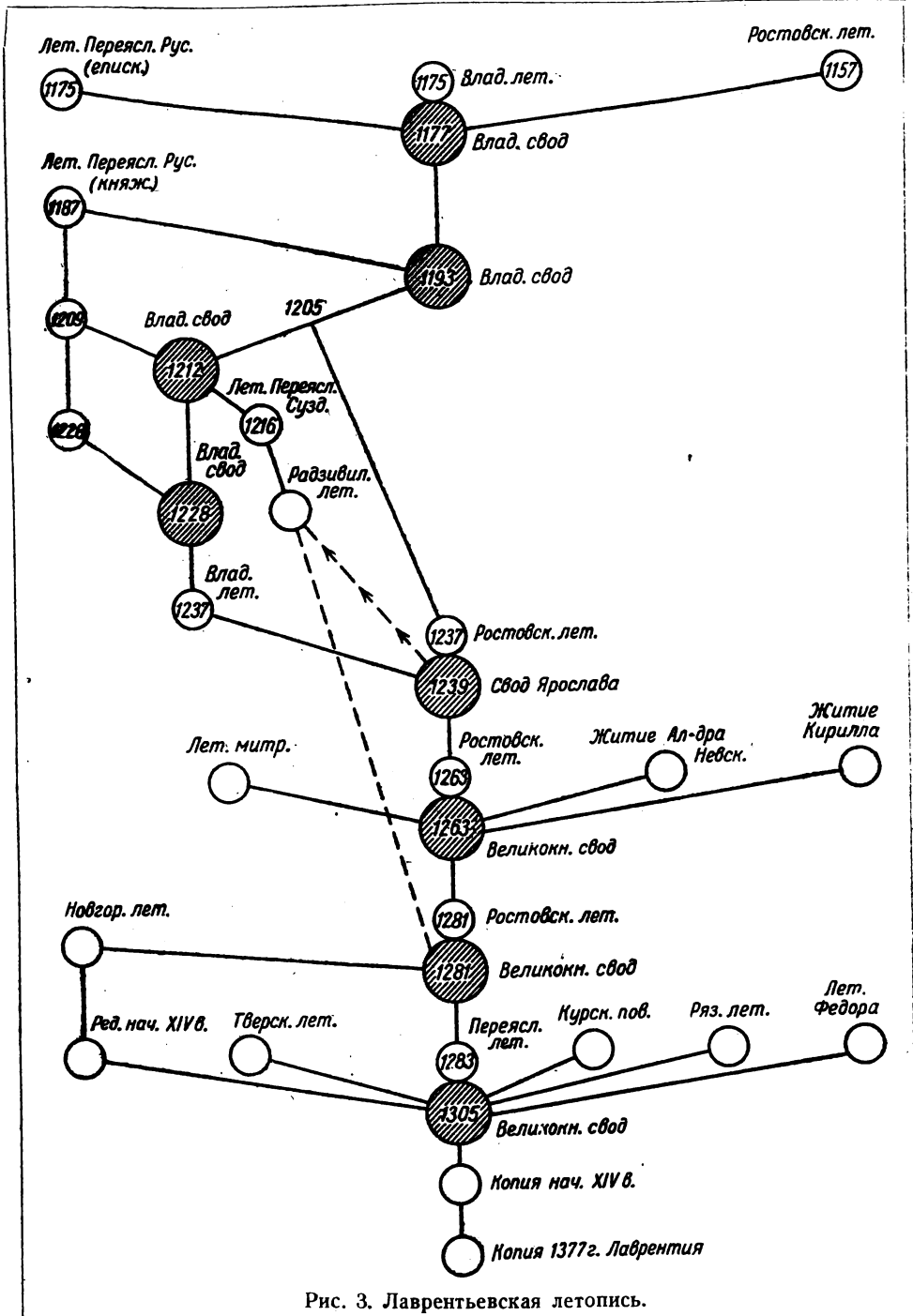

Рис. 3. Лаврентьевская летопись.

расширило наше знание о тверском летописании, а все построение в целом облегчает дальнейшие труды в этой области.

Нас сейчас интересует, впрочем, один из частных вопросов тверского летописания, вопрос о том, имелось ли продолжение того великокняже-

ского свода 1305 г., который был составлен в Твери и подводил читателя к моменту вступления на великокняжеский стол тверского князя Михаила Ярославича, и где, если это продолжение было, нужно искать его остатки. Конечно, наперед как бы можно предполагать, что великий князь Михаил, озаботившийся составлением великокняжеского свода, излагавшего в своей заключительной части время его предшественника, несомненно наладил в Твери летописную работу за время своего великого княжения. Но где можно найти это продолжение свода 1305 г.? Троицкая летопись 1408 г., сгоревшая в 1812 г., как мы знаем, сначала давала текст, близкий Лаврентьевской летописи, а после 1305 г. продолжала свое изложение (как теперь мы видим по Симеоновской летописи) до 1328 г. в таком виде, что явно тверское повествование за эти годы оказывается сбитым, переиначенным и пополненным московскою рукою, а затем изложение Троицкой летописи переходило уже в московское летописание. Мною и было высказано предположение, что перед нами на пространстве 1306—1328 гг. в Троицкой летописи (через Симеоновскую) сохранился след былого великокняжеского летописания, составленного в Твери, так как за это время тверские князья носили это звание, позднее, в пору занятия великокняжеского стола Иваном Калитой, перешедшего в Москву вместе с титулом и здесь в Москве проредактированного.

До нас сохранились два памятника летописания, в которых истории Твери уделяется большое внимание и в которых до нас сохранились куски разновременных тверских летописных текстов. Эти памятники: давно уже известный в науке Тверской сборник (XV том Полного собрания русских летописей) и сравнительно недавно найденный и опубликованный Рогожский Летописец (теперь 1-й выпуск второго издания XV тома, 1922 г.; 2-й выпуск этого 2-го издания, долженствующий содержать текст Тверского сборника, еще не опубликован). Изучая Рогожский Летописец, А. А. Шахматов предложил такой состав этого свода: 1) от начала до 1288 г. — извлечение из свода 1448 г. и Суздальский свод XIII в., м. б. доведенный только до 1276 г.; 2) от 1288 г. до 1327 г. — почти тождественное изложение с текстом Тверского Сборника; 3) от 1328 г. до 1374 г. — компиляция известий Симеоновской летописи с известиями Тверской летописи и 4) с 1375 г. до 1412 г. (т. е. до конца) — текст, весьма сходный с одной Симеоновской летописью. Оставляя в стороне первую часть, для остальных трех частей А. А. так резюмировал свои наблюдения: «Мы заключаем отсюда, что в числе источников Рогожского летописца были, между прочим: 1) протограф Симеоновской летописи или, быть может, точнее первых двух частей этой летописи; 2) Тверская летопись, доведенная до 1374 г. и начинающаяся, как кажется, с 1285 г., а именно с известия о закладе церкви Спаса в Твери; эта летопись вошла в состав Тверского сборника».¹

А. Н. Насонов в своих наблюдениях в области тверского летописания весьма любопытными и кропотливыми разысканиями подтвердил эту близость тверских текстов Рогожского Летописца и т. наз. второй части Тверского Сборника, возводя их в разной зависимости от тверского великокняжеского свода 1455 г., в котором сохранилось, к сожалению в сжатом виде, тверское изложение интересующих нас 1306—1327 гг.

Итак, сличая изложение 1306—1327 гг. по Рогожскому Летописцу и Тверскому Сборнику с изложением этих же годов в Троицкой (Симеоновской), мы можем представить себе продолжение тверского великокняжеского летописания за эти годы, причем в одном случае оно оказывается сокращенным рукою редактора тверского свода 1455 г., а

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. 1938, стр. 312.

в другом (Троицкой) сокращено и частью переименовано московского рукою.

Изучая состав известий 1306—1327 гг. тверского великокняжеского летописания, восстанавливаемого по указанным выше трем источникам, мы видим, что Михаил тверской после 1305 г. продолжает и поддерживает начатое еще до 1305 г. тверское летописание, придавая ему форму летописания великокняжеского. Летописание это примыкает к своду 1305 г. и ведется год за годом. Как можно думать, смерть этого великого князя вызвала составление большой повести об обстоятельствах этого злодеяния московского князя Юрия и включением этой повести в летописание, как последнее звено в нарастании материала от 1305 г. до 1318 г., этот великокняжеский Летописец превращался в великокняжеский Летописец редакции 1319 г.

Нет сомнения, что лицо, работавшее над этим моментом тверского великокняжеского летописания, не однажды обращалось к тексту до 1305 г., т. е. первому моменту тверского летописания, в целях его пополнения. Если мы сравним текст Лаврентьевской летописи за время этой первой тверской летописной работы, т. е. от 1285 г. до 1305 г. включительно, с текстом Рогожского Летописца и Тверского Сборника, то увидим, что в известии 1294 г. о женитьбе князя Михаила прибавлено имя невесты (а в Рогожском назван и день свадьбы, который был днем имени князя); под 1297 г. найдем известие, которого не было в своде 1305 г. о постройке города на Волге «к Зубцеву» (причем, Тверской Сборник поясняет: «на Старице», а Рогожский Летописец, не зная этого пояснения, указывает дополнительно время постройки «тое же осени»); наконец, к этому нужно добавить два известия, касающиеся князя Ивана Дмитриевича переяславского: под 1290 г. о его рождении, а под 1292 г. о его женитьбе. Эти пополнения не будут для нас удивительны, если мы вспомним близость Михаила Ярославича к этому маленькому сироте, оставшемуся после смерти отца всего четырех лет (правда, из них два года уже прожившему в браке), которая выражалась, например, в том, что «Иоан князь сын Дмитриев, ида в ворду, приказал Михаилу князю блюсти отчины своее и Переяславля», что было отмечено в своде 1305 г. под 1297 г. Дальнейшее изучение тех же источников: Сименовской (Троицкой), с одной стороны, и Тверского Сборника и Рогожского Летописца, с другой, — не оставляет сомнения, что и за этим тверским сводом 1319 г., великокняжеским по заданию, был при сыновьях Михаила Ярославича составлен новый свод (вернее пополнение свода 1319 г. событиями 1319—1327 гг.) тверскою рукою, который заканчивался описанием Федорчуковой рати, мстившей за тверскую расправу со Шавкалом. При этом наблюдаем, что в Сименовской (Троицкой) летописи текст этого продолжения свода 1319 г., с одной стороны, подвергнут значительным сокращениям (как, например, по каким-то соображениям исключен весь эпизод с Шавкалом), а с другой стороны, пополнен ироническими замечаниями по адресу тверских князей.

ГЛАВА V

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД XIV в. («ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ»)

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Текст Московского великокняжеского свода XIV в. прямо до нас не сохранился. Лучшее всего он представлен, как источник, в том большом общерусском своде, который кончал свое изложение 1408 г. и был известен Карамзину под названием харатейной Троицкой летописи. Мы уже говорили, что эта Троицкая летопись сгорела в пожарах Москвы 1812 г. вместе с библиотекою и делами Общества Истории и Древностей

при Московском Университете, куда она была взята для извлечения вариантов к изданию Лаврентьевской летописи (сначала проф. Чеботаревым и Черепановым, а с 1811 г. проф. Тимковским). После этого в науке оставались от Троицкой летописи лишь выписки из нее в примечаниях Карамзина к его «Истории», и до 1900 г. не было отыскано близкого текста, на который могли бы лечь карамзинские выписки из Троицкой.

Когда в 1900 г. А. А. Шахматов ввел в научный оборот Симеоновскую летопись, то он указал в ней сохранившийся текст, как он думал, Троицкой летописи в пределах от 1177 г. (с этого года начинается изложение Симеоновской летописи) и до 1390 г., так как все выписки Карамзина за эти годы, отмеченные как взятые из Троицкой, нашли себе место в тексте Симеоновской. Только от 1235 до 1237 г.; от 1239 до 1247 г. и от 1361 г. до 1364 г. Симеоновская дает нам не текст Троицкой, а Московского свода 1479 г., составляющего главный источник Симеоновской после 1410 г.

Симеоновская, как выяснил А. А. Шахматов, передает текст Троицкой весьма удовлетворительно. «На всем пространстве от 1177 до 1305 года мне удалось отметить только три места, где чтения Симеоновской и Троицкой не сходятся» — писал А. А. Шахматов в своей работе о «Симеоновской летописи XVI в. и Троицкой начала XV в.». Первое из указанных Шахматовым мест, конечно, надо отнести к ошибке Карамзина, который в пр. 135 (т. III) дал выписки со ссылкой на «харатейные, также в Воскр. и Ростовск.» из повествования 1208—1211 гг., между тем как ни в Новгородской харатейной, ни в Лаврентьевской харатейной этого текста мы не находим. Удивительно ли, что этого текста мы не находим и в харатейной Троицкой (т. е. Симеоновской)? Никаких других харатейных у Карамзина не было. Второе место, не совпадающее в Симеоновской с текстом Троицкой, по мнению Шахматова, отмечено Карамзиным в пр. 159 (т. IV) в таких выражениях: «В Троицк. сказано, что вел. князь, ходив на Корелу с Новгородцами и Суздальцами, привел оттуда множество пленников». Шахматов думал, что это известие в Симеоновской опущено, ориентируясь, видимо, в датировке этого известия тем, что в тексте «Истории» Карамзина оно упомянуто перед изложением событий 1280 г. Действительно под 1279 г. в Симеоновской этого известия нет, но оно читается выше, под 1277 г., что несколько не противоречит изложению Карамзина в тексте «Истории» и в размещении указания на это место Троицкой в примеч. 159 (IV т.). Правда, Симеоновская здесь испортила текст опущением слов «на Карелу», но во всем остальном точно воспроизводит это место Троицкой. Третье место, где указание Карамзина на Троицкую не оправдано текстом Симеоновской, надо признать поэтому единственным случаем расхождения выписок Карамзина из Троицкой с текстом Симеоновской. Здесь под 1303 г. Симеоновская опускает, действительно, следующее краткое известие «Тое же осени вел. князь Андрей поиде в Орду», читавшееся в Троицкой (Карамзин, прим. 188, т. IV).

Однако, во-первых, как указано выше, в пределах текста Симеоновской летописи от 1177 г. до 1390 г. мы не имеем трех кусков текста Троицкой (1235—1237 гг.; 1239—1247 гг. и что нам сейчас особенно важно, от 1361—1364 гг.); во-вторых, как указал А. А. Шахматов, близость Симеоновской к Троицкой идет только до 1390 г., а с 1391 по 1412 г. в Симеоновской дается другой текст, как думал А. А. Шахматов, какой-то Тверской летописи.

Как же при этих условиях можем мы восстановить текст Троицкой летописи в тех ее пределах, которые нас интересуют сейчас для отыскания в ее составе московского великокняжеского свода XIV в. (т. е. с 1306 г. до 1408 г.)?

Вопрос этот не только не облегчился в своем разрешении, но даже усложнился, когда в 1922 г. Н. П. Лихачев опубликовал найденный им Рогожский летописец.

Мы уже говорили о том, как определил состав этого летописного памятника А. А. Шахматов. Для нас сейчас важно одно наблюдение: Рогожский летописец от 1328 г. и до конца 1412 г. несомненно пользуется тем же источником, что и Симеоновская летопись. Несомненно также и то, что не будучи связаны взаимною близостью своих текстов до степени копии и оригинала, оба текста восходят к общему протографу, причем Рогожский летописец лучше передает этот протограф в смысле первоначальности чтений и изложения, хотя и сокращает его (особенно это жаль в отношении совсем опущенных 1401—1409 годов), а Симеоновская передает не протограф, а последующую его переработку. То обстоятельство, что Симеоновская заканчивает передачу этого летописного памятника, общего ей с Рогожским летописцем на 1412 году, т. е. на том именно году, как и Рогожский летописец, после чего Симеоновская переходит к тексту московского свода 1479 г. (в обработке 1499 г.), начиная с 1410 года (т. е. в Симеоновской два раза повторяются 1410—1412 гг.), — это обстоятельство дает нам право выставить то положение, что и протограф этих двух летописных сводов, по-разному отраженный в них, доходил в своем повествовании до этого же термина. Это предположение находит себе решительное подкрепление в наблюдениях над сложным текстом Никоновского свода. На пространстве от 1306 года и до 1412 г. свод этот пользовался тем же протографом, что и Симеоновская и Рогожский летописец в пределах 1328—1412 гг. Для подтверждения этого вполне достаточно сравнить описание нашествия Эдигея по всем трем указанным летописным сводам, представляющее весьма характерную черту их общего протографа, нигде более не отразившуюся. Укажу здесь же, что в статье своей «Летописание XIV в.» я ошибочно относил это описание нашествия Эдигея на Москву с любопытным в нем приписыванием роли политического обличителя XII в. летописцу Сильвестру «Выдобожскому» к составу Троицкой летописи. Но тогда я не располагал текстом Рогожского летописца и никак не думал о том, что составитель Никоновской летописи положил в основу своего изложения какую-то обработку 1412 г. Троицкой летописи, а саму Троицкую не использовал даже в качестве дополнительного источника.

Итак мы чрез сравнение трех летописных памятников — Рогожского летописца, Симеоновской и Никоновской летописей — получаем твердое основание говорить, что Троицкая летопись 1408 г. была подвергнута обработке, весьма решительно и глубоко коснувшейся ее изложения 1390—1408 гг. и произведенной как ясно в Твери в 1413 году.

Изучение текстов этих трех памятников в их отношении к тексту Троицкой дает ряд чтений, противопологающих Троицкую всем трем. Возьмем, для примера, упоминание в Троицкой под 1387 г. — смерти и погребения князя Федора Фоминского. Оно дало в Симеоновской и Рогожском испорченное чтение Федор Симановский (без «князь») и чтение это, конечно, было в источнике Никоновской, составитель которой опустил все это известие, как явно нелепое (княжеское погребение отнесено к игумену). Или возьмем описание пожара 1390 г.: Троицкая относила его к июню, а все три наших памятника — к июлю. Все эти различия и отличия Троицкой от трех наших памятников надо, конечно, отнести к тверской переделке Троицкой, предпринятой в 1413 г.

Дальнейшее наблюдение показывает нам, что тверская переделка лучше всего сохранилась (и в изложении, и в чтении) в Рогожском летописце, т. е. протограф Симеоновской и Никоновской указывает на некоторые его отличия от Рогожского и, следовательно, от текста первоначальной тверской обработки. В самом деле, под 1382 г. в Троицкой летописи, как указал Карамзин, читалось имя игумена Акинфа Крылова,

убитого при нашествии Тохтамыша. Рогожский летописец называет игумена Кириловым, а Симеоновская же Кириловым, причем Никоновская переименовывает это последнее название в Кириловский. Или в описании 1388 г. Троицкая (по свидетельству Карамзина) называла некоего Исаака-молчальника учеником игумена Сергия. Это указание на ученичество передает нам и Рогожский летописец, но Симеоновская и Никоновская его опускают. Как видим, Рогожский ближе передает Троицкую, как это, очевидно, имело место в тверской переделке Троицкой, произведенной в 1413 г., а Симеоновская и Никоновская совместно передают не текст этой тверской переделки 1413 г. Троицкой летописи, а последующую ее редакцию.

Отсюда, мне думается, мы в праве сделать тот вывод, что для задач нашей работы нам надлежит текст Симеоновской, в доступных нам пределах, выверить по первоначальному тексту тверской переделки 1413 г. Троицкой летописи, т. е. по Рогожскому летописцу.

Но самый беглый просмотр Рогожского летописца в сопоставлении его с Симеоновской дает нам ряд известий, лишних против Симеоновской. Все ли эти известия надо отнести ко второму источнику Рогожского летописца, т. е. тверской летописи, использованной здесь до 1375 г.? А. Н. Насонов, в выше уже названном своем труде по реконструкции тверских летописных сводов, подошел к этому же вопросу, желая не восстановить Троицкую, как источник Рогожского летописца, а «очистить» Тверскую летопись в составе Рогожского от Троицкой. Как критерий в этого рода отборе А. Н. Насонов выдвинул Никоновскую летопись, но при этом сейчас же обнаружил, что «Никоновская летопись использовала более полную редакцию изучаемого нами свода (т. е. Тверского свода), чем та, которая попала в общий протограф Рогожского летописца и Тверского сборника». Иною речью, А. Н. Насонов доказал то бесспорное положение, что Никоновская летопись, «сбравшая чрез многие своды свой огромный фонд известий, может помочь доказывать любую тему по реконструкции недошедших до нас летописных сводов при непременно, конечно, условии оказавшейся здесь иной редакции изучаемого памятника, т. е. при наличии дополнительных известий и иной их передачи.

В нашем случае, т. е. в попытках выделить остатки Троицкой в составе Рогожского летописца и Никоновской летописи, т. е. те остатки, которые составили бы дополнение к тексту Троицкой, читаемому в Симеоновской, Никоновская летопись не может играть роль какого-либо надежного критерия, и вот на каком основании. Несколькими выше мы привели примеры, которые можно бы было и увеличить, для доказательства того, что в основу своего повествования Никоновская на протяжении 1306—1412 гг. кладет не Троицкую, а тверскую переработку Троицкой около 1413 г., подобную той, которая нам известна в составе Рогожского и Симеоновской. Но можно привести примеры того, что Никоновская исправляла и пополняла свое изложение этой тверской переработки Троицкой по какому-то тексту, где в некоторых случаях полнее чем в Симеоновской и Рогожском летописце отразилась Троицкая. Для этого достаточно просмотреть изложение в Никоновской описания нашествия Эдигея в 1408 г. В основе его лежит, без всякого сомнения, тот рассказ, который в тверской обработке Троицкой вытеснил первоначальный рассказ Троицкой и который, как можно думать, был составлен в Твери едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля. Но этот рассказ в Никоновской слит (в противоположность Рогожскому летописцу и Симеоновской) с другим рассказом об этом же нашествии, в котором нельзя не видеть первоначального рассказа Троицкой (если судить по изложению Карамзиным этого эпизода в его «Истории», которое Карамзин вел несомненно по Троицкой). Не значит ли это, что Никоновская сверх тверской обра-

ботки 1413 г. Троицкой летописи пользовалась непосредственно Троицкой? К этому ведет как будто и ряд других наблюдений. Приведу один пример. Под 1389 г. Троицкая (как указывает Карамзин) в изложении подробностей погребения Марии Андреевны, матери князя Владимира Андреевича, приписывает к названию монастыря Рождественского, как места погребения, «на рве». Рогожский летописец и Симеоновская эту подробность в названии монастыря опускают. Значит, в тверской обработке Троицкой ее не читалось. Но в Никоновской мы читаем эту подробность: «на рве». Однако эти и подобные им наблюдения все же не дают нам права думать о непосредственном пользовании составителем Никоновской летописи текстом Троицкой, в виду того что составитель Никоновской несомненно пользовался Московским сводом 1479 г., который теперь лежит также в основе изложения Воскресенской летописи и летописи Ростовской. В самом деле, там мы находим для приведенных выше отличий Никоновской от Симеоновской летописи и Рогожского летописца (т. е. от тверской обработки Троицкой) все необходимые тексты (и рассказ, близкий к Троицкой, о нашествии Эдигея, и ту подробность в названии Рождественского монастыря под 1389 г., что он был «на рве», и другие).

Вот почему я предпочитаю при решении вопроса, что из излишков Рогожского летописца против Симеоновской можно принять, как опущенные Симеоновскую известия Троицкой, руководиться не Никоновской летописью, а Воскресенской. Конечно, свод 1479 г., как это будет доказано дальше, опирался в основе на митрополичий свод 1418 г. (через младшую редакцию Софийской I), но он привлекал и основной источник Троицкой.¹ Нет слов, что свод 1418 г. сократил изложение Троицкой, и привлечение сводом 1479 г. основного источника Троицкой всех сокращений не возместило, но все же здесь мы можем видеть критерий в тех случаях, когда дополнительное против Симеоновской известие Рогожского летописца находим в тексте Воскресенской.

В реконструкции текста Троицкой в пределах от 1390 г. до 1408 г., т. е. тех годов, которые подверглись весьма чувствительным переделкам в тверской обработке 1413 г., я считаю безусловно возможным получить вполне удовлетворительный результат, полагая в основу реконструкции текста тот же текст Московского свода 1479 г. (Воскресенскую) в том расчете, что обилие выписок из этих годов по Троицкой у Карамзина в общем достаточно удовлетворительно помогут пополнить и видоизменить эту основу до размеров и порядка изложения Троицкой.

Из приведенных выше рассуждений выясняется, что тверская обработка Троицкой летописи, кончавшая свое изложение 1412 г., отразилась до нас, как недошедший непосредственно памятник, в составе трех летописных сводов. Три эти свода, при сличении между собою, восходят к разным моментам жизни этой тверской переделки Троицкой: Рогожский летописец ближе всех передает первоначальный текст этой переделки, но сильно ее сокращает; а Симеоновская и Никоновская летописи ведут нас к последующему этапу жизни этой переделки, т. е. к ее более поздней редакции. Обратим, однако, внимание, что эта новая редакция не переходила того же 1412 г., как года окончания всего повествования. Мне думается, что это свидетельствует нам о том, что тверская обработка Троицкой 1413 г. имела в свое время успех, привлекла к себе интерес и внимание. Можно догадываться, что в существе перед нами тверская епископская редакция общерусского свода 1408 г. (т. е. Троицкой), бывшего, как мы узнаем, сводом митрополичьим.

Необходимо, думается, еще коснуться вопроса о том, как извлечь из примечаний Карамзина к его «Истории» все выписки из Троицкой, и в

¹ См. гл. XI, § 2. Основным источником Троицкой был Летописец великий русский редакции 1389 г.

какой мере можем мы полагаться на точность этих выписок, составляющих в деле реконструкции текста Троицкой, особенно в пределах 1390—1408 гг., важнейший наш вспомогательный источник.

Издатель Симеоновской летописи (XVIII т. Полн. собр. русск. летописей) извлек из карамзинских примечаний лишь те выписки, к которым находил у Карамзина указания: или «Троицкая летопись» или «харатейные». Таким образом оказался нерассмотренным значительный фонд выписок, в отношении к которым Карамзин или не дал совсем никаких указаний или дал указания неопределенные, как: «в древнейших летописях», «древняя летопись» или даже просто «в летописи». Для выделения из этого фонда возможных там выписок из Троицкой необходимо представлялось: выяснить весь круг летописных текстов, какими располагал Карамзин, и этими летописными текстами проверить все не определенные точно в отношении своих источников выписки из летописей у Карамзина в том соображении, что все те выписки, которые не упадут на чтение всех вышеуказанных сводов, могут быть с достоверностью отнесены к тому летописному своду, которым располагал Карамзин, но которым не располагаем мы, т. е. к Троицкой. Мысль, руководившая Карамзиным в ориентировке среди весьма значительного количества летописных текстов, привлеченных им к работе, была проста и плодотворна. Она заключалась в том, чтобы для каждого времени, им излагаемого в «Истории», подыскать и опираться на летописные тексты если не современные излагаемым событиям, то непременно ближайšie к ним из наличных. Боясь всякого «баснословия», видя в летописных текстах XVI в. переименование и подозрительное пополнение текстов древнейших летописей, не ставя, конечно, в отношении к ним задачи разгадать источники этих пополнений, т. е. возможность привлечения ими таких древних текстов, которые до нас прямо не дошли, — Карамзин в существе ограничил свое изложение весьма небольшим кругом летописных текстов, прибегая к позднейшим весьма редко и всегда с тою или другою оговоркой.

Если внимательно просмотреть текст и примечания Карамзина на пространстве первых пяти томов его «Истории», то нетрудно убедиться, что Карамзин вначале строит свое изложение на Пушкинском (т. е. Лаврентьевском), Троицком и Ипатьевском списках с привлечением Новгородской харатейной (Синодальной). Харатейность, т. е. рукопись на пергаменте, прежде всего для Карамзина выделяет из всех Пушкинскую, Новгородскую и Троицкую. Бумажная Ипатьевская попадает в эту компанию «древнейших» потому, что никакого другого более древнего текста «Киевской» летописи не имелось.

Когда по ходу изложения Карамзин переходит к Ростово-Суздальскому краю и «Киевская» летопись, как источник, отпадает, построение в основе ведется на двух источниках: Пушкинской и Троицкой, которую Карамзин как-то даже назвал: «харатейная Суздальская или Троицкая» (т. IV, пр. 163). Конечно, харатейная Новгородская не упускается из виду и теперь, как надежный источник.

Примечания к тексту изложения этого времени положительно пе- стрят у Карамзина упоминаниями названий этих летописей или вообще на них ссылкой как на «харатейные».

Когда кончает свое повествование Лаврентьевская летопись («Известием о кончине Данииловой заключается Пушкинская харатейная летопись», т. IV, пр. 189), то Карамзин для повествования о XIV в. остается с одною Троицкой, и Троицкая, как легко видеть из примечаний, относящихся к тексту, излагающему 1304—1408 гг., становится главным и в существе единственным источником Карамзина. Конечно, продолжает привлекаться для новгородских событий харатейная новгородская.

Стараясь использовать в своем изложении «Истории» все данные наших летописей, Карамзин уже с начала XII в. начинает испытывать

невозможность и ненадобность этого. Это приводило к тому, что накопляющийся за известный период остаток известий, не влитых в повествование, Карамзин помещал в хронологической последовательности в составе того или иного своего примечания. Сначала это встречаем в отношении к 1101—1109 гг. (т. 1, пр. 201); затем в отношении к 1113—1114 гг. (т. 1, пр. 214), но затем, начиная с окончания повествования о Мономахе (т. 1, пр. 225), эти выписки «маловажных происшествий» приводятся в последнем примечании к повествованиям о деятельности тех князей, по которым идет разделение «Истории» на главы: для времени Мстислава Мономашича — пр. 256; для времени Ярополка Мономашича — пр. 269; для Всеволода Ольговича — пр. 288 и т. д. Это, конечно, весьма увеличивало размеры примечаний, в которых и без того немало уделялось места сличению текстов летописных сводов, их взвешиванию и оценке, так что Карамзин считал себя вынужденным оправдаться перед читателем в этих размерах дополнительной части своего труда. «Множество сделанных мною примечаний и выписок, — пишет он, — устрашает меня самого».

В перечислении «маловажных происшествий» Карамзин придерживался того же принципа, что и в подборе известий «важных», пригодных для повествования в его «Истории», т. е. составлял их по тем же «древним», «харатейным», с привлечением Ипатьевской, Кенигсбергской и «харатейной» же Новгородской. Обычное размещение подходящего сюда материала у Карамзина то, что сначала идут эти основные источники, причем новгородские известия на втором месте в рамках года, а затем «домыслы», «дополнения» или «баснословия» по Никоновской всегда с прямым указанием на ее название.

Мы остановились с некоторою подробностью на этих «маловажных происшествиях» потому, что Карамзин почти с 1263 г., в виду дефектности конца Лаврентьевской в пределах 1263—1283 и 1288—1294 гг., начинает работать исключительно с одною Троицкою (до 1408 г. включительно), что дает нам обильнейший материал выписок из Троицкой, хорошо, впрочем, проверяемый и тем наблюдением, что выписок такого содержания или такого чтения мы нигде в известных нам летописных сводах не найдем. Весьма важно и то обстоятельство, что Карамзин располагал эти «маловажные происшествия» не только по годам, но и внутри года, придерживаясь структуры источника, что во многих случаях помогает правильно конструировать повествование Троицкой. Единственною реформою Карамзина является здесь отнесение событий января — февраля к следующему году против источника (в Троицкой был еще мартовский год).

Немаловажным вопросом для нашей работы по выяснению текста Троицкой летописи является определение точности выписок Карамзина в смысле передачи как текста, так и его орфографии.

Как пример тщательности Карамзина в использовании источников можно привести одно наблюдение. В Никоновской мы читаем такое странное известие (под 1403 г.): «Того-же лета князь великий Иван Михайлович Тферский женил сына своего Ивана у князя и венчан бысть во Тфери Арсением епископом». Как видим, отец невесты почему-то не указан. Загадка эта разъясняется привлечением выписки Карамзина в прим. 254 (V тома) под 1403 г., где читаем: «Тое же зимы великим заговеньем князь Иван Михайлович Тферский ожени сына своего; князя Ивашка, у князя. . . и венчан бысть Арсением епископом». Нет никакого сомнения, что выписка Карамзина не из Никоновской: она не оговорена ссылкой на Никоновскую; она дает подробности, которых нет в Никоновской (зима, великое заговенье, Тверь); она древнее по языку («ожени»); она в сообщении о князьях еще не знает требований напыщенного изложения XVI в. и говорит «Ивашка», исправленное в Никоновской на «Иван». Мы без колебания относим выписку Карамзина к Троицкой

1408 г., т. к. нигде это известие, кроме Никоновской, теперь не читается, и нам становится ясным, что та тверская обработка Троицкой, которая положена в состав Никоновской, упрощая известие Троицкой, упиралась в тот же дефект текста, на который указал нам в Троицкой Карамзин. Было ли в Троицкой оставлено здесь пустое место вместо названия отца невесты, как это там было в указании места, куда сел Рюрик по приходе из-за моря, или же был поврежден текст, этого, конечно, Карамзин не счел нужным дать нам знать.

Выписки Карамзина, в общем точные, едва ли, конечно, верно передают орфографию подлинника. Это стоит не в зависимости от его небрежности к этой стороне выписок, а в зависимости от невысокого тогда уровня знания истории языка и палеографии. Можно иногда даже догадываться, что Карамзин затруднялся прочтением слов (раскрытием слов под титлами), но все же здесь он стоял гораздо выше многих своих современников, по отношению к которым, несмотря на их опыт, Карамзин держался тона авторитетного учителя. Так, по крайней мере не однажды, указывает он Малиновскому на ошибки прочтения как при издании текстов в «Собрании Грамот и Договоров», так и при подготовке к изданию текста «Слова о полку Игореве». Отзвуки недовольства Карамзина работою издателей «Слова» можно найти в примечаниях Карамзина к его «Истории».

Итак, для восстановления текста Троицкой летописи на пространстве 1306—1408 гг. мы можем в пределах 1306—1390 гг. в основу класть протограф той тверской обработки Троицкой летописи, которая до нас сохранилась в Симоновской, Рогожской и Никоновской летописях, выверяя этот протограф выписками Карамзина за эти же годы в его примечаниях; в пределах же 1391—1408 гг. мы можем положить текст Воскресенской, выверяя его по выпискам Карамзина за эти годы и также по протографу тверской обработки (т. е. Симоновская, Рогожская и Никоновская), так как, хотя в этой тверской обработке текст Троицкой сокращен и перекрыт, так сказать, тверскими известиями, все же нить изложения Троицкой здесь сохранилась.

Надо прямо указать, что если реконструкция текста Троицкой вообще важна для изучения летописаний XIV в., то реконструкция текста Троицкой от 1391 по 1408 гг. впервые вводит в научный оборот целый ряд новых фактов или иное изложение фактов, известных из других летописных сводов, как дает нам обличье до сих пор неизвестного изложения текста Троицкой от 1391—1408 гг.

Троицкая летопись, которую справедливо и высоко оценил в свое время Н. М. Карамзин и значительно использовал в тексте и примечаниях своей «Истории», будучи почти тождественна Лаврентьевской летописи от самого ее начала до 1305 г. включительно, продолжала свое изложение и за весь XIV в., заканчиваясь описанием набега Эдигея на Москву в 1408 г. Троицкая летопись была «харатейная», т. е. несомненно первой половины XV в.

То обстоятельство, что Троицкая летопись полнее всех других сообщает нам известия по истории Московского княжества XIV в. дает нам право предполагать, что здесь, очевидно, сохранилась для нас главная нить великокняжеского летописания, поскольку в XIV в. великое княжение делается московским и поскольку в позднейших наших общерусских сводах фонд московских известий для XIV в. остается фондом Троицкой летописи, чаще всего сокращаемым и переделываемым, но никогда не пополняемым. Действительно, дальнейшее наше знакомство с Троицкою летописью подтвердит нам, что для изучения великокняжеского летописания XIV в. она может выполнять пред нами ту же роль, какую для изучения великокняжеского летописания XIII в. выполняла Лаврентьевская.

Под 6900 (1392) г. в Троицкой летописи по поводу разрыва великого князя Василия Дмитриевича с новгородцами летописатель и современник сделал следующую любопытную приписку: «Таков бо есть обычай Новгородцев: часто правают ко князю великому и паки рагозятся. И не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставны. . . кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им? Аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им! . . . И аще хошеши распытовати, разгни книгу: Летописец Великий Русьский — и прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего». Этот текст Троицкой не перешел в текст позднейших летописных сводов и сохранен нам Карамзиным в пр. 148 к V тому.

Из приписки этой с неизбежностью вытекают для нас два следствия: 1) Троицкая летопись, составитель которой в данном тексте говорит от своего лица, представляла собою не тот официальный «Летописец великий русский», на который как на документ, не возбуждающий сомнений, делается в этой приписке ссылка, т. е., конечно, не московский великокняжеский свод, который разумеется под вышеприведенным заглавием, а свод какого-то иного характера и значения в глазах самого составителя, и 2) в 1392 г., т. е. на третий год по смерти великого князя Дмитрия Ивановича, был уже завершен и общеизвестен великокняжеский свод, доведивший свое изложение до 1389 г. включительно, т. к. 15 августа этого года на великое княжение владимирское сел Василий Дмитриевич, «сей князь нынешний» для составителя свода 1408 г.

Второе положение невольно вызывает в памяти предыдущее наше наблюдение, что в 1306 г. был составлен на тверских материалах и заботою тверского князя Михаила великокняжеский свод, доведивший свое изложение также «до сего князя нынешнего», каким был тогда этот тверской Михаил, и это позволяет думать, что при наличии устойчивости летописного дела за известное время мы постоянно начинаем встречать ту его форму, которая была уже нам знакома по истории киевского летописания, и которая сводилась к использованию перемен на княжеском столе для завершения и обработки известного накопленного летописного материала.

В своей приписке 1377 г. к переписанному им тексту Лаврентий указывает нам, что протограф Лаврентьевской летописи назывался просто «Летописецъ»: «Начал есм писати книги сия, глаголемый Летописецъ». Поскольку это был, как мы знаем, великокняжеский свод, мы должны заключить, что в начале XIV в. еще не имелось того торжественного заглавия для великокняжеского летописания, которое оно получило к концу этого века.

Однако, где же искать остатков этого Летописца великого русского, на который ссылается составитель свода 1408 г., и который прямо ведь до нас не дошел?

Обращаясь к нашим позднейшим сводам XVI в. (Воскресенская, Львовская и Никоновская), этим московским царским летописным сводам, составители которых с новыми приемами летописной работы трудились над весьма значительным количеством летописных сводов и, конечно, легко могли иметь в качестве источника этот Летописец великий русский, продолжавшийся несомненно и после 1389 г., мы видим, что фонд их московских (великокняжеских) известий нисколько не превосходит ни количеством известий, ни древностью или первоначальностью записей соответствующего фонда Троицкой летописи. Другими словами, мы приходим к тому выводу, что составитель свода 1408 г., ссылаясь на Летописец великий русский, имел его в качестве своего основного и едва ли не полностью исчерпанного источника до 1389 г. включительно, к которому восходило и начало свода 1408 г., представлявшее, как мы знаем, тожественный до 1305 г. текст Лаврентьевской, которая для начала XIV в. была ведь ничем иным, как великокняжеским лето-

писцем, продолжавшим, несомненно, пополняться нарастанием изложений дальнейших великих княжений. Тогда почему же сводчик 1408 г. отсылает читателя, могущего не поверить в его замечания о непокладливости новгородцев, не к началу своей работы, где ведь тоже речь шла и об Великом Ярославле, и о последующем за ним времени, а к Летописцу великому русскому, где читатель ничего нового, согласно нашему выводу, найти не мог бы? На это можно ответить тем предположением, что составитель свода 1408 г. сам за себя и за своего читателя различал свою работу от официального изложения великокняжеского летописца, очевидно, позволяя себе в своей работе уклоняться от делового изложения для высказывания оценок и замечаний в роде оценки новгородских политических приемов, что могло придавать всей работе пристрастный и субъективный отпечаток. Действительно, в разборе летописного труда сводчика 1408 г. мы будем еще иметь случаи остановиться на необычности его приемов и его отношения к своим источникам, далеко уходящим от задач правительственного летописания того или другого феодального центра.

Итак, первоначальность и полнота московских известий в Троицкой летописи против всех последующих летописных сводов дают нам право рассчитывать найти в ней Летописец великий русский редакции 1389 г., пополненный другими местными летописцами и доведенный до 1408 г., а через его анализ — подняться до того Летописца 1306 г., который более или менее удовлетворительно сохранила нам Лаврентьевская летопись. Выделяя из свода 1408 г. все те известия, которые своею непрерывностью за XIV в. могут вести нас к представлению о местных летописцах, привлеченных к работе сводчиком 1408 г., т. е. известия тверские, суздальские, ростовские, смоленские, рязанские и новгородские, большинство из которых, действительно, переходят в своде 1408 г. хронологический предел «Летописца великого русскаго», кончавшего свое изложение 1389 г., мы получаем, согласно нашему рассуждению, едва ли не полностью текст Летописца 1389 г.

§ 2. МОСКОВСКИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ СВОДЫ XIV в., СОСТАВЛЕННЫЕ ПРИ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАФЕДРЕ

Изучение состава начальных известий «Летописца Великого Русского» от 1306 г. до 1328 г. вскрывает перед нами тверской великокняжеский свод 1327 г. в московской его обработке. Обработка эта не только сократила состав известий тверского свода 1327 г., иногда даже по непонятным теперь для нас соображениям (напр., весь эпизод с Шавклом), но и переработала изложение, внося немало иронических замечаний по адресу тверских князей.

Эта обработка, с другой стороны, обнаруживает перед нами весьма неудовлетворительное состояние московского летописания за данные годы (1306—1327).

Прежде всего не может не броситься в глаза отсутствие в Летописце великом русском точных дат, относящихся к известиям о великом князе Юрии Даниловиче. Нет даже указания на время получения им великого княжения и, если есть дата его смерти, то по тому обстоятельству, что нет даты привоза тела его в Москву и даты его погребения, можно думать, что дата смерти читалась именно в тверском великокняжеском своде. Эти наблюдения ведут к предположению, что при Юрии Даниловиче никакого летописания в Москве не велось, хотя Юрий и занимал временно великокняжеский стол, а при обработке в Москве тверского великокняжеского свода 1327 г. приходилось пополнять известия об Юрии Даниловиче простым припоминанием. Особенно характерна в этом смысле запись об Юрии Даниловиче под 6829 г. (1321 г.): «На ту же зиму князь великий Юрьи Даниловичъ поеха в Новгород Великий, оттоле и в Орду пошел на четвертое лето, а

шел на Великую Пермь». Совершенно ясно, что к первоначальному известию о поездке Юрия в Новгород позднейшая рука приписала известие о поездке Юрия на четвертое лето в Орду прямо из Новгорода, вспомнив при этом, что дорога князя шла чрез Пермь. Просмотр изложения следующих годов — 6830, 31, 32 и 33 — показывает, что, после этого известия о поездке Юрия в Новгород, лишь под 6833 г. сообщалось об его убении в Орде Дмитрием тверским (весь 6832 г. взят из новгородского летоисания). Тогда становится понятною приписка к приведенному выше известию 1321 г., имевшая целью подготовить читателя к известию 1325 г., по которому Юрий уже оказывается в Орде. Лицо, приписавшее сообщение о поездке Юрия в Орду из Новгорода, могло помнить, что Юрий поехал туда через Пермь по московским рассказам или по личной осведомленности в перипетиях борьбы Юрия за великое княжение с тверяками, но могло и догадываться о такой окольной дороге Юрия в Орду, сопоставляя эту поездку с известием последующего года (1322) о приходе на великое княжение из Орды Дмитрия Михайловича, едва ли имевшего желание допустить проезд в Орду великого князя Юрия.

Начиная только с 1317 (6825) г. мы встречаем ряд московских известий, отмеченных точными датами. Они распадаются на известия о семейных делах Ивана Калиты (первое из них — 1317 года, о рождении Ивану 7 сентября сына Семена) и на известия церковные (первое из них, вероятно, известие 6831 г. о замучении болгарями 21 апреля некоего Федора, а второе — о заложении в 6834 г. 4 августа успенской каменной церкви в Москве). И те и другие ведут нас к представлению о существовании в Москве в это время двух письменных летописных источников, которыми удалось воспользоваться при московской обработке тверского свода 1327 г. Первый из них — семейная хроника Ивана Калиты, начинавшая свое изложение с 1317 г.; второй, конечно, — митрополичий летописец, первое известие которого с точною датой, как мы видели, относится лишь к 1323 г.

Те непримиримые отношения, которые создались у великого князя Михаила с прибывшим в Суздальскую землю новым митрополитом всея Руси — Петром, и которые имели своим источником неудовольствие Михаила на то, что Империя предпочла Петра, ставленника галицко-волынского князя, великокняжескому кандидату — Геронтию, — помешали Михаилу разглядеть огромное значение для «Великой» Руси переезда в ее пределы этого южного ставленника, как в существе новой победы севера над югом, а митрополита заставили искать убежища от открытой враждебности великого князя у князя московского, который еще только мечтал о великокняжеском столе Владимира. Было бы мало-понятным присутствие в великокняжеском своде 1327 г. записей о деятельности митрополита Петра, относительно которого великий князь вел неустанные хлопоты перед Империей об его смещении. Поэтому смело можно относить к позднейшей московской переработке великокняжеского свода 1327 г. как митрополичьи известия 1323 г. и последующих годов, отмеченные точными датами, так и митрополичьи известия 1308, 1309 и последующих годов, из которых некоторые также с точными датами. Иною речью, мы получаем основание думать, что при дворе митрополита Петра едва ли не с 1310 г. (первая дата) началось митрополичье летописание, которое вместе со двором митрополита было в 1326 г. перенесено в Москву и легло, как источник, вместе с семейным летописцем Ивана Калиты в состав первого московского великокняжеского свода, пополнив в нем предшествующий тверской великокняжеский свод 1327 г.

Последнее известие тверского великокняжеского свода 1327 г. о великой татарской рати во главе с Федорчуком непосредственно замыкается начальными строками московского изложения великого княжения

Ивана Даниловича, которое в своде 1408 г., мало перебитое вспомогательными источниками, выступает весьма выпукло, как законченный свод, доведивший свое изложение до известия о вступлении на великокняжеский престол Семена Ивановича. Особенно примечательны последние слова этого свода, которыми описывается скорбь «христиан» над «своим господином»: «и бысть господину нашему князю великому Ивану Даниловичу всеа Руси вечная память». Перед нами прямое свидетельство своевременности этой записи, позволяющее усмотреть здесь, под 1340 г., и конец этого летописного свода.

Итак, получаем основание думать, что в Москве при Иване Калите с 1317 г. велась лишь семейная хроника-этого князя; с переездом в Москву митрополита Петра перешел в Москву летописец этого митрополита, начатый записью эпизода 1310 г. — о борьбе князей Василия и Святослава в Брянске, где Петр выступал с попыткой их примирения; до 1310 г. два известия этого митрополичьего летописца были записаны без дат и, вероятно, по припоминанью.

Можно думать, что Иван Калита, получив в 1328 г. великое княжение Владимирское, взял из Твери великокняжеский летописец в редакции 1327 г. и предпринял, с одной стороны, его обработку, где изложение 1306—1327 гг. было сокращено, переделано на московский лад, а частью и пополнено или по припоминаниям или по указанным выше двум источникам летописного характера, имевшимся уже в это время в Москве, а с другой стороны было предпринято заготовление летописного материала для продолжения этого великокняжеского обработанного теперь на московский вкус летописного свода 1327 г.

Оставляя пока без рассмотрения вопрос о том, продолжались ли в Москве после 1328 г. те летописные работы, которые мы определяли, как семейную летопись Калиты и митрополичий летописец, или ведение их испытало перемену в зависимости от заготовления материала для великокняжеского свода, имеющего продолжить свод 1327 г., остановимся на том месте статьи 1327 г., где уже в первом московском великокняжеском своде 1340 г. читалось последнее известие тверского великокняжеского свода 1327 г. и первые строки его московского продолжения. Тверское изложение говорило о приходе на Русь татарской рати во главе с Федорчуком, Туральком, Сюгою и 5 темниками воеводами, — «а, с ними князь Иван Данилович Московский», — которая страшно разорила все Тверское княжение. Московский продолжатель сделал к этим строкам, как переход к изложению великого княжения Ивана Калиты, такую приписку, плохо согласованную с предыдущим тверским изложением, но для нас не лишенную интереса: «великий же спас заступил благоверного князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник, от поганых татар». Название здесь Ивана Калиты князем «нашим» несомненно должно быть сопоставлено со статьей 1340 г., где Иван опять назван «нашим», и возведено к руке одного автора. Иною речью, мы имеем основание думать, что то лицо, которое составляло свод 1340 г., при присоединении летописного материала 1328—1340 гг. к своду 1327 г., озаботилось приставкою к статье 1327 г. переходной фразы, открывающей изложение московского материала 1328—1340 гг.

За первым московским сводом 1340 г. должны были следовать, конечно, и другие этапы московского летописания, и последним из них, в материале Троицкой летописи, как мы знаем, до нас сохранился свод 1389 г. Вглядываясь в этот материал в пределах 1340—1389 гг., мы прежде всего поражаемся тем, что он не дает нам в этом почти полувековом промежутке никаких вех летописной работы, никаких указаний на предположенные нами только-что промежуточные своды между 1340 и 1389 гг. Известия идут не прерываясь; они в огромном большинстве случаев с точною датировкою, указывающею даже названия дней

недели, но среди них вступления на великокняжеский стол Семена, Ивана и Дмитрия, как и смерти этих великих князей (6862 и 6867 гг.) остаются без какого-либо выделения. Особенно поражает отсутствие некрологических статей при известии о смерти великих князей, отсутствие почти всяких подробностей их погребений, хотя и даются цифры лет их великих княжений. С другой стороны, материал 1340—1389 гг. выдвигает перед исследователем еще и то затруднение, что он не поддается на попытки разложения: известия московские, великокняжеские, семейные княжеские, церковные и митрополичьи собственно — переплетаются между собою с такою силою, что нет возможности поставить вопрос о слиянии здесь хотя бы двух только источников — великокняжеского и митрополичьего летописцев — и приходится думать об едином центре, для которого одинаково важны были известия и о митрополичьей деятельности, и о деятельности великих московских князей, и даже о семейных делах этих князей за все время 1341—1389 гг., почему все эти известия и смыкались в изложении в одно целое.

Конечно, это наблюдение над материалом 1341—1389 гг. не означает случайности данной композиции, и должно быть объяснено самою тесною связью московского летописания с обстановкою жизни Москвы за это время. Москва стала теперь центром великокняжеским, поскольку московские князья, став великими князьями владимирскими, прочно сидят в своей отчинной Москве, и одновременно Москва становится религиозным центром всех феодальных русских княжеств и независимых городов, т. к. с переездом митрополита Петра в Москву митрополия уже из Москвы не уезжает. Иван Калита первый «присоединил власть церкви к могуществу своего трона», что остается традиционной политикою его дома. Нет поэтому ничего удивительного в том, что летописание церкви и московского трона объединяются, и вместо митрополичьего летописца и семейной княжеской хроники мы имеем дело с единым летописным центром. Тогда нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Если смерти великих князей Семена и Ивана остались без некрологических статей и подробностей их погребений, то иное отношение летописца видим мы к известиям о смерти митрополитов. Под тем же 6862 г., где кратко сказано о смерти великого князя Семена, выше этого известия, читаем сообщение о смерти митрополита Феогноста, где дано немало подробностей его погребения. Так, под 6885 г. сохранилось начало читавшегося в своде 1389 г. известия о смерти митрополита Алексея, дающее право думать, что оно также описывало смерть и погребение его с особым вниманием (в своде 1408 г. здесь теперь вставлено вне-летописное «житие» митрополита Алексея и вне-летописная повесть о Митяе). Не в праве ли мы отсюда выводить то заключение, что центром этого летописания 1341—1389 гг. в Москве делается именно митрополичий двор, которому — по тогдашнему отношению великих князей и митрополитов — одинаково близки были и дела великого княжества всея Руси, как и дела митрополичьи?

Итак, великокняжеский свод 1327 г. составленный в Твери, с перенесением в Москву, подвергся здесь работе сводчика, придавшего всему изложению от 1306 до 1340 гг. характер московского свода и пополнившего его московскими летописными источниками. Позднее работа дальнейшего пополнения этого первого московского свода 1340 г., как и непрерывного накопления для этого летописных материалов — была взята на себя митрополичьею кафедрою, которая, усвоив обычай пополнения предшествующего свода в зависимости от смен на великокняжеском столе, доводя каждый раз свое изложение до «князя нынешнего», не придавала, однако, этим этапам характера сводов, ограничивая свою работу простым приписыванием материалов минувшего великого княжения.

Кажется, что этот вывод можно изменить в том смысле, что и работу сводчика 1340 г. слить с последующим летописанием 1341—1389 гг., т. е. предположить, что и свод 1340 г. был подготовлен и составлен средствами той же митрополичьей кафедры, как и последующее летописание. Кроме почти той же трудности безукоризненно разложить материал 1328—1340 гг. на хотя бы два самостоятельных и отдельных источника, какую мы испытали при анализе последующих 1341—1389 гг. и какую, наоборот, мы не ощущали в пределах 1306—1327 гг., — к этой мысли ведет нас известие 1343 г., т. е. записанное уже после составления первого великокняжеского московского свода 1340 г. Под этим 1343 (6851) г. читаем известие о пожаре в Москве, по поводу которого летописец сделал такую приписку: «в пятнадцатое лето бысть се уже четвертый пожар великий на Москве». Приписка эта, несомненно, современная известию, а не позднейшая, потому что основывается не на письменном источнике, по которому мог бы подсчитать и позднейший читатель, а на личном припоминании, с письменным источником расходящемся: в предыдущем изложении упоминается лишь о двух пожарах 6839 (1331) г. и 6845 (1337) г. Своим припоминанием составитель приписки охватил промежуток в 15 лет (6851—15-6836), т. е. время от 1328 по 1343 гг. Если вспомнить, что с 1328 г. начинается изложение великого княжения Ивана Калиты, а до того мы встречаем лишь переработку тверского великокняжеского свода 1327 г., мы как будто получаем право думать, что с точки зрения составителя записи 1343 г. пределы его работы простираются лишь от 1328 г. или, что то же, составление материала 1328—1340 гг. и свода 1340 г., как и последующее записывание событий от 1340 до 1344 гг. принадлежит одному и тому же лицу.

Если это соображение правильно, то мы можем говорить, что с момента переезда митрополии в Москву князья московские получили возможность искать в личном составе этой митрополии литературные силы для составления с 1328 г. великокняжеского летописца, судьбы которого не могли не быть близки и представителям митрополии. Так, семейный летописец Ивана Калиты и митрополичья летопись, вероятно, с 1328 г. уже сливаются в одно московское великокняжеско-митрополичье летописание, завершающее от 1328—1389 гг. свои этапы «до князя нынешнего», и когда-то на пространстве этого времени усвоившее себе название Летописца великого русского.

Такое предположение о перенесении в Москву составления великокняжеского летописания со второй четверти XIV в. делает единственно-удовлетворительным объяснение событий, изложенных за 1359—1365 гг. в Троицкой летописи, т. е. истории борьбы за Владимирское великое княжение между Дмитрием Константиновичем Суздальским и Дмитрием Московским. Если принять в соображение, что изложение Троицкой летописи для этих годов представляло собою не текст Летописца великого русского 1389 г., а его комбинацию со сводом Суздальским, который, как увидим ниже, был весьма использованным источником свода 1408 г. (т. е. Троицкой), и если попытаться из этой комбинации извлечь московское изложение этих событий московско-суздальской борьбы за великое княжение, то мы, конечно, не получим всего текста Летописца великого русского 1389 г. за эти годы, но все же получим уверенность, что в этом Летописце не считались с фактом великого княжения Дмитрия Суздальского, относились к нему иронически, признавая Дмитрия Московского в противоположность сопернику великим князем «божиею милостию» (сравни известие 1361 г.). В этом, конечно, нужно видеть только подтверждение вышеизвлеченного вывода, что за 1328—1389 гг. ведение великокняжеского летописания все время производилось в Москве, сделалось московским делом, отражающим на себе все политические настроения и оценки Москвы.

Однако, необходимо остановиться и на затруднении, в которое впадает исследователь, настаивающий на московском исключительно ведении великокняжеского летописания за указанное время. Под 6872 (1364) г. в составе именно Летописца великого русского 1389 г. (а не свода 1408 г.) читается довольно значительное по объему известие о чуме, причем описание чумных опустошений касается города Переяславля и переяславских волостей. Чума в Москву пришла позже, но за год до Переяславля она опустошила уже Коломну. Между тем в Летописце 1389 г. о коломенских бедствиях ничего не говорилось, а о московском опустошении от чумы было сказано кратко (под 1366 г.): «бысть мор велик на люди в граде Москве и по всем волостем московским по тому же, яко же преже был в Переяславле, и ко же прежи сказахом и написахом». Загадочность этого одинокого переяславского описания, которому нельзя подыскать других следов переяславского же летописания ни до 1364 г., ни после этого года, в составе Летописца 1389 г. (если, впрочем, не считать за след переяславских записей известие 1374 (6882) г. о рождении у великого князя Дмитрия Ивановича сына Юрия в Переяславле, 26 ноября, по случаю чего был «съезд велик в Переяславли» князей и бояр с их слугами и была «радость велика в граде Переяславле»), — эта загадочность известия 1364 г. может быть ослаблена тем предположением, что описание переяславских чумных опустошений было включено в Летописец 1389 г. из-за весьма талантливого и не лишнего лиризма литературного изложения, о котором могут дать нам представление следующие необычные для летописного стиля строки: «Увы мне! Как могу сказати беду ту грозную и тугу страшную, бывшую в великий мор, како везде туга и печаль горкая, плачь и рыдание, и крик, и вопль, и слезы неутешимы!»

Гораздо доступнее разгадке известие, читавшееся в составе Летописца 1389 г., о насилиях египетского султана над христианским населением Антиохии и Иерусалима и о заступничестве за угнетенных императора Иоанна (под 1366—6874 г.), лишь первоначально нас удивляющее, как одинокое по истории славянского и византийского юга. Под 1371 (6879) г. обнаруживаем известие о приезде на Русь иерусалимского митрополита Германа, который прибыл «милостыня ради и о искуплении долга, понеже много им насиллие от поганых сарацин». Сопоставляя это известие 1371 г. с известием 1366 г., получаем несомненное впечатление, что известие о насилии сарацин под 1366 г. является пояснением к известию о приезде митрополита Германа, вскрывающим пред читателем картину этих сарацинских насилий и нелояльный долг, об «искуплении» которого приехал хлопотать Герман. Очевидно, записанное со слов или по документам этого Германа, известие 1366 г. отнесено лишь в материале Летописца 1389 г. под соответствующий описываемому событию год.

Летописный материал московского великокняжеского летописания за все рассмотренное нами время 1328—1389 гг. дает право заключать о значительном росте летописных записей и в количественном и в качественном отношении для второй половины XIV в. Вероятно, это обстоятельство нужно поставить в связь с пребыванием на митрополичьей кафедре всея Руси, после грека Феогноста, московского боярина Плещеева (митрополита Алексея), весьма конечно, интересовавшегося летописною работою над великокняжеским сводом, поскольку сам митрополит Алексей в это время был вовлечен в дело управления Московского княжества как регент.

Несмотря на столь значительные и влиятельные силы, интересы которых отражало на себе раннейшее московское летописание; несмотря на литературное оживление, наблюдаемое нами в великокняжеском московском летописании второй половины XIV в.; несмотря, наконец, на живую и ясную идею всея Руси, которую имела пред собою москов-

ская правительственная среда того времени и которая выражалась не в пустом титуловании московских князей, как князей всея Руси, но определяла решительно деятельность князя и митрополита в их борьбе в течение всего этого времени за неделимость митрополии всея Руси пред Империей, — надо признать, что состав известий Троицкой летописи, который мы имеем основания отнести к собственно-московскому великокняжескому своду 1389 г., а не к местным летописным центрам, летописание которых было влито в великокняжеский Летописец 1389 г. уже в обработке свода 1408 г., — отличается необыкновенно замкнутым характером, далеко ушедшим от горизонтов даже тверской летописной обработки великокняжеского свода 1306 г. В самом деле, мы не видим привлечения даже таких обычных для предшествующих сводов материалов, как новгородское летописание; нет известий по истории Суздаля или Твери; даже нет следов иного, кроме великокняжеского, летописания московского, хотя в XIV в. такие московские летописцы уже появились. В дальнейшем мы будем иметь случай останавливаться на существовании, например, серпуховского летописца князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Донскому, или летописца Троицкого монастыря, материал которых был привлечен и использован в разной мере сводчиком 1408 г.

Можно думать, что этот своеобразный политический эгоцентризм московского великокняжеского летописания, оставшегося московским даже в случаях утраты (правда, на короткое время) великокняжеского титула московскими князьями, возбуждал областное недовольство, пытающееся, и не без успеха, создавать свои летописные работы. Нам еще придется встречаться с фактом создания Суздальского летописца, широко задуманного и в литературном отношении гораздо богаче представленного, чем московский великокняжеский свод, и едва ли можно сомневаться, что толчком, послужившим к созданию этого Суздальского летописца, была обида суздальского Дмитрия от небрежного и невнимательного отношения великокняжеского свода Москвы к князьям Суздальским вообще и в частности ко времени его, Дмитрия Константиновича, хотя и краткого, пребывания на великокняжеском столе всея Руси. С другой стороны, эта замкнутость изложения великокняжеского московского летописания внутри событий и интересов только московского правящего дома, в то время когда великокняжеское летописание объединялось с летописанием митрополичьей кафедры всея Руси, свидетельствовала, конечно, о том упадке общерусского значения митрополии, которая теперь неспособна была сохранять авторитет Империи ни в московско-литовских распрах, ни даже в столкновениях Москвы с другим политическими центрами Северо-восточной Руси.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЙ ОБЩЕРУССКИЙ МИТРОПОЛИЧИЙ СВОД 1408 г.¹

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Когда в итоге длительной борьбы Москвы после смерти Алексея за поставление на митрополию всея Руси вновь московского человека (Митяя, «печатника» московского князя) победа оказалась не на стороне Москвы, а на стороне враждебной ей коалиции феодальных княжеств, опиравшихся на Литву, тогда Москве пришлось идти на компромисс, т. е. признать митрополита Киприана, давно уже укрепившегося на литовской половине митрополии всея Руси, но с соблюдением Ки-

¹ Предлагаемый обзор митрополичьих сводов XV в. во многом расходится с построением истории общерусского митрополичьего летописания у А. А. Шахматова в его работе: «Общерусские летописные своды XIV—XV вв.» (Журнал М. Н. Пр. 1900 г., №№ 9 и 10 и 1901 г., № 11).

прианом того традиционного условия дома Калиты, что митрополит будет проживать в Москве, как месте своей постоянной резиденции, делая тем Москву религиозным центром всея Руси.

Под рукою Киприана, с этим признанием его Москвою, опять сомкнулись в одну митрополию все фактически и политически давно уже распавшиеся феодальные русские княжества, где единый церковный обруч митрополии лишь номинально скреплял сложный мир противоречивых политических стремлений, борьбы и действительности: с одной стороны, великих княжений северо-восточной Руси; с другой стороны, — русских княжеств в составе Литовского государства.

Главною задачею нового митрополита становится поднятие авторитета Империи, представителем которой он являлся, среди борющихся и враждующих политических организмов его весьма обширной митрополии, и Киприан не без успеха пытается возвысить митрополию над противоречивыми интересами отдельных феодальных княжеств и с равным беспристрастием относиться и оценивать их взаимные распри и домогания, везде преследуя, как высшую цель, помощь и поддержку от митрополии всея Руси, находящейся в трудных условиях Византийской империи.

Так поставленная и первое время решительно проводимая задача требовала, между прочим, известного перелома в отношениях митрополии к московской великокняжеской власти, создавшихся до Киприана, и, как отражение этого перелома, отделения митрополичьего летописания от летописания великокняжеского.

Не желая замыкаться в составление узко-митрополичьего летописца, как дневника митрополичьих поездок по всеям обширной своей митрополии или как списка поставлений новых епископов, а желая дать историю всех частей своей митрополии и историческую панораму «всея Руси» с древнейших времен и до своих дней, Киприан остановился на мысли о составлении общерусского свода, куда бы влились материалы всех местных летописцев его политически-раздробленной митрополии. Повидимому, такая мысль пришла Киприану далеко не сразу по вступлении на митрополию всея Руси, т. к. собрание им материалов, как увидим ниже, ведет нас к самым последним годам его жизни. Действительное же осуществление всей задуманной работы надо отнести ко времени после смерти Киприана, но до приезда его преемника грека Фотия.

Таким первым общерусским митрополичьим сводом, составленным в 1408 г., была летопись, названная Н. Карамзиным «Троицкою» и сохранившаяся для нас, как мы уже знаем, теперь в составе Симеоновской летописи от 1177 до 1389 гг. в достаточно полном виде, а с 1390 по 1408 гг. перебитая тверскою переработкою и несколько сокращенная. О том, как можно восстановить текст этого митрополичьего свода 1408 г., мы уже говорили в § 1 предыдущей V главы.

Что прямо до нас не дошедшая, но восстанавливаемая по Симеоновской летописи, примечаниям Карамзина к «Истории» и некоторым другим источникам, Троицкая летопись представляла собою общерусский митрополичий свод, можно доказать рядом наблюдений над составом и формою известий этого свода. Отражая прежде всего состав митрополии всея Руси, свод 1408 г. вводил впервые в историю нашего летописания некоторые исторические записи по истории Литвы. К ним надо отнести: весьма сочувственно нарисованный облик князя Ольгерда, как мудрого полководца («не толма силою, елико умением воеваша»), под 1368 г.; изложение истории дома Ольгерда в связи с известием об его смерти под 1377 г.; наконец, известие об убийстве князя Кейстута под 1378 г. Этого и тем более в данных выражениях, конечно, никогда бы не сочла нужным сделать рука московских великокняжеских летописателей XIV в. Затем решительно бросаются в глаза в своде 1408 г.

весьма значительные размеры статей, касающихся дел церковных после смерти Алексея, о которых, как неудачах Москвы, едва ли бы также стал распространяться московский великокняжеский летописец. Так, к краткому известию 1377 г. Летописца великого русского редакции 1389 г. о смерти Алексея в составе свода 1408 г. читаем, как явную вставку, подробнейшее «житие» Алексея, а за ним длиннейшую повесть (внелетописного происхождения) о неудачной кандидатуре на митрополию Митяя и о событиях, разыгравшихся после загадочной смерти Митяя перед самым приездом в Царьград, искусственно оборванную на упоминании о ссылке великим князем Пимена, поставленного в Константинополе вместо Митяя, через разные города на Тверь («дозде сократим слово и скончаем беседу. И о всех благодарим бога, яко тому слава в веку, аминь»). После известия под 1390 г. о прибытии Киприана в Москву и о торжественном приеме, оказанном ему со стороны великого князя Василия Дмитриевича, свод 1408 г. в существе со всеми подробностями останавливался только на правительственной деятельности Киприана и в Москве и в литовской части его митрополии, затем рассказывал весьма подробно о последних днях жизни Киприана и даже приводил под 1407 г. текст его прощальной грамоты, написанной за 4 дня до смерти («незнаему и странноплепну, яко прощальную и аки в образ прощения, рекше всех благословляя и прощая и от всех прощения и благословения требуя, иже мню, яко конечнаго ради любомудриа и целомудриа»). Все это получает относительно особое значение, если мы вспомним, что смерть великих князей московских Семена и Ивана в своде 1408 г. оставалась отмеченною только сухими и краткими записями, и даже известие о смерти Дмитрия Донского сопровождается лишь незначительною некрологическою статьею. Наконец, решительным доказательством того положения, что свод 1408 г. был митрополичьим сводом, нужно считать известие, записанное Карамзиным в прим. 254 т. V под 1406 г.: «генваря в 1 день в пяток Киприан митрополит приехал из Киева на Москву, а был там лето едино и пять месяцев; и потом со две недели минуло, преставился архимандрит Дорофей Печатник, добрый наш старец». Правда, известие это у Карамзина не отмечено, как взятое из Троицкой, но поскольку мы знаем летописные своды, которыми пользовался Н. М. Карамзин в своей работе, и поскольку в этих сводах этого известия мы не находим, постольку мы имеем полное основание относить его к единственному до нас не сохранившемуся из всех карамзинских сводов — т. е. к Троицкой летописи. Известие о смерти Дорофея совершенно определительно говорит нам, что оно записано при дворе митрополита [«наш старец»], и вместе с другими многочисленными известиями о деятельности Киприана, находящимися в последних десятилетиях свода 1408 г. [1390—1407 гг. включительно], дает право думать, что летописная работа велась при жизни Киприана, а после его смерти закончилась составлением летописного общерусского свода 1408 года.

§ 2. ИСТОЧНИКИ СВОДА 1408 г.

Желая создать общерусский свод, Киприан, видимо, озаботился привлечением всех имевшихся тогда местных летописных памятников, что одно уже весьма противоположало задуманную работу знакомым до нее нам великокняжеским сводам XIV в. Приглядываясь к составу этих разнообразных источников свода 1408 г., постараемся выделить из них известия и таким образом представить себе любопытные следы оживленного летописания в разных феодальных центрах XIV в.

Новгородские известия тянутся через всю работу сводчика 1408 г., начиная с 6822 (1314) г. По этому новгородскому источнику, вероятно, пополнено в своде 1408 г. изложение великого княжения Юрия Даниловича, но вообще известия этого новгородского источника

извлекаются чаще всего в виде кратких записей, без всякого внимания к подробностям внутренней истории Великого Новгорода. Большинство известий — без датировки, но попадаются и точные даты,¹ непременно ведущие нас к письменному новгородскому источнику. Незначительное, в общем, его использование, в противоположность другим источникам свода 1408 г., нужно объяснить как нерасположением сводчика к Новгороду и его политическому строю, так и тем обстоятельством, что у Киприана был длительный и неулаженный до смерти митрополита конфликт с Новгородом в связи с отказом последнего платить митрополиту особые подати.

Весьма небогат был Ростовский источник общерусского свода 1408 г., давший лишь самые ничтожные по размерам записи о смерти или вступлении на кафедру ростовских епископов.² Однако нельзя предположить, что пред нами извлечения из каких-либо митрополичьих записей о поставлениях епископов, как потому, что таких записей нигде не обнаружено в смысле их отражений в наших летописных сводах, так и потому, что известие о пожаре в Ростове под 1408 г. (июня 21) ведет нас своими ростовскими подробностями к местному ростовскому записыванию. Любопытно, что в этой записи указано, что подобного пожара в Ростове не было за 200 лет. 1408 — 200 = 1208. Как мы знаем из предыдущего изложения (гл. III, § 5), ростовское летописание возникло при Константине Всеволодовиче, который с 1206 г. начал его, как личный летописец, а с 1207 г., став ростовским князем, вел. его, как ростовское летописание, продолженное затем его сыновьями. Отсюда можно думать, что ростовское летописание, сбереженное нам Лаврентьевскою летописью, верно передает нить этого летописания от начала XIII в. до 1281 г. В виду почти исключительно церковного характера ростовского источника для XIV в. позволительно думать, что известие 6869 года: «тогда же ограбиша в Орде князей ростовских» — взято не из ростовского источника, вероятно, назвавшего бы имена этих князей, а из источника суздальского, к которому относится изложение всего предыдущего под этим же годом сообщения о великой замятне в Орде. Повидимому, на приглашение Киприана прислать в Москву для составления общерусского свода ростовский летописный материал, — ростовская епископская кафедра могла ответить лишь присылкою летописца, который для XIV в. уже был лишь летописцем епископским, не переходившим как в XIII в. в княжеское летописание и не затрагивавшим никаких иных тем ростовской жизни. Из того наблюдения, что весьма скоро после составления общерусского свода 1408 г. ростовская кафедра положила его при епископе Григорие в основу своего последующего летописания, при чем придала своду 1408 г. иное начало, составлявшее особую комбинацию владимирского-ростовского летописания XIII в., как и из последующих этапов этого владычного ростовского летописного дела (своды Ефрема и архиепископа Тихона), — мы получаем право думать, что ростовское летописание, так настойчиво и непрерывно ведущееся в XIII в., составляя в одно время едва ли не единственное летописание всего Суздальского края (от середины 60-х до середины 80-х годов), в XIV в. пережило пору значительного упадка, сведясь почти только к скромным и кратким записям епископского летописца.

Рязанский письменный источник общерусского свода 1408 г., в противоположность ростовскому, имел характер княжеского летописца. Известия его, изложенные всегда кратко, дают представление о значительной хронологической непрерывности рязанского летописания XIV в. К этому рязанскому княжескому летописцу нужно отнести как

¹ 6870, 6876, 6884, 6914 и др.

² 6836, 6844, 6864, 6893 гг.

известия 6850—6910 гг., составляющие как бы летописец князя Олега, замыкающийся известием об его смерти (5 июля 1402 г.), так и последующие известия, доходящие до 1408 г.

По сохранившимся данным весьма нелегко представить себе смоленский источник общерусского свода 1408 г. От начала его сохранились лишь весьма ничтожные остатки (6877 и 6894 гг.), но с 6895 г., со вступлением на смоленский стол князя Юрия Святославовича, мы получаем некоторые точки опоры (6909, 6911 и 6915 гг.) для представления себе какой-то летописной записи о злосчастном княжении и смерти на далекой чужбине этого князя. Последнее известие этого источника датировано 1407 г. «воздвижением», т. е. 14 сентября 1407 г.

Нельзя обойти вниманием двух местных московских летописцев, влитых в свод 1408 г. в числе других его источников. Одним из них был семейный летописец князя Владимира Андреевича серпуховского, двоюродного брата Дмитрия Донского, но в своем летописце упорно титулуемого не серпуховским, а московским. При наличии слияния в своде 1408 г. Серпуховского летописца с Московским великокняжеским сводом 1389 г. исследователь испытывает затруднение в попытке представить себе со всею отчетливостью этот серпуховский источник, т. к. известия о князе Владимире Андреевиче, несомненно, читались и в Великокняжеском московском летописце. Однако, ряд бесспорно серпуховских записей¹ все же достаточно рисует нам облик этого источника, как серпуховского семейно-княжеского летописца, весьма замкнутого и, можно сказать, провинциального, но литературно не совершенно заурядного. Под 6888 и 6897 гг. мы имеем два серпуховских известия с точными датами (освящение соборной церкви и смерть матери князя Владимира).

Другой местный московский летописец может быть определен, как монастырское летописание.² Это был летописец Троицкого монастыря, замыкавшийся известием о смерти основателя монастыря, после чего читалась, по свидетельству Н. М. Карамзина (т. V, прим. 254), «похвала Сергию, листах на двадцати; нет ничего исторического; один набор слов, иногда забавный». По сохранившимся извлечениям в своде 1408 г. из этого летописца, можно предполагать, что он представлял собою нечто вроде исторической записи о монастыре и его основателе, а вероятнее даже первую попытку «жития» этого основателя. Поскольку в этом литературном произведении встречалось несколько точных дат, составитель общерусского свода 1408 г. мог воспользоваться извлечениями из этого источника для своей работы, опуская может быть и существеннейшие части, но невозможные для приурочения их к летописному изложению. Жизнь монастыря в этом памятнике была нарисована со значительною широтою, и сохранившиеся в своде 1408 г. остатки говорят довольно подробно даже о деятельности отдельных членов монастыря (келарь Илья под 6892—1384 г., монах Исакий — под 6895—1387 г.). Однако, эти упоминания едва ли противоречат нашему предположению о «житийном» характере этого источника, потому что агиографические произведения, посвященные основателям монастырей, нередко [начиная с «жития» Феодосия (XI в.), читаемого в «Повести вр. л.» также в извлечениях] в дополнительной своей части содержали краткие очерки жизни или упоминания об отдельных членах монастыря, как доказательство воспитательных успехов основателей монастырей. Оставшаяся невыписанною Н. Карамзиным «похвала Сергию» из Троицкой летописи (свода 1408 г.) едва ли может быть теперь восстановлена полностью, хотя имеется для того некоторый материал в Симеоновской летописи и, более значительный, в так называемой Софийской II, как

¹ 6879, 6882, 6888, 6889, 6896, 6897 и 6909 гг.

² К нему относятся известия общерусского свода 1408 г. под 6883, 87, 92, 93, 95 и 6900 гг.

раз с известия о смерти Сергия начинающей следовать в своем изложении по неизученной еще в достаточной мере, но близкой к своду 1408 г. какой-то московской летописи, доводящей затем свое изложение до 1518 г.; при этом нужно иметь в виду то обстоятельство, что эта московская летопись читается со вставками из так называемой Софийской I, текст которой (в младшей ее редакции) и занимает начало Софийской II до 1392 г.

Включение этого «житийного» источника и особенно «похвалы» на 20 листах в свод 1408 г. объясняется, конечно, тем обстоятельством, что в лице Сергия Киприан имел своего преданного политического единомышленника, на которого он смело опирался в пору своей борьбы за митрополию против московского великого князя.

К числу весьма полных и обильных источников свода 1408 г. нужно отнести три великокняжеских летописных свода: Тверской, Суздальский и уже знакомый нам Летописец великий русский 1389 г., т. е. Московский.

Тверской великокняжеский летописец, повидимому, представлял собою тверское летописное продолжение к великокняжескому своду 1327 г. Сохранившееся и не везде сглаженное сводчиком 1408 г. титулование тверских князей Михаила Александровича и Ивана Михайловича великими князьями дает нам указание на то, что это тверское летописание как бы продолжало великокняжеский летописец 1327 г., но выборки из него в своде 1408 г. в существе представляют собою только тверское летописание, правда, отличающееся от других, нами выше упомянутых, источников 1408 г. свободною литературною манерою изложения. Выборка известий из тверского свода в общерусском своде 1408 г., в условиях явного несочувствия сводчика тверским великим князьям и их политике, принуждавшего этого сводчика в случаях описания столкновений Москвы с Тверью придерживаться всегда изложения московского источника, не закрывает от нас, к счастью, возможности, при наличии Тверской летописи (XV т. П.С.Р.Л.), тверских известий 1390—1410 гг. в Симеонской летописи и особенно Рогожского летописца в пределах 1328—1375 гг. (во II изд. XV т. П.С.Р.Л.), поставить для изучения вопрос по истории тверского летописания XIV и начала XV вв. Последнее известие тверского великокняжеского летописца, использованного для свода 1408 г., относится к 1408 г. Оно, как и другие известия 1408 г., ведет нас к заключению, что Киприану принадлежала только инициатива составления общерусского свода 1408 г., т. к. источники для его составления поступали в Москву, как мы теперь видим, уже после его смерти (16 сентября 1406 г.), а работа сводчика могла начаться лишь после 1408 г.

Едва ли не самым обильным и по качеству, и по количеству статей для конца XIV в. был Суздальский летописный источник свода 1408 г. Из него, главным образом, благодаря его разнообразному содержанию, наш сводчик 1408 г., без преувеличения можно сказать, брал со второй половины XIV в. год за годом материал для своего изложения, причем не редко под одним и тем же годом выписывал даже по несколько суздальских известий. Сначала едва заметные в общей массе материала свода 1408 г., весьма краткие и без точных дат,¹ записи суздальские превращаются с конца 60-х годов² в непрерывную, последовательно разрастающуюся и весьма даровито изложенную летописную работу, которая внимательно следит и за княжескою жизнью Суздальско-Нижегородского края, и за деятельностью епископа, потом архиепископа, потом архиепископа царьградского патриархата, а потом и митрополита всея Руси — Дионисия, скончавшегося на обратном пути

¹ 6822, 6841, 6855, 6859, 6863 -- первая точная дата, 6864 гг.

² 6868, 6869, 6872 и т. д.

из Константинополя в киевском плену (6892 г.), и за событиями жизни не-русского населения края, с которым приходилось биться этой восточной окраине Руси, и за событиями в Орде, весьма чувствительно отражавшимися на судьбах именно Нижегородско-Суздальского княжества и, наконец, за жизнью и деятельностью отдельных примечательных людей Суздальской земли. В последнем смысле ни одно летописание не оставило нам таких биографий или литературных портретов, как летописание суздальское, видимо, чтившее своего епископа (6882 г.), со вниманием отметившее смерть княгини Василисы, вдовы князя Андрея Константиновича (6886 г.), и наконец широту учености монаха нижегородского Печерского монастыря Павла Высоцкого (6890 г.). В самой манере летописателя видим хорошую литературную технику, не стеснявшуюся при вставках в текст своей работы вне-летописных некрологических произведений (под 6886 г.: «не зазрите же ми грубости, еже мало нечто изорку, въспоминая сию княгиню Василису...»), своеобразную историческую начитанность (под тем же 6886 г.: «а родилася в лето 6839, в царство царя Андроника царягородскаго, а патриарха Калиста, а в Орде тогда царь был Озбек в Сарай, а на Руси в княжение великое Иваново Даниловича Калитино, при архиепископе Феогнасте митрополите»).

Повидимому, последним известием этого любопытного суздальского источника в общерусском своде 1408 г. нужно считать известие о взятии Нижнего князем Семеном у великого князя Василия Дмитриевича в 1399 (6907) г.

Тверской великокняжеский летописец, привлеченный к составлению нашего свода 1408 г., как мы видели, представлял собою продолжение великокняжеского свода 1305 г. Иною речью, начинаясь «Повестью вр. лет» и передавая за нею текст, тождественный протографу Лаврентьевской летописи, свод 1305 г. переходил затем в тверские великокняжеские своды 1319, 1327 гг. и последующих годов. Какое же начало мог иметь другой великокняжеский свод, нами только-что рассмотренный в составе свода 1408 г., — свод Суздальский?

Кажется, что Лаврентьевская летопись может прямо ответить нам на поставленный вопрос. Ведь Лаврентьевская летопись представляет собою копию, снятую Лаврентьем в 1377 г. с летописного свода 1305 г. для великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского, «а по благословенью священнаго епископа Дионисья». Т. е. епископ Дионисий дал разрешение Лаврентью (или в смысле взяться за труд переписки, или в смысле воспользоваться для переписки этим древним сводом), и тот потрудился над этим заказом своего великого князя Дмитрия. Для какой же цели мог заказать великий князь Дмитрий Суздальский снять для себя копию с великокняжеского владимирского свода 1305 г. (каким был протограф Лаврентьевской) в 1377 г.?

Обращаем внимание, что суздальские летописные известия, извлеченные нами из общерусского свода 1408 г., представляют нам современное известиям записывание (т. е. дают точную датировку) с конца 60-х и начала 70-х годов XIV в. Что же касается записывания более ранних известий, то можно решительно думать, — и по их относительной к позднейшим известиям краткости, и по отсутствию точных датировок, — что их записывание произведено было позже событий, уже по припоминанию. Очевидно, что целью этих припоминаний было — выстроить хронологический мост между современною суздальскою летописью 70-х годов XIV в. и тем великокняжеским сводом 1305 г., который как раз в 1377 г. копировал по заказу Суздальского князя монах Лаврентий. Предположение это рисует нам суздальский источник общерусского свода 1408 г., как подобие Летописцу великому русскому московских великих князей, положившее в свое начало тот же самый великокняжеский свод 1305 г., который лежит и в начале Летописца

великого русского от «Повести вр. лет» до 1305 г. включительно, и уже от этого начала продолжавшее свое суздальское изложение, составленное первоначально (для 1306—1360-х гг.) в виде кратких записей по припоминанию, а позднее переходящее в современно-записанную летопись, для 70-х годов и позднее разраставшуюся в весьма полный и разнообразный источник.

Совершенно подобен был по своей конструкции, как мы уже знаем, этому суздальскому летописцу и тверской источник свода 1408 г.: в его начале лежал тот же великокняжеский свод 1305 г., пополненный при составлении последующих тверских великокняжеских сводов тверскими известиями по припоминанию.

Итак, называясь великими князьями, князья Суздаля и Твери, соревнуя московским великим князьям, сооружают свои великокняжеские своды на той же общерусской древней основе, какая лежала и в Летописце великом русском, т. е. на великокняжеском своде 1305 г.

Конечно, самым главным источником общерусского свода 1408 г. был Летописец великий русский 1389 г., на который ссылается сводчик, определяя нам его хронологический предел, и который, как мы уже знаем, лежит в составе общерусского свода 1408 г., как непрерывный стержень всей композиции. Этот Летописец великий русский был подвергнут нами извлечению из состава общерусского свода 1408 г. и изучению в предыдущей главе настоящей работы, и мы уже тогда обращали внимание на отсутствие в нем иных источников, кроме московской летописи, одновременно следившей и за событиями митрополичьей истории и за деятельностью великих князей московских и, даже, за событиями их семейной жизни. Теперь, имея возможность сравнить этот великокняжеский летописец с великокняжескими летописцами Суздаля и Твери, мы легко усматриваем в Московской и Суздальской летописях в существе одну и ту же местную замкнутость, и только наличие известий по истории митрополии выделяло московское летописание пред суздальским. В этом обстоятельстве мы видим на летописном материале верное отражение той поддержки, которую оказала московским князьям в XIV в. митрополия, как самым фактом своего пребывания в Москве решительно выдвигавшая их на первое место, так и в деле летописания предоставлявшая им свои литературные силы. Тем примечательнее выступает пред нами тверское великокняжеское летописание, которое за все это время (судя не по тверским известиям свода 1408 г., а по Рогожскому летописцу) сохраняет старый великокняжеский горизонт, т. е. следит за событиями, происходящими вне Твери, в других русских княжествах, особенно в Москве, и даже в Империи.

§ 3. ОБРАБОТКА ИСТОЧНИКОВ В СВОДЕ 1408 г.

Когда у сводчика 1408 г. оказались в руках все вышеперечисленные источники, ему предстояло по самому замыслу работы суметь свести их противоречивые изложения и оценки в повествование, которое в одинаковой мере удовлетворило бы всех будущих читателей разных феодальных центров.

Как известно, митрополит Киприан обещал еще великому князю Дмитрию Московскому, а признанный, наконец, Москвою при Василии Дмитриевиче и действительно сделал местом своего пребывания Москву, а не Владимир, Киев или Литву. Сравнительно мало отлучаясь из Москвы, создав себе под Москвою, в Голенищеве, особую резиденцию («любяше ту часто приходити и пребывати на деле книжнаго писания, бе бо место тихо и безмятежно и покойно»), Киприан двор свой держал на Москве «на своей митрополии». По многим данным свода 1408 г. очевидно, что с приездом Киприана началось в Москве особое от великокняжеского митрополичье летописание, и что обработка этого лето-

писания привлечением других источников в общерусский свод была несомненно также совершена в Москве.

Весьма вероятно, что Киприан, будь сам он составителем свода 1408 г., сумел бы найти удовлетворительное решение трудному вопросу композиции общерусского свода без явных симпатий к Москве или к тому или другому княжеству. Но свод 1408 г. был составлен после его смерти, и сводчик не справился с этою задачею, ярко выразив свои московские симпатии, возведенные в известного рода теоретическое построение об особом значении московской княжеской династии.

Ближайшее рассмотрение текста Летописца великого русского, положенного сводчиком 1408 г. в основу своего свода, не оставляет сомнения в том, что при включении этого Летописца в свод 1408 г. он был подвергнут некоторого рода обработке. Если мы возьмем в своде 1408 г. изложение статьи 6838 (1330) года, то легко усмотрим, что оно может быть разбито на две части. В первой из них читается известие о заложении на Москве 10 мая Иваном Калитою близ своего дворца каменной церкви Преображенья, при которой по воле того же великого князя был устроен монастырь. Этот монастырь Иван Калита «возлюбил паче иных», часто посещал, оказывал ему большую материальную поддержку и княжескую защиту («еже не обидимым быти никим же»), украшал церковь монастыря и, наконец, озаботился приведением сюда первым архимандритом «сановитого мужа» Ивана, который позже был поставлен епископом на ростовскую кафедру и, после достойного управления этою ростовскою епархией, скончался в глубокой уже старости. Эта первая часть известия 1330 г., несомненно, носит в своей записи одновременно как след современности событию, так и след позднейшей обработки: с одной стороны, — точность даты известия; с другой — сведения о последующей жизни и деятельности первого архимандрита. Из дальнейших известий свода 1408 г. мы узнаем, что этот архимандрит Иван, позднее ростовский епископ, скончался в 1356 г. Следовательно, нет никаких препятствий думать, что дополнение первоначального известия о заложении монастыря последующею биографиею его первого архимандрита относится к работе последующих моментов нарастания Летописца великого русского, например, скажем, к работе сводчика 1389 г. Но возможно ли к этой же руке отнести и вторую часть разбираемого нами известия 1330 г.? В этой второй части приводится устная версия «нециих древних старецъ» о якобы более раннем происхождении этого любимого Калитою монастыря. По этой версии еще князь Даниил Александрович эту архимандритию «имеяше у святого Даниила за рекою, яко в свое ему имя церкви той поставленной сущи». Только через несколько лет после этого, сын Даниила, великий князь Иван Данилович перевел «близь себе» эту архимандритию, «хотя всегда в дозоре видети ю». Как Иван Калита положил благое основание своим отношением к монастырю, так и дети его, и внучата, и правнучата продолжают хорошо относиться к монастырю, за что получают ту же мзду и славу, «благаго бо корени и отрасли благородни суще неизречении».

Приведенная сейчас нами вторая часть известия 1330 г., очевидно, писана при правнуках Ивана Калиты и имеет намерение примером предков возбудить внимание потомков к Преображенскому монастырю. Отсюда следует, что эта вторая часть никак не может относиться по времени к Летописцу великому русскому 1389 г., который охватывал пору и деятельность внука Ивана Калиты, а была написана при правнуке Калиты — Василии Дмитриевиче. Значит, переработка известия 1330 г. Летописца великого русского сделана сводчиком 1408 г.

Более решительно к тому же выводу о переработке Летописца 1389 г. сводчиком 1408 г. нас приведет анализ известия, близко стоящего к предыдущему. Под 6836 (1328) годом мы читаем: «седе князь

великий Иван Данилович на великое княжение всеа Руси и бысть оттоле тишина велика на сорок лет и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великиа истомы и многыа тягости от насилия татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всей земли». Неуклюжесть всей этой фразы, весьма длинной, и повторение в ней одних и тех же слов: «и бысть оттоле тишина велика», — ведут нас к непременному заключению, что перед нами фраза, испорченная вставкою. В первоначальном тексте, как очевидно, не могло читаться о сорока годах тишины, что нужно отнести конечно к позднейшему добавлению. Итак, первоначальный текст, теперь разорванный вставкою о сорока годах тишины, сообщал только о том, что, когда Иван сел на великое княжение, «и бысть оттоле тишина велика по всей земли». Чья-то позднейшая рука вставила от себя пояснение, какая же это была великая тишина: она, во-первых, была будто бы целых сорок лет, и, во-вторых, состояла будто бы в том, что поганые за эти сорок лет не воевали более Русской земли и не закалывали более христиан. Но то ли под великою тишиною, наставшею на Русской земле, понимал первоначальный летописец, работавший, как мы уже знаем, еще под живым впечатлением смерти Ивана Калиты, которого он титулует «господином нашим» и которому возглашает вечную память (под 6848 г.)? Конечно, нет! Ведь татары и при Иване Калите приходили на Русскую землю, и Калите им даже приходилось помогать, например, в походе на Смоленское княжество, «по цареву повелению», за год до смерти Калиты. Вероятнее поэтому, что великая тишина, наставшая со вступлением на великое княжение Калиты, в первоначальном своем смысле означала конец бурных и трудных годов московско-тверского единорства за великое княжение, когда только что была разорена и смирена Тверь, а соперник Ивана Калиты — тверской князь Александр Михайлович бежал во Псков. К этому надлежит вспомнить, что Иван Калита просидел на великом княжении без всяких соперников и борьбы; по крайней мере в 1339 г. в далекой Орде особыми ходами своей политики он покончил с возродившимися было домоганиями Твери на великое княжение.

Однако, мы в праве задаться вопросом, почему позднейший летописатель, по-своему толкуя читателю понятие наставшей тишины, и не очень, как мы видели, внимательно относясь к фактам в угоду создавшейся в его голове концепции, — приводит в похвалу Калите тишину в целые 40 лет? Если, к 6836 году, под которым мы читаем об этих 40 годах, мы прибавим 40 лет, то получим 6876 год. Открывая летописный свод 1408 г. под этим годом, находим здесь описание страшного похода на Москву литовского князя Ольгерда, пришедшего на помощь обиженному великим князем Московским и митрополитом Алексеем Тверскому князю Михаилу Александровичу. Описание это, так же как и известие 1330 г., от которого мы к этому описанию вышли, носит на себе очевидные следы переработки. Так, при упоминании сына князя Кейстута — Витовта — прибавлено: «тогда бо еще млада ему сущу», а при указании на ту подробность похода Ольгерда, что он был задуман и проведен в тайне (чем, вероятно, первоначальная запись старалась извинить москвичей перед самими собою за их запоздалость с отпором, неудачу обороны и последовавшее оттого московское разорение), читаем неожиданную похвалу военным талантам Ольгерда, в которой улавливается скрытая нота осуждения кому-то из современников, и которая резюмируется в словах: «не толма силою, елико умением воеваша»; наконец, третья очевидная вставка находится в самом конце этого длинного известия: «се же зло сътворися за наши грехы, а преже того толь велико зло в Москве от Литвы не бывало в Руси, аще от татар бывало. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41». Шероховатость этой фразы и спутанность ее смысла — ведут к пред-

положению, что в первоначальной записи читалась только первая часть фразы: «Се же зло сътворися за наши грехы, а прежде того толь велико зло в Москве от Литвы не бывало», потому что, действительно, это нашествие князя Ольгерда было первым столь чувствительным поражением Москвы от Литвы. Позднейшая рука и, конечно, та самая, которая писала о сорокалетней тишине, наставшей после вступления на великокняжеский стол Ивана Калиты, к этой простой и ясной фразе приписала: «в Руси, аще от татар бывало. От Федорчуковы рати до Олгердовы лет 41». Здесь лежит разгадка тех 40 лет тишины, которые разумелись под 6836 г. Федорчук, в числе других ханских генералов, при содействии Ивана Калиты, разорил и опустошил Тверское княжество в 6835 г., т. е. за 41 год до нашествия на Москву Ольгерда. Иван Калита сел на великое княжение Владимирское в 6836 г., т. е. за сорок лет до нашествия на Москву Ольгерда. К известию о вступлении Ивана Калиты на великое княжение и было приписано 40 лет к упомянутой там тишине, толкование которой теперь совершенно видоизменилось.

Итак, приписка о сорокалетней тишине в известии 6836 г. (1328 г.) была сделана не ранее 6876 (1368) г. Но из только-что проведенного анализа известия 6876 (1368) г. вытекает, что она была сделана позже этого года, потому что вставка о сорок одном годе, протекшем от Федорчуковой рати до нашествия князя Ольгерда, сделана в готовый уже текст, который и сам явился после этого года. Приписку к известию 6876 (1368) г. мог сделать или составитель Летописца 1389 г. или сводчик 1408 г.: первый — при включении в Летописец накопленного за время великого княжения Дмитрия Ивановича материала; второй — при включении текста Летописца 1389 г. в свой свод. Из этих двух возможностей неоспорима вторая. В самом деле, как мог официальный летописатель, потрудившийся над составлением официальной летописи московского великого князя — Летописца великого русского, включить в свой труд похвалу князю Ольгерду или пожелать отметить молодость князя Витовта? И, самое главное, как мог он сопоставить тверское разорение 1327 г. с московским разорением 1368 г.? С точки зрения Москвы, разорение Твери в 1327 г. было делом тверичами заслуженным; в разорении этом участвовал по цареву повелению и Иван Калита, и едва ли в Москве Тверь по этому случаю очень сожалели. Другое дело — разорение Москвы Ольгердом! Это, впервые постигшее Москву, литовское нашествие было делом происков тверского князя, колебавшим рост силы Москвы перед опасным соперником по объединению распавшейся Русской земли. Не ясно ли, что сопоставление татарского погрома Твери в 1327 г. с опустошениями Москвы в 1368 г. могло быть сделано лицом, пытавшимся стать выше споров Москвы с Тверью и оценивавшим прошлое с точки зрения «Руси». И, действительно, как мы помним, к фразе первоначального текста: «а прежде того толь велико зло Москве от Литвы не бывало», — сводчику пришлось добавить «в Руси, аще от татар бывало», потому что татары разорили в 1327 г. Тверь, а не Москву.

Итак, получаем основание думать, что сводчик 1408 г. произвел переработку Летописца великого русского 1389 г. с некоторой общей точки зрения — с точки зрения Руси. Он вставил свои дополнительные приписки и произвел некоторое сопоставление фактов прошлого, в существе подчеркнуто-доброжелательно относясь к представителям московской княжеской династии. Его теория сорокалетней тишины — явная попытка возвеличения великокняжеской деятельности Ивана Калиты — страдала, правда, большой произвольностью, потому что из им же самим переданных в своде 1408 г. материалов Летописца 1389 г. и других источников с несомненностью вытекало, что татары не один раз за эти сорок лет тишины разоряли и «воевали Русскую землю» и

христиан закалывали (в 6850 г. — рать Киндяка и разорение рязанского Переяславля; в 6866 г. — рать Маматхожи, а в 6873 г. рать Тагая — на Рязанскую землю; наконец, в 6875 г. — набег Булат-Темира на нижегородские волости) и даже при содействии самого Ивана Калиты (в 6847 г. — рать Товлубья на Смоленск с московскою великокняжескою поддержкою), но теория эта свидетельствовала о некоторой преданности ее автора мысли о том, что только с водворения на великом княжении Ивана Калиты и его потомства Русь, Русская земля получила достойных носителей великокняжеского сана.

Эта мысль и запутывала перед сводчиком разрешение поставленной главной задачи — вести изложение материалов своих источников в беспристрастном аспекте всея Руси, потому что при этом сводчик не мог отказаться от почитания и выделения перед всеми другими княжескими династиями московской династии, которая, в его глазах, так много и умело проработала над задачами великокняжеской власти. Поэтому сводчик 1408 г. все свои подсобные источники к положенному им в основу Летописцу великому русскому вливал с известным выбором, и там, где подсобный источник резко говорил о московских, весьма часто не прямых и не законных, средствах в борьбе с соперниками и в добывании великокняжеского стола под тверяками (в Тверском великокняжеском летописании) или под суздальцами (в Суздальском великокняжеском летописце), сводчик 1408 г. обходил известия этих источников молчанием, отдавая место московскому великокняжескому изложению. Примеров такого московского освещения разных событий можно привести не мало, но мы здесь остановимся лишь на некоторых.

Имея в своих руках Тверской великокняжеский свод и имея возможность многое из него взять для пополнения Летописца великого русского 1389 г. в умышленно здесь сокращенном и искаженном изложении великого княжения Михаила Ярославича тверского, сводчик 1408 г. не только не соблазнился этою возможностью, но и оставил без смягчения обидные выпады Летописца великого русского в отношении к тверским носителям великокняжеского сана. Достаточно, например, сравнить описание в своде 1408 г. похода великого князя Михаила Ярославича (под 6824 г.) на Новгород, во время которого тверские и великокняжеские войска в дороге заблудились и, испытав великий голод, с большими потерями вернулись домой, — описание, попавшее в свод 1389 г. и замыкавшее свое изложение ироническим примечанием: «всуде трудишася», — с тем описанием этого похода, которое читал сводчик 1408 г. в своем тверском источнике (оно сохранилось для нас в Тверской летописи), где все несчастья этого похода определенно относились к измене («и зли вожи заведоша в лихаа места и многа пакость бысть полку его»). Такое же отношение к своему тверскому источнику сводчик 1408 г. обнаруживает и под 6847 (1339) г., в описании смерти великого князя Александра Михайловича, следуя здесь, вероятно, опять Летописцу великому 1389 г. и не желая пополнить его подробностями о перевезении тела этого несчастного князя на Русь и о торжественном погребении тела в Твери. Тверская антипатия сводчика 1408 г. резко обнаруживается в описании взятия и разграбления Торжка тверским князем Михаилом Александровичем в 1373 (6881) г., где сводчик, не желая следовать тверскому источнику, но не имея описания этого события, видимо, в Летописце 1389 г., решил дать изложение по новгородскому источнику, так резко и грубо говорившему о тверяках и изображавшему весь этот эпизод с беспощадною реальностью.

Такое же отношение обнаруживает сводчик 1408 г. к своему суздальскому источнику. Он охотно оставляет ядовитое для суздальцев замечание Летописца 1389 г. о том, что получение Владимирского ве-

ликого княжения Дмитрием Константиновичем в 1360 г. было не правильно: «а не по отчине, ни по дедине», — в противоположность, конечно, получению Владимира великим князем Дмитрием московским в 1362 (6870) году, — уже «по отчине и по дедине». По московскому своему источнику сводчик 1408 г. провел вообще весь рассказ без всяких смягчений и переменил о борьбе за великое княжение в 1362—1364 гг. Дмитрия московского с Дмитрием суздальским, причем везде выдержал титулование Дмитрия суздальского простым князем, в противоположность великокняжескому титулу Дмитрия московского.

Отношения сводчика 1408 г. к своему новгородскому источнику и вообще к Новгороду мы уже касались выше. Оно, конечно, весьма выразительно. На всем пространстве своей работы сводчик 1408 г. не извлек из новгородского летописца ни одного описания, ни одного упоминания по внутренней истории Новгорода. Его рассуждение под 1392 г. о невозможности для великих князей угодить новгородцам дает нам ключ к пониманию его новгородской антипатии. Новгород, с его свободным от великокняжеской власти политическим строем, был весьма трудным куском митрополичьего управления, и за все время митрополита Киприана Новгород и митрополия жили в открытых отношениях резкого взаимного недовольства.

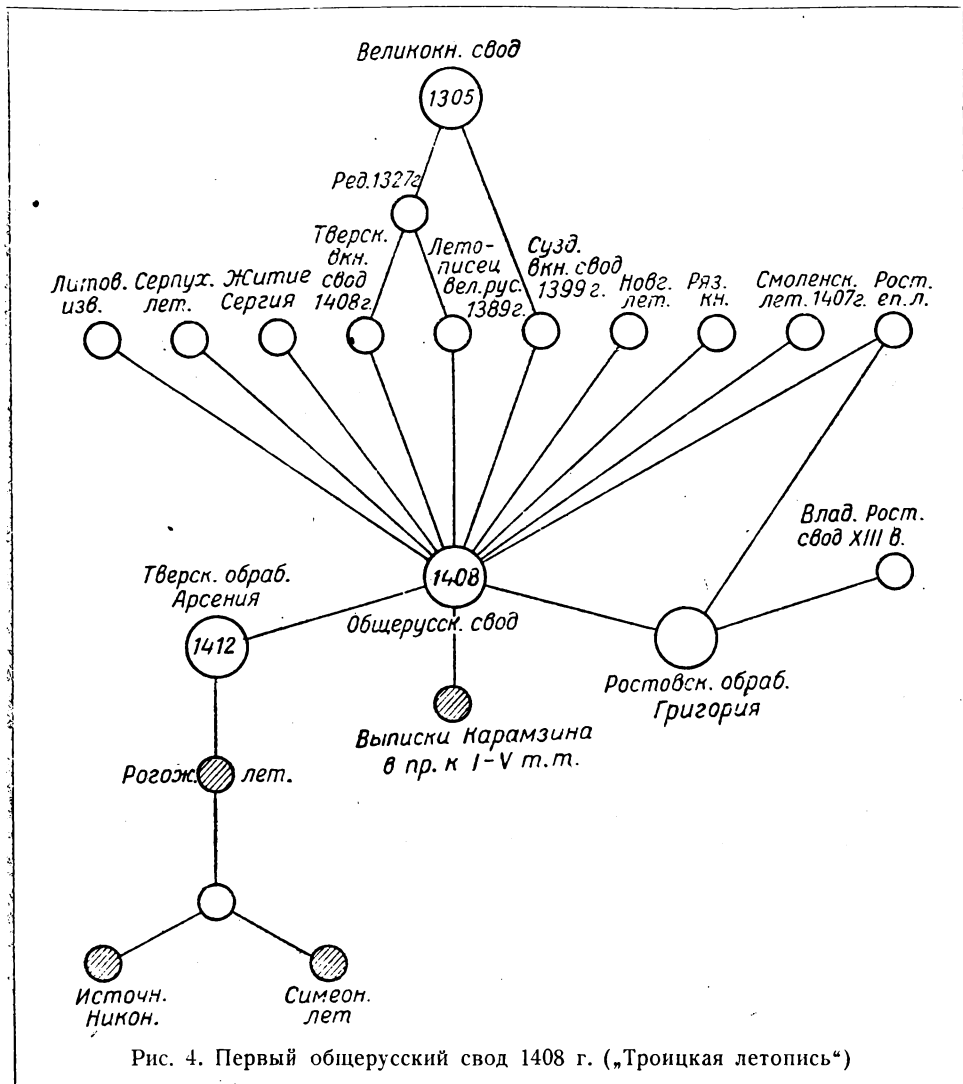
Сводчик 1408 г. кое-где при изложении событий прошлого не удержался от критики современного, конечно, в прикрытой форме. Так поучением современникам звучит указание на воздержанность князя Ольгерда по части хмельных напитков: «пива и меду не пиаше, не вина, ни кваса кисла», что дало время Ольгерду приобрести великий ум, основу всех его политических успехов (под 6885—1377 г.), а военный талант Ольгерда сказывался в том, что он вел военные операции с великою тайной в приготовлениях и понимал, что дело не в количестве войск, а в подготовке.

По вопросу о том, кто мог быть автором этой летописной работы 1408 г., существует некоторая литература. В. Н. Татищев (в IV т., 424) приводит такое сообщение о летописных трудах митрополита Киприана из Степенной книги: «[Киприан] книги своею рукою писаше... и летопись русскую от начала земли Руския вся по ряду и многи книги к тому собрав повелел архимандриту Игнатию Спаскому докончати, яже и соблюдох». В сохранившейся до нас редакции Степенной книги ничего не говорится об этих летописных трудах Киприана. А. В. Горский указал на Троицкую летопись, о которой мы все время говорили выше, как на вполне подтверждающую свидетельство Татищева своим составом и временем составления (т. е. после смерти Киприана). Мнение это находило затем и поддержку, и возражения. Как известно, до сих пор не изучен труд В. Н. Татищева и его пользование источниками, так что нельзя в настоящее время, конечно, опираясь на его свидетельство, говорить об Игнатии, как авторе свода 1408 г., хотя бы вышеуказанное нами известие о Преображенском монастыре с восхвалением забот о нем московских князей и ведет нас к архимандриту этого монастыря Игнатию.

§ 4. НЕУДАЧА СВОДА 1408 г., КАК ПОПЫТКИ ОБЩЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

На основании последующих летописных работ как митрополии, так и московского великокняжеского стола можно уверенно полагать, что появление свода 1408 г., как попытки общерусского летописания, не вызвало к себе сочувствия и произвело совершенно иное впечатление, чем то, на какое рассчитывала эта работа. Ее московский характер и пренебрежительное ее отношение к местным летописцам, очевидно, отозвалось весьма чувствительно, потому что новый митрополит весьма

скоро предпринимает составление нового общерусского свода, называемого обычно «Полихроном Фотия», в котором мы не найдем никаких новых источников против свода 1408 г., т. е. который задавался лишь целью перестройки предшествующей работы. Прочный успех, выпавший на долю «Полихрона Фотия», заставивший забыть свод 1408 г. даже Московским великокняжеским летописанием XV в., позволяет думать,

что составитель нового общерусского митрополичьего свода с успехом учел и преодолел все промахи свода 1408 г.

Только в двух летописных центрах свод 1408 г. был использован, как основа нового летописания: в Твери и в Ростове. Тверская переработка свода 1408 г., которая сохранилась до нас в дефектных экземплярах Симеоновского и Рогожского текстов и в использованиях Никоновской летописи, как летописная работа 1413 г., была отмечена нами выше. Она была осуществлена тверскою епископскою кафедрой и не имела затем продолжения.

Ростовская епископия пополняет полученный свод 1408 г. своими дополнительными ростовскими известиями, которыми пренебрег сводчик 1408 г., и заменяет начало свода 1408 г. особою комбинациею владимирско-ростовского летописания XIII в., которая отдавала предпочтение

владимирскому великокняжескому своду Юрия перед Ростовским летописцем, в противоположность своду 1408 г., где (как в Лаврентьевской летописи) Ростовский летописец лежал в основе изложения, а Юрьев свод привлекался как второстепенный источник.

ГЛАВА VII

ФОТИЕВ ПОЛИХРОН 1418 г.

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Восстановление истории русского летописания в основном его русле за XV в. представляет задачу во многих отношениях сложную и мало изученную. Общерусский свод митрополита Фотия, названный Великим полихроном, и последующая обработка этого Полихрона по Новгородскому Летописцу особого состава, которую нужно отнести к 1448 г., — можно сказать еще требуют своего дальнейшего изучения и восстановления по тем многочисленным спискам, которые сохранились от середины XV в. осложненными и затемненными разными политическими точками зрения той эпохи, когда перед современниками сразу было поставлено столько сложных проблем внутренней и внешней жизни. Предлагаемая попытка разобраться в истории возникновения этих памятников и связать идущую через них основную нить нашего летописания с последующим летописанием конца этого же века скорее исходит из надежды привлечь внимание исследователей к этой важнейшей задаче, чем из уверенности в правильности ее разрешения.

Если взять грубо всю семью списков Новгородской четвертой летописи с одной стороны, а с другой стороны, в таких же общих скобках взять списки Софийской первой, то взаимное их сличение приводит нас к заключению, что оба эти летописные свода, будучи невыводимы один из другого, восходят к общему протографу, который может быть восстановлен.¹

Так как и в Новгородской IV и в Софийской I летописях под 6888 (1380) г. одинаково читается такая заметка: «А благовещение бысть в велик день; а перво сего бысть за 80 лет и за 4 лет, а потом будеть за 80 лет без лета, а потом будеть за 11 лет», то заметку эту мы должны отнести к протографу наших сводов. Что может значить эта заметка? Благовещенье падало на пасху, действительно, в 1380 г., как и отмечает заметка. За 84 года до этого такое совпадение также было (в 1296 г.) и через 79 лет после 1380 г. такое совпадение должно было иметь место в 1459 г. Но что может значить: «а потом будеть за 11 лет»? После 1459 г. новое совпадение благовещенья с пасхою должно

¹ Новгородская IV была издана в 1848 г. в IV т. Полного Собрания Русских Летописей по 6 спискам: Строевскому (основной), Академическому, Синодальному, Фроловскому (Публ. библи.), Хронографическому и Толстовскому. Издание это весьма неудачно. Во-первых, привлечение Хронографического списка, как другой редакции этой летописи, заставило давать текст Хронографического отдельными кусками (1385—1403; 1447—1496); во-вторых, текст Новгородской IV был дан только с 1113 г. и с пропусками во всех тех случаях, где этот текст находил тожество с Новгородскими I, II и III, а также с Лаврентьевской и Ипатьевской. Таким образом исследователь должен сначала собрать весь пропущенный текст, а потом уже его изучать. Новое издание было предпринято в 1915 г. Оно не закончено. В основе опять положен Строевский список, но Хронографический выделен, как особая летопись (т. наз. Новгородская V).

Софийская I была издана в V (1851) и VI (1853) томах Полного Собрания Русских Летописей по 7 спискам: Толстовский (основной), Карамзина (Засецкого), Царского, Бальзеровский, Оболенского, Горюшкина и часть Воронцовский. В тексте, как и в Новгородской IV, ряд пропусков со ссылками на Новгородскую IV и др. Новое издание (1925 г.) привлекает также 7 списков: Оболенского (теперь основной), Засецкого, Толстовский, Царского, Бальзеровский, Синодальный и Воронцовский, т. е. исключает Горюшкинский и привлекает Синодальный (б. Патриарш. библи. 154). Издание не закончено.

было наступить в 1543 г. Однако, думать отсюда, что заметка сделана в 1532 г., не позволяет большинство списков Новгородской IV и Софийской I, т. к. оно относится к XV в. Отсюда остается предположение, что последний расчет относится к тому же 1459 г. и указывает нам на 1448 г., когда, следовательно, велась работа по составлению этого свода, протографа и Новгородской IV и Софийской I.

Итак, в 1448 г. был составлен летописный свод, из которого вышла, с одной стороны, семья списков Новгородской IV летописи, а с другой стороны, семья списков Софийской I.

Что же представлял собою этот свод 1448 г.? Сличая Новгородскую IV и Софийскую I, убеждаемся, что свод 1448 г. открывался текстом «Повести вр. лет» особого состава, отличного от текста «Повести» Лаврентьевской и др., затем видим, что текст Софийской I и Новгородской IV до начала XI в. почти тождествен, как и текст последующих статей: 1016—1071 гг., 1116—1156; 1158—1168; 1170—1174; 1176—1202; 1204—1211; 1212—1223; 1225—1236; 1273—1318 гг. и т. д.; сходство продолжается только до 1418 г., кончаясь известием об убийстве на Вятке Михаилом Рассохиным Анфала и сына его Нестора. После этого известия в Новгородской IV идут известия новгородские, которых нет в Софийской I, а в Софийской I— известия московские, которых нет в Новгородской IV.

Свод 1448 г., конечно, не прекращал своего изложения на 1418 г., но часть его от 1418—1448 гг., очевидно подверглась переботке. Вопрос о составе свода в пределах 1418—1448 гг. и его переработке мы отложим до рассмотрения всего свода 1448 г. в целом несколько ниже, а сейчас сосредоточим свое внимание на восстанавливаемой сличением Новгородской IV и Софийской I от «Повести вр. лет» до 1418 г. включительно части этого свода.

Не подлежит сомнению, что эта часть свода 1448 г. представляет собою общерусский свод, известия которого, подобно общерусскому своду 1408 г., касаются различных частей Русской земли и Литовского государства. Но этот общерусский свод, который мы будем в дальнейшем называть сводом 1418 г., лежит в составе свода 1448 г. не в чистом виде, а осложненный вспомогательными источниками. Легко заметить, что главнейшим таким вспомогательным источником для сводчика 1448 г. была какая-то новгородская летопись, известия которой в своде 1448 г. не переходили (судя по Софийской I) того же 1418 г. Новгородский свод 1418 г. был весьма систематически и полно взят сводчиком 1448 г. для пополнения общерусского свода 1418 г., главным образом для введения в состав изложения последнего внутренней истории Новгорода. Вглядываясь пристальнее в этот новгородский источник сводчика 1448 г., замечаем, что он-то и имел в своем начале особое заглавие, за которым читалась не «Повесть вр. лет», а летописная работа в известных пределах более первоначальная «Повести». Мы знаем из гл. I, §§ 3 и 8, что младшая редакция Новгородской I летописи представляет нам в своем начале этот же древний памятник. Сближая поэтому Комиссионный список Новгородской I летописи со сводом 1448 г., убеждаемся, что сходство новгородского источника свода 1448 г. и младшей редакции Новгородской I продолжается и далее, причем последняя оказывается и более поздней, и менее полною. Из сохранившегося предисловия мы узнаем, что Новгородский источник свода 1448 г. назывался Софийским временником, а из некоторых домашних приписок его составителя под 1382, 1405, 1406 и 1411 гг., что имя составителя было Матвей Михайлов. Что домашние записи Матвея Михайлова были в составе Софийского временника 1418 г., а не общерусской летописи 1418 г., и что они не относились к составителю свода 1448 г., — можно усмотреть из анализа известий 1382 г. В Новгородской IV летописи под этим годом читаем три новгородских известия

(первое из них — известие о смерти отца Матвея Михайлова), затем идет повесть о «московском взятии» царя Тахтамыша, после которой опять читаются те же три новгородских известия, которые предворяли эту повесть. Отсюда следует, что пред нами — слияние двух источников: Новгородского и общерусского. Сводчик 1448 г., выписав известия Софийского временника 1418 г., стоявшие под 1382 г., перешел к общерусской летописи 1418 г., а затем ошибочно вернулся к выписанным уже ранее известиям своего новгородского источника. Софийская I подтверждает под 1382 г. эту же комбинацию источников, удалив, однако, повторность новгородских известий после повести о Тахтамыше.

Итак, у сводчика 1448 г. был письменный новгородский источник (Софийский временник), в котором были среди новгородских известий домашние записи Матвея Михайлова, повидимому, составителя этого новгородского летописного свода.

Счастливая случайность сохранила нам в составе Хронографа древнейшей редакции и Ростовской владычной летописи XV в., хотя и в значительно сокращенном изложении, тот самый общерусский свод 1418 г., который был использован сводчиком 1448 г. и который А. А. Шахматов определил, как общерусский митрополичий свод или Полихрон времени митрополита Фотия. О составе и истории этих двух памятников нашего летописания удобнее будет поговорить несколько ниже. Сейчас для нас достаточно того указания, что, разлагая изучаемую нами часть свода 1448 г. (от начала этого свода до 1418 г. включительно) на Полихрон 1418 г. (его чтения должны совпадать с Хронографом и Ростовским владычным сводом) и на Софийский временник Матвея Михайлова (его чтения должны вести нас к младшей редакции Новгородской I летописи), мы получаем в результате ряд известий и чтений, которые не могут быть отнесены ни к Полихрону, ни к Софийскому временнику, т. е. дают представление о наличии у сводчика 1448 г. для этой части его свода какого-то третьего источника. Из того обстоятельства, что этот третий источник дал значительное количество разночтений только в древнейшей части свода, не переходя XIII в., а для XIV в. мог внести лишь совершенно ничтожные новости против Полихрона и Софийского временника (например, список ростовских владык под 1396 г.; под 1407 г. известие об обновлении в Ростове соборной церкви), мы заключаем, что состав этого третьего источника для XIV в. был близок Полихрону, давая ему в противоположность только в своей древнейшей части иной летописный текст. Пополнения, взятые сводчиком 1448 г. из этого третьего источника в изучаемую нами часть свода 1448 г., имеют явно церковный и ростовский характер, — что ведет к неизбежному выводу, что перед нами ростовская владычная летопись. Можно думать, что эта ростовская епископская обработка материалов какого-то общерусского митрополичьего свода, весьма близкого к Полихрону Фотия 1418 г. по составу известий XIV—начала XV вв., была предпринята в Ростове при епископе Григории. В самом деле, в перечне ростовских владык свода 1448 г. последним упоминался епископ Григорий, как 35-й по счету епископ Ростова («35. Сей Григорий»). Карамзинский список Новгородской IV летописи, исправлявший свой текст по своду 1448 г., так именно и передает нам это чтение; в других списках Новгородской IV перечень ростовских владык оказывается уже продолженным именами Дионисия и Ефрема; в Софийской I перечень совсем опущен, но о Григории сказано: «си же Григорий 35 лет бысть епископом Ростову», тогда как Григорий епископствовал лишь 21 год. Время епископа Григория (1396—1416 гг.) вполне подходит для изучаемой нами части свода 1448 г., где все другие источники — и Полихрон, и Софийский временник — относились по времени своего составления к тем же годам XV в. Не будет больших трудностей при полученных нами данных определить, какой же обще-

русский митрополичий свод мог положить епископ Григорий в основу своего труда? Свод 1408 г., как уже знаем, был первым таким сводом, а по составу своих известий был в значительной мере близок Полихрону Фотия 1418 г.

§ 2. РАБОТА СВОДЧИКА 1418 г. НАД ПОЛИХРОНОМ

Разумеется, еще потребуется не мало усилий для полной реконструкции Фотиева Полихрона 1418 г. из состава свода 1448 г. с привлечением для этого сокращенного изложения Полихрона в Хронографе и Ростовской владычной летописи XV в. Но и при современном положении можно с известною долею вероятности судить о составе этого второго общерусского митрополичьего свода 1418 г. и его отношении к своему предшественнику — первому общерусскому митрополичьему своду 1408 г.

Сводчик 1418 г. много потрудился над предшествующим сводом и привлек для своей работы не мало новых материалов, в большинстве случаев вне-летописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения. Можно думать, что для работы над древнейшею частью привлекались такие памятники исторического характера, как Палая, Еллинский летописец, Никифоров летописец вскоре в русской редакции, Пролог, «Жития» и др. Новгородское летописание, имевшее в своем составе киевский свод начала XIII в., кончавшийся описанием падения Царяграда от латинской руки, первоначально (судя по Синодальному списку Новгородской I летописи) лишь слабо использованный, теперь перестраивает свое начало, выписывая полностью сохранившиеся остатки этого киевского свода, и в таком виде (может быть до участия в этом летописании Матвея Михайлова) привлекает внимание сводчика 1418 г., который заимствует оттуда некоторые части для своего свода в пределах до 1016 г. (Непонятным по источнику в работе сводчика 1418 г. остается указание, что князь Рюрик с братьями пришел в Новгород «от немец»).

Иных летописных материалов у сводчика 1418 г. против свода 1408 г. мы не видим. Особенно это ясно при изложении событий XIV в. Здесь на-лицо все те же летописцы, с которыми имел дело и сводчик 1408 г. Правда материал этих летописцев в новом сводe значительно увеличен рядом новых извлечений из них. Так тверское великокняжеское летописание дало значительное количество добавочных известий,¹ суздальское великокняжеское летописание, и без того весьма щедро представленное в своде 1408 г., дало все же еще ряд прибавок;² дали новые известия ростовский, рязанский и смоленский источники.³ Даже оказались извлеченными новые известия из состава Летописца великого русского: к нему относим дополнения о деятельности митрополичьей кафедры и о делах Московского великого княжества.⁴

На ряду с этими пополнениями видим иное отношение сводчика 1418 г. к своим источникам. Чувствительнее всех эта перемена отразилась на Летописце великом русском, из состава которого опускается, с одной стороны, не мало известий семейного характера княжеского московского дома, а, с другой стороны, все те случаи московского тол-

¹ Под 6813, 6827, 6829, 6830, 6833, 6835, 6838, 6839, 6844, 6846, 6847, 6881 и 6891 гг.

² Под 6835, 6848, 6859, 6860, 6861, 6862, 6863, 6868, 6871, 6872, 6873, 6878, 6885 и 6897 гг.

³ Ростовские известия под 6814, 6817, 6823, 6824, 6826, 6828, 6829, 6836, 6839 и 6871 гг.; рязанские под 6835, 6857, 6894 гг.; смоленские под 6846, 6885, 6894 и 6895 гг.

⁴ О митрополии под 6841, 6848, 6851 и 6861 гг.; о делах великого князя под 6832, 6840, 6848, 6868, 6869, 6890 и 6892 гг.

кования хода борьбы Москвы с соперничающими с нею центрами, что так охотно и упорно сохранял сводчик 1408 г. Для примера достаточно будет сослаться на запись в своде 1418 г. (под 1355 г.) о смерти суздальского князя Константина Васильевича, где выразительно добавлено против свода 1408 г.: «честно боронив свою отчину от сильнее себе князей», под которыми разумелись, конечно, московские Даниловичи; равно как и на запись о вступлении на владимирское великое княжение Дмитрия Константиновича суздальского (под 6868 г.): «Ходир царь дал великое княжение Дмитрею суздальскому, а князем русским комуждо отчину свою», т. е. здесь опущены ядовитые слова свода 1408 г.: «а не по отчине, а не по дедине».

Все это, как и бесстрастное изображение в своде 1418 г. московско-тверской борьбы за великое княжение в начале XIV в., дает нам понять желание сводчика 1418 г. сгладить или совсем удалить следы московского пристрастия сводчика 1408 г.

Литовские известия, впервые введенные в состав нашего летописания сводчиком 1408 г., в новом своде 1418 г. увеличиваются в своем числе (под 6853, 55, 57, 89 и 94 гг.). Оскорбительного замечания сводчика 1408 г. о политическом строе Новгорода (под 1392 г.) в своде 1418 г. мы уже не видим, хотя интерес к внутренней истории Новгорода у сводчика 1418 г. не больший, чем у его предшественника по работе.

Изложенное содержание работы сводчика 1418 г. дает право думать, что новый общерусский свод вышел из той же среды, что и свод 1408 г., т. е. представляет собою митрополичье летописание в общерусском размахе. Невозможность приурочения этой работы по времени ее появления к какому-либо политическому моменту жизни Русской земли или митрополии всея Руси; близость работы сводчика 1418 г. к работе предшествующего сводчика; наличие здесь в существе все тех же источников местного летописания, особенно странное для ближайшего времени к дате составления свода; явное желание сводчика 1418 г. придать своему труду высоту политического бесстрастия в отношении к соперничеству и борьбе русских великих княжений и распри Москвы с Литвою; наконец, решительный отказ сводчика 1418 г. от поучения современных ему правителей косвенными намеками и историческими примерами — все это ведет нас к мысли, что Фотий, занявший митрополию после Киприана, недовольный неудачным выполнением мысли Киприана о заведении самостоятельного от московского двора митрополичьего летописания в форме общерусского свода и учитываяя недовольство, выросшее вокруг работы сводчика 1408 г., решил предпринять новую попытку в деле создания такого свода, которую и представляет теперь нам Полихрон 1418 г.

Если составление общерусских летописных сводов трудами митрополичьей кафедры имело в виду, между прочим, ту задачу, чтобы придать единообразие епископскому летописанию на местах, то судьба Полихрона Фотия в этом смысле со всею ясностью не может быть представлена по сохранившимся до нас летописным текстам. Уверенно только можно говорить, что ростовская владычная летопись довольно скоро усвоила эту общерусскую летописную основу, т. е. Полихрон, и сравнительное изучение Ермолинской летописи и Уваровского списка (XXIII т. П.С.Р.Л.) ведет нас к их общей основе, которая обрывается на 1417 г., но судя по Ермолинской летописи шла до известия об убийстве на Вятке Анфала и его сына Нестора; этим сообщением, как нам известно, замыкалосьложение Полихрона 1418 г. В самом деле, Ермолинская летопись после этого известия 1418 (6926) г. переходит к известию 6933 (1425) г., т. е. дает нам знать, что в истории ее образования заложена летописная работа 1418 г. Так как все известия этой основы ростовского владычного летописания находятся или в Софийской I или в Новгородской IV (т. е. читались уже в своде 1448 г.);

так как они совпадают с Хронографом; наконец, так как весь текст этих известий представляет собою общерусский летописный свод, — то мы в праве думать, что перед нами текст Фотиева Полихрона 1418 г., к сожалению, в известном сокращении своего изложения.

§ 3. ХРОНОГРАФ

Русская компиляция всемирно-исторического характера, названная А. Н. Поповым Хронографом I редакции, распадается на две редакции: первую из них, разделенную на 208 глав, называют теперь редакцией 1512 г., согласно указанию самого памятника на время своего составления; а вторую — западно-русской редакцией.¹ Обе редакции восходят несомненно к одному протографу, как это доказал в свое время В. М. Истрин.²

А. А. Шахматов рядом неопровержимых наблюдений установил возможность появления этого памятника на Руси, и мы здесь не будем приводить всех его обоснований. Остановившись на вопросе о времени появления этого памятника, А. А. Шахматов указал, что и южно-русская редакция и редакция 1512 г. ведут нас к представлению, что памятник, лежащий в их основании, доходил в своем изложении лишь до 1442 г., определяя число лет царствования предпоследнего императора Ивана семнадцатого; в зависимости от этого древнейшая редакция Хронографа может быть представлена в своем окончании, как изложение русских событий 1425—1444 гг. со следовавшей за ними статьей «О великом княжении Сербском и о запустении его» (т. к. эта статья имеется как в редакции 1512 г., так и в редакции южно-русской).

Во второй уже половине XV в., после падения Царяграда, появилась последующая редакция Хронографа, которая добавила к своему основному ядру: во-первых, статью о царствовании императора Константина, определяя поэтому царствование его от 1442 до 1453 года (тогда как он царствовал лишь четыре года и 8 месяцев); во-вторых, описание русских событий 1442—1451 годов; и в-третьих, сообщение о падении Царяграда. Из этой второй редакции Хронографа вышла и редакция 1512 г., и южно-русская редакция.

Широкое пользование составителем древнейшей редакции 1442 г. южно-славянскими и притом незадолго до 1442 г. появившимися в свет сочинениями, как и весьма многочисленные сербизмы, обнаруживающиеся в статьях, восходящих к тексту русской летописи, здесь использованной, — дали А. А. Шахматову основание определить автором этого памятника Пахомия Сербина.

При составлении Хронографа (т. е. древнейшей редакции 1442 г.) Пахомий должен был, конечно, обратить внимание на пополнение византийской концепции всемирной истории известиями по истории славянства и, в частности, русского народа. Сличение редакции 1512 г. с редакцией южно-русской в части состава их русских летописных известий приводит исследователя к заключению, что, несмотря на разрозненность и случайность русских известий южно-русской редакции, можно уверенно говорить о том, что в протографе этой южно-русской редакции, где известия, конечно, читались еще в систематическом виде, состав этих известий был иной против состава известий редакции 1512 года.

¹ Редакция 1512 г. издана (по трем спискам) в XXII т. П. С. Р. Л., ч. I, 1911 г., редакция же юго-западная — во II ч. того же тома, 1914 г. Исследование А. Н. Попова («Обзор хронографов русской редакции» — I — М. 1866 г.; в. II — М. 1869 г.) уже значительно устарело, но не может быть обойдено вниманием изучающего хронограф. А. А. Шахматов. Пахомий Логофет и Хронограф. Ж. М. Н. Пр. 1899 г., № 1. Его же. К вопросу о происхождении Хронографа. Сбор. II Отд. Акад. Наук, т. LXVI, № 8, 1899 г. С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. Ж. М. Н. Пр. 1904, № 1.

² Истрин В. М. Александрия русских хронографов, стр. 238—38.

Таким образом, от древнейшей Пахомиевой редакции Хронографа (через вторую редакцию второй половины XV в.) состав русских известий можно ожидать встретить только в редакции 1512 г., т. к. южно-русская редакция (ее прототрограф) первоначальный состав русских известий уже подвергла переработке. Что читаемый состав русских известий в редакции 1512 г. восходит именно к древнейшей Пахомиевой редакции, А. А. Шахматов убедительно доказал наличием в них сербизмов (Святослав и Святополк русских летописных известий постоянно именуется Цветославом и Цветополком; слово «бык» заменяется словом «юнец»; вместо: «а Москвичи были под Вязьмою» читается: «а Москвичь били под Вязьмою»).

Нельзя не согласиться с А. А. Шахматовым в том, что Пахомий, весьма искусно сокращая известия своего русского летописного источника, не мог для работы включения этих сокращенных известий привлекать несколько летописных сводов и, конечно, довольствовался одним. Возводя все русские известия Хронографа редакции 1512 г. к одному летописному своду, видим, что свод этот был близок к Новгородской IV и Софийской I летописям, причем ряд известий Хронографа, совпадая с Новгородскою IV, не отыскивается в Софийской I, как ряд известий, совпадающий с этою последнею летописью, не отыскивается в Новгородской IV. Предположить, что свод, использованный Пахомием, восходит к общему оригиналу Софийской I и Новгородской IV, т. е. к своду 1448 г., нельзя, однако, потому, что Пахомий работал, как мы знаем в 1442 г., т. е. до появления этого свода. Как наличие этого затруднения, как и нахождение в составе русских известий Хронографа таких известий, которых нет ни в Софийской I, ни в Новгородской IV (как, например, под 1305 г. о женитьбе Михаила суздальского; под 1307 г. — о поставлении митрополита Петра патриархом Афанасием; под 1313 г. — о смерти хана Тохты и воцарении Узбека; под 1318 г. о море в Твери и т. п.), а также, наконец, и явно общерусский характер всего летописного свода, использованного в Хронографе, — ведут к предположению, что Пахомий обратился за русскими известиями к общерусскому митрополичьему своду 1418 г., имевшему свое продолжение в изложении событий 1419—1441 гг.

Такое заключение, подтверждаемое близостью этого предполагаемого, как Пахомиев источник, свода к ростовскому владычному своду (положившему в свой состав тот же ведь Полихрон Фотия 1418 г.), с тою оговоркою, какую сделал А. А. Шахматов, т. е. что составитель последующей (за редакцией Пахомия) редакции Хронографа только пополнил русскими известиями Хронограф за время от 1442 до 1451 гг., — могло бы прояснить одну из самых темных для нас страниц по истории летописания за время от составления общерусского свода 1418 г. до 1441 г. Здесь ведь мы могли бы тогда узнать, какими известиями пополнялся Фотиев Полихрон 1418 г. после своего составления: была ли за его окончанием только митрополичья летопись, или же летопись великокняжеская, или обе эти официальные летописи опять сомкнулись в единую летопись, как это было до времени составления первого общерусского летописного свода 1408 г. К сожалению, рассмотрение материала русских известий Хронографа от 6933 (1425) до 6949 (1441) не оставляет сомнения в том, что в их составе мы встречаемся не с продолжением свода 1418 г., а с более позднею комбинациею митрополичьего и великокняжеского летописания, известною нам по московским великокняжеским сводам второй половины XV в. (срав. под 6948 г.: «родися великому князю Василию сын Иван, иже по нем бысть князь велики»). Иною речью, когда-то: или во второй редакции Хронографа (т. е. редакции второй половины XV в.), или в редакции 1512 г. — вся часть русских известий Пахомиевой редакции в пределах 1425—1441 гг. оказалась замененною более поздним летописным сводом, чем предпо-

ложенный нами Полихрон Фотия 1418 г. с продолжениями до 1441 г. Если теперь сличение русских известий Хронографа продолжить и выше, т. е. перейти к предшествующей части русских известий от 1393 г. до 1425 года, то мы и здесь находим ту же замену, т. е. состав известий, восходящий к московскому великокняжескому своду второй половины XV в. Представляется вероятным, что известия Хронографа в пределах 1393—1425 гг. взяты из московского великокняжеского свода, однако, не целиком, и что даже можно указать тот перелом, где позднейший редактор перешел от Пахомиева текста к пополнениям по московскому великокняжескому своду. Для этого нужно обратить внимание на странный перерыв известий, до того идущих год за годом, под 6916 (1408) годом, после которого прямо следует 6920 (1412) год. Перерыв этот никак не может быть объяснен тем соображением, что составителю Хронографа состав известий 1408—1412 гг. показался малоинтересным, т. к. в этих опущенных годах читались известия о поставлении на митрополию Фотия (6918 г.) и о браке княжны Анны Васильевны с царевичем Иваном Мануиловичем (6919 г.). Неправдоподобность такого соображения видна еще и из того обстоятельства, что цепь годов с 1412 г. вновь идет, не прерываясь, до 1417 г. включительно, после чего читаем известия 1420, 1422, 1423 и 1425 гг., где пробелы 1418, 1419, 1421 и 1424 гг. могут вполне быть объяснены незначительностью записанных в них событий для широкого аспекта составителя Хронографа.

Таким образом, признавая в составе древнейших частей русских известий Хронографа отражение Фотиева Полихрона 1418 г., мы с 1408 г., к сожалению, в нем встречаем отражение позднейшего памятника русского летописания, и в суждении о судьбах летописания после 1418 г. принуждены опираться на другие источники.

ГЛАВА VIII

ПОСЛЕДНИЕ ЭТАПЫ МИТРОПОЛИЧЬЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ

§ 1. МИТРОПОЛИЧИЙ ОБЩЕРУССКИЙ СВОД 1448 г. и НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XV в.

Выше, в главе VII, § 1, мы привели доказательства того положения, что в 1448 году был составлен большой летописный свод, послуживший протографом с одной стороны той семьи списков, которую мы обычно называем Новгородской IV летописью, а с другой стороны — той семьи списков, которую мы обычно называем Софийской I. Ближайшее рассмотрение соотношения этих двух семей списков привело нас к выводу, что протограф этот — свод 1448 г. — может быть восстановлен нами лишь до 1418 г. включительно (известие этого года об убийстве Михаилом Россохиным на Вятке Анфала и сына его Нестора — последнее общее известие), после которого состав известий семьи Новгородской IV резко расходится с составом известий семьи Софийской I летописи. Несомненно, что сводчик в 1448 г. не мог иметь в виду довести свою работу только до 1419 г., так что мы должны задать себе вопрос, где же мог сохраниться конец свода 1448 г.: в Новгородской ли IV или Софийской I, и как можно представить себе весь объем и состав этого свода?

Из того обстоятельства, что в той части свода 1448 г., которая восстанавливается сличением Новгородской IV с Софийской I, мы имеем обработку Полихрона Фотия 1418 г. по ростовской владычной летописи епископа Григория и Новгородскому Софийскому Временнику 1418 г., причем главным содержанием этой обработки было включение в общерусский митрополичий свод 1418 г. обильных известий по внутренней истории Новгорода, — из этого обстоятельства исследователи выводили, что свод 1448 г. был сводом Новгородским и, далее, приходили

к заключению, что общее построение искомого свода 1448 г. лучше всего можно себе представить по общему построению Новгородской IV летописи. При этой точке зрения относительно построения Софийской I летописи необходимо было предполагать, что оно, следуя до 1418 г. включительно за сводом 1448 г., после 1418 г., отменяя новгородский конец свода 1448 г., предпочло ему какую-то Московскую летопись.

Однако, данные Новгородской IV и Софийской I летописей несколько не противоречат и совершенно обратному предположению в определении объема и построения свода 1448 г., т. е. что свод 1448 г., представляя собою до 1419 г. известную уже нам обработку общерусского митрополичьего свода 1418 г. по Новгородскому своду 1418 г. (Софийскому Временнику) и ростовской владычной летописи, после этого переходил не в новгородскую летопись, а в иную, близкую той, которая теперь читается в Софийской I; и, следовательно, Новгородская IV летопись по каким-то соображениям эту летопись после 1418 г. отвергла и заменила своим новгородским летописанием.

Указанное сейчас предположение о построении свода 1448 г. имеет весьма важное значение для уяснения всей истории нашего летописания за XV в.

Прежде всего, оно делает для нас понятным составление семьи Новгородской IV летописи.

Новгородское летописание в своем официальном экземпляре, т. е. владычной летописи Великого Новгорода, подобно летописцам других феодальных центров, покоренных Москвою, не сохранилось. Сохранившиеся отражения этого владычного официального летописания все же дают нам возможность судить об истории этого летописания и даже в известной мере восстановить его структуру и объем.

Очень рано в Новгороде была составлена сокращенная редакция владычной правительственной летописи, продолженная до 30-х годов XIV в. и известная теперь под названием Синодального списка (или старшей редакции) Новгородской I летописи.

В 1418 г., как можно думать, в Новгороде был составлен Софийский Временник, который переработал прежнюю сокращенную редакцию, привлекая для этого Киевский свод начала XIII в., имевший в начале не «Повесть вр. лет», а более ранний памятник киевского летописания — Начальный свод 1093 г. Сверх того, составитель Софийского Временника пополнил состав новгородских известий по владычной правительственной летописи. Этот Софийский Временник, как было указано выше, вошел в состав свода 1448 г.

Итак, до середины XV в. частное новгородское летописание жило замкнуто от других летописных центров, вводя в состав своих летописных памятников лишь выборку киевских летописных сводов, не переходя здесь XIII в.

Если составление первого (1408 г.) и второго (1418 г.) общерусских летописных митрополичьих сводов прошло для частного новгородского летописания без всякого в нем отражения, то составление свода 1448 г., влившего в Полихрон 1418 г. Софийский Временник, вызвало большое оживление новгородского летописания, отразившее в себе два политических течения умирившего Новгорода. Одно из этих течений, оставаясь в своей основе сокращенным изложением правительственной владычной летописи, привлекает общерусский свод 1448 г. в извлечениях и с большим выбором (семья списков младшей редакции Новгородской I летописи); другое же резко порывает с прежнею замкнутою основой новгородских частных летописцев, кладет в основу теперь общерусский свод 1448 г., подвергнув его как сокращению в не-новгородской его части, так и пополнению (во-первых, по правительственной Новгородской летописи, а во-вторых, по ростовской обработке общерусского митрополичьего свода 1418 г. времени ростовской архиепископии Ефрема).

Указанное выше предположение, что свод 1448 г. за первую свою часть, кончавшеюся 1418 г., давал летописный текст близкий тому, который хранит нам Софийская I и, как неинтересный для Новгородской истории, не проникший в новгородское летописание, делает для нас понятным также и ход развития той ветви русского летописания, которое через Софийскую I проникает в состав последующих московских сводов и ложится здесь в основу, отмечая и общерусский свод 1408 г. и Полихрон Фотия 1418 г.

Впрочем, на этом положении для его обоснования нам на некоторое время придется остановиться.

§ 2. МИТРОПОЛИЧИЙ СВОД 1456 г.

Дошедшие до нас списки Софийской I летописи: Карамзинский (Засецкого) конца XV — начала XVI вв.; Оболенского XV в.; Толстовский конца XV — начала XVI в.; Бальзеровский — конца XV в.; Горюшкинский — половины XVIII в.; Воронцовский конца XVI в.; равно как и извлечение из Софийской I, которое можно читать в Воскресенском списке Софийской II летописи от начала до 1392 г. (после чего находится в ней летопись иного состава), и отражение Софийской I, лежащее в основе списка Царского (XVI в.), — все эти списки распадаются на две редакции. К первой из них относятся только два списка: Карамзинский и Оболенского; к другой — все остальные списки и их отражения.

Первая редакция (обычно обозначаемая К. О.) содержит в себе значительное число новгородских известий, опущенных во второй редакции, как и ряд лишних против второй не-новгородских известий. Под 6395 (887) г. родословная великих князей в К. О. доведена до сыновей Василия Дмитриевича, тогда как вторая редакция продолжает родословную до сыновей Василия Васильевича. По общему характеру списков К. О., по их языку, более близкому к языку Новгородской IV, чем язык списков второй редакции, наконец, по только что перечисленным отличиям — можно думать, что списки К. О. представляют собою более древнюю редакцию Софийской I летописи, чем списки второй группы.

К сожалению, эта более древняя редакция Софийской I не может дать нам представления о всем протяжении этого летописного свода за явным дефектом, имевшимся в конце протографа К. О. Под 6926 (1418) г. в этих списках после известия об убиении Михаилом Рассохиным на Вятке Анфала и сына его Нестора, чем оканчивается, как мы уже знаем, сходство Софийской I с Новгородской IV, наблюдаем следующее различие. В списке К. в ту же строку читается московское известие о кончине княгини Анастасии, жены Юрия Дмитриевича, которое остается недописанным за утрату дальнейшего листа, на место которого подклеены три новых, заполненных позднейшим почерком и содержащих известия 1418—1425 гг., взятые из позднейшего Московского свода конца XV в. (1479 г.). В списке О., как и в К., после того же известия и под тем же годом об убиении Анфела и Нестора и опять, как в К., в строку читается то же московское известие о кончине Анастасии, но здесь законченное, а за ним — известие о пожаре в Москве 18 августа; после этого в О. следуют три одновременные записи: под 6989 (1481) г. о кончине князя Андрея Васильевича Меньшого; под 7016 (1508) г. о кончине великого князя Дмитрия Ивановича (внука Ивана III); под 1505 (7014) г. — о кончине великого князя Ивана Васильевича и женитббе великого князя Василия Ивановича на Соломониде. Все три записи сделаны разными почерками.

При сверке этих московских известий 1418 г. списка О. (о смерти Анастасии и пожаре 18 августа) с другими московскими сводами (на-

пример, во второй редакции Софийской I или Воскресенском своде) находим, что они записаны в К. О. под 1418 г. ошибочно, т. к. относятся к 1422 г. Задавая себе вопрос, как могла произойти подобная ошибка в К. О., мы находим ответ во второй редакции Софийской I, в которой после известия об убийстве Анфала и Нестора стоят пустые годы: 6927, 6928 и 6929 и только под 6930 (1422) годом читаются известия — и о кончине Анастасии, и о московском пожаре 18 августа, после которых, под тем же годом, стоит еще известие о приходе к Одоеву ратью царевича Барака. Отсюда мы получаем право думать, что протограф К. О. утратил последние листы, на которых читалось продолжение московских известий, подобное младшей редакции Софийской I, почему третье известие 6930 (1422) г. о приходе на Одоев царевича Барака уже не читалось, и, кроме того, вследствие плохого состояния последнего уцелевшего листа, трудно было понять и прочесть название пустых годов 6927, 6928 и 6929, название 6930 г., как и окончание известия о кончине Анастасии («а положена бысть на Москве в монастыри святаго Възнесения»), за которым стояло прочитанное и переписанное известие о пожаре 18 августа.

Итак, по древней редакции Софийской I летописи мы получаем только намек на то, что в протографе этих двух списков К. О. за известным нам началом от «Повести вр. лет» до 1418 г. включительно шли московские записи с пустыми годами, подобные окончанию младшей редакции той же Софийской I.

Сличение списков К. О. на всем их протяжении со списками Новгородской IV летописи обнаруживает в Новгородской IV ряд лишних известий не-новгородского характера [например, под 6916 (1408) г. известие о смерти епископа Арсения Тверского и о битве татар с рязанцами; под 6911 (1403) г. о постройке Переяславля и др.]. Новгородская IV подвергалась обработке только по Новгородской владычной летописи и ростовскому своду, который не мог сообщить лишних известий неростовского характера, поскольку сам опирался в общерусской части на Полихрон 1418 г. Отсюда мы должны относить все лишние не-новгородские известия Новгородской IV к своду 1448 г., т. е. считать их отсутствие в древней редакции Софийской I — следом умышленного их исключения. Это наблюдение сейчас же подтверждается другим, дающим полную уверенность в том, что протограф К. О. представлял собою переработку свода 1448 г. даже в части до 1418 г.

В известиях XI и XII вв. древней редакции Софийской I (К. О.) мы обнаруживаем ряд вставок против Новгородской IV. [Например, под 6665 (1157) г. читается ряд южно-русских известий и одно суздальское, лишение против Новгородской IV; или под 6683 (1175) г. находим подробное изложение убийства Андрея Боголюбского, тогда как в Новгородской IV об этом дано всего четыре строки, и др.]. Мы могли бы думать, что Новгородская IV, представляя собою новгородскую обработку свода 1448 г., ряд не-новгородских известий XI и XII вв. могла сама опустить из состава свода 1448 г., если бы против многих из этих прибавок в древней редакции Софийской I не стояло указания: «а писано в Киевском», или: «ици в Киевском». Эти прибавки теперь читаются в К. О. или только в К. Младшая редакция Софийской I все эти лишние против Новгородской IV летописи известия своей древней редакции сохранила, только самые ссылки на «киевский» источник опустила.

Выбирая все лишние против Новгородской IV летописи известия Софийской I, подобные указанным в ссылках, видим, что киевский источник, по которому шла обработка 1448 г., давал и южно-русские и суздальские известия, не переходя, видимо, XII в. Эта грань источника, с одной стороны, особый характер соединения южно-русских известий с суздальскими, с другой стороны, — ведут нас к хорошо известному

нам своду, обычно называемому по одному из своих списков Ипатьевскою летописью.

Итак, в результате изучения первой, более древней редакции Софийской I летописи (т. е. списков К. О.) мы приходим к заключению, что оба эти списка восходят к общему протографу, носившему в конце след дефектности. Протограф этот мы не можем считать близко-передающим нам свод 1448 г., потому что для части до 1418 г. мы установили следы переработки, сводящиеся отчасти к умышленному пропуску некоторых известий свода 1448 г., отчасти к пополнению по южному своду конца XII в., весьма близкому к Ипатьевской летописи. Не в праве ли мы отсюда думать, что и после 1418 г. состав свода 1448 г. подвергся также переработке, как часть его до 1418 г., и что переработка эта, вероятно, навсегда лишила нас возможности представить себе уверенно весь строй материала свода 1448 г.?

Самое беглое сличение списков К.О. со списками младшей редакции Софийской I, легко проводимое по печатному изданию (т. V П.С.Р.Л.), устанавливает перед исследователем невозможность выводить списки младшей редакции из протографа старшей редакции (т. е. списков К.О.), как не позволяет и списки К.О. считать за пополненный новгородскими известиями протограф младшей редакции. Это заставляет предполагать, что протограф К.О. и протограф младшей редакции восходят к общему протографу, который уже искажал переделками свод 1448 года.

Возможно ли по нашим спискам младшей редакции Софийской I летописи определить хронологический предел отражаемого ими летописного свода?

Разумеется, Воскресенский список Софийской II нам нужно оставить в стороне: он только до 1392 г. следует младшей редакции Софийской I, после чего дает нам текст иного летописного свода. Ничего не может дать нам для определения конца протографа младшей редакции Софийской I и Толстовский список: за утратою последних листов он оканчивается на середине описания 6926 (1418) г. Весьма нужно пожалеть, что в научное изучение до сих пор не вошел полностью Воронцовский список: текст его напечатан в V т. П.С.Р.Л. только кончая описанием 6931 (1423) г. под тем предлогом, что «отсюда Вор. разнится с прочими списками Софийской первой летописи», и мы не знаем, какой же текст он представляет от 1424 до 1486 г. Таким образом, для суждения по выше поставленному вопросу у нас остается единственный Бальзеровский список, потому что Горюшкинский, как заметил еще издатель V т. П.С.Р.Л., «снят» с Бальзеровского, т. е. представляет копию его, исполненную в половине уже XVIII в.

Бальзеровский список оканчивается описанием событий 1471 г.: «Словеса избрана от святых писаний о правде и смиренномудрии, еже сотвори благочестия делатель благоверный великий князь Иван Васильевич». Статья эта, однако, читается сряду за известием 1462 г. о кончине великого князя Василия Васильевича, а перед этим известием читаются статьи, расположенные не в хронологическом порядке (1461, 1467, 1464 и 1460 г.г.). Хронологическая последовательность основы Бальзеровского списка кончается известием 1456 г.

То обстоятельство, что хронологическая последовательность основы Бальзеровского списка кончается известием 1456 г., после чего идет сначала трехлетний промежуток, а за ним ряд хронологически разрозненных годов, а — с другой стороны — что именно статья 1456 г. является последнею общею статьею Бальзеровского списка и списка Царского, — все это дает право выставить то положение, что годом окончания протографа младшей редакции Софийской I был именно 1456 год.

Итак, изучение списков младшей редакции Софийской I ведет нас к выводу, что протограф этой редакции перерос хронологические рамки

свода 1448 г., представляя собою летописный свод 1456 г. Весь материал свода 1448 г. в обработке этого свода 1456 г. подвергся существенному пересмуту. Сличая младшую редакцию с древнею (т. е. со списками К.О.), которая во многом лучше сохранила облик их общего протографа, тоже, как мы знаем, переработавшего свод 1448 г., видим как бы дальнейшую обработку этого общего протографа: она сказалась, во-первых, на опущении целого ряда новгородских известий, уцелевших теперь только в протографе К.О.; во-вторых, в пополнении материала свода до XIII в. по известному уже нам «киевскому» источнику, а в пределах XIV и начала XV вв. по какому-то московскому источнику; в-третьих, новая редакция обнаруживает определенно московский привкус, опуская в известиях свода 1448 г. подробности, оскорбительные для московского читателя (например, под 1319 г. о том, что московский Юрий написал многие лжесвидетельства на Михаила тверского; или под 1395 г. о том, что воеводы московского великого князя не сумели отстоять Нижний от татар, для чего в этом известии воеводы московского князя названы воеводами суздальского князя, и др.); наконец, в-четвертых, эта редакция продолжила изложение свода 1448 г. до 1456 г. включительно.

Обращаясь к составу известий 1418—1456 гг., как их сохранила нам редакция 1456 г., мы можем определить, что пред нами здесь летопись митрополичья, в чем легко убедиться, взглядевшись в сдержанность и значительную бедность известий этой летописи, касающихся политической жизни или деятельности великого князя московского, хотя летопись эта на всем пространстве своем тщательностью своих дат о московских событиях, касающихся землетрясений, пожаров, бурь или погребений, ведет к заключению о Москве, как месте составления или ведения этого летописания. Затем, только, конечно, митрополичья летопись могла сохранить нам запись о кончине Юрия Дмитриевича, как «великого князя» (под 5 июня 1434 г.) и о «положении» его тела в церкви архангела Михаила «на площади»; только в митрополичьей летописи могли забыть упомянуть имя невесты великого князя Ивана Васильевича, но не забыть, что: «а венчал его архимандрит Трифон Спаский да протопоп Кирияк Богородицкий»; наконец, только в митрополичьей летописи все повоевание Гогоуличами Великой Перми могло ограничиться одною подробностью: «тогда убиша епископа Питирима Пермьскаго», причем Гогоуличи названы «оканними безверниками».

Если Софийская I летопись, как мы полагаем, лучше Новгородской IV передает нам общую конструкцию свода 1448 г., то не можем ли мы в пределах 1418—1456 гг. установить материал свода 1448 г. и его окончание? Не вижу оснований отвергать возможности думать, что материал свода 1448 г. оканчивался известиями этого именно года, какие мы читаем теперь в редакции 1456 г. этого свода. Слабым подтверждением возможности такого предположения мне представляется то, что как раз под этим годом мы читаем: «бысть благовещение по велице дни на святой недели, в понедельник; того ради написахом, понеже не часто бывает». Если мы вспомним, что составитель свода 1448 г. обнаружил под 1380 г. весьма большой интерес к вопросу о совпадении благовещения и пасхи, так что даже рассчитал, что для него это совпадение наступит через 11 лет, то и заключительная статья 1448 г. опять приводит нас к тем же интересам составителя. Более решительным подтверждением предположения об окончании свода 1448 г. описанием событий этого года можно считать то наблюдение, что хронологическая непрерывность известий на пространстве 1418—1448 гг. для известий 1448—1456 гг. сменяется непрерывностью.

§ 3. МИТРОПОЛИЧЬЕ ЛЕТОПИСАНИЕ в 1419—1447 гг.

(Западно-русские летописи)

Если конструкция свода 1448 г. может быть, — согласно данным младшей редакции Софийской I, — представлена, как, во-первых, известная обработка Полихрона Фотия по Софийскому временнику и Ростовской владычной летописи, занимающая все начало свода вплоть до 1418 г., а, во-вторых, с 1418 г. до 1448 г., как летопись митрополичья, то возникают сразу же перед нами два вопроса, без достаточного ответа на которые такая конструкция принята быть не может.

Ведь при конструкции этой прежде всего выходит, что свод 1448 г. был сводом митрополичьим, положившим в основу второй общерусский митрополичий свод 1418 г. (Полихрон Фотия) с продолжением, выросшим к нему за 1419—1448 гг., причем свод 1418 г. был подвергнут обработке по Софийскому временнику 1418 г. и ростовской владычной летописи. Для чего же митрополичья кафедра, продолжавшая Полихрон, очевидно, как митрополичью летопись, предприняла такую частичную переработку материала, выросшего от 1419 до 1448 гг., бывшего летописанием самой же кафедры за эти годы? И почему в этом собственно митрополичьем летописании после 1418 г. (т. е. после окончания материала Полихрона) мы теперь, в своде 1448 г., наблюдаем целый ряд пустых годов: 1419, 20, 21, 24, 28, 29, 30, 35, 36, 38, 40, 42, 43, 44 гг.?

На первый вопрос ответить легко рассмотрением истории митрополичьей кафедры за указанные годы.

Объединенная и часто дружественная деятельность великих князей московских и митрополитов всея Руси Петра, Феоноста и Алексея, так ярко отразившаяся в общем их летописании, т. е. в составлении Летописца великого русского, вызвала справедливые нарекания на кафедру и со стороны русских политических соперников Москвы, и со стороны Галиции и Литвы. Со времени митрополита Киприана кафедра делает настойчивые попытки освободиться от упреков в московском направлении своей деятельности. Отражением этого является разрыв великокняжеского летописания от митрополичьего и известные нам опыты создания общерусских митрополичьих сводов: после неудачи первого такого свода 1408 г. митрополит Фотий предпринимает составление второго общерусского свода кафедры — Полихрона 1418 г. Как можно думать, в дальнейшем митрополия желала вести самостоятельную митрополичью летопись, в основу которой, конечно, был положен Полихрон 1418 г. Счастливая случайность дает нам возможность подкрепить изложенное здесь предположение.

Древнейшая группа западно-русских летописей, напечатанных в XVII т. П.С.Р.Л., состоит из списков: Супраольского (1519 г.). Уваровского (XV в.), Никифоровского (XV в.) и Академического (середины XVI в.).¹ Общими частями у них оказываются: 1) вводные статьи (Сказание о князьях русских; родословие русских князей; список сыновей Владимира Святого; список русских епископов), затем 2) общерусский летописный свод, излагающий события от 6362 (854) до 6954 (1446) гг.; в Никифоровском списке часть этого свода после 1431 г. не сохранилась; в Уваровском летопись эта начинается с 6478 (970) г., причем часть летописи от 6748 (1240) — 6902 (1394) гг. не сохранилась; Академический список сохранил эту летопись лишь от 6847 (1339) — 6954 (1446) г. и, наконец, 3) «Летописец князей литовских».

¹ А. А. Шахматов. «О Супрасльском списке западно-русской летописи» («Летопись занятий Археографической Комиссии», т. XIII, 1901 г., стр. 1—16). Его же. «Предисловие» к XVII т. Полного Собрания Русских Летописей. 1907 г. Ср. Ф. П. Сушицкий. «Західно-руські літописи як пам'ятки літератури» (ч. I — 1921; ч. II — 1922). Киев.

Распределение указанных трех частей в списках Супрасльском, Никифоровском и Академическом — иное, чем в Уваровском, но едва ли можно сомневаться в том, что распорядок первых трех первоначальные Уваровского. Восстановляя протограф Супрасльского, Никифоровского и Академического — с одной стороны, а с другой — протограф Уваровского, который дал не только этот список, но и лежит в основе позднейших (как Румянцевский, Патриарший и Археологического общества), мы в их сличении получаем возможность судить о той общерусской летописной работе, которая здесь входит как одна из составных частей.

Этот общерусский по своему составу летописный свод, доведенный до 6954 (1446) г. (последнее известие об ослеплении великого князя Василия Васильевича и вокняжении Дмитрия Шемяки) имеет внутри себя вставку западно-русских статей, которая начинается известием о съезде князей у Витовта для присутствования на его предполагаемой коронации и о смерти Витовта (6939—1431 г.) и представляет собою непрерывную цепь западно-русских статей и известий (6940, 41, 43, 46, 48, 51, 52 и 53 гг.). По той роли, какую в событиях, изложенных в этих известиях, играл Смоленск, а также по целому ряду несомненно смоленских записей, мы можем думать, что вся выше определенная вставка в текст общерусского свода взята из смоленского летописца. Выключая эту вставку из смоленского летописца, мы получаем текст общерусского летописного свода 1446 г., к которому относились, как вводные статьи, указанные нами выше, так и летописный текст от 6362 (854) до 6954 (1446) гг. Смоленское летописание, взятое в пределах 6939 (1431) до 6953 (1445) г., вытеснило, к сожалению, почти полностью содержание, в пределах этих годов, общерусского летописного свода, к которому теперь можно отнести только известие 6946 (1438) и 6952 (1444) гг. Что же представляет собою этот общерусский летописный свод, кончающий свое изложение известием 1446 г.?

Прежде всего обращаем внимание, что вся часть этого летописного свода 1446 г. от хронологической выкладки (где даны годы от Адама до царя Михаила) и до 6817 (1309) г. без труда может быть определена как заимствование из Новгородской IV летописи. Но с 6818 (1310) г. состав нашего летописного свода перестает совпадать с текстом Новгородской IV. Известие этого года содержит рассказ о брянских событиях, в которых пришлось участвовать бывшему тогда в Брянске митрополиту Петру, правда, читаемый и в Новгородской IV, и в Софийской I, но только в виде сообщения. Совершенно подобное изложение этого брянского случая находим в Троицкой (Симеоновской) летописи. И, действительно, начиная с этого рассказа 1310 г. наш летописный свод 1446 г. дает нам текст, который, резко отличаясь от текста Софийской I и Новгородской IV (а, следовательно, и от свода 1448 г.), непрестанно сходствует с Троицкою (Симеоновскою) летописью. Сходство это прекращается с 6893 (1385) г.

Как при переходе от первого своего источника — Новгородской IV летописи ко второму, каким является здесь Троицкая (Симеоновская), сводчик 1446 г. оставил нам хронологический пробел: последнее известие 6814 г. и название пустого 6817 г., после которого читаем статью 6818 (1310) г., так и при данном переломе в источниках видим довольно отчетливый след в виде хронологической путаницы. Она выражается в том, что после 6892 г. идет 6896 г., после которого начинается уже последовательная хронологическая цепь, но с 6893 г., причем 6896 г. опять стоит здесь, хотя и иначе изложенный, но на своем месте. Объясняется это обстоятельство при сличении текстов тем, что вторым своим источником — Троицкою летописью — составитель пользовался вплоть до 6892 г. и из него же взял 6896 г., после которого перешел к новому, по нашему счету уже третьему, источнику, который по каким-то соображениям начал переписывать не с 6897 г., как мы бы ожидали,

а с 6893 г., повторив, таким образом, 6896 г. по новому источнику. Этим третьим источником оказывается Софийская I летопись, причем, несмотря на пропуск многих новгородских известий, нельзя сомневаться в том, что Софийская I, послужившая третьим источником нашего свода 1446 г., была древней редакцией, которая нам известна по спискам К. О. Наблюдение это можно установить с большою сравнительно легкостью потому, что текст этой редакции Софийской I передается в нашем своде 1446 г. почти без осложнения заимствованиями из других источников. Сходство с древней редакцией Софийской I в нашем своде идет до 6926 (1418) г., т. е. оканчивается нам уже хорошо знакомым известием об убийстве Михаилом Рассохиным на Вятке Анфала и сына его Нестора.

Начиная со следующего 6927 (1419) г. и до 6935 (1427) г. текст нашего свода 1446 г. не сходствует ни с Новгородскою IV летописью, которая, как уже мы знаем, после 1418 г. переходит в новгородское летописание; ни с Софийской I, которая после 1418 г. дает ряд пустых годов, а за ними с 1422 г. начинаем московскую летопись, которую мы определяли, как митрополичью, но летопись весьма краткую и не без пустых годов внутри. Вероятно, именно эти обстоятельства и в первом и третьем источниках заставили сводчика вернуться ко второму своему источнику, который он оставил перепискою на 6896 (1388) г. Но Троицкая летопись, которую мы определили как этот второй источник сводчика 1446 г., как мы знаем по свидетельству Н. М. Карамзина, кончалась описанием 1408 г. Имеем ли мы право относить изложение 1419—1427 гг. к Троицкой летописи, т. е. предполагать ее продолжение и пополнение после 1408 г.?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно продолжить наш анализ свода 1446 г. до конца. Дело в том, что после 1427 (6935) г. в нашем своде идет нам известная уже вставка из смоленского источника, которая кончается 6953 (1445) г. Но среди известий этого смоленского летописания под 6946, 52, 53 и (последнее) 6954 (1446) гг. опять встречаем известия московские, не могшие читаться в смоленском летописании. Теперь мы можем поставленный нами выше вопрос значительно видоизменить, потому что и эти известия 6946, 52, 53 и 54 гг., как известия 1419—1427 гг. также не могли быть взяты из Новгородской IV или Софийской I, т. е. из первого и третьего источников сводчика 1446 г., и ведут к предположению о заимствовании их из второго источника, т. е. Троицкой летописи. Таким образом, выходит, что при этом предположении Троицкая летопись была продолжена когда-то после 1408 г. уже не до 1427 г., а до 1446 г. включительно.

Главным основанием, по которому мы получаем право относить известия 1310—1388 гг. вместе с известиями 1419—1427 гг., как и известия 1438, 44, 45 и 46 гг. к одному источнику, который представлял собою летописный свод, близкий к Троицкой летописи в своей части от 1310 до 1388 гг., но продолженный, по нашему предположению, за свой предел первоначального изложения 1408 г. вплоть до 1446 г., является то обстоятельство, что почти все эти известия не находят себе подтверждения ни в одном из нам известных летописных сводов, сходствуя ближе всего только с Никоновскою летописью. Но не менее существенным основанием для этого отождествления всех перечисленных известий с одним источником является и то, что источник этот в части 1419—1427 гг. представляет собою летопись митрополичью, а мы уже знаем, что Троицкая летопись именно и была митрополичьим общерусским сводом 1408 г.

Едва ли нужно доказывать, что в составе свода 1446 г. пред нами на пространстве 1419—1427 гг. изложена митрополичья летопись. Самый беглый просмотр не может оставить в нас ни малейшего сомнения. Летописец следит за митрополитом Фотием, отмечает его поездки и

встречи, его деятельность во время поездок и т. п. Можно пожалеть, однако, что сводчик 1446 г. при изложении этой митрополичьей летописи допускает свой обычный прием сокращения известий, не давая нам эту летопись полностью.

Затруднение, которое можно испытывать, объединяя все выписки, указанные выше, в один источник, возникает с той стороны, что летопись Фотия при этом предположении примыкала бы к митрополичьему общерусскому своду 1408 г., между тем, как мы знаем, при самом Фотие, в 1418 г. был составлен второй общерусский митрополичий свод, названный выше Полихроном 1418 г. Более пристальное изучение тех частей нашего свода 1446 г., которые заимствованы сводчиком 1446 г. из Новгородской IV и Софийской I летописей, приводит к установлению, что в составе известий этих частей можно найти ряд известий, которых не читается ни в Новгородской IV, ни в Софийской I летописях, но которых нет и в Троицкой. Общерусский их характер, с одной стороны, и явное заимствование из ростовского свода в древнейшей части до XIV в. (ср. рассказ об убиении татарами князя Василька Константиновича под 1238 г., который имеет подробности нечитаемые ни в одном известном нам своде), с другой — ведут к предположению, что не Троицкая летопись служила вторым источником нашего свода, а такой общерусский свод, который был в некоторых известиях полнее Троицкой (т. е. свода 1408 г.) и находился под влиянием позаимствованных из ростовского летописания. Но таким общерусским сводом мог быть именно только Полихрон Фотия 1418 г.

Итак, ценность полученного нами теперь вывода заключается в том, что мы можем представить себе историю митрополичьего летописания после составления кафедрой в 1418 г. второго общерусского митрополичьего свода — Полихрона. Мы уже указывали выше, что Полихрон Фотия 1418 г. отразился до своей переработки в свод 1448 г. в двух летописных памятниках: Ростовском владычным своде и Хронографе. Ростовский владычный свод обработал, вероятно, при преемнике епископа Григория — Ефреме — Фотиев Полихрон по своим ростовским источникам, но Хронограф Пахомиевой редакции по крайней мере до 1408 г. включительно, как мы уже знаем, сохранил нам Фотиев Полихрон 1418 г. в чистом виде, т. к. для кратких выборок русских известий Хронсграфа едва ли его составитель мог привлечь несколько летописных сводов. Сравнивая данные нашего свода 1446 г., относимые нами к Фотиеву Полихрону 1418 г., с данными Хронографа, получаем, несмотря на краткость известий Хронографа, ряд указаний, вполне подтверждающих наше положение о том, что митрополичья летопись Фотия 1419—1446 гг. примыкала к Полихрону 1418 г., который в составе известий 1310—1388 гг. весьма подходил к составу своего предшественника — общерусского свода 1408 г.

В том обстоятельстве, что митрополит Фотий, после составления Полихрона 1418 г., как продолжение к нему, вел свою митрополичью летопись, мы видим подтверждение нашего предположения о разрыве митрополичьего и великокняжеского летописания, случившемся еще при митрополите Киприане.

Обращаем внимание, что в таком именно виде, как простое продолжение Полихрона 1418 г., митрополичья летопись ведется до 1446 г. включительно. В 1448 г., как мы знаем, составляется свод 1448 г., этот третий этап общерусского митрополичьего летописания.

§ 4. РАБОТА СВОДЧИКА 1448 Г.

Сводчик 1448 г., положив в основу своей работы определенную выше митрополичью летопись 1446 г. (т. е. Полихрон 1418 г. с продолжением к нему митрополичьего летописания до 1446 г. включительно),

подверг эту основу существенной переработке. Полихрон 1418 г. был пополнен известиями по внутренней истории Новгорода (для чего сводчик 1448 г. привлек Софийский временник 1418 г.), известиями из ростовской владычной летописи епископа Григория (представлявшей в существе общерусский митрополичий летописный свод 1408 г. с обработкою в древнейшей (до XIV в.) его части по древним летописным сводам XIII в. и с ростовскими пополнениями за XIV и начало XV вв.). Что же касается второй части этой митрополичьей летописи 1446 г., то она от 1419 г. и до конца была сохранена без всяких переработок или привлечений новых источников; напротив, состав известий этих годов был значительно сокращен, так что образовались даже совсем незаполненные годы.

Правда, до нас сохранился в Софийской I летописи младшей редакции не свод 1448 г., а его продолжение и обработка 1456 г., и, следовательно, сокращения эти могли быть делом сводчика 1456 г.; но мы в древней редакции Софийской I (К.О.), которая едва ли представляет собою подобное продолжение и переработку свода 1448 г., как младшая редакция, уже видим те же пустые 1419, 20 и 21 гг., как и в младшей редакции, и отсюда в праве сделать заключение, что пустые эти годы, т. е. сокращение состава известий собственно митрополичьего летописца 1419—1446 гг., восходили к общему протографу древней и младшей редакции Софийской I, который хотя уже и представлял собою некоторую переработку свода 1448 г. (по «Киевскому» источнику), но все же относился по времени к самым близким годам после составления свода 1448 г.

Если высказанное выше — справедливо, то мы должны убедиться сличением Софийской I и общерусского летописного свода 1446 г., использованного в западно-русском летописании, как в пределах 1419—1427 гг., так в 1438, 1444, 1445 и 1446 гг. (других частей митрополичьей летописи 1446 г. в западно-русском летописании после 1419 г. не сохранилось), в том, что и в Софийской I от 1419 до 1446 г. и в западнорусском летописании за те же годы — перед нами одна и та же летопись.

Сличение это должно дать нам некоторого рода указания на то, что руководило сводчиком 1448 г., исключавшим из митрополичьей летописи, как мы это установили, ряд известий. Однако, при первой же попытке сличения убеждаемся, что если сводчик 1448 г. исключал ряд известий из этого своего основного источника, то то же самое делал и составитель западно-русской летописи, который вообще свод 1446 г. во всех частях его, т. е. с одинаковым приемом ко всем своим источникам, сокращал и значительное число известий опускал. Сличение поэтому скорее обращается в восстановление протографа и Софийской I и свода 1446 г. в указанных выше частях.

1419, 20 и 21 гг., пустые в Софийской I, в своде 1446 г. оказываются заполненными: 1419 г. — известием о слитии колоколов во Владимире и Ростове; 1420 г. — описанием поездки митрополита Фотия в Литву, Киев и Галич; 1421 г. — продолжением этого описания (Львов, Владимир, Вильно, Борисов, Друцк, Тетерин, Мстиславль, Смоленск и, наконец, Москва); 1422 г. в своде 1446 г. занят двумя известиями: поставление Новгородского Евфимия (видимо, в Москве) и кончина какого-то Михаила Федоровича «в черньцах» (следующие известия ошибочно записаны под 6930 г., т. к. относятся к 6933 г.); этих двух известий в Софийской I нет, но зато там читаем три московские известия, вполне объяснимые тем, что в это время митрополит был в Москве: кончина Анастасии, московский пожар 18 августа и приход татар к Одоеву; 6931 г. в своде 1446 г. нет; в Софийской же читаем статью о голоде в Русской земле; 6933 г. известиями о смерти великого князя Василия и об уходе князя Юрия в Галич совпадает и с Софийской I и со сво-

дом 1446 г. (с незначительными и легко объяснимыми различиями); после этого наши летописи опять расходятся: Софийская опускает известия о поездках митрополита (Кострома, Галич, опять Кострома, Владимир и Москва), а свод 1446 г. опускает известия о смерти великого князя Тверского, ростовской княгини и о великом море в городах и селах русских; 6934 г. отмечен в Софийской I краткою заметкою: «опять бысть мор во всех градах Русьских велик зело»; свод 1446 г. дает к этому мору те подробности, что митрополит посылал в Тверь архимандрита с иконою, а великий князь Василий «еха на Москву» (что, видимо, испорчено, п. ч. в Москве-то как раз и был сильный мор), тогда как митрополит уехал в свое село Бисеровское, затем на Владимир, а на Москву вернулся только к Троице; во Владимире митрополиту пришлось пережить татарский «переполох». 6935 г. в Софийской I сохранил только одно известие о смерти князя Петра Дмитриевича, которое читаем и в своде 1446 г., но с предшествующею ему статьею о поездках митрополита в Литву и обратно (в 7 недель) и с некоторыми подробностями мора в Москве, испорченными теперь в изложении.

Последние известия свода 1446 г., повидимому, не передают записей митрополичьего Летописца, а конспективно их излагают. Это особенно ясно из известия 6946 г. в своде 1446 г.: «царь Михайло Мет побил москвичь». Но изложение известий 6946 г. и почти всех известий 6953 г. совпадает с Софийскою I. Лишними против Софийской I оказываются известия свода 1446 г. под 6952 г. о походе тверского Бориса на Новгород и 6953 г. об отпуске на окупе Василия московского царем Махметом и его сыном Мамутаком. Любопытно, что Софийская I весь эпизод Суздальского побоища передает смягченно, а о выкупе великого князя сообщает прикровенно: «Тое же осени выйде из орды князь великий Василий Васильевич и с ним князь Михайло Андреевич».

Итак, сличение 1419—1427 гг. и известий 1438, 44, 45 и 46 гг. в своде 1446 г. с Софийскою I указывает нам, что, передавая в основе одну и ту же митрополичью летопись, свод 1446 г. довольно систематически опускал известия, касающиеся Москвы, стараясь и в кратких извлечениях придавать им враждебное Москве толкование, тогда как Софийская I спустила известия, касающиеся поездок и деятельности митрополита Фотия, особенно же его литовских сношений.

Собранные наблюдения позволяют продолжить разрешение поставленных выше вопросов о том, чем могла быть вызвана переделка митрополичьего летописания (т. е. Полихрона 1418 г. с продолжавшими его известиями митрополичьего летописца), предпринятая в 1448 г. и состоявшая в том, что Полихрон 1418 г. был пополнен известиями по внутренней истории В. Новгорода, по Софийскому временнику 1418 г. и Ростовскому владычному своду, а митрополичий летописец 1419—1446 гг., продолженный известиями 1447 и 48 гг., был подвергнут значительным сокращениям.

Надо иметь в виду, что дата нового свода — весьма примечательна: 1448 год. Когда в 1441 г. Москва не признала флорентийской унии и митрополит Исидор из Москвы «убежал», тогда вопрос о замещении митрополии вся Русь оставался весьма долго в положении полной неопределенности. Император Иван Палеолог оставался, правда, до самой смерти верен флорентийскому соглашению, но это не мешало в Москве знать общее несочувствие греков этой унии и поэтому выжидать возможных перемен политики императора. Когда император Иван скончался (31 октября 1448 г.), с этою смертью открылась ожидаемая перемена императорской политики, и на Москве 15 декабря 1448 г. совершили поставление в митрополиты рязанского епископа Ионы, давнего московского на этот пост кандидата. Разумеется, мысль о таком решительном шаге на Москве пришла не сразу, к ней давно подготавливались, т. к. затрудняло ее осуществление понятное желание сохра-

нить при этом целостность митрополии вся Русь. Предъизбранному Московю Ионе не могло не быть памятно поведение Литвы после смерти митрополита Фотия, когда Швидригайло сумел в Константинополе провести на кафедру митрополита вся Русь своего смоленского епископа Григория, которому так охотно подчинился Новгород. Мы имеем ряд данных, что при жизни императора Ивана «бежавший» из Москвы Исидор продолжал считать за собою кафедру митрополии вся Русь, а по отношению к литовской части своей кафедры сохранял свою действительную власть.

Это неопределенное положение могло окончиться только с переменною императорскою политикою, которая могла бы отстранить Исидора. Дело Ионы подготавливалось соглашением с великим князем Литовским Казимиром, но к указанным срокам Москва оказалась в войне с Казимиром и перестала надеяться на возможность сохранения за своим митрополитом литовских епископий. Тем более поэтому Москве теперь нужно было обратить внимание на Новгород, находившийся за время Киприана и Фотия в резких отношениях с митрополией и весьма охотно признавший после смерти Фотия власть литовского кандидата Герасима. Иона сумел подготовить свое дело в Новгороде так, что Новгород в лице своего епископа прислал свою повольную грамоту на избрание Ионы на митрополию, т. е. засвидетельствовал свое будущее подчинение новому митрополиту.

Эта-то перемена отношений Ионы к новгородцам, сменившая прежний разрыв времен Киприана и Фотия (не без чувствительных утрат при этом для митрополичьей казны), нашла себе отражение в новом, третьем общерусском митрополичьем своде, каковым был свод 1448 г.

И первый свод 1408 г. и Полихрон 1418 г. хотя привлекали в качестве источника новгородское летописание, но ограничивались в выборе известий событиями внешней жизни Новгорода и совершенно опускали события внутренней жизни, чем, конечно, выражали свое недоброжелательство к новгородскому политическому строю. Поскольку кафедра иначе относилась к Новгороду, постольку требовалось исправление ошибки предыдущих сводов. Новгородское летописание, привлеченное в форме Софийского временника 1418 г., широко использованное сводчиком 1448 г., поставило теперь перед сводчиками те трудности, что оно имело в своей древнейшей части киевский свод начала XIII в., передававший текст т. наз. Начального свода 1093 г. Вероятно, это обстоятельство вызвало вообще интерес к древнейшей части наших летописных сводов и повлекло за собою, например, использование в работе ростовского владычного летописания времени епископа Григория древнего владими́ро-ростовского свода XIII в., иначе комбиниравшего взаимоотношения владимирского и ростовского летописания, чем это делал великокняжеский летописец конца XIII — начала XIV вв. (ср. Лаврентьевскую летопись и Летописец великий русский в составе свода 1408 г., т. е. в Троицкой летописи).

Что касается работы сводчика 1448 г. над митрополичьим летописцем, открывавшимся за Полихроном 1418 г., то она выразилась в двоякого рода сокращениях материала этого летописца: с одной стороны, выпускалось всякое упоминание о литовской половине митрополичьей кафедры, что означало прямую вражду московского кандидата на митрополию к Литве, как своей безнадежно-утраченной части, а с другой стороны, изгонялись неблагоприятное изложение и оценка перипетий борьбы Василия Московского с соперниками за престол по давнему принципу, что победителей не судят.

Свод 1448 г., как мы узнаем из изучения протографа обеих редакций Софийской I, был очень скоро подвергнут некоторой переработке с привлечением для пополнения его древнейшей части «киевского» источника.

§ 5. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП МИТРОПОЛИЧЬЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ: СВОД 1456 г.

В 1456 г. была предпринята новая работа над сводом 1448 г.

Пополняя древнейшую часть свода новым использованием «Киевского» источника, а для XIV в. какою-то московскою летописью (ею мог быть Летописец великий русский), редактор 1456 г. обнаружил (что и естественно) новый наклон митрополичьего летописания к интересам и взглядам московской части митрополии всея Руси. Мы уже указывали на легко уловляемые московские штрихи, которыми сводчик 1456 г. старался затемнить все неблагоприятное в прошлом московской жизни. Несомненно, что и материал митрополичьего летописца, начинавшийся в своде 1448 г. вслед за переработанным текстом Полихрона, был подвергнут сводчиком какой-то переработке. Можно указать на один литературный прием, которым материал 1419—1448 гг. связывается теперь с материалом 1448—1456 годов, чтобы подтвердить предположение о переработке сводчиком 1456 г. части митрополичьего летописца от 1419—1448 гг. Под 6958 (1450) г., после ряда известий, московских по своему содержанию, читаем описание «страшного чуда» в Москве, когда молния ударила в церковь Михаила и стрелою ходила по церкви. В описании этого «чуда» встречаем необычное выражение: «по разгневанию господа Саваофа, по умножению грех хрестьянских». Это же необычное выражение мы читаем в известии 6953 (1445) г. о суздальском поражении Василия Васильевича и плене его татарами, причем повторяется оно почти буквально: «И яко же сразишася дважды, попущением господа Саваофа, по умножению хрестьяньского согрешения, и яко сразишася в третий, и яша татарове князя великого Василиа. . .» По неловкости всей этой фразы можно думать, что слова: «попущением. . . согрешения» — представляют собою простую вставку. Наконец, под 6945 (1437) г., в описании неудачного боя с татарами Василия Васильевича на реке Белеве, мы вновь встречаем: «по разгневанию господа Саваофа и по умножению грехов хрестьянских». Несомненно, что все эти три случая приведенного выражения под 1450, 1445 и 1437 гг. должны восходить к руке одного сводчика, т. е. именно свидетельствовать пред нами, что материал 1419—1448 гг. подвергался обработке после 1448 г., т. к. последнее упоминание «саваофа» относится к 1450 г., т. е. ведет нас к руке сводчика 1456 г.

Этот свод 1456 г. был последним моментом митрополичьего летописания, которое, еще со времени митрополита Киприана, оторвавшись от Летописца великого русского редакции 1389 г., пыталось от конца XIV в. и до середины XV в. жить, охраняя авторитет митрополии от московского пристрастия в политических событиях и в их историческом изложении.

Два события самым решительным образом изменили позицию митрополии всея Руси, что с неизбежностью должно было отразиться на истории летописания. В 1453 г. пал Константинополь, а с ним вместе и многостолетний призрак греческой «игемонии» над Русскою землею. Московские великие князья очень рано чувствуют эту перемену и у себя дома охотно выступают в своих новгородских расприх охранителями и защитниками веры против католических планов, т. е. присваивают себе роль павшего под турецкою рукою бывшего распорядительного центра «Второго Рима». В этой новой своей роли московские государи не допускают и мысли о каком-то беспристрастном отношении митрополии к политической жизни Москвы, и скоро и легко добиваются совершенного омосковления митрополии, по старому только величавшейся митрополиею «всея Руси».

Второе событие было для митрополии не менее чувствительно: литовская половина кафедр ушла из рук московского митрополита, и надежду на ее воссоединение оставалось только строить на политиче-

ской поддержке московских князей перед литовскими великими князьями. Именно такую помощь великий князь Иван Васильевич оказал митрополии в подведении Великого Новгорода под свою руку, чем охранял для митрополичьей кафедры эту, весьма немалую, часть ее обладания.

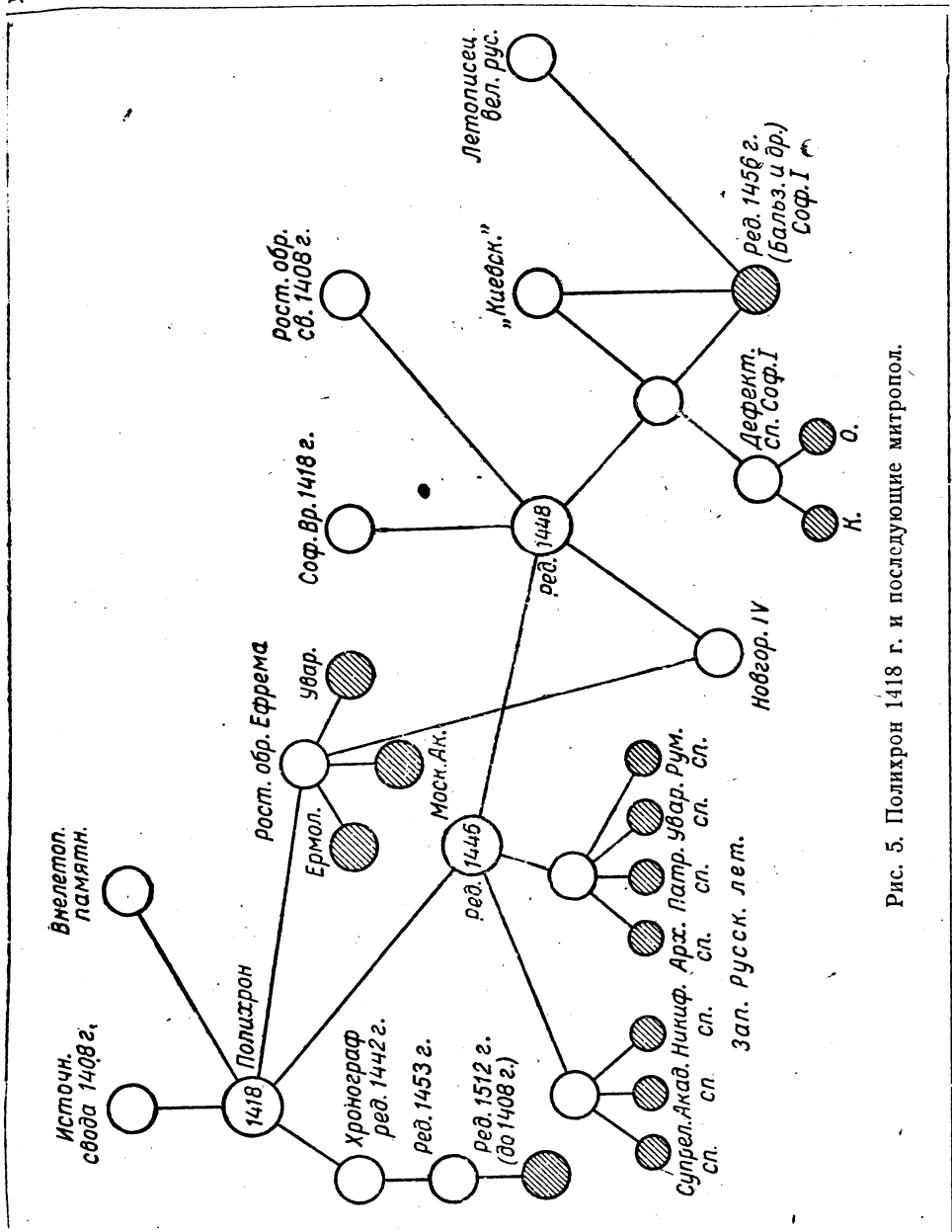

Рис. 5. Полихрон 1418 г. и последующие митропол.

В таких новых условиях жизни, лишенная внemosковской опоры императорской власти, утратив литовскую свою половину, митрополичья кафедра, титулуясь по-старому, фактически становится кафедрой Московского великого княжения, в успехах политического роста которого только и мог крыться успех ее расширения.

Такое мое заключение о прекращении митрополичьего летописания в 1456 г. встретило возражение со стороны А. Н. Насонова, который в сопоставлении Львовской и Софийской II летописей, с одной стороны,

*

и т. н. Эрмитажного списка и Симеоновской летописи, с другой, установил отражение общерусского митрополичьего летописания, кончавшегося 6997 (1489) годом, а в сопоставлении Типографской со Львовской, Софийскою II и Воскресенскою — отражение более поздней редакции этого митрополичьего летописания, которое «на рубеже XV и XVI вв. имело, возможно, не одну редакцию» и «одна из последних редакций» которого относится к первым десятилетиям XVI в.¹

Изучение истории летописания Московского государства XVI в. на более широком охвате и с привлечением всех памятников летописания этого времени, думается, обнаружило бы, что утверждение А. Н. Насонова о митрополичьем летописании, как самостоятельном политическом предприятии, основано на недоразумении. Но изучение это привело бы к выводу, который отмечали многие исследователи, о наличии в XVI в. монастырского летописания, в котором, как указал Н. Ф. Лавров,² два монастыря — Кириллов и Троицкий — были для XVI в. «важными центрами летописного дела». Изучение именно этого летописания может открыть нам борьбу разных политических мнений и группировок в пору обострившихся отношений московского государя с боярским верхом, но не откроет нам наличия самостоятельно-ведущегося летописания митрополии, имеющего якобы даже несколько редакций.

Г Л А В А IX

МОСКОВСКОЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ПОСЛЕ 1389 г.

[«ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ» РЕДАКЦИИ 1426 и 1463 гг.]

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ ПОСЛЕ 1389 г.

Наше внимание все время было сосредоточено на изучении общерусских митрополичьих сводов первой половины XV в. Мы знаем, что первый общерусский митрополичий свод 1408 г. положил в основу своей работы «Летописец великий русский», доведенный до князя «нынешнего», т. е. до вступления на стол великого князя Василия Дмитриевича. Продолжалось ли великокняжеское летописание и после 1389 г., и имеем ли мы возможность судить о нем с тех пор, как митрополичья летопись стала самостоятельным политическим и литературным явлением?

Ответы на эти вопросы лежат в рассмотрении московских сводов 1472 и 1479 гг.

А. А. Шахматовым впервые был привлечен к изучению летописный свод, названный им по имени бывшего владельца сборника, где этот свод читается, Никаноровскою летописью. Сборник этот XVII в.; принадлежит теперь Академии Наук (№ 16, 17. 1).

Текст летописного свода в сборнике начинается с предисловия к Софийскому временнику и оканчивается известием 6980 (1472) г.: «Тоя же осени Филип митрополит повеле готовити камение здати церковь богородица». Текст Никаноровской летописи имеет ряд параллельных текстов в сводах Великопермском, Кириллобелозерском № 251 и Синадальном № 485.

Великопермский свод сохранился в сборнике XVI в., принадлежащем Академии Наук. Этот свод, к сожалению, утратил свое начало, открываясь теперь изложением 6823 (1315) г., и доходит до 7031 (1528) г. На пространстве 1315—1471 гг. текст Великопермского свода почти

¹ А. Н. Насонов. «Летописные памятники Тверского княжества» (стр. 72! и 723).

² Лавров, Н. Ф. «Заметки о Никоновской летописи» («Летопись занятий Постоянной Историко-Археографической Комиссии», I, стр. 74).

буквально сходен с текстом Никаноровской, исправляя последний под 1444 и 1471 гг., как это ясно при сличении, но и кое-где искажая (например, под 1425 г. читаются известия пяти последующих годов). За 1471 г. в Великопермском своде идет текст московского свода начала XVI в., в котором находятся вставки известий вологодских и пермских (с 1481 г.).

Своды Кириллобелозерский № 251 (теперь Исторического Института Академии Наук СССР) и Синодальный № 485 — оба XVI в. — тождественны между собою вплоть до 1538 г., после чего в Синодальном читается еще одно известие, а в Кириллобелозерском идет название 7047 (1539) г. с двумя известиями. Будучи списками одного протографа, оба эти свода на пространстве 1315—1528 гг. почти тождественны Великопермскому своду, а с этим последним вместе — тексту Никаноровской в пределах до 1471 г. включительно.

Однако, нужно иметь в виду, что протограф Кириллобелозерского № 251 и Синодального № 485 сводов не только продолжил текст Великопермского свода от 1528 г., на котором Великопермский кончается, до 1538 г. (последний общий год наших двух сводов), но и дополнил его по московскому позднему своду обширными статьями в части и до 1528 г.

На основании сличения данных всех этих сводов мы получаем основание говорить о Московском своде 1472 года. Приступая к рассмотрению текста этого свода 1472 г., мы прежде всего определяем его, как первый великокняжеский московский общерусский свод XV в. О московском его характере или о принадлежности его к московскому великокняжескому двору распространяться нет нужды, потому что самое беглое знакомство с его содержанием за вторую половину XV в. приводит к обнаружению явно официального, придворного задания летописания.¹

Текст московского свода 1472 г. в начальной своей части довольно легко поддается анализу по следующему счастливому признаку: под 6926 (1418) г. мы читаем здесь два известия (о смерти Анастасии и московском пожаре 18 августа), которые по младшей редакции Софийской I, как и по поздним московским сводам (например, по Воскресенской) читаются под 1422 г. Но мы помним, что именно такая ошибка с двумя известиями 1422 г., попавшими под 1418 г., произошла в древней редакции Софийской I (протографе К.О.) и что этими двумя известиями протограф этот и замыкался. После этого нас не может удивить то наблюдение, что в основе Московского свода 1472 г., в части до 1418 г. включительно, лежит Софийская I древней редакции. Однако, текст древней редакции Софийской I подвергся здесь известной обработке. Мы можем указать ряд новгородских известий (под 6800, 801, 15, 25, 26, 30, 85 и др.), опущенных в Московском своде 1472 г., что вполне совпадает с младшею редакциею Софийской I. К этой же младшей редакции Софийской I относятся записи некоторых известий, отличных от записей древней редакции (под 6683, 6774, 6880 гг.) как и родословная (под 6395) великих князей, в которой читаются имена сыновей Василия Юрий, Иван, Василий, — после чего прибавлено: «А Василья Васильевича сынове: Иоан, Юрье, да Юрье, Онъдрей, Борис, Ондрей», т. е. в таком виде родословная читается только в списках Бальзеровском и Царского, т. е. в редакции 1456 Софийской I.

Сверх указанных двух редакций Софийской I в составе Московского свода 1472 г. обнаруживаем ряд вставок, которые не могут быть отнесены ни к одной из редакций Софийской I. Так, под 6849 г. читаем, после заглавия: «княжение великого князя Семюна Ивановича Москов-

¹ Текст Никаноровской летописи в пределах от 1423 до 1472 гг. можно читать в XVIII т. П. С. Р. Л.

ского», — «женился трижды: первое из Литвы княжну Анастасию, отец его жени 17 лет; второе оу князя Феодора Святославича; третье понял княжну Марию Александровну Тфирьскаго». Конечно, можно предположить, что это известие составлено самим сводчиком 1472 г., но данных для этого известия он не мог извлечь из состава названных нами выше двух его источников.

Под 6916 г., после известия об отъезде Швидригайла от великого князя Василья в Литву, читаем повторение названия того же 6916 года со статьями «о коркоте», «о мире с Витотсм на Оугре», «о Тфирьских князей», «о Едигеи», «о Талыче царевиче, о пленении Володимеря», «о княжне Анне». После этого идет название 6917 года и под ним известие о походе Анфала на болгар, которое в Софийской I древней редакции прямо примыкает к известию об отъезде Швидригайлы. Повторность названия 6916 г. и совершенное несоответствие известий, стоящих под вторым из этих двух названий 6916 г., с Софийской I — ведут к неприменимому заключению, что кроме двух редакций Софийской первой в руках сводчика 1472 г. был какой-то московский свод. К сожалению, сводчик мало привлекал этот свод в первой части своего труда, хотя и очевидна близость его к московским известиям, какие можно читать в составе Симеоновской (т. е. Троицкой) летописи. Однако, прямого пользования Троицкой как-будто установить нельзя, и скорее можно говорить о летописном своде, близком к Троицкой. Но Троицкая летопись 1408 г. представляла собою первый общерусский митрополичий свод 1408 г., положивший в свою основу, как главный стержень, Летописец великий русский, к которому по своему характеру вероятнее всего и надо отнести приведенные выше заимствования сводчика 1472 г.

Итак, в составе первой части Московского великокняжеского свода 1472 г. нам удалось установить наличие трех источников: в основу этой части сводчик положил почему-то древнюю редакцию Софийской I (протограф К.О.), в которую вносил поправки и чтения по младшей редакции Софийской I, доходившей, судя по родословной под 6395 г., до 1456 г., как известный нам Бальзеровский список этой редакции и как основная часть списка Царского. Наконец, к этой комбинации двух редакций Софийской I сводчик 1472 г. привлек еще какой-то московский свод, близкий к Летописцу великому русскому, использованному общерусским сводом 1408 г. (Троицкой летописью).

Если нам теперь малопонятно привлечение сводчиком 1472 г. к своей работе и использование, как основного источника, древней редакции Софийской I, то два других его вспомогательных источника нами могут быть поняты и оценены. Ведь младшая редакция Софийской I представляла собою, как мы знаем, общерусский свод 1448 г., третий по времени составления, в котором после обработки материала второго общерусского митрополичьего свода, т. е. Полихрона 1418 г., по новгородскому Софийскому временнику 1418 г. и ростовской владычной летописи епископа Григория, помещалась митрополичья летопись, доходившая до 1456 г. включительно. Следовательно, сводчик 1472 г. задавался целью использовать этот митрополичий летописец 1456 г., видимо, после 1456 г. уже не пополнявшийся. С другой стороны был привлечен московский великокняжеский свод, который, как теперь выходит, имел продолжение и после Летописца великого русского 1389 г., в свое время использованного общерусским митрополичьим сводом 1408 г.

Таким образом, первая часть Московского великокняжеского свода 1472 г. дает нам первое указание на то, что в задачу сводчика входило желание сомкнуть с одной стороны московское великокняжеское летописание, а с другой стороны митрополичий летописец, оборвавшийся на редакции 1456 г.

Вторая часть Московского великокняжеского свода 1472 г. окончательно подкрепляет это наше предположение.

Она начинается с 6928 (1420) г., который читается непосредственно за первую часть, т. е. за известиями 6926 (1418) г. Последнее известие этого года, как и в древней редакции Софийской I, сообщает нам о московском пожаре 18 августа. Таким образом между первой и второй частями свода 1472 г. мы наблюдаем двухлетний перерыв. Перерыв этот при сличении первой и второй редакции Софийской I совершенно понятен: древняя редакция Софийской I обрывается на 6926 г. (на известии о московском пожаре 18 августа) совсем, а младшая, относя известия этого 6926 г. со следующим своим известием о рати царевича Барака к Одоеву — к 6930 г., оставляет 1419, 1420 и 1421 гг. пустыми. Но при предположении, что сводчик 1472 г. имел в своих руках сверх этих двух редакций Софийской I также и московское великокняжеское летописание в форме продолжения Летописца великого русского редакции 1389 года, приходится думать, что это московское великокняжеское летописание имело небогатое содержание и даже прямо — пустые года.

Вторая часть свода 1472 г. от 1420 г. и до конца может быть понята нами, как беспримесная комбинация двух источников, использованных в первой части как дополнительные: с одной стороны, это известный нам митрополичий свод редакции 1456 г., с другой стороны, — московское великокняжеское летописание, доведенное до 1472 г. включительно. Сравнительная простота состава дает нам возможность, исключив из второй части свода 1472 г. все заимствования из митрополичьего свода редакции 1456 г., — получить представление о том московском великокняжеском летописании, которое, оторванное теперь от митрополичьего, жило самостоятельно за все время от Летописца великого русского редакции 1389 г. до 1472 г. включительно.

В виду исключительного интереса, какой в этих условиях понимания данного источника может представить знакомство со второй частью Московского великокняжеского свода 1472 г., и в виду того печального обстоятельства, что мы располагаем его текстом, напечатанным в XVIII т. П.С.Р.Л., только в пределах от 1425 г. до 1472 г., тогда как вторая часть интересующего нас свода охватывает также и время от 1420 г. до 1425 г., позволяем себе коротко ознакомить читателя с недостающими для проверки дальнейшего анализа этой второй части свода 1472 г. пятью годами.

6928 (1420) год содержит текст двух известий (о море и снеге), тождественный с текстом этого года по списку Царского Софийской I.

6929 (1421) год, как и в списке Царского, — в своде 1472 г. не записан.

6930 (1422) год излагает известия, как и список Царского: о голоде в Русской земле, о цене на хлеб в разных местах — Москве, Костроме и Нижнем и о походе Ягайло и Витовта к Марьину городу. Следующих затем в списке Царского известий этого года о смерти Анастасии и пожаре 18 августа в Москве — в своде 1472 г. мы не находим. Объясняется это тем, что имея их под этим годом в младшей редакции Софийской I, т. е. в митрополичьем своде редакции 1456 г., сводчик 1472 г. их опустил, поверив датировке этих событий по древней редакции Софийской I, относившей эти известия к 1418 г., под которым мы их в своде 1472 г. и читаем.

6931 (1423) год имеет первым известием: «глад был силен в Русской земе: з голоду умроша, по путем лежаще», что, конечно, есть свободное изложение того же известия о голоде митрополичьего свода редакции 1456 г., т. е. младшей редакции Софийской I. Второе известие свода 1472 г. под этим же годом совершенно сходствует с первым известием этого же года в списке Царского — о приходе царевича Барака ратью к Одоеву. Оно любопытно, потому что сообщает известие, имеющееся и в младшей редакции Софийской I, но там отнесенное

к 6930 г. и изложенное несколько иначе. Сводчик 1472 г. здесь не пошел за датой и изложением митрополичьего свода редакции 1456 г., а очевидно, дал год и текст по московскому Летописцу великих князей, откуда имеем и некоторую военную подробность этого дела и имена отличившихся здесь лиц.

Наконец, 6932 (1424) год тождествен в своем единственном известии со списком Царского.

Сличая текст второй части Московского великокняжеского свода 1472 г. с митрополичьим сводом редакции 1456 г., обнаруживаем, что сводчик 1472 г. держался преимущественно своего великокняжеского источника, извлекая данные митрополичьего свода редакции 1456 г. с сокращениями.

Так, под 6931 г., как мы только что указали, известие о голоде передано сводчиком 1472 г. короче и без молитвенного заключения, какое читается в митрополичьем своде редакции 1456 г.; под 6933 г. совсем опущено известие о смерти ростовской княгини, читающееся в своде 1456 г. с точною датой; под 6935 г. опущена датировка сводом 1456 г. дня смерти князя Петра; под 6940 г. опущена датировка дня смерти князя Андрея; под 6942 г. не указан ни день смерти, ни место погребения князя Юрия, имеющиеся в своде 1456 г., как и опущено титулование Юрия великим князем; под 6956 г. пропущено указание на совпадение благовещения с понедельником «святой» недели; под 6959 г. нет известия о смерти Анастасии тверской; под 6963 г. опущено перечисление лиц, венчавших в Твери великого князя Ивана Васильевича.

§ 2. ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕДАКЦИИ 1426 г.

Анализ Московского великокняжеского свода 1472 г. дает нам представление, довольно неясное для времени до 1420 г. и уже более отчетливое в пределах 1420—1472 гг., об истории московского великокняжеского летописания XV в.

В дальнейшем, из анализа Московского великокняжеского свода 1472 г., этого второго этапа слияния великокняжеского и митрополичьего летописания XV в., мы вынесем более ясное впечатление о ходе великокняжеского летописания за время от Летописца великого русского редакции 1389 г. и до 1425 г., но оно даст нам лишь более надежное подкрепление к уже выше выставленному положению, извлеченному из анализа свода 1472 г., о том, что великокняжеское летописание конца XIV и начала XV вв. продолжало примыкать к известному нам Летописцу великому русскому 1389 г.

Нам известно из указания сводчика 1408 г., работавшего над составлением общерусского митрополичьего свода и положившего в основу своей работы Летописец великий русский, что Летописец этот доведен был тогда до «князя нынешнего», что для известия 1392 г. свода 1408 г. ведет ко времени княжения Василия Дмитриевича. Отсюда мы и заключали о существовании редакции Летописца великого русского 1389 г., равно как и об установившейся практике составления подобных редакций Летописца великого русского до «князей нынешних», т. е. сразу после вступления на московский и владимирский престол новых носителей великокняжеского звания.

Представляется вероятным думать, что и после смерти великого князя Василия Дмитриевича был составлен подобный Летописец, кончавшийся известием о смерти этого великого князя: «В лето 6933, месяца февраля в 27 день, в третий час ночи преставился благоверный и христоробивый великий князь Василий Дмитриевич».

Главным к тому основанием считаю прямое указание Летописца, которое в первоначальном своем виде, думаю, читается следующим образом: [6940—1432 г.] «князь великий по отечеству и по дедству искаше

стола своего [это говорится о Василии Васильевиче], князь же Юрьи летописци старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитриа». Автор хочет сказать, что князь Юрий повез к хану не новый список «Летописца», а старые его списки или, как мы говорим, более древние редакции этого Летописца.

Итак, князь Юрий представил хану известный нам летописный свод, великокняжеский по своему характеру, весьма устойчивый по своему составу на всем протяжении XIV в. (отсюда известная нам близость текстов Лаврентьевской к летописи Троицкой до 1306 г.).

Князь Юрий представил хану «старые списки» этого великокняжеского Летописца, т. е. древнюю его редакцию. Какую же? Конечно, князь Юрий непременно должен был представить хану Летописец великий русский редакции 1389 г. Ведь Юрию было необходимо доказать, что тот порядок, в защиту которого он выступал, был и действовал до самого последнего времени. Отсюда получает большое значение для нас, что летописатель назвал представленный Юрием летописец «старыми списки». Это значит, что для времени 1433 г. Летописец великий русский редакции 1389 г. был старым списком, т. е. существовал Летописец великий русский нового списка, новой редакции. Такою новою редакциею Летописца могла быть только редакция 1426 г., доведившая свое изложение до «князя нынешнего», т. е. до великого князя Василия Васильевича.

Вторым доказательством существования редакции 1426 г. Летописца великого русского может служить особый характер его известий, как он передается нам в последующих, его поглощавших, новых редакциях. Ни известная уже нам редакция 1472 г., ни последующая, еще предстоящая нашему изучению, редакция 1479 г., наконец, ни дальнейшие редакции XVI в. (список Царского или Воскресенская летопись) не могут скрыть от нас того весьма печального факта, что количество записей Летописца великого русского за время от 1390 до 1425 г., как они отражаются в этих последующих сводах, не могут быть отмечены обилием или размерами, хотя точностью своей датировки и названием лиц свидетельствуют о своевременности и непрерывности их записывания в Москве.

Значит, представляется несомненным упадок великокняжеского летописного дела за то время, когда митрополичья кафедра успела создать подряд два общерусских летописных свода—1408 и 1418 гг. и вызывать даже интерес к делу летописания вообще, о чем можно судить по известным нам обработкам митрополичьих сводов в Ростове и Твери.

§ 3. ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕДАКЦИИ 1463 г.

Если справедливо наше предположение о том, что после Летописца великого русского редакции 1389 г. в Москве самостоятельно, т. е. без поддержки митрополичьей кафедры, была создана при дворе великого князя в 1426 г. новая редакция Летописца, доведившая свое изложение до вступления на стол «нынешнего» князя, т. е. Василия Васильевича, то нам теперь надлежит обратиться к изучению дальнейшего текста Московского свода 1472 г., чтобы в нем постараться отыскать литературные следы по истории дальнейшего нарастания материала этого памятника после этапа, нами только что установленного как 1425 г.

Надлежит, разумеется, прежде всего иметь в виду, что текст, подлежащий нашему изучению, носит на себе следы переработки, относящейся к моменту составления Московского великокняжеского свода 1472 г. Рука сводчика 1472 г., столь ясно сказавшаяся на сокращении известий митрополичьего свода 1456 г. при включении их в текст московского великокняжеского Летописца, не оставила без обработки и выросшего после 1425 г. материала Летописца великого русского.

Так, под 6939 (1431) г. в своде 1472 г. находится известие о смерти митрополита Фотия, записанное своевременно, судя по точной дате этого известия, в котором, между прочим, указано и место погребения митрополита: «и положен бысть в церкви пречистыя богородица на Москве на десной стране». К известию этому читается добавка, поясняющая, что нужно разуметь под этим местом погребения: «иде же бе гроб Киприана митрополита». В такой форме добавка эта, как справедливо указал А. А. Шахматов, не могла быть сделана в то время, когда «гроб Киприана митрополита» находился еще на своем первоначальном месте в этой же церкви. В апреле 1472 г. была заложена новая каменная успенская церковь, и когда стены этой церкви были возведены «с человека в высоту», 29 мая, были вынесены из разобранный старой церкви «раки» митрополитов Киприана, Фотия и Ионы. Следовательно только после 29 мая 1472 г. можно было исправить следствие в известии 1431 г., поставив там «бе» («иде же бе гроб Киприана»). Это неопровержимо доказывает, что рука сводчика 1472 г. прошла по материалу Летописца в интересующей нас сейчас части после 1425 года.

Имея это в виду при изучении 1426—1472 гг. нашего свода 1472 г., мы обращаем внимание на то, что материал сам на всем своем протяжении оставляет перед читателем двойное впечатление. То идут несомненно своевременно составляемые записи событий, в большинстве случаев размеров небольших, скорее кратких, иногда просто поражающие несоразмерностью этой краткости с важностью событий. Например: запись 6939 (1431) г. о смерти митрополита Фотия, где только указано было, как подробность, место его погребения; или запись 6960 г.: «Того же лета маиа 29 взят бысть Царьград от безбожных турок, от Мустафы Муратовича»; или, наконец, казалось бы такое близко касающееся событие, как (под 6961 г.): «априля 9, выгоре град Москва, кремль весь». То изложение этих кратких известий вдруг прерывается большими, иногда замечательно живо написанными статьями.

Эти значительные статьи (под 6933 г. о посредничестве Фотия между Василием Васильевичем и его дядею Юрием; обе статьи 6934 г. и 6936 г. о походах Витовта; статья 6940 г. о споре Василия Васильевича с Юрием Дмитриевичем пред ханом и т. д.) — в большинстве случаев явно написаны значительно позднее событий с тою уже оценкою, которая отделяет составление записи от описываемого события не одним, а многими годами. Так, под 6941 г. автор в рассказ о вызове Юрием, задумавшим сесть на великое княжение, своих сыновей — Василия и Дмитрия — из Москвы, ввел ту подробность, что тогда на Москве справлялась свадьба великого князя Василия (об ней под тем же годом, выше этого рассказа, имеется отдельная запись), на которой великая княгиня — вдова, т. е. мать жениха, сняла с князя Василия, пировавшего с братом Дмитрием на этой свадьбе, «пояс золот на чепех с камением», — «и с того князь Василей и князь Дмитрий раззлюбившеся, побегоша с Москвы к отцу в Галичь». Автор так пояснил читателю введение в рассказ этого эпизода с поясом: «Се же пишем того ради, понеже много зла от того сотворися». Разумеется, это могло быть записано уже после длительных лет борьбы Василия с Юрием и его детьми за великое княжение.

Эти позднейшие описания становятся совершенно ясными, когда мы обратим внимание на то, что все записи об этой борьбе Василия и Юрия, с известия 6933 (1425) г., явно обличают в их авторе пристрастие к великому князю и исполненное пренебрежения порицание его соперников, Юрия с сыновьями, которых автор, например, упорно зовёт — просто князьями даже в те времена, когда они и на деле, и формально были великими князьями на Москве; напротив, Василия Васильевича автор титурует всегда великим князем, и в пору его успехов, и в пору неудач в борьбе за великое княжение.

Итак, наблюдения наши ведут нас к тому, что ряд статей в материале свода 1472 г. на пространстве 1425—1472 гг. занесен не современно описываемым в них событиям, а позднее. Это относится главным образом к статьям значительных размеров.

Однако, вывод в такой форме требует известной поправки.

Дело в том, что именно в этих статьях, написанных после и значительно позже тех или иных событий, когда события эти так или иначе завершились и к ним установилась известная точка зрения (например, Василий Васильевич восторжествовал над своими соперниками, а с ним — новый порядок престолонаследия над старым; или: флорентийская уния была отвергнута в Москве, и с падением Царяграда Москва определила свою церковную политику, как резко-враждебную униатству, что дает автору 6945 (1437) г. смелость уверять, что великий князь противился поездке Исидора во Флоренцию, т. ч. Исидор будто бы «не послушав великого князя поиде к Риму») — именно в этих статьях мы находим такие точные хронологические даты, которых просто невозможно было ни придумать, ни припомнить. В самом деле в 6939 (1431) г. говорится, что великий князь отправился в путь, в Орду, в успеньев день, после обедни и молебна, «а стол у него был на его лузе, противу Симанова под перевеснем», а князь Юрий отправился в Орду позднее, 8 сентября, «быв у литургии у пречистые на Сторожех»; под 6941 г. указано, что княземский бой Василия с Юрием был «в субботу канон мироносиць, апреля 25»; под 6942 (1434) г. упомянуто, что Юрий осадил Москву на страстной в среду и взял Москву ровно чрез неделю — в среду на «святой»; под 6943 (1435) г. указана дата битвы на Которосли — 6 января; под 6945 (1437) г. встречаем дату прибытия Исидора на Москву. — вторник на «святой»; под 6949 г. занимательный рассказ о необычайных похоронах князя Дмитрия Юрьевича пересыпан точными датами (22 сентября; воскресенье 18 сентября; четверг 22 сентября; 14 октября); под 6953 (1445) г. упомянута дата прибытия великого князя на Москву: «в пяток великий вечер»; под тем же годом рассказ о «побиоци» под Суздаlem построен на точной хронологической сети: петрово заговенье; 6 июля, вторник; среда 7 июля; под 6954 г. указано, что Василия отпустили из плена 1 октября, в Москву он прибыл 17 ноября; Шемяка Москву взял изгоном 12 февраля, в субботу, в 9 часов ночи; арест великого князя в Троицком монастыре был на следующий день, в воскресенье; в понедельник, 14 февраля арестованный Василий был привезен в Москву, где он в среду «на ночь» был ослеплен; Иона привез детей Василия Шемяке в Переяславль 6 мая; под 6955 г. назван день взятия Москвы сторонниками Василия: «в ноци прстиву Рождества христова»; сам Василий приезжает в Москву в пяток 17 февраля сырный; под 6957 г. указано, что Шемяка пытался взять Кострому «на велик день»; под 6958 г. точно указано, что Василий пришел под Галич 27 января; в Москву вернулся на масляной; под 6959 г. опять даны точные даты: татары пришли под Москву в пяток 2 октября в 1 час дня, и т. д.

Отсюда нам следует непременно заключить, что статьи больших размеров, составленные значительно позже описываемых в них событий, в основе своей имели записи современные, м. б. краткие, но с точными датами. Когда-то позже к этим современным составленным записям пришла другая рука, которая из этих скромных материалов на основе живых еще припоминаний и рассказов участников составила теперь читаемые большие статьи. В существе, конечно, и быть не могло иначе, потому что эти большие статьи, окруженные точными по датировке, но краткими летописными заметками, как каменные дома среди деревянных изб, красноречиво говорят о том, что когда-то и на их местах стояли скромные первоначальные записи, на фундаменте которых и были возведены позднее эти большие литературные постройки.

Перед нами встает вопрос: кто же возвел эти сооружения на месте прежних простых и кратких записей? Было ли это делом сводчика 1472 г., руку которого на материалах этих годов мы видели выше, или этой было делом предшествующего сводчика, по работе которого уже позже прошла рука сводчика 1472 г.? Иными словами, можно ли предполагать, кроме накопления летописного материала от 1425 до 1472 гг., когда материал этот был так или иначе обработан, существование между 1425 и 1472 гг. промежуточного свода, который позднее, с наросшими к нему записями до 1472 г., был в 1472 г. подвергнут уже новой обработке?

Мне представляется совершенно неизбежным принять, что между 1425 и 1472 гг. была произведена работа редактора, был составлен летописный свод, предшественник свода 1472 г., но только в смысле простой редакции Летописца великого русского, а не в том широком слиянии митрополичьего свода 1456 г. с материалами великокняжеского Летописца, какое было предпринято сводчиком 1472 г.

Неизбежность вывода, что после 1426 г., но до 1472 г. была составлена новая редакция Летописца великого русского, вытекает из того, что трудно представить себе, с одной стороны, возможность в 1472 г., когда уже скончался великий князь Василий, воскресить все подробности перипетий его борьбы с Юрьем и детьми Юрия, потому что многие подробности, иногда ненужные и просто излишние, обличают самых близких свидетелей, если не память самого великого князя Василия; с другой стороны, представить себе, чтобы Василий Васильевич не озаботился описанием многомятежных событий своего княжения еще при жизни свсей, когда он, одолевший, спокойно доживал свои дни, опираясь на руку сына и располагая в условиях вечного мрака только воспоминаниями и образами прошлого.

Действительно, рассказы, вставленные на место прежних записей о тех или иных событиях, говорят об участии в их составлении великого князя Василия, желавшего, видимо, благодарно отметить некоторых лиц, едва ли кроме него кому-либо памятных и любопытных. Так, по ходу рассказа совсем нет нужды сообщать читателю, что великого князя, застигнутого по собственной его беспечности в Троицком монастыре агентами Дмитрия Шемяки и успевшего спастись от них в церкви, впустил в эту церковь «пономарь, именем Никифор, инок», или что при захвате Москвы сторонниками Василия случился тот эпизод, что «княжа Иванова наместника Василиа Чешиху, бежаща из града на кони, изнимал истобничичко великие княгини, Ростопчею зовут, и приведе его к воеводам».

Можно утверждать, что рассказы эти составлены были после 1453 г., когда «напрасная» смерть Шемяки в Новгороде положила ту грань покоя, с которой рассказчик мог оценивать и пронесшиеся грозой события, и лиц, участвовавших в этих событиях. Представляется вероятным думать, что рассказы эти составлены даже после 6969 (1461) года, т. е. после смерти митрополита Ионы. Участие Ионы в борьбе Василия с Шемякою выразилось в том, что по поручению Шемяки, севшего на Москве, Иона ездил в Муром, откуда привез Шемяке сыновей плененного Василия. При описании этого эпизода в Иону брошен краткий, но язвительный упрек «князь же Дмитрей... призва к себе епископа рязанского Иону на Москву и, пришедшу ему, обеща ему митрополью, и начат глаголати ему». Вероятнее думать, что упрек этот можно было сделать прежде всего по смерти Ионы.

Итак, рассказы, интересующие нас сейчас, составлены после 1453 г., может быть даже после 31 марта 1461 г., но до 27 марта 1462 г., когда скончался великий князь Василий.

Нельзя не отметить, что описание предсмертной болезни князя, его смерти и вступления на престол «по его благословению» старейшего

сына Ивана представляет как бы последнее большое описание в ряде с предыдущими, после которого опять наблюдаются краткие записи, иногда с загадочным лаконизмом (ср. под 6973 г.: «септемвриа 13 Феодосий митрополит, оставив митрополию, сниде в монастырь к Михайлову чуду»). Нельзя ли из этого заключить, что перед нами след окончания новой, после 1426 г., редакции Летописца великого русского, доведенной по старой традиции до «князя нынешняго», т. е. законченной в 1462 г.¹ Составление ее шло, как было обычно, путем ежегодных записей, но после 1453 г. или даже 1461 г. материал от 1426 г. был подвергнут переработке, т. е. распространению, придавшему некоторым известиям характер больших и весьма живо написанных рассказов.

§ 4. СВЕТСКАЯ РУКА СОСТАВИТЕЛЯ ЛЕТОПИСЦА ВЕЛИКОГО РУССКОГО 1463 г.

Не столько по своевременно-составляемым записям этой предполагаемой нами редакции Летописца великого русского 1462 г., сколько по дополнителю введенным в него рассказам — можно сказать, что составитель был лицом придворным у великого князя, не имевшим никаких интересов ко двору и деятельности митрополита и не обнаруживающим перед нами какого-либо интереса к церкви.

В задачу составителя входила, видимо, только одна забота: отметить все существенное и важное с точки зрения великокняжеской политики. Дела церковные и деятельность митрополита упоминаются кратко и сухо, если не имеют отношения к великому князю. Если под 1425 г. даны подробности о Фотии и даже приведена его острота над Юрием, то все это только потому, что имело отношение к делам великого князя; о смерти же Фотия нет ни подробностей, ни некрологической заметки; об Ионе даны подробности под 6954 г., но дело шло о детях великого князя и отчасти о судьбе этого последнего; о смерти же Ионы (6969 г.) и даже выше (под 6957 г.) — об его поставлении на митрополию — сказано без всяких подробностей; впрочем, о похоронах Ионы дана одна подробность, весьма характерная для пояснения нашей мысли: «князю же великому не сущю тогда на Москве, но Владимири бяше, зарати бо ся тогда с царем Казанским».

Насбсрот, составитель с большим вниманием останавливается на описании военных событий. Он дает технические подробности, интересные и доступные бывалому в военном деле лицу, он щедро дает имена участников походов, приводит списки убитых (ср. под 6946 г.). Светский человек сказался, конечно, и в той подробности, что, хотя великий князь и пожелал пред смертью постричься, «не даша ему воли».

Г Л А В А X

ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1472 г.

Просматривая состав известий Московского свода 1472 г. в части от 1462 до 1472 гг., на первый взгляд кажется, что нетрудно уловить в этой части весь ход работы сводчика 1472 г. Церковные события, как это было и в Летописце великом русском редакции 1463 г., не привлекают внимания составителя и не заслуживают значительного описания. Наоборот, военные события этого времени — главное содержание значительных по размеру его статей. Однако, эти военные статьи оказываются по своим размерам незначительными, если мы их сравним с описанием похода Ивана на Новгород в 1471 г.

¹ В «Заметках о Никоновской летописи» Н. Ф. Лавров пришел к выводу, что между 1553—1555 гг. был составлен «Летописец начала царства (Ивана IV)», автор которого имел в руках летопись, оканчивавшуюся описанием смерти Василия III. Таким образом имеем указание, что и до середины XVI в. сохранялся обычай доводить летописец московских государей до «князя нынешнего».

Огромность этой статьи, совершенно особое внимание, обращенное ко всему делу столкновения великого князя с Новгородом, точность в описании постановки конфликта, точность и мелочная подробность результата, как и всех перипетий замирения, — делают эту статью центральным моментом всей летописной работы. Вчитываясь в это изложение, осмысляя эту приподнятость описания, кажется, можно сказать с уверенностью, что в росте исторической роли Москвы события 1471 г. были истолкованы летописателем как существеннейший сдвиг: московский великий князь впервые принял на себя формальную обязанность охранителя веры, борца с католичеством, грозившим через митрополитианата Григория, уже обладавшего литовскими епархиями бывшей митрополии всея Руси, отторгнуть от этой, теперь московской митрополии новгородскую епархию. Победа над Новгородом, признавшим себя частью московской митрополии, оценивалась как великий момент роста политической власти московского государя: «А князь великий Иван Васильевич, Володимерский и Новгородский и всеа Руси самодержецъ, възвратися оттуду к Москве с победою великою месяца августа в 13».

Естественно предположить, что в Москве эту победу над Новгородом пожелали отразить в ходе обычного записывания событий из года в год (которое велось и при этом великом князе, что ясно из точной датировки известий всех предыдущих годов) совершенно особым образом, т. е. чрез составление общерусского свода.

Мы знаем, как была выполнена эта работа. Кроме Летописца великого русского редакции 1463 г. и общерусской митрополичьей летописи в редакции 1456 г. (т. е. младшей редакции Софийской I) составитель свода 1472 г. привлек древнюю редакцию Софийской I в том дефектном ее протографе, который нам известен по спискам Карамзина и Оболенского. Эта древняя дефектная редакция кладется в основу, частью подвергаясь сокращению, но главным образом пополняется и по митрополичьему своду редакции 1456 г. (т. е. младшей редакции Софийской I), и по Летописцу великому русскому редакции 1463 г. После 1418 г., на котором обрывалась дефектная древняя редакция Софийской I, в распоряжении сводчика 1472 оставались уже только два источника: митрополичий свод редакции 1456 г. и Летописец великий русский редакции 1463 г. Мы уже знаем, что первый из этих источников привлекался без особого внимания: состав известий его сокращался, сокращались и самые статьи известий. С 1457 г. сводчик 1472 г. оставался уже с одним источником в руках: он просто переписывал текст Летописца великого русского редакции 1463 г., кое-где лишь оставляя след своей обработки, едва ли, впрочем, значительной. С 1463 г. сводчик 1472 г. стал переписывать те погодные материалы, которые накопились путем ежегодных приписок с 1463 г. Дойдя до статьи 1471 г. сводчик решил здесь дать большой и подробный рассказ, который бы оставил в читателе необходимое сознание важности пережитого исторического события.

Но здесь невольно возникают сомнения в правильности такого построения хода работы сводчика 1472 г.

Конечно, статья о новгородском походе могла быть написана вскоре после самого события, но все же не сряду за событием. Достаточно прочесть весь этот рассказ, чтобы признать, что перед летописателем был материал разносторонний и уже взвешенный общею оценкою: тут и эпизод военного характера на Двине, тут и подробное описание новгородских волнений на вече с определениями партий и их точек зрения, тут и любопытная интродукция в виде описания «чудесных знамений», происшедших в Новгороде накануне похода («яко же слышахом от тамо сущих жителей»), которые вызывают летописателя на оговорку, что подобные «знамения» всегда записывались в летописание.

По случаю благополучного окончания всего дела великий князь «обещая поставити на Москве церковь святого апостола Акилу, а воеводы, князь Данило и Федор, другую церковь Въскресение». Эти обетные церкви были деревянные. В описании пожара 1476 г. упомянуто: «да два застенка архааггельских деревяных розметаша: Въскресение да Акилу святого». Постройка этих обетных церквей, примыкавших к стене каменной архангельской, потребовала, конечно, известного времени. Между тем рассказ о новгородском походе в своде 1472 г. был написан в то время, когда одна из этих церквей была выстроена, а другая еще не окончена (при упоминании обета великого князя построить церковь Акилы в своде 1472 г. прибавлено: «еже и бысть»).

Итак, оказывается, что описание новгородского похода составлено после события с таким значительным промежутком, что летописатель мог не только собрать разнообразный материал, но и указать на окончание постройки одной из обетных церквей.

Не этим ли обстоятельством нужно объяснить, что сводчик 1472 г. не окончил своей работы известием о победном вступлении в Москву великого князя, которое было подогнано к 1 сентября (новому году) 6980 (1472 г.), а продолжил описание этого года разными другими известиями вплоть до повеления митрополита Филиппа готовить камень для сооружения новой каменной церкви Успения в Москве? То-есть, трудясь над новгородским описанием, сводчик 1472 г. после его окончания решил присоединить накопившиеся тем временем летописные записи?

Но такое предположение сейчас же падает, п. ч. последнее известие о заготовке камней относится к концу октября (до 8 ноября, во всяком случае) того же 1471 г., в сентябре которого вошел в Москву великий князь. Невероятно, чтобы за эти два месяца летописатель смог собрать материал о новгородском походе и соорудить из него рассказ, а строители — церковь Акилы. Тогда почему же, если рассказ составлен позднее конца октября 1471 г., сводчик 1472 г. не дал в своем своде тех известий, которыми он мог располагать от конца октября 1471 г. до времени окончания своего труда? Недоумение наше возрастает еще больше, когда мы углубимся в содержание известия от 10 сентября 1471 (по летописному 1472) г., т. е. известия, читавшегося на предпоследнем месте в нашем своде 1472 г. Из Венеции пришел от папы к великому князю послом Антон Фрязин. Он привез послам великого князя «листы», чтобы ехать до Рима за невестою великого князя. Оказывается, с Антоном прибыл послом от «дюкы Венецейсаго» Иван Тривизан, чтобы просить великого князя «проводить» себя до «царя Ахмута Болшие Орды». Тривизан, прибыв в Москву, обратился прежде всего к своему земляку Ивану Фрязину, который жил на Москве в должности «денежника» великого князя. Иван Фрязин, узнав, что Тривизан еще не являлся к великому князю, предложил ему помимо князя «допроводить» его до царя: зачем бить об этом челом великому князю, да подавать ему за то великие подарки! Тривизан согласился на это, и был представлен великому князю, как племянник Ивана Фрязина, приехавший по своим делам «да и гостьюю». Описание этого сговора оканчивается словами: «да то у великого князя утаили». Ясно, что весь рассказ написан после обнаружения этого сговора. Когда же это случилось? В своде 1479 г. мы узнаем, что этот сговор обнаружился в начале ноября следующего года.

Итак, мы имеем прямое указание, что сводчик работал не ранее ноября 6981 (по нашему счету 1472) г., но почему-то прервал свое изложение на конце октября предыдущего года (6980) на незначительном известии о заготовке камней для постройки новой Успенской церкви.

Разгадать действительный замысел и ход работы составителя рассмотренного нами свода 1472 г. поможет нам, как увидим ниже, ана-

лиз известий 1472—1479 гг. в скоро последовавшем втором Московском великокняжеском своде 1479 г.

В заключение позволительно остановиться на одной, весьма симптоматической черте Московского свода 1472 г. Взяв в основу своей первой части дефектную древнюю редакцию Софийской I, составитель свода 1472 г. подверг новгородскую часть известий этой редакции известной переработке. Она сказалась не столько в опущении некоторых, в большинстве случаев ничтожных, новгородских известий, сколько в тенденциозной выправке многих этих записей. Так, под 6690 г. в Софийской I читается: «тогда же на зиму путь показаша новгородци князю Володимеру», а в своде 1472 г.: «тогда же на зиму ту выйде из Новгорода князь Володимер»; под 6695 г. в Софийской I: «выгнаша новгородци князя Мьстислава», — а в своде 1472 г.: «выеде князь Мстислав Давыдович из Новгорода», и т. д.

Эта упорная московская точка зрения, не желающая признавать даже былые права новгородцев на изгнание князей, довольно последовательно проведенная составителем свода 1472 г., получает смысл особого возбуждения и московской запальчивости под впечатлением остропережитых событий 1471 г., и сводчик 1479 г, имевший в руках этот свод 1472 г., везде опять восстановил по своим дополнительным источникам первоначальное чтение всех этих испорченных мест. Но перед нами первая попытка переработки известий прошлого во вкусе современного политического умонастроения, за которую вскоре начнется уже безоговорочное искажение прошлого, поскольку летописи утрачивают теперь свой былой смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования.

ГЛАВА XI

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1479 г.

§ 1. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Еще в 1904 г. А. А. Шахматов, изучая сборник б. Московского архива иностр. дел № 20—25,¹ в котором на лл. 1—620 читается «Летописец», названный в свое время Н. М. Карамзиным Ростовскою летописью, определил состав этого «Летописца» как соединение летописных сводов: с одной стороны, здесь слит Московский свод 1479 г., а с другой стороны — Новгородский свод, доводящий свое изложение до 1539 г. (Последний свод от начала до 1448 г. передает нам текст Новгородской IV, а в пределах 1448—1539 гг. — новгородскую обработку московского свода XVI в.)

Наблюдение это было подтверждено привлечением рукописи Публичной Библиотеки F IV № 238, где оказался тот самый новгородский свод, который лежит, как слагаемое, в составе Ростовской летописи. Свод этот А. А. Шахматов назвал по имени бывшего владельца рукописи — сводом Дубровского.

Позднее основной вывод А. А. Шахматова, что при извлечении из Ростовской летописи текста свода Дубровского мы можем получить Московский свод 1479 г., — подтвердился привлечением к изучению еще одного летописного свода из рукописного собрания той же библиотеки т. н. Эрмитажного № 416 б. (XVIII в.). Этот поздний и в общем весьма неисправный список драгоценен тем, что дал нам в отдельном виде второе слагаемое Ростовской летописи — Московский свод 1479 г. Правда, последняя статья Эрмитажного «О походе великого князя на Новгород ратию» прерывается на неоконченной фразе («и князь великий поволлил им, и на третий день у себя велел быти им...»), — за

¹ Шахматов А. А. «О так называемой Ростовской летописи». Москва. 1904 г. Е го же: «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Глава XXI.

которую идет незаписанная бумага, т. е. свидетельствует нам, что протограф Эрмитажного был с утратою последних листов и вообще в дефектном виде (ср. с этим утрату начала рукописи, с которой делалась эта копия XVIII в.), почему нельзя указать, до каких годов доходило изложение протографа Эрмитажного до его дефектности. Однако тождественность этого свода с тем московским сводом, который получается при извлечении из Ростовской летописи новгородского свода XVI в. (или Дубровского), и тожество на всем протяжении, дает нам право думать, что протограф Эрмитажного в свое время доходил до описания того же 1479 г., каким заканчивается Московский свод, находящийся в составе Ростовской летописи.

§ 2. ИСТОЧНИКИ СВОДА 1479 г.

Изучение взаимоотношений Московских сводов 1472 и 1479 гг. должно преодолевать большие затруднения, потому что мы не располагаем печатными изданиями списков, передающих нам эти московские летописные своды конца XV в. Ростовскую летопись в части до 1479 г. А. А. Шахматов дал в виде разночтений с Воскресенской, а с 1479 г. в полном тексте в своем, названном нами, исследовании о Ростовской летописи. В издании Археографической Комиссии XVIII т. П. С. Р. Л. текст Ростовской летописи дан в виде вариантов к тексту Симеоновской на пространстве 1410—1479 гг. В издании Воскресенской летописи Ростовская в свое время б. Археографической комиссией привлекалась в вариантах, но, к сожалению, весьма несистематически, и издание это не имеет значения для изучения текста Ростовской.

И все же Ростовская летопись оказывается в лучшем положении, чем свод 1479 г. Текст этого свода дан XVIII т. П. С. Р. Л. только в пределах 1423—1472 гг., и нужно, конечно, высказать пожелание о скорейшем издании как полного текста Ростовской летописи, так и Эрмитажного списка и списка Дубровского — для возможности изучения текста свода 1479 г. в более благоприятных условиях, чем ныне, равно как и всех списков Московского свода 1472 г., о которых мы подробно говорили в X главе.

Сличение текстов сводов 1472 и 1479 гг. прежде всего дает нам два важных наблюдения: 1) составитель свода 1479 г. вовсе не ограничился простою прибавкою к тексту предшествующего свода материала 1473—1479 гг., а предпринял большую летописную переработку всего текста свода 1472 г., и 2) свод 1472 г. был главным источником свода 1479 г. на всем протяжении его работы до 1472 г. включительно.

С 1425 и по 1472 гг. тексты обоих наших московских сводов сходятся между собою, причем обнаруживаем на материале свода 1472 г. следы работы сводчика 1479 г.

Так, под 6938 г. в своде 1472 г. сообщалось, что «князь великий Василий Васильевич и Фотей митрополит были в Троцех у Витовта», который при разезде гостей удержал на 11 дней митрополита; когда Фотий поехал на Москву, то он в Новгороде литовском получил известие о смерти Витовта, случившейся через три дня после отъезда митрополита, «а князь великий тогда еще в Вязьме». Сводчик 1479 г. решил опустить из этой статьи всякое упоминание о великом князе. Под 6955 г. сводчик 1472 г. в рассказе о смирении Василия перед торжествующим Дмитрием Шемякою, приведя образец покаянной речи великого князя, прибавляет: «сия же и ина многа изглагола, им же несть числа и исписати не могу», сводчик 1479 г. сгладил эту фразу в безличное: «исписати не мощно». В той же статье имеем еще две поправки: истопничишко великой княгини в своде 1472 г. определен так: «Ростопчею зовут», в своде 1479 г. поправлено: «Ростопчею звали»; дата прихода на Москву победителя великого князя в своде 1472 г. читалась, как 17 фев-

раля, в пяток сырной (т. е. масляной) недели, а в своде 1479 г. сырная неделя поправлена на соборную, т. е. первую неделю поста, и нек. др.

Разумеется сходство наших сводов 1472 и 1479 гг. на пространстве 1425—1472 гг. может нас вести лишь к заключению о пользовании со стороны сводчиков общим источником, и недостаточно еще для заключения о пользовании сводчиком 1479 г. самым сводом 1472 г. Уверенность в пользовании сводчиком 1479 г. самым сводом 1472 г. мы получаем при рассмотрении предшествующих 1425 году статей свода 1479 г.

В основание свода 1479 г. с самого начала положена Софийская I летопись. Так, до 1074 г. тексты этих сводов почти тождественны между собою. После 1074 г., хотя Софийская I представляет собою сильное сокращение общерусской летописи, а у сводчика 1479 г., как сейчас увидим, было в распоряжении несколько сводов, могущих представить текст за это время более полный, сводчик 1479 г. руководится в своей основе Софийской I на всем пространстве XI и XII вв. (ср. статьи 6630, 31, 41, 42, 44, и т. д.), причем количество статей, общих московскому своду 1479 г. и Софийской I для последующего XIII в. положительно возрастает (6724, 31, 48, 50 и т. д.). При определении той редакции, к которой мы могли бы отнести эту использованную сводчиком 1479 г. Софийскую I летопись, мы встречаемся с тем затруднением, что ряд чтений несомненно восходит к редакции древней (К. О.), в младшей даже просто отсутствующих (напр., под 6875 и др.), тогда как другой ряд чтений ведет к этой именно младшей редакции и невозможен для редакции древней (ср. 6737, 6742, 6745 и др.).

Отсюда мы в праве вывести, что сводчик 1479 г. пользовался и первую и вторую редакциями Софийской I, что вполне объяснимо, т. к. предшествующий свод 1472 г. содержал, как мы уже помним, в древней своей части митрополичий свод редакции 1456 г. (т. е. младшую редакцию Софийской I) и древнюю редакцию Софийской I. Одинаковость использования обеих редакций Софийской I летописи и в своде 1472, и в своде 1479 г. — дает нам твердое основание заключить, что на всем пространстве своей работы сводчик 1479 г. пользовался сводом 1472 г. Действительно, ведь заимствование материала 1425—1472 гг. из свода 1472 г. в своде 1479 г. мы видели выше, а заимствования из Софийской I идут по крайней мере до 1418 г. (причем последний след младшей редакции относится к 1401 г.).

Нам уже известно, что в Московском великокняжеском своде 1472 г. до грани 1418 г. использованы были сводчиком три источника: митрополичий свод ред. 1456 г., Летописец великий русский редакции 1463 г. и древняя редакция Софийской I. Годы от 1420 и до 1456 гг. представляют в нем комбинацию уже только двух источников: митрополичьего свода 1456 г. и Летописца великого русского редакции 1463 г.

Сравнивая материал 1420—1424 гг. свода 1472 г. с этим же материалом свода 1479 г., находим, что свод 1479 г. дает здесь ряд известий, восходящих к Новгородской IV: под 1420 г. о прибытии в Литву из Венгрии Швидригаило и о мире новгородцев с немцами; под 1421 г. о новгородском наводнении, о прибытии в Москву из Новгорода князя Константина, о смерти новгородского Симеона и поставлении Феодосия.

Но на ряду с этим находим известия, которых сводчик 1479 г. из Новгородской IV летописи взять не мог, т. е. пользовался для их извлечения еще каким-то дополнительным источником. К числу этих известий, не имеющих в Новгородской IV, относятся: под 1421 г. о возвращении из Литвы князя Ярослава, о море и голоде, о посещении Анастасией в Москве своего отца и о женитьбе тверского Юрия; под 1422 г. — о поездке Софии к Витовту. Высказываем предположение, что другим дополнительным источником, обнаруженным для нас свод-

чиком на пространстве 1420—1424 гг., был какой-то московский свод.

Предположение об использовании сводчиком 1479 г. Новгородской IV решительно подтверждается при анализе статей до 1420 г., где под 1414, 1412, 1410 и т. д. можно легко указать чтения Новгородской IV. Использование это идет и в материалах XIV в. (ср. 6817, 73, 74, 75 и т. д.) и даже XIII в. (6715 г.). Но после известия 1423 г. соответствий нашего свода 1479 г. с Новгородскою IV мы не наблюдаем.

Итак, сводчик 1479 г. пользовался Новгородской IV летописью, которая или обрывалась или пользование которой он оборвал на 1423 г. Чтения этой летописи в некоторых случаях были отчасти полнее наших редакций Новгородской IV (например, в известии 6884 г. о Волхове), отчасти сближали эту редакцию Новгородской IV с Новгородскою I (тот же 6884 г. и подробности 6927 г. и мн. др.).

Теперь обращаемся к выяснению того второго обнаруженного нами дополнительного источника сводчика 1479 г., который мы определили как московскую летопись. Московский свод 1472 г. соединял здесь, т. е. в изложении 1420—1424 гг., две московские летописи: митрополичий свод в редакции 1456 г. и Летописец великий русский в редакции 1463 г. Между тем у сводчика 1479 г. здесь оказываются вышеперечисленные нами известия московские, которых свод 1472 г. не приводит. Какая же в Москве могла вестись третья летопись, давшая сводчику 1479 г. его лишние московские известия?

Само собою, в высокой степени подозрительно существование на Москве третьей летописи, сверх великокняжеской и митрополичьей, потому что трудно придумать такой центр, в интересы которого входило бы отмечать и возвращение из Литвы князя Ярослава, и посещение Москвы княгиней Анастасией, и женитьбу тверского князя, и поездку великой княгини к Витовту. Сверх того, рассмотрение дошедших до нас списков разных по времени и по составу летописных сводов до сих пор не позволяло нам предполагать ведения летописания частным почином, вне зависимости от княжеского двора или епископской кафедры, и м. б. только новгородское летописание XV в. могло бы дать материал для подобного рода предположений, да и то только в смысле обработки частными лицами общерусского митрополичьего свода 1448 г. по владычному новгородскому своду разных его изводов.

Обращаясь к анализу нашего свода 1479 г. с целью обнаружения и других следов московского летописания, которых нет в своде 1472 г., мы находим, что начиная с XIV в. идет ряд таких известий: 6828 г. (1320) — отмечает кончину князя Бориса Даниловича; 6834 г. указывает день рождения Ивана, сына Калиты, подробно излагает закладку на Москве первой каменной церкви, кончину митрополита Петра; 6835 г. отмечает освящение Успенской церкви на Москве; 6836 г. — женитьбу ростовского Константина на дочери Калиты; 6837 г. — указывает на постройку двух каменных церквей и т. д. Но все эти известия знакомы нам по Троицкой (Симеоновской) летописи. Поскольку Троицкая, т. е. свод 1408 г., положила в свою основу Летописец великий русский редакции 1389 г., и поскольку Летописец этот в своей древнейшей части примыкал к великокняжескому летописанию XIII и началу XIV вв. (т. е. давал текст Лаврентьевской), постольку мы в праве возводить именно к этому источнику известия нашего свода 1479 г., тождественные с Лаврентьевскою. Таких известий для XII в. не мало: 6633, 34, 35, 36, 38, 39 и т. д. За эту цепью годов, идущею вплоть до 6685 (1177 г.), идет почти сплошное заимствование для 6685—6703 гг. и 6707—6709 гг.; затем опять идет заимствование по годам: 6710, 11, 12, 13 и т. д. Но уже статья 6715 г. содержит несколько известий, которых нет ни в Лаврентьевской, ни в Троицкой (Симеоновской). Однако, их не могли содержать и другие, указанные нами, источники нашего свода 1479 г., т. е. ни Новгородская IV, ни обе редакции Софийской I.

Другими словами, перед нами совершенно необычайные известия, которых не знают дошедшие до нас древние своды. Так, в 1207 г. после слов: «Князь же великий повеле изнимати их и бояр их и вести в Володимер», в своде 1479 г. читаем продолжение: «а оттоле посла и в Петров». Там же между словами: «Во утрии же сам перебродися Оку и поиде к Проньску» — и: «слышав же то кюр Михайло Всеволодичь» — идет вставка слов: «со сынами своими, и Володимеричи Глеб и Олег с ними Давыд Муромский, а лодьи свои отпустиша на остров ко Олегову со всем товаром»; далее, после слов: «князь же великий пришед к Проньску» опять читаем вставку: «и оступи город весь полкы своими и стоя около его две недели. Слышавше же Рязанци, яко людье суздальсти и новгородци стоят с товаром на острове у города Олгова, и нарядиша на них лодьи с людьми со многыми, а сами пойдоша на них бегом со князем Романом Игоревичем» и т. д.

Не подлежит сомнению, что наши розыски следов пользования сводчиком 1479 г. московскою летописью привели нас к возможности думать, что сверх свода 1472 г. сводчик 1479 г. привлек к своей работе Летописец великий русский (в редакции 1463 г. или более ранней), где в начале шел текст, тождественный с Лаврентьевскою (к нему относятся статьи XII в., которых нет в своде 1472 г.); затем текст, почти тождественный с Троицкой (Симеоновской) летописью (к нему мы относим в известия XIV в. нашего свода 1479 г. ряд известий, тождественных Троицкой, но в своде 1472 г. не читавшихся), а затем текст княжеской летописи, для 1409—1425 гг., в чистом виде нигде еще до нас не сохранившийся. С 1425 г. тождество текстов сводов 1472 и 1479 гг. не возбуждает сомнения в том, что в пределах этих годов сводчик 1472 г. уже полностью взял текст Летописца великого русского.

Итак, остается с неизбежностью выводить, что разночтения сводов 1472 и 1479 гг. в пределах 1421—1424 гг. объясняются тем, что сводчик 1472 г. почему-то здесь опустил ряд московских известий Летописца великого русского, которыми пополнил свою работу сводчик 1479 г., очевидно, привлечший, сверх свода 1472 г., и самый Летописец великий русский. Поскольку сводчик 1472 г. плохо, как мы знаем, пользовался Летописцем великим русским и для своей древнейшей части (до 1418 г.), упорно держась изложения древней дефектной редакции Софийской I, постольку вообще нет ничего удивительного в том, что и в пределах 1420—1424 гг. он привлек текст Летописца великого русского с известною выборкою. А сводчик 1479 г. гораздо выше ценя текст Летописца для времени до 1425 г., систематически пополнил текст 1472 г. опущенными из Летописца известиями.

Итак, сводчик 1479 г. располагал для своей работы следующими источниками: сводом 1472 г.; какою-то редакциею Новгородской IV летописи, более близкою к Новгородской I, чем обычные списки (заимствования из этого источника прекращаются на 1423 г.); Летописцем великим русским неизвестной нам ближе редакции, т. к. разночтения из него со сводом 1472 г. в нашем своде не переходят 1424 г.; наконец, какою-то суздальскою летописью, отличающеюся своим изложением от привычных нам известий XII в.

Обращаясь к рассмотрению этого необычного суздальского свода, послужившего одним из источников нашего свода 1479 г., мы к нему относим ряд известий и чтений, которых нет в Лаврентьевской (а, следовательно, не было и в Летописце великом русском), нет ни в Софийской I, ни в Новгородской IV.

Таких известий, кроме указанных выше подробностей 6715 (1207) г., можно привести несколько, чаще всего как добавочных к известиям Лаврентьевской (под 6716, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 25, 26, 27 и т. д.). Особенно важно здесь известие 6721 г. (1213), которое повторяет изло-

женное выше известие о поставлении епископа Симона, т. е. этим дается нам знать, что в руках сводчика 1479 г. были два изложения одного и того же известия или два источника об одном и том же поставлении, из которых один тождествен с Троицкой летописью (т. е. Летописцем великим русским), а другой — нами теперь определяемый свод. Наличие влияния этого второго суздальского источника может быть прослежена нами до 6742 г. (1234). Однако, уже с 6771 (1263) г. мы опять находим известия, которых нет ни в Лаврентьевской, ни в Симеоновской (т. е. в Троицкой): так, в известии о рождении у князя Глеба сына приведено имя его — Демьян; под 6794 (1286) г. находим известие о кончине владимирского епископа Федора, чего нет в других источниках свода 1479 г.

Последнее известие читается теперь в Московском академическом списке, который напечатан в издании Лаврентьевской летописи: сначала в вариантах к тексту, а затем — отдельно, т. к. сходство его с текстом Лаврентьевской на 1206 г. прекращается.

Сходство известия 6794 (1286) г. свода 1479 г. с Московским академическим списком — не случайно. Уже в известии 6796 г. мы опять находим подобное, и в дальнейшем количество известий, читающихся в своде 1479 г. и совпадающих с известиями Московского академического списка, при отсутствии этих известий в других источниках 1479 г., все растет. Мы находим их под 6798, 802, 803, 805, 812, 836, 838 и 897 гг.

Что же представляет собою Московский академический список? От его начала до 6714 (1206) г. в нем видим текст, настолько близкий Радзивилловскому списку, что можно говорить об общем для них протографе или Радзивилловской летописи. С 6713 (1205) г. и до 6745 (1237) г. в Московском академическом списке идет текст, тождественный тексту древней редакции Софийской I. С 6745 (1237) г. и до 6927 (1418) г. включительно идет опять текст иного летописного свода, резко отличающийся от текстов предшествующих частей своею необычайною краткостью. Но несмотря на эту краткость текста можно легко сделать два наблюдения: 1) перед нами сокращенное изложение ростовского свода; 2) этот ростовский свод в своей основе содержит общерусскую летопись. Эта общерусская летопись доходила до известий 1415—1418 гг. включительно. Но изложением общерусских событий 1418 г. оканчивается второй общерусский митрополичий свод 1418 г. или Полихрон. Рассмотрение состава общерусских известий Московского академического списка в пределах 1237—1418 гг. с точки зрения возможности их отнесения к Полихрону 1418 г., т. е. сличение их с русскими известиями Хронографа древней редакции, ростовским владычным сводом по Ермолинской и Уваровскому списку, где отразился Полихрон 1418 г. без обработки по Софийскому временнику, — что имело место уже в своде 1448 г., — подтверждает это положение.

Итак, третья часть Московского академического списка (т. е. в пределах 1237—1418 гг.) может быть определена, как сокращение ростовского свода, обработавшего по своим ростовским источникам общерусский свод 1418 г. Мы уже говорили выше, что епископ Григорий ростовский подверг такой именно обработке первый митрополичий свод 1408 г.; обработка второго митрополичьего свода по ростовским материалам должна быть отнесена ко времени епископства Ефрема.

Сходство искомого нами суздальского источника свода 1479 г. с текстом Московского академического списка просигируется на третью только часть этого списка, т. е. как раз на ростовскую обработку общерусского свода 1418 г. здесь отраженную. Но, конечно, к этой же ростовской владычной летописи нужно отнести и те сведения Московского свода 1479 г., которые [начиная с известия 1207 (6715) г.] мы не могли отнести ни к одной из известных нам летописных работ.

Нам уже приходилось говорить, что ростовская кафедра при обработке общерусских митрополичьих сводов не ограничивалась пополнением их состава ростовскими записями, но и привлекала какую-то особую комбинацию ростовского и владимирского летописных сводов XIII в., которая, в противоположность нам теперь обычной (через Лаврентьевскую летопись) комбинации ростовского летописца с пополнением по владимирскому великокняжескому своду Юрия, клала в основу именно этот Юрьев свод, только пополняя его по ростовскому своду. Так обработал первый общерусский митрополичий свод 1408 г. епископ ростовский Григорий; очевидно, так же обработал второй общерусский митрополичий свод 1418 г. епископ Ефрем.

Таким образом, состав источников свода 1479 г. надо увеличить указанием на ростовскую владычную летопись времени епископа Ефрема.

На протяжении XII в. мы находим в составе 1479 г. ряд известий, общих ему с Ипатьевской летописью: в статьях 6655, 659, 667, 674 и др. годов мы находим то же расположение известий северных и южных, тот же или весьма тождественный текст, что и в Ипатьевской. Такое наблюдение едва ли может вызвать наше недоумение. Прямые указания на «киевский» источник мы еще видели в протографе обеих редакций Софийской I, и при изучении заимствований Софийской I из этого «киевского» источника без труда обнаружили в нем Ипатьевскую летопись, текст которой был более исправлен, чем тексты наших списков Ипатьевского и Хлебниковского, в общем дефектных. Значит, сводчик 1479 г. опять привлек к летописной работе сверх своих сводов XV в. этот древний летописный свод, и, благодаря этому, мы теперь можем по Московскому своду 1479 г. исправлять дефекты Ипатьевского и Хлебниковского списков (например, пополнить пробелы под 6654, 65, 67 и 68 гг.). Последним извлечением из Ипатьевской летописи в Московском своде 1479 г. надо признать значительные статьи 6704 (1196) г., что вполне соответствует первой части Ипатьевской, представляющей нам здесь киевский свод 1200 г.

§ 3. РАБОТА СВОДЧИКА 1479 г.

Предыдущее изучение источников московского великокняжеского свода 1479 г. дает нам основание представить себе работу сводчика в следующем виде.

Задумав дать новый свод, т. е., очевидно, неудовлетворенный работой сводчика 1472 г., составитель свода 1479 г. в основу своего труда все же положил свод своего предшественника. Неудовлетворительность свода 1472 г. в глазах сводчика 1479 г., видимо, заключалась в недостаточном использовании Летописца великого русского в части до 1425 г. Первым источником свода 1479 г. после материала свода 1472 г., по количеству заимствований, надо назвать именно Летописец великий русский (или редакции 1426 или 1463 г.). Более ничтожные извлечения сделаны сводчиком 1479 г. из особой против нам известных редакции Новгородской IV летописи, Ростовского владычного свода епископа Ефрема и, наконец, Ипатьевской летописи.

Материал московского свода 1472 г. в части от 1425 г. до 1472 г. остался в своде 1479 г. без значительных изменений и, можно говорить уверенно, без пополнений.

С 1472 по 1479 г. сводчик 1479 г. дал нам накопленный им за эти годы летописный материал. Изучение текста так называемой Ростовской летописи в пределах тех же 1472—1479 гг. и сличение этих годов Ростовской с соответствующими годами Симеоновской и Воскресенской, представляющих нам дальнейшие этапы московского летописания, привело А. А. Шахматова к выводу, что сводчик 1479 г. дал в при-

писке к своду 1472 г. весь накопленный летописный материал за эти годы, из которого составитель Симеоновской опустил затем восемь, а составитель Воскресенской уже до двадцати известий. Это наблюдение чрезвычайно важно для нас потому, что дает уверенность в том, что в своде 1479 г. мы найдем весь материал своевременных записей от 1472 по 1479 гг., т. е. можем судить о ходе и размерах этого погодного записывания.

Невозможно, конечно, сомневаться, что изложение 1472—1479 гг. в нашем своде 1479 г. представляет собою именно своевременное записывание. Даты событий не только называют числа месяца и дни недели, но сплошь и рядом помнят ход того или другого события по часам. Внимание летописателя этих годов и любовь его к обстоятельной точности и в мелочах — дает нам здесь много драгоценных подробностей московской правительственной и церковной жизни. Описание таких событий, как постройка новой Успенской церкви со всеми перипетиями (летописатель отмечает, например, ту здесь подробность, что «а в 17 мистр венечейский Аристотель начат разбивати церкви... и разби того дни два столпа, да и передние двери и стены передние разби много»); поход Ивана на Новгород и все детали военного характера, все этапы переговоров, связанных с этим событием, и многое другое — свидетельствуют пред нами об особом значении, которое теперь получает летописание при дворе московского великого князя.

Летописатель заботится прежде всего о точности передачи; он редко прибегает к сообщению со слов, чаще располагает подлинными документами. Под 6980 г. (1472) мы имеем, несомненно, точный пересказ донесения, полученного в Москве 26 июня от воеводы князя Федора Пестрого из Перми, что он «землю Пермскую взял». Так, под этим же годом, как в двух местах под 6981 г., соответственно изложению, здесь расположенному по месяцам, мы находим точный дневник путешествия Ивана Фрязина за царевною Софьей в Рим, как и весь маршрут возвращения Фрязина с Софьей в Москву. Несомненно, что при описании хода новгородских переговоров летописатель приводит подлинные челобитья и представления новгородцев Ивану.

Вкус самого летописателя к занятию историческими предметами выражается в самых тщательных справках, которые он вычисляет по всякому поводу. Приступают к закладке новой Успенской церкви, а летописатель уже подсчитал, что старая стояла 146 лет без трех месяцев; переносят из старой церкви, предназначенной к разрушению, гробы митрополитов и князя Юрия Даниловича, а летописатель уже отмечает, что от смерти Киприана прошло 65 лет и 9 месяцев без 18 дней, от смерти Фотия — 41 год без 34 дней, от смерти Ионы — 11 лет и 2 месяца, а от убиения князя Юрия 147 лет.

§ 4. НАЗНАЧЕНИЕ СВОДА 1479 г.

Задаваясь мыслью, какое событие наш летописатель 1479 г. признал за событие, заслуживающее лечь гранью в погодно-ведущемся летописании и послужить достойным поводом к составлению свода, мы сейчас же определяем, что за такое событие сводчик 1479 г. (т. е. правящий верх Москвы) принимал постройку нового Успенского собора.

Остаиваясь со всеми подробностями над описанием новгородского похода Ивана, летописатель, однако, другому событию — постройке новой Успенской церкви — придает решительный перевес в смысле исторической важности и оценки.

Первое событие, конечно, важное, но оно далеко уступает второму, событию «мирового» значения: ведь строится не просто новая каменная церковь, а воздвигается заместительница многовековой «соборной» церкви, царградской «Софии».

Описанием торжественного открытия этого нового центра вселенского христианства и заканчивается летописный свод 1479 г.

Чтобы понять то обстоятельство, что правящий верх Москвы в момент складывания централизованного государства выдвигает как руководящую весьма надуманную идею Москвы, как третьего Рима, идею позаимствованную и лишь приспособленную к текущему моменту, которая уже к середине XVII в. будет затруднять этот правящий верх и вызывать с его стороны попытки ее ликвидации, — для этого нужно припомнить, что сказано И. В. Сталиным о процессе образования национальностей на востоке Европы. Указав, что на Западе складывание людей в нации приурочивается к периоду ликвидации феодализма и победы капитализма, И. В. Сталин говорит: «На востоке Европы наоборот, процесс образования национальностей и ликвидация феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство.»¹

Вот почему Москва, как централизованное государство нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, выдвигает, как руководящую, позаимствованную идею третьего Рима.

Представляется вероятным думать, что составление свода 1472 г. находилось под влиянием той же мысли, что и свода 1479 г.

Осенью 1472 г. митрополит Филипп начал постройку новой Успенской церкви. В расчете на скорое ее окончание летописатель и начал работу над сводом, которая не могла быть окончена (как мы это уже отмечали в предыдущей главе) ранее конца нашего 1472 г. В январе 1473 г. страшный московский пожар, а затем смерть митрополита — сделали надежду на скорое окончание постройки призрачной. Действительно, в следующем, 1474 г. обгорелая церковь рушилась, а с этим надолго отодвинулась возможность окончания летописного свода в задуманном плане: на известии о неудачном начале постройки в 1472 г. новой московской церкви летописатель и оборвал свою работу.

Свод 1479 г. может быть характеризован, как новый приступ в летописном деле к особому рода согласованию настоящего с далеким прошлым. Правда, сводчик 1479 г. еще не решается вносить в изложение прошлых событий ту систематическую переработку во вкусе современных ему политических воззрений, которую так резко невыгодно отличаются последующие московские своды XVI в., как не знает еще он легенды о происхождении Рюрика от Августа или о регалиях Мономаха (ср. Воскресенскую летопись под 859 и 1113 гг.), но ряд тенденциозных искажений в материале древних сводов, источников свода 1479 г., мы указать можем.

Так, под 6847 (1339) г. составитель свода 1479 г. устранил указание на то, что Иван Калита содействовал убийству тверского князя Александра Михайловича, а в описании убийства опустил фразу: «приемша горкую нужную смерть за христианскую веру».

Под 6849 (1341) г., в описании мирного договора великого князя Семена с Новгородом, вместо фразы: «и докончаша мир по старым

¹ И. Сталин. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник избранных статей и речей. Парт. Изд. Москва, 1934 г., стр. 73.

грамотам и крест целова к ним», читаем: — «и дасть им мир по старым грамотам, и крест целовали».

Под 6906 г. (1398) переделка существеннее. Вместо двух известий: «ездиша на Москву к великому князю Василию Дмитриевичу послы новгородские — посадник Есиф Захариничь, тысяцкий Анания Константинович с челобитием от Новгорода, и взяша мир. Того же лета приеха в Новгород великого князя Василия Дмитриевича брат, князь Андрей», — сводчик 1479 г. дал одно известие: «того же лета ездиса на

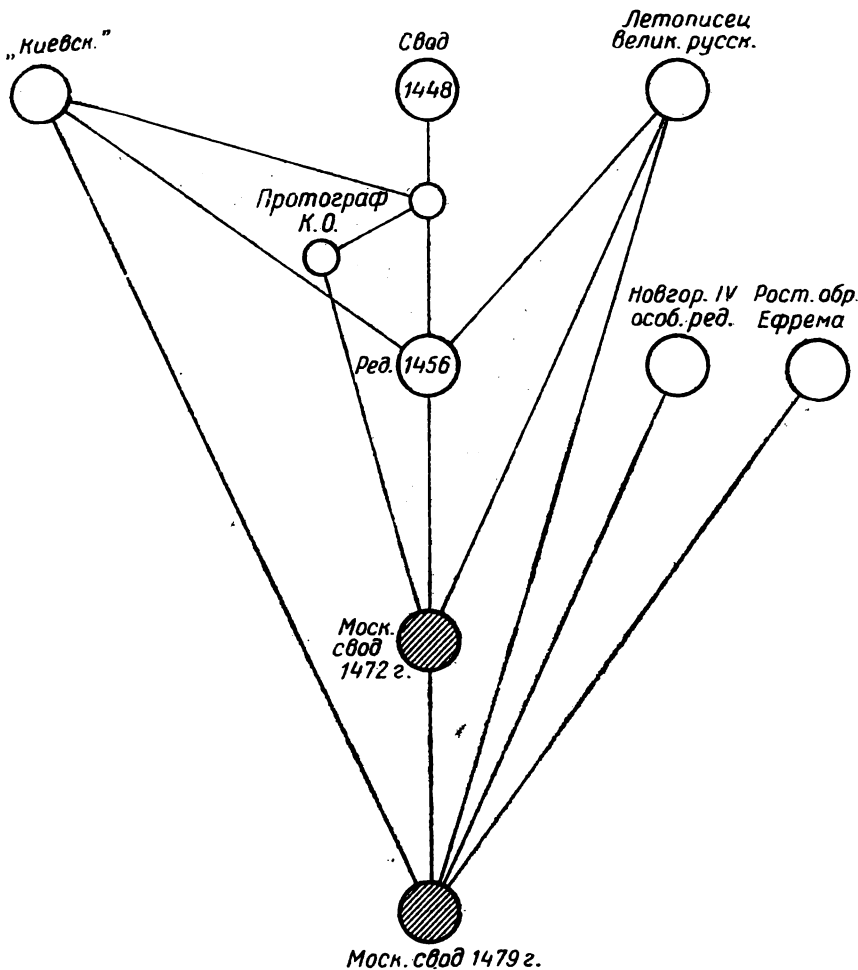

Рис. 6. Московские своды 1472 и 1479 г.

Москву к великому князю Василию Дмитриевичу новгородские послы — посадник Иосиф Захарьичь и тысяцкий Онания Костянтиновичь — с челобитием от Новгорода и с многими дары, и князь великий их пожаловал, мир взял, и дасть им князем великим, в свое место, брата своего меньшего князя Андрея.

Еще в митрополичьем своде редакции 1456 г. к известию 6879 (1371) г.: «Рязанцы же сурови суще человери, свирепи и высокоумни» было добавлено: «палаумные смерди». Это составитель свода 1479 г. сохранил, заменив «смерди» словом «людища».

Наконец, под 6679 (1171) г., в известии об изгнании новгородцами князя Романа, составитель свода 1479 г. добавил: «таков бо бе обычай окаянных смердов изменников».

На вопрос, возможно ли предположить, где теперь в Москве сосредоточена была эта летописная работа, которая и в лице сводчика 1472 г. и в лице сводчика 1479 г. свидетельствует пред нами о светской руке летописания, думаю, что мы с уверенностью можем указать на такой центр.

Падение Царяграда открыло перед Москвою горизонты самостоятельной внешней политики, и в Москве должно было сложиться учреждение, в компетенцию которого входили теперь все дела по внешним отношениям Московского государства. К этому учреждению, повидному, и было отнесено ведение летописания, которому по-старому еще придавалось значение документа международного значения. Такое предположение объясняет нам ту протокольную точность, с какою отмечаются в сводах 1472 и 1479 гг. происходившие переговоры с Новгородом, донесения о завоеваниях воевод, как и события, касающиеся деятельности и жизни приглашенных на службу в Москву иностранцев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ. (ПЕРВЫЕ КИЕВСКИЕ СВОДЫ И „ПОВЕСТЬ ВР. ЛЕТ“)	16
§ 1. Три редакции „Повести вр. лет“	16
§ 2. Наличие нескольких слоев в „Повести вр. лет“	17
§ 3. Восстановление текстов летописных памятников, предшествовавших и использованных „Повестью вр. лет“	21
§ 4. Древнейший свод 1037 г.	26
§ 5. Переводы греческих хроник	29
§ 6. Оригинальные и переводные исторические сочинения до 1037 г.	30
§ 7. Свод 1073 г. Никона	31
§ 8. Свод 1093 г. Ивана („Начальный Свод“)	34
§ 9. „Повесть временных лет“ Нестора	36
§ 10. Редакции „Повести вр. лет“ 1116 г. и 1118 г.	42
ГЛАВА II. ЮЖНО-РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XII и XIII вв.	44
§ 1. Источники для восстановления южно-русского летописания XII и XIII вв.	44
§ 2. Первый киевский великокняжеский свод 1200 г. и его источники	47
§ 3. Южно-русское летописание XII и XIII вв.	52
§ 4. Общерусский свод южной редакции начала XIV в. (Юрия Львовича)	55
ГЛАВА III. НАЧАЛО ЛЕТОПИСАНИЯ В РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОМ КРАЕ (XII—НАЧАЛО XIII ВВ.)	57
§ 1. Источники для его восстановления	57
§ 2. Первый Владимирский свод 1177 г. Его конструкция „русской истории“. Его источники	64
§ 3. Владимирский великокняжеский свод 1193 г.	78
§ 4. Владимирский великокняжеский свод 1212 г.	82
§ 5. Ростовский летописец Константина Всеволодовича и его сыновей. Владимирское летописание Юрия и Ярослава Всеволодовичей	87
ГЛАВА IV. ВРЕМЯ УПАДКА ВЛАДИМИРСКОГО ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ	96
§ 1. Великокняжеский свод 1263 г., составленный в Ростове	96
§ 2. Великокняжеский свод 1281 г., составленный в Переяславле	99
§ 3. Великокняжеский свод 1305 г., составленный в Твери	106
§ 4. Великокняжеские своды 1318 и 1327 г., составленные в Твери	110
ГЛАВА V. МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД XIV В. („ЛЕТОПИСЕЦ ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ“)	113
§ 1. Источники для его восстановления	113
§ 2. Московские великокняжеские своды XIV в., составленные при митрополичьей кафедре	122
ГЛАВА VI. ПЕРВЫЙ ОБЩЕ-РУССКИЙ МИТРОПОЛИЧИЙ СВОД 1408 г.	128
§ 1. Источники для его восстановления	128
§ 2. Источники свода 1408 г.	130
§ 3. Обработка источников в своде 1408 г.	135
§ 4. Неудача свода 1408 г., как попытки общерусского летописания	140
ГЛАВА VII. ФОТИЕВ ПОЛИХРОН 1418 г.	142
§ 1. Источники для его восстановления	142
§ 2. Работа сводчика 1418 г. над Полихроном	145
§ 3. Хронограф	147
ГЛАВА VIII. ПОСЛЕДНИЕ ЭТАПЫ МИТРОПОЛИЧЬЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ	149
§ 1. Митрополичий обще-русский свод 1448 г. и новгородское летописание XV в.	149

§ 2.	Митрополичий свод 1456 г.	151
§ 3.	Митрополичье летописание в 1419—1447 гг. (Западно-русские летописи)	155
§ 4.	Работа сводчика 1448 г.	158
§ 5.	Последний этап митрополичьего летописания. Свод 1456 г.	162
ГЛАВА IX.	МОСКОВСКОЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ПОСЛЕ 1389 г. („Летописец великий русский“ редакции 1426 и 1463 гг.)	164
§ 1.	Источники для восстановления истории московского великокняжеского летописания после 1389 г.	164
§ 2.	Летописец великий русский редакции 1426 г.	168
§ 3.	Летописец великий русский редакции 1463 г.	169
§ 4.	Светская рука составителя Летописца великого русского 1463 г.	173
ГЛАВА X.	ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1472 г.	173
ГЛАВА XI.	МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СВОД 1479 г.	176
§ 1.	Источники для его восстановления.	176
§ 2.	Источники свода 1479 г.	177
§ 3.	Работа сводчика 1479 г.	182
§ 4.	Назначение свода 1479 г.	183